

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

99

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

САМСОНОВ А. М. (главный редактор),
БЕСКРОВНЫЙ Л. Г., БОВЫКИН В. И.,
ГЕНКИНА Э. Б., ГОРОДЕЦКИЙ Е. Н., ДАНИЛОВ В. П.,
ДЕРЕНКОВСКИЙ Г. М., ЗИМИН А. А.,
ЗЫРЯНОВ П. Н. (ответственный секретарь), НОСОВ Н. Е.,
СОБОЛЕВ П. Н., ТЮТЮКИН С. В., ШАЦИЛЛО К. Ф.,
ЮХТ А. И. (зам. главного редактора)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

99

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

Том содержит статьи по истории рабочего класса в послевоенный период, истории кустарной промышленности и ремесла в начале XVIII в. В разделе историографии анализируется советская литература о великой битве под Москвой в 1941 г., о союзе рабочего класса и крестьянства в условиях развитого социализма. Публикуются также статьи по внешней политике России конца XIX — начала XX в., общественно-политической мысли и культуре XVI — XVII вв.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Е. Э. Бейлина

Рост рабочего класса СССР
в условиях развитого социализма
(По материалам всесоюзных переписей населения
1959 и 1970 гг.)

7

Ю. В. Мухачев

«Новая тактика» российской контрреволюции
и ее провал.
1920—1922 гг.

55

Л. Г. Бескровный

Производство вооружения и боеприпасов
для армии в России
в период империализма (1898—1917 гг.)

88

М. И. Гришина

Черноморские проливы
во внешней политике России
1904—1907 гг.

140

В. Н. Ратушняк

Товарно-капиталистическое производство
в сельском хозяйстве Кубани
в конце XIX — начале XX в.

183

А. И. Клибанов

Правда «земли»
и «царства» Ивана Пересветова

221

ИСТОРИОГРАФИЯ

А. М. Самсонов

Великая битва под Москвой
(К историографии проблемы)

246

В. Н. Земсков

Союз рабочего класса и крестьянства СССР
(Обзор литературы 1959—1976 гг.)

276

А. И. Юхт

Из истории изучения научного наследия
В. Н. Татищева
(С. Н. Валк о трудах Татищева)

297

СООБЩЕНИЯ

В. Я. Лаверычев

Крупная буржуазия
и продовольственный вопрос в 1917 г.

312

Д. Исмаил-Заде

Из истории переселения
русского крестьянства на Кавказ
в конце XIX — начале XX в.

322

В. Н. Пономарев

Свидание в Бальморале
и русско-английские отношения
90-х годов XIX в.

340

М. Я. Волков

Промышленность села Павлова
в начале XVIII в.

357

СТАТЬИ

РОСТ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

(По материалам всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.)

Е. Э. Бейлина

60-е годы вошли в историю советского общества как период, неразрывно связанный с упрочением зрелого социализма, с возрастанием ведущей роли рабочего класса, впервые ставшего большинством населения СССР. Начало этого периода было четко определено в решениях XXI—XXII съездов КПСС, в Программе партии, нацелившей советский народ на создание материально-технической базы коммунизма. Весной 1971 г., обобщая исторический опыт, накопленный за годы революционного преобразования страны, оценивая общий ход выполнения программных требований партии, XXIV съезд КПСС дал развернутую характеристику построенного в СССР развитого социалистического общества.

Большое внимание при этом было уделено анализу изменений в социальной структуре населения, освещению центрального вопроса данной проблемы — вопроса об авангардной роли рабочего класса во всех сферах материальной и духовной жизни советских людей. Особо отмечались такие факторы, как увеличение его численности, подъем образованности, культурно-технического уровня, действовавшие в условиях научно-технической революции и органически взаимоувязанные с ростом организованности рабочих, их политической и трудовой активности.

Понимая научную и практическую значимость осмысления этих процессов, советские обществоведы все более широко и интенсивно подходят к их исследованию. Ныне вслед за философами, социологами, экономистами¹, а подчас и одновременно с ними, разработкой указанных вопросов занимаются историки. Опубликованы статьи, брошюры, книги, авторами которых являются известные специалисты по истории рабочего класса СССР И. Е. Ворожейкин, В. А. Ежов, В. Е. Полетаев, С. Л. Сеньявский, положившие начало историографическому и конкретно-историческому освещению проблем, относящихся к рабочему классу как субъекту и объекту развитого социализма². Наметились и первые попытки показать, как увеличивалась численность рабочих в 60—70-е годы, менялась профессиональная структура кадров, повышался их культурный уровень, улучшались условия труда и быта. Мы имеем в

виду в первую очередь монографию Ю. Г. Чуланова, построенную на материалах Ленинграда, очерк С. П. Гусева о промышленных рабочих, статью С. В. Попова, касающуюся рабочей молодежи, а также статью Э. В. Клопова о сдвигах в профессиональной структуре рабочего класса. В самом общем виде интересующая нас проблематика получила освещение в коллективном труде «Рабочий класс. Краткий исторический очерк»³.

Положительно оценивая сделанное, нельзя не заметить, что такие коренные вопросы роста рабочего класса, как увеличение численности, изменения возрастной структуры, а также соотношения занятых мужчин и женщин, усиление образовательного потенциала рассматриваются все же недостаточно, особенно если учесть, какое значение они имеют в современной жизни.

XXV съезд КПСС с новой силой указал на авангардную роль рабочего класса в революционном преобразовании общества, в борьбе за интересы трудящихся, подлинные интересы нации⁴.

В этой связи еще большую актуальность приобретает конкретно-исторический анализ проблем, характеризующих современный советский рабочий класс, изменения в его численности и составе на этапе зрелого социализма. Решению указанной задачи подчинена и данная статья, в основу которой положены материалы всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. Обращение к названным источникам тем более правомерно, что первый из них дает представление о рабочем классе, каким он был в канун принятия новой Программы партии, когда XXI съезд в 1959 г. сформулировал вывод о полной и окончательной победе социализма в СССР, а перепись 1970 г. проводилась перед XXIV съездом партии, где, как уже отмечалось, впервые была дана развернутая характеристика развитого социализма.

Необходимо сказать и о другом. До сих пор историки советского рабочего класса в своих трудах оперируют чаще всего данными текущей статистики, систематически публикуемыми в ежегодниках ЦСУ о развитии народного хозяйства СССР⁵. По сравнению с ними переписи дают более обширную информацию, в том числе по ряду параметров, которые в ежегодниках не представлены. Переписи отличаются от ежегодников и тем, что содержат не среднегодовые цифры, а данные единовременного учета, к тому же развернутые по всем союзным и автономным республикам, краям, областям. Это, наконец, комплексный источник, открывающий широкие перспективы для научного сопоставления сведений об увеличении численности рабочего класса, половозрастной и отраслевой структуре, о повышении образовательного ценза.

Опыт, накопленный такими исследователями, как Ю. В. Арутюнян, В. П. Данилов, Л. М. Дробижева, изучавшими социальную структуру советской деревни, национальный состав населения, его культурный уровень, также свидетельствует о больших возможно-

стях использования материалов всесоюзных переписей населения как исторического источника, в том числе как источника по истории рабочего класса СССР периода развитого социализма⁶.

Прежде чем начать анализ материалов, характеризующих численный рост рабочего класса по итоговым данным всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг., сделаем необходимые пояснения, касающиеся содержания ряда понятий, принятых при проведении этих переписей.

В первую очередь надо сказать о том, кого по переписи относили к рабочим. Как и в предыдущих советских переписях, сюда вошли лица, занятые преимущественно физическим трудом на государственных и общественных предприятиях и в учреждениях, а также работающие по найму в кооперативных предприятиях и организациях, но не являющиеся членами колхозов.

Следует, однако, иметь в виду, что материалы переписи 1959 г. были опубликованы в 1962—1963 гг. К этому времени полностью завершился важный социальный процесс, связанный со слиянием государственной и кооперативной собственности в промышленности; соответственно члены артелей промысловой кооперации в массе своей перешли в ряды рабочего класса. И хотя реально в 1959 г., когда проводился опрос населения, они были еще кооперированными кустарями, при публикации итогов переписи их включили в общую численность рабочих. При разработке собранных материалов группа «кооперированные кустари» еще выделялась в отдельную графу, но в официально изданных материалах последняя уже не значилась⁷. Это обстоятельство не имеет в конечном счете большого значения для сопоставления данных о численности рабочего класса в 1959 и 1970 гг., но оно важно при изучении его состава.

Нужно также иметь в виду, что при разработке переписи 1970 г. был изменен перечень занятий физического и занятий умственного труда. В 1959 г. продавцы, парикмахеры, маникюрши и фотографы считались профессиями преимущественно умственного труда. В 1970 г. их отнесли к лицам физического труда. С другой стороны, заведующие колхозными фермами были включены в число лиц умственного труда (в отличие от переписи 1959 г.). Соответственно и все материалы переписи 1959 г., изданные в 1962—1963 гг., были вновь пересчитаны⁸.

На изменение численности рабочих повлиял, естественно, лишь переход первой названной группы, которая насчитывала в 1959 г. примерно 1,3 млн. человек⁹. На основе принципов разработки переписи 1970 г. были также скорректированы данные о количестве рабочих страны за период с 1913 г. Увеличение составило по сравнению с предшествующими публикациями для 1913 г. — 0,4 млн., 1928 г. — 0,2 млн., 1937 г. — 0,8 млн., 1960 г. — 1,5 млн., 1965 г. — 1,9 млн., 1970 г. — 2,3 млн.¹⁰

Пересчет материалов переписи 1959 г. коснулся не только численности рабочего класса в целом, но и его отдельных отрядов, численности городских и сельских рабочих, мужчин и женщин; отразились эти коррективы и на данных об удельном весе рабочего класса в занятом населении страны в 1959 г. (по публикации 1962 г.— 46,6 %, по публикации 1973 г.— 47,9 %) ¹¹. Поскольку среди продавцов, парикмахеров и фотографов преобладали женщины, в значительной части городские жительницы, изменения затронули прежде всего эти слои рабочего класса.

Изучая материалы переписи, необходимо также принимать во внимание, что при опросе население учитывалось по месту жительства (попутно заметим, что статистические ежегодники ведут учет трудящихся по месту работы). Поэтому все данные о численности и составе рабочего класса приведены с разбивкой на городское и сельское население. При этом общеупотребимая категория «сельские рабочие» (точнее было бы их называть рабочими, проживающими в сельской местности) не равнозначна понятию «сельскохозяйственные рабочие». Первая включала проживавших в сельской местности, независимо от того, работали они в городе или в деревне, в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте или в любой другой отрасли советской экономики. Вторая группа состояла исключительно из тех, кто трудился в сельском хозяйстве (хотя мог при этом проживать и в городе). ¹²

Сделанные пояснения необходимы, с нашей точки зрения, во-первых, потому, что характеризуют некоторые особенности используемых источников, а, во-вторых, избавляют нас от необходимости делать соответствующие оговорки по ходу изложения. С учетом сказанного и перейдем к освещению вопроса об увеличении численности рабочего класса в условиях зрелого социализма.

За 1959—1970 гг. рабочий класс СССР увеличился численно с 47 490 тыс. до 66 321 тыс. человек ¹³. Прирост составил 18 831 тыс., или 39 %. Каковы были источники этого роста? Перепись дает определенный материал для раскрытия этого вопроса, тесно связанного с характером динамики всего занятого населения страны.

За 11 лет, прошедших между двумя переписями, численность населения в трудоспособном возрасте поднялась на 9 %, а количество занятых — на 16 %. ¹⁴ Преимущественные темпы роста занятости по сравнению с увеличением населения в трудоспособном возрасте свидетельствуют о том, что подрастающая молодежь не была единственным источником пополнения рядов тружеников народного хозяйства страны. В 60-е годы произошло значительное вовлечение в общественное производство лиц, занятых в домашнем и личном подсобном сельском хозяйстве. Перепись 1970 г. показала, что за этот период данная категория уменьши-

лась на 12 млн. человек. В результате из 130,5 млн. человек в трудоспособном возрасте работающие в народном хозяйстве и учащиеся составили в 1970 г. 120,6 млн., или 92,4 %, против 82 % в 1959 г.¹⁵ Занятость населения в нашей стране достигла весьма высокого уровня.

При общем повышении числа занятых в стране обращает на себя внимание следующее: из 16 млн. прироста свыше 12 млн. пришлось на долю занятых преимущественно умственным трудом (увеличение на 62 % по сравнению с 1959 г.) и менее 4 млн. пополнили армию занятых трудом преимущественно физическим (рост на 5 %). Налицо большое различие между темпами увеличения численности рабочего класса (39 %) и занятых физическим трудом, где основную часть как раз и составляют рабочие. Это связано со значительным перераспределением трудовых ресурсов внутри этой группы: уменьшением числа колхозников и значительным ростом рабочего класса.

Приведенные данные касаются всего одиннадцатилетнего отрезка времени в целом, в то время как в рамках этого периода в отдельные годы проявлялись неодинаковые тенденции роста трудовых ресурсов. На рубеже 50—60-х годов к трудовому возрасту подошло поколение родившихся в период Великой Отечественной войны, когда рождаемость резко упала. Поэтому прирост ресурсов рабочей силы за счет молодежи был относительно небольшим. Число же рабочих и служащих значительно возросло, произошло особенно ошутимое втягивание в общественное производство ранее незанятого населения, которое и составило основную часть прироста.

Во второй половине 60-х годов Коммунистическая партия разработала и начала осуществлять новый курс экономической политики, рассчитанной на всемерную интенсификацию общественного производства и повышение его эффективности. Одним из путей достижения выдвинутой цели являлось более рациональное использование трудовых ресурсов. Абсолютные темпы прироста занятых в 1966—1970 гг. были ниже предшествовавшего пятилетия.¹⁶

Резерв ранее незанятого населения был в значительной мере исчерпан, хотя и не в равной мере по отдельным союзным республикам. Высокий уровень занятости трудоспособного населения был достигнут повсюду. Наименьший показатель при этом равнялся 84,6 % в Азербайджане, в Таджикистане — 86,8 %, в Грузии — 86,9 %, наивысший зафиксирован переписью 1970 г. в Молдавии и Эстонии (более 94 %) ¹⁷. С другой стороны, абсолютный естественный прирост трудоспособного населения в 1966—1970 гг. был примерно вдвое больше по сравнению с 1961—1965 гг.¹⁸ В результате роль различных факторов роста трудовых ресурсов претерпела некоторые изменения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Удельный вес различных источников обеспечения дополнительной потребности в трудовых ресурсах СССР (в %).*

Трудовые ресурсы	1961—1965 гг.	1966—1970 гг.
Естественный прирост населения в трудоспособном возрасте	29,1	57,4
Высвобождение трудовых ресурсов из колхозов	16,7	12,8
Вовлечение в общественное производство трудоспособного населения из домашнего и личного подсобного хозяйства	53,1	23,4
Увеличение численности работающих пенсионеров и подростков	1,1	6,4

* Костин Л. А., Костин С. Л. Всемерно повышать производительность труда. М., 1971, с. 13.

На первое место во второй половине 60-х годов выходит прирост населения в трудоспособном возрасте. Определенную роль продолжает играть высвобождение трудовых ресурсов из колхозов. Растет число привлеченных к труду пенсионеров. Значение же такого фактора, как вовлечение в общественное производство занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, резко снижается. В целом же за 11-летний период важными источниками роста трудовых ресурсов страны, в том числе и рядов рабочего класса, были первые три фактора, указанные в табл. 1, хотя их значение и удельный вес менялись в ходе 60-х годов.

Из всех общественных групп наибольший абсолютный прирост в 1959—1970 гг. обнаружил рабочий класс. Значительно расширился отряд служащих (особенно специалистов народного хозяйства), на 15 млн. человек сократилось число колхозников. Эти изменения нашли отражение в классовой структуре советского общества, в распределении занятого населения страны (табл. 2).

1959—1970 годы характеризуются не просто дальнейшим ростом удельного веса рабочего класса в населении и численности занятых в стране. В эти годы произошел важнейший качественный сдвиг в классовой структуре советского общества: рабочие (с их иждивенцами) превысили половину всего населения страны, а сам рабочий класс стал большинством занятого населения. В 1959 г. рабочий класс только еще подходил к этому рубежу, перепись же 1970 г. зафиксировала, что на долю рабочих приходится 56,7% населения и 57,6% всех занятых в народном хозяйстве СССР¹⁹.

Значительно поднялся удельный вес рабочих в составе занятого населения во всех союзных республиках (табл. 3)

В 1959 г. рабочие составляли большинство в четырех республиках: РСФСР, Казахстане, Латвии и Эстонии. В 1970 г. таких республик насчитывалось уже десять (прибавились Украина, Белоруссия, Литва, Азербайджан, Армения, Киргизия); в Грузии Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, где среди занятых было свыше 40% рабочих, они впервые стали самой большой общественной группой. И лишь в Молдавии, где доля рабочих за эти годы возросла в 2 раза (с 19,4 до 38,1%), колхозное крестьянство еще занимало преобладающее положение в структуре тружеников республики. Наибольшим удельным весом рабочих по-прежнему отличался Казахстан.

Т а б л и ц а 2

Распределение населения СССР по общественным группам *

Год	В % ко всему населению			В % к занятому населению		
	рабочие	служащие	колхозники	рабочие	служащие	колхозники
1959	49,5	18,8	31,4	47,9	18,5	33,3
1970	56,7	22,6	20,5	57,6	26,6	15,5

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V. М., 1973, с. 9, 27.

Т а б л и ц а 3

Удельный вес рабочих среди занятого населения по союзным республикам (в %) *

Республика	1959 г.	1970 г.	Республика	1959 г.	1970 г.
РСФСР	54,3	61,6	Молдавская ССР	19,4	38,1
Украинская ССР	39,5	51,8	Латвийская ССР	52,0	58,0
Белорусская ССР	33,2	54,0	Киргизская ССР	39,7	53,6
Узбекская ССР	39,2	45,7	Таджикская ССР	29,1	42,0
Казахская ССР	58,4	66,3	Армянская ССР	39,3	56,3
Грузинская ССР	31,7	45,5	Туркменская ССР	37,3	41,2
Азербайджанская ССР	34,4	51,5	Эстонская ССР	56,9	60,8
Литовская ССР	37,8	54,5			

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 26—33.

Примечательно и другое. В эти же годы рабочие численно обогнали колхозников и в составе сельского населения. В 1970 г. доля рабочих в занятом сельском населении поднялась до 46,1%, а доля колхозников по сравнению с 1959 г. снизилась с 60,8% до 39,3%. Рабочий класс стал самой значительной общественной группой не только в городе, но и в сельской местности.

Такое же положение сложилось к 1970 г. во многих союзных республиках. В 1959 г. колхозное крестьянство было преобладающей общественной группой в структуре сельского населения всех союзных республик, кроме Казахстана, где в связи с интенсивным совхозным строительством при освоении целинных земель удельный вес рабочего класса превысил долю крестьянства и приблизился к половине занятого населения, проживающего в сельской местности. Вслед за Казахстаном шли такие республики, как Эстония, РСФСР, Латвия (рабочие здесь составляли значительную часть тружеников деревни, но при численном преобладании крестьянства). В то же время в Молдавии рабочим были лишь каждый десятый работающий сельский житель. К 1970 г. картина изменилась. В РСФСР, Эстонии и Казахстане рабочие составили большинство сельского населения, в Белоруссии, Латвии, Армении и Киргизии они были самой многочисленной общественной группой²⁰. В остальных семи республиках колхозников насчитывалось в составе сельского населения больше, чем рабочих (хотя удельный вес рабочих за переписной период повсеместно вырос).

Главным ядром рабочего класса являются городские, прежде всего фабрично-заводские рабочие. Именно городские рабочие продемонстрировали в эти годы преимущественные темпы роста. В 1970 г. около 70% рабочих проживало в городе, что было выше, чем в 1959 г. Наибольшим удельным весом рабочих-горожан отличались такие союзные республики, как Туркмения, Эстония, РСФСР, Украина, Латвия. В остальных республиках этот показатель был ниже общесоюзного, причем в Казахстане, Молдавии, Киргизии и Узбекистане перевес города над селом был минимальным (в Казахстане в сельской местности проживало 45% рабочих, в Молдавии — 47%, в Киргизии и Узбекистане — 48%)²¹.

Динамику численности отрядов рабочего класса СССР можно проследить на основании материалов всесоюзных переписей населения по союзным республикам (табл. 4).

Ряды рабочего класса пополнились во всех союзных республиках. При этом особенно заметный подъем наблюдался в двух республиках — Молдавии и Армении, где прирост за 11 лет был больше всей численности рабочих кадров в 1959 г. (т. е. фактически увеличение в два с лишним раза). Еще в 10 республиках темпы роста рабочего класса были выше общесоюзных: во всей Средней Азии и Казахстане, Грузии, Азербайджане, Белоруссии, Ук-

Таблица 4

Рост численности рабочих союзных республик в 1959—1970 гг. *

Республика	1970 г. к 1959 г. (в %)	Удельный вес в численности рабочего класса СССР (100%)		Республика	1970 г. к 1959 г. (в %)	Удельный вес в численности рабочего класса СССР (100%)	
		1959 г.	1970 г.			1959 г.	1970 г.
РСФСР	134,5	64,31	60,16	Молдавская ССР	236,4	0,63	1,03
Украинская ССР	151,1	17,29	18,18	Латвийская ССР	133,8	1,18	1,10
Белорусская ССР	172,6	2,91	3,50	Киргизская ССР	186,2	0,70	0,91
Узбекская ССР	155,9	2,70	2,92	Таджикская ССР	180,6	0,51	0,64
Казахская ССР	171,3	4,60	5,49	Армянская ССР	208,0	0,57	0,83
Грузинская ССР	171,2	1,21	1,44	Туркменская ССР	150,9	0,47	0,50
Азербайджанская ССР	181,7	1,10	1,38	Эстонская ССР	129,3	0,74	0,66
Литовская ССР	167,0	1,08	1,26				

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том), с. 95; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 26—33.

раине и Литве. В отдельную группу можно выделить РСФСР, Латвию и Эстонию, где этот показатель оказался ниже среднего по стране (хотя абсолютный прирост был значительным, по РСФСР — примерно 10 млн. человек).

Различные темпы прироста привели к некоторому изменению удельного веса каждого региона в общей численности рабочего класса: доля РСФСР, Эстонии, Латвии несколько снизилась, доля остальных республик поднялась. Но и в 1970 г. в Российской Федерации было сосредоточено свыше 60% всех рабочих страны. Большой абсолютный прирост был на Украине, это крупнейший после РСФСР отряд рабочего класса, его удельный вес за 11 лет вырос. Как и в 1959 г., вслед за Украиной шел Казахстан, на его долю приходилось 5,5% рабочих СССР, что превышало соответствующий показатель всех среднеазиатских республик, вместе взятых. 3% общей численности дала Прибалтика (причем Литва за эти годы опередила Латвию, которая ранее стояла в Прибалтике на первом месте по числу рабочих), 3,5% — республики Закавказья.

Как и на предыдущих этапах развития советского общества, столь существенное расширение контингентов рабочих в основе своей было связано с общим подъемом экономики страны, увели-

чением масштабов промышленного строительства и производства, развитием транспорта, связи, индустриализацией сельского хозяйства и других отраслей как материального, так и нематериального производства. Развитие производительных сил проходило в условиях нарастающей интенсификации производства, причем в деревне этот процесс сопровождался дальнейшим сближением двух форм собственности, не бывало массовым распространением машинного труда и появлением новых рабочих профессий, созданием большого количества совхозов.

Этот многоплановый процесс по-разному отразился на структуре рабочего класса в отдельных районах. В Молдавии и Армении, где, как мы видели, были самые высокие в стране темпы прироста рабочих кадров (и численность рабочих более чем удвоилась), особенно стремительно выросла группа сельскохозяйственных рабочих. В результате их доля значительно поднялась, превысив пятую часть численности рабочего класса при некотором уменьшении удельного веса его индустриального ядра. Аналогичные тенденции имели место и в других республиках Закавказья. С другой стороны, выделяется группа республик, где преимущественно выросло количество рабочих, занятых в промышленности, строительстве, транспорте и связи, при снижении доли аграрного отряда (это особенно ярко проявилось во всех республиках Прибалтики и Узбекистане, в меньшей степени — в Белоруссии, Туркмении и Казахстане).

Особенный интерес представляет изучение вопроса о соотношении числа лиц, обслуживающих материальное производство и непроизводственную сферу в условиях развитого социализма. Как известно, в период развертывания социалистической индустриализации это соотношение менялось в пользу первых. По мере создания и дальнейшего упрочения материально-технической базы социализма наметилась противоположная тенденция. Достигнутый уровень развития производительных сил, развертывание научно-технической революции, повышение производительности труда обусловили определенные структурные сдвиги в экономике страны, потребовавшие и перераспределения рабочей силы между отраслями народного хозяйства. Происходящее изменение отраслевой структуры занятости становится в свою очередь фактором дальнейшего экономического роста.

Процесс перераспределения общественного труда в пользу непроизводственной сферы — закономерная тенденция общественного развития. К. Маркс писал в «Капитале»: «Страна тем богаче, чем меньше ее производительное население *по отношению* к совокупному продукту... Страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население *по отношению* к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только дру-

гим выражением относительной высоты производительности труда»²².

Некоторые экономисты, занимавшиеся проблемами формирования занятости трудовых ресурсов в непроизводственной сфере, считали, что относительный рост этих отраслей означает отвлечение общественного труда и, следовательно, снижение производственного потенциала общества. Несостоятельность такой точки зрения уже неоднократно обосновывалась в литературе. В. П. Корчагин, например, отмечая, что при подобной постановке вопроса игнорируются проблема эффективности труда в непроизводственных отраслях, движущие силы перераспределения рабочей силы в непроизводственную сферу, писал: «Расширяющееся использование экономических ресурсов в непроизводственной сфере является объективно необходимым процессом, который должен осуществляться в силу действия экономических и социальных законов развития общества, ибо направлены они в конечном счете на развитие человека — главной производительной силы общества»²³.

В 1959–1970 гг. отраслевая структура рабочих кадров (в целом по народному хозяйству СССР) претерпела определенные изменения (табл. 5).

На распределении рабочих по отраслям народного хозяйства в значительной мере отразилась специфика исследуемого периода. При значительном росте всех отрядов рабочего класса произошло изменение его распределения между сферой материального произ-

Т а б л и ц а 5

*Распределение занятого населения СССР по отраслям народного хозяйства **

Занятое население	1959 г.		1970 г.	
	все общественные группы	рабочие	все общественные группы	рабочие
<i>Занятое в отраслях материального производства</i>	84,1	88,2	78,3	86,8
в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи	38,2	66,0	45,8	62,7
в сельском и лесном хозяйстве	40,3	14,1	25,1	15,1
в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте	5,3	7,9	6,8	8,4
<i>Занятое в непроизводственных отраслях</i>	14,7	11,4	21,3	12,8
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении	10,0	7,0	14,4	8,0

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 295.

водства и непроизводственными отраслями. Быстрое расширение непроизводственной сферы привело к повышению ее удельного веса в структуре рабочего класса страны с 11,4 до 12,8% (прежде всего это относится к занятым в просвещении, науке, искусстве, здравоохранении)²⁴.

Эта цифра была бы более внушительной, если бы в итогах переписи работники транспорта были дифференцированы в зависимости от работы на грузовом либо пассажирском транспорте (первая группа принадлежит к материальному производству, вторая — к непроизводственной сфере). То же относится и к работникам связи. Но это выделение по условиям переписной регистрации оказалось невозможным, все они условно отнесены к сфере материального производства (по расчетам ЦСУ, из общей суммы примерно 2,6 млн. человек должны были быть отнесены к занятым в непроизводственных отраслях). Кроме того, в сферу материального производства включены все работники торговли, в то время как не весь труд в этой отрасли можно считать производительным трудом. Однако статистические органы не ведут раздельного учета рабочих и служащих этой отрасли, занятых в материальном и нематериальном производстве²⁵.

Структура рабочих кадров сферы материального производства в 1970 г. также изменилась по сравнению с 1959 г. Количество индустриальных рабочих, занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и связи, возросло весьма существенным образом. Они являются основной частью рабочего класса страны, на их долю приходилось около двух третей всей его численности. Однако их удельный вес, как показывает таблица, несколько снизился в силу более высоких темпов роста, обнаружившихся у других отрядов рабочих (в сельском и лесном хозяйстве, торговле и др.).

Если мы обратимся к данным, характеризующим отраслевую структуру всего занятого населения, то выявится та же тенденция к перераспределению трудовых ресурсов между материальным и нематериальным производством, что и у рабочего класса. Темпы же развертывания этого процесса будут несколько иными: доля занятых в непроизводственной сфере возрастет еще более значительно (с 14,7 до 21,3%). Некоторые отличия наблюдались и внутри сферы материального производства: среди всего занятого населения (включая все общественные группы) доля таких отраслей, как промышленность, строительство, транспорт и связь, возросла; удельный вес работников сельского и лесного хозяйства упал очень резко, что связано с большим сокращением числа колхозников при определенном пополнении рядов тружеников совхозов. А ведь еще в 1959 г. сельское хозяйство превосходило по числу всех занятых (а не только рабочих) промышленность, строительство, транспорт и связь и являлось самой значительной

отрасль народного хозяйства по количеству работающих людей.

При рассмотрении структуры рабочего класса важно учитывать также распределение рабочих в рамках той или иной отрасли, прежде всего промышленности. В условиях развитого социализма развертывание научно-технической революции существенно меняет сложившиеся пропорции между отдельными отраслями, ускоренными темпами развиваются производства, определяющие научно-технический прогресс во всем народном хозяйстве; большое внимание уделяется увеличению выпуска продукции, необходимой для повышения благосостояния и обеспечения всестороннего развития трудящихся. «От правильного решения структурных проблем,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— во многом зависят темпы экономического роста, возможности накоплений, необходимых для развития хозяйства и повышения благосостояния народа»²⁶.

В 60-е годы при быстром развитии всей тяжелой промышленности наиболее высокими темпами развивались такие прогрессивные отрасли, как электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение (удельный вес их продукции в общем объеме промышленного производства вырос в 1966—1970 гг. с 28 до 33%)²⁷. В годы восьмой пятилетки ускорилось развитие легкой и пищевой индустрии. Возникли новые отрасли и производства. Соответственно определенные изменения произошли и в движении рабочих кадров.

При разработке материалов всесоюзных переписей все занятое население было распределено на 49 групп (18 групп объединяли занятия преимущественно умственного и 31 группа — преимущественно физического труда). Группы построены в основном по профессионально-отраслевому признаку (например, полиграфисты, текстильщики, строители). Некоторые занятия выходят за пределы одной отрасли, в таком случае они объединены по функциональному признаку (занятия на силовых установках и др.)²⁸. Из групп занятий работников физического труда можно выделить такие, которые имеют отношение прежде всего к промышленности²⁹. В 1959—1970 гг. они обнаружили следующие темпы роста (1959 г.— 100%)³⁰:

горняки	85	полиграфисты	114
металлурги и литейщики	116	текстильщики	104
занятые в машиностроении и металлообработке	170	швейники	142
химики	176	кожевники и меховщики	81
занятые в производстве строительных материалов	103	обувщики	95
занятые на лесозаготовках	72	пищевики	111
деревообработчики	99,9	лаборанты (рабочие)	454
бумажники и картонажники	131	контролеры, браковщики, сортировщики	162

Сопоставление приведенных показателей с общими данными об увеличении промышленного производства, росте производительности труда свидетельствует о том, что численность различных групп рабочих находилась в непосредственной зависимости от проводимого партией курса на интенсификацию народного хозяйства, в своей основе связанной с научно-технической революцией. С одной стороны, это ярко проявилось в высоких темпах роста металлостов, химиков и особенно лаборантов-рабочих (почти пятикратное увеличение последних характеризовало одну из главных тенденций НТР — интеллектуализацию труда тех лиц, которые на рабочих местах были непосредственно заняты созданием материальных ценностей).

С другой стороны, произошло заметное снижение удельного веса горняков, лесозаготовителей и некоторых других групп рабочих, представители которых традиционно относились к производствам с большим применением физического труда. Абсолютное и относительное уменьшение этих групп, проходившее при заметном увеличении выпуска продукции, стало возможным в условиях ускорившегося технического прогресса, усиления фондовооруженности и роста производительности труда.

На этапе зрелого социализма в соответствии с новыми возможностями Коммунистическая партия и Советское государство как никогда большое значение придавали решению задач, относящихся к повышению материального благосостояния и подъему культурного уровня советского народа. Эта линия нашла свое выражение в заметном расширении большой группы соответствующих производств и вовлечении в их обслуживание значительных групп рабочих. Примером тому могут служить данные о темпах роста швейников, бумажников и ряда других занятий.

*

Важной характеристикой трудовых ресурсов страны, прежде всего рабочего класса как главной производительной силы общества, являются данные о возрастной структуре кадров. Необходимость изучения этих материалов подчеркивается в каждой работе по истории советского рабочего класса. При этом высказываются самые различные точки зрения по поводу происходивших в 60-х — начале 70-х годов изменений его возрастной структуры. Авторы «Краткой истории советского рабочего класса», опубликованной в 1968 г., утверждали, что в 1959—1965 гг. «рабочий класс помолодел» (правда, здесь же была сделана оговорка, что подсчет неточен, так как основывается лишь на материалах обследования, проведенного на ряде автомобильных и тракторных заводов). Аналогичный вывод содержался во многих работах, в том числе

вышедших в самое последнее время. С. П. Гусев, приведя данные государственной статистики о распределении по возрасту рабочих и служащих в промышленности СССР на 1 июля 1967 г., писал: «...в важнейших отраслях промышленности более половины всех работающих составляли рабочие и служащие в возрасте до 35 лет, что свидетельствовало об «омоложении» кадрового состава советского рабочего класса»³¹. Т. А. Сивохина использовала из этого же источника вообще лишь одну рубрику (удельный вес работников промышленности и строительства в возрасте до 25 лет, который равнялся в 1967 г. 18—20%). На этом основании она сформулировала свой вывод о «новых закономерностях» в изменениях возрастной структуры рабочего класса в условиях развитого социализма: «Главное направление изменений в возрастном составе современного рабочего класса связано с его пополнением многочисленными представителями городской и сельской молодежи»³².

В обоих случаях выводы базировались на материалах одного года, которые никакой динамики состава рабочего класса показать не могли. Требовалось сопоставление данных за ряд лет, что не было сделано.

Между тем значительно ранее в научный оборот были введены некоторые статистические материалы о составе рабочих и служащих народного хозяйства СССР по возрасту. В 1969 г. в монографии «Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.)» были опубликованы данные на 1957 и 1963 гг. (как по всему народному хозяйству в целом, так и по его отдельным отраслям)³³.

Год спустя О. И. Шкаратан, приведя данные о распределении рабочих и служащих страны по трем возрастным группам (до 18 лет, 18—25 лет, 26—35 лет) за 1957 и 1963 гг., сопоставил их с данными сборника «Труд в СССР», характеризующего возрастную структуру кадров в 1967 г. На основании этих источников автор пришел к заключению о «старении» кадров, о снижении удельного веса молодежи (до 25 лет) в составе рабочего класса. Это положение О. И. Шкаратан связывал с проявлением последствий войны: в трудовой возраст вступили люди, родившиеся в 1941—1945 гг. «Старение», по мнению автора, должно было смениться новым «омоложением» рабочего класса в последующие годы, при вступлении в трудовой возраст поколения, родившегося после войны³⁴.

Материалы о возрастной структуре рабочих и служащих СССР в 1957, 1963 гг. содержатся также в книге С. Л. Сенявского и В. Б. Тельпуховского³⁵. Если их свести воедино с цифрами государственной статистики за 1967 г., то они могут быть свидетельством процесса снижения удельного веса младших возрастных групп: на протяжении десятилетнего периода (1957—1967 гг.) доля рабочих и служащих как до 25, так и до 35 лет неизменно падала.

Правда, использование подобных сведений для характеристики

сдвигов в составе рабочего класса в 60-е годы требует определенных оговорок. Границы отдельных групп в разные годы обозначены не совсем идентично (в первом случае — до 25 и до 35 лет, а во втором — включая эти годы). Исследования проводились в 1957, 1963 и 1967 гг., т. е. 60-е годы полностью не охвачены. Сведения о рабочих везде даны вместе со сведениями о служащих. Правда, поскольку рабочие составляют основную часть приведенных здесь работников народного хозяйства, использование этих материалов для выявления тенденций изменения возрастной структуры рабочего класса вполне возможно. Однако во многих последующих работах они никакого отражения не нашли, тезис об «омоложении» рабочих кадров в 60-е годы был повторен неоднократно без всякого обоснования.

К тому же сам термин «омоложение» рабочих кадров, как и термин «старение», требует четкого определения, которого пока нет. Очевидно, необходимо принимать во внимание пропорции распределения рабочих по всем возрастным группам, к тому же следует установить их границы. Прежде всего речь идет о молодежи. При разработке статистических материалов, характеризующих состав рабочего класса СССР в 20—30-е годы, ранее часто применялась такая градация: рабочие младших возрастных групп (до 19 лет), группа 20—39 лет, старшие возрастные группы (40—59 лет, 60 и старше). Иногда же к молодежи относили рабочих до 23 лет включительно³⁶.

В настоящее время используются другие группировки. Однако единства здесь нет. В различных публикациях к молодежи причисляют людей то до 25 лет, то до 30, а подчас и до 35 лет. Между тем, в плановой и учетной практике к молодежи относятся лица в возрасте от 16 до 30 лет. Нижняя граница этой группы — возраст достижения трудоспособности, верхняя граница — время наступления трудовой и социальной стабильности³⁷. Такая градация (отношение к молодежи лиц до 30 лет) дана в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии³⁸.

Для выявления тенденций изменения возрастной структуры важно проанализировать, как менялся в составе рабочего класса удельный вес различных возрастных групп. Большие возможности для этого предоставляют публикации итогов всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг., которые в этом плане еще почти не использовались³⁹.

Преимущество данного источника состоит в том, что мы получаем материал, разработанный по единой программе, охватывающий все 60-е годы. Занятое население распределено по десятилетним возрастным группам (до 20 лет, до 30 лет, до 40 лет и т. д.), интервал от 50 до 60 лет разделен на две части, чтобы выделить женщин и мужчин, получивших право на пенсию. Такая градация удобна. Публикации итогов переписей не содержат сведений о воз-

Таблица 6

Удельный вес молодежи среди рабочих (на 1 тыс.)*

Профессия	Рабочие до 30 лет		Профессия	Рабочие до 30 лет	
	1959 г.	1970 г.		1959 г.	1970 г.
Горняки	591	251	Полиграфисты	535	398
Металлурги	527	294	Текстильщики	591	446
Машиностроители	561	458	Швейники	620	435
Химики	510	385	Кожевники	360	300
Лесозаготовители	554	260	Обувщики	527	388
Деревообработчики	516	329	Пищевики	456	320
Бумажники	473	312	Лаборанты (работники)	630	555

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том), с. 132—138;
Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 448—454.

растной структуре рабочего класса в целом, но по отдельным занятиям они дают весьма обширный материал, причем именно по рабочим, без служащих.

С учетом этих обстоятельств рассмотрим прежде всего, как изменился удельный вес молодежи в группах рабочих, занятых главным образом в промышленности (табл. 6).

За 11 лет между переписями удельный вес молодежи резко упал по всем приведенным группам. В 1959 г. больше половины рабочих этих профессий были моложе 30 лет, у швейников, лаборантов эта цифра достигала 62—63%, лишь у пищевиков, бумажников и кожевников данный показатель опускался ниже 50%. В 1970 г. ни в одной отрасли молодые рабочие (до 30 лет) не составляли большинства. По 7 группам на их долю приходилось от четверти до трети занятого здесь персонала и по 6 — более трети. Исключением были только лаборанты, являющиеся межотраслевой группой. Относительное уменьшение численности молодежи было повсеместным, хотя степень снижения была неодинаковой. Особенно значительной она была у горняков и лесозаготовителей (более чем в 2 раза), а также у металлургов, деревообработчиков. В результате изменилось и представление о наиболее «молодежных» занятиях. В 1959 г. к таковым относили лаборантов, швейников, текстильщиков, горняков, машиностроителей, лесозаготовителей, полиграфистов. В 1970 г. в этой группе остались лаборанты, машиностроители, швейники, текстильщики, полиграфисты, вслед за ними стояли теперь обувщики и химики. Лесозаготовители и

горняки стали профессиями с наименьшим удельным весом молодежи.

Снижение доли молодежи характерно в эти годы не только для промышленных рабочих. Аналогичное положение наблюдается в строительстве, на транспорте, в коммунальном хозяйстве и т. д. Такие же результаты обнаруживает анализ данных о возрасте всего работающего населения страны, в том числе всех занятых преимущественно физическим трудом. Причем связано это с уменьшением удельного веса возрастной группы 20—29 лет. Доля рабочих моложе 20 лет изменилась незначительно (в некоторых отраслях снизилась, в некоторых немного возросла).

В основе этих изменений в составе рабочих кадров лежат прежде всего сдвиги в возрастной структуре всего населения. За межпереписной период значительно уменьшилась численность населения в возрасте от 16 до 30 лет, что не могло не отразиться на пополнении трудовых ресурсов страны. При этом абсолютная численность трудоспособного населения моложе 20 лет выросла (примерно на 2,5 млн.), удельный вес этой группы в населении страны оставался стабильным. Число лиц от 20 до 30 лет уменьшилось как абсолютно (на 7,7 млн.), так и относительно (с 18,4 до 12,7%). Это вполне объяснимо. В 1970 г. эта группа включала в себя родившихся в 1940—1949 гг., в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. А юноши и девушки, которым в 1970 г. было 16—19 лет, появились на свет в 1950—1954 гг., в период высокой рождаемости.

Демографическая ситуация в стране оказывает самое непосредственное влияние на процесс формирования трудовых ресурсов. Этот аспект проблемы в последнее время интенсивно разрабатывается экономистами, демографами, историками, статистиками. Однако в исследованиях по истории советского рабочего класса такой важнейший момент не нашел никакого отражения.

В межпереписной период количество занятых в народном хозяйстве росло быстрее, чем численность населения в трудоспособном возрасте. В 1961—1965 гг. из домашнего и личного подсобного хозяйства было вовлечено в общественное производство 10 млн. человек, а за 1966—1970 гг. — 3,6 млн.⁴⁰ Конечно, вовлечение такого значительного контингента, ранее не занятого в общественном производстве, отразилось на возрастной структуре рабочих кадров.

С другой стороны, необходимо учитывать, что в 60-е годы в СССР значительно расширилась вся система народного просвещения. XXIII съезд КПСС в соответствии с программными требованиями партии принял решение в течение восьмой пятилетки завершить в основном введение всеобщего среднего образования. В 1970 г. 80% учащихся, оканчивавших восьмилетку, продолжали учебу для получения полного среднего образования⁴¹. За 10 лет

(1960—1970 гг.) численность учеников дневных средних школ поднялась с 33,4 до 45,5 млн., причем контингент старшеклассников вырос в три с лишним раза. На 1,1 млн. увеличилось количество студентов очных отделений вузов, примерно на 1,5 млн. — учащихся дневных отделений техникумов. 1,5 млн. человек составил прирост обучавшихся в училищах и школах профессионально-технического образования, часть из них давала наряду с профессией аттестат об окончании десятилетки ⁴².

Все это отодвинуло фактические границы начала трудовой деятельности от 16 лет — времени вступления в трудовой возраст. Многие юноши и девушки значительно позже, после завершения образования и получения специальности, приступали к работе, что также не могло не сказаться на удельном весе молодежи в составе рабочего класса и всего занятого населения в целом.

Все эти факторы, вместе взятые, обусловили повышение удельного веса средних возрастных групп в составе рабочего класса (табл. 7).

В 1959 г. наибольший удельный вес возрастной группы «30—49 лет» был у бумажников, металлургов, химиков, пищевиков (свыше 40%), в других профессиях этот показатель колебался в пределах от 31 до 38%, уступая везде молодежи по абсолютной численности и удельному весу в составе рабочих (кроме кожевников, где обе группы были примерно равными). Такой же перевес молодежи над возрастной группой «30—49 лет» был у рабочих-строителей, у всех занятых физическим трудом.

В 1970 г. картина изменилась самым существенным образом. Рабочие в возрасте от 30 до 50 лет стали преобладающей частью

Таблица 7

Удельный вес лиц в возрасте 30—49 лет среди рабочих (на 1 тыс.)*

Профессия	Рабочие в возрасте 30—49 лет		Профессия	Рабочие в возрасте 30—49 лет	
	1959 г.	1970 г.		1959 г.	1970 г.
Горняки	378	706	Бумажники	453	576
Металлурги	432	656	Полиграфисты	376	508
Машиностроители	377	467	Текстильщики	334	482
Химики	430	550	Швейники	312	504
Лесозаготовители	368	657	Кожевники	381	549
Деревообрабатывающие	353	533	Обувщики	330	490
			Пищевики	414	562

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том), с. 132—133;
Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 448—454.

кадров по всем приведенным в таблице занятиям, связанным главным образом с промышленностью. Такое положение наблюдалось даже в таких «молодежных» профессиях, как машиностроители и текстильщики, хотя перевес этой возрастной категории над молодежью был минимальным. Особенно значительно вырос ее удельный вес среди горняков (до 70%), лесозаготовителей и металлургов (примерно до двух третей общей численности). В большинстве же профессий доля рабочих среднего возраста превысила половину. Преобладающей в 1970 г. эта группа была и у строителей, железнодорожников, среди всех лиц физического труда, во всем занятом населении страны.

Причем по всем отраслям и профессиям вырос как удельный вес лиц в возрасте «30—39 лет», так и «40—49 лет».

Возрастная группа «50 лет и старше» не обнаружила столь резких изменений, как две предыдущие. За 11 лет между переписями населения ее удельный вес немного вырос по таким профессиям, как горняки, металлурги, машиностроители, химики, лесозаготовители, деревообработчики, бумажники, полиграфисты. Как правило, это отрасли преимущественно мужского труда (за исключением химической и полиграфической промышленности). Во всех остальных отраслях, где в основном работали женщины, доля рабочих старших возрастов упала, это текстильщики, швейники, кожевники, обувщики, пищевики (табл. 8).

В 1959 г. удельный вес старших возрастов был далеко не одинаков: от 3—4% у горняков, лаборантов, металлургов до четверти всего состава у кожевников; каждый седьмой обувщик был также не моложе 50 лет. В 1970 г. разрыв несколько сократился: от 4 до 15%.

Конечно, приведенная группа «50 лет и старше» весьма неоднородна. Она включает как рабочих в трудоспособном возрасте, так и лиц, получивших уже право на пенсию. Поэтому представляет несомненный интерес дальнейшее членение этой группы. К тому же нужно учитывать, что верхняя граница трудоспособного возраста неодинакова у мужчин и женщин. Рабочие ряда отраслей и профессий имеют льготы при выходе на пенсию. Однако, если иметь в виду только эти обстоятельства, динамика удельного веса более дробных возрастных групп может показаться неожиданной. По сравнению с 1959 г. в 1970 г. доля рабочих в возрасте от 50 до 54 лет упала почти по всем отраслям промышленности, в строительстве. Такая же картина наблюдалась среди лиц преимущественно физического труда, среди всех занятых в народном хозяйстве страны. В то же время удельный вес рабочих в старшем возрасте (55—59 лет) везде вырос.

В значительной мере отмеченная динамика отражала изменения возрастной структуры всего населения. В 1959 г. в возрасте от 50 до 54 лет было 5% жителей страны, в 1970 г. — лишь 3,7%. Со-

кратилась эта группа и абсолютно, примерно на 1,4 млн. человек. Следующая же группа (55—59 лет) выросла на 3,5 млн., ее удельный вес в населении повысился с 4,1 до 4,9%. Выросла и доля этой группы среди рабочих, занятых в различных отраслях народного хозяйства, хотя многие из них уже достигли пенсионного возраста.

Т а б л и ц а 8

Удельный вес лиц в возрасте 50 лет и старше среди рабочих (на 1 тыс.)

Профессия	Рабочие в возрасте 50 лет и старше		Профессия	Рабочие в возрасте 50 лет и старше	
	1959 г.	1970 г.		1959 г.	1970 г.
Горняки	31	42	Полиграфисты	89	94
Металлурги	41	50	Текстильщики	75	72
Машиностроители	62	74	Швейники	68	61
Химики	60	65	Кожевники	259	150
Лесозаготовители	78	83	Обувщики	143	121
Деревообрабатывающие	131	137	Пищевики	130	118
Бумажники	74	112	Лаборанты	35	42

К 1970 г. на 6 млн. увеличилось в стране число лиц в возрасте от 60 до 70 лет, однако в большинстве отраслей промышленности, в строительстве удельный вес этой возрастной категории среди рабочих снизился. Небольшое повышение отмечено только у горняков, металлургов, машиностроителей, химиков, бумажников, а также у рабочих-железнодорожников.

В первой половине исследуемого периода происходило весьма ощутимое уменьшение числа работавших пенсионеров по старости. После введения в 1956 г. нового Закона о пенсиях, основательно повысившего уровень пенсионного обеспечения, многие, продолжавшие работать за пределами трудоспособного возраста, вышли на пенсию. В 1956 г. трудилось 60% пенсионеров по старости, в 1962 г. — немногим более 9%⁴³.

С середины 60-х годов была осуществлена целая система мер, направленная на привлечение пенсионеров к труду в общественном производстве. Совет Министров СССР принял ряд постановлений, устанавливающих льготы для работающих пенсионеров (в основном для рабочих) на предприятиях, производящих предметы потребления, в сфере обслуживания, в лечебных учреждениях и других отраслях⁴⁴. В результате усиления материального стимулирования число работающих пенсионеров в годы восьмой пятилетки

возросло на 1 млн.; в 1970 г. в общественном производстве трудилось около 20% пенсионеров по старости (рабочих и служащих)⁴⁵.

В отдельных районах страны с напряженным балансом трудовых ресурсов, с значительным удельным весом населения старших возрастов доля работающих пенсионеров была выше среднего уровня (в Москве, Ленинграде, республиках Советской Прибалтики)⁴⁶. Среди машиностроителей, например, 0,9% рабочих были в возрасте 60 лет и старше. Это средняя цифра по стране в целом. Самый низкий показатель из всех союзных республик был в Казахстане (0,6%), наибольший — в Эстонии (2,3%), Литве (2,7%), Латвии (2,9%). У текстильщиков 3,2% рабочих были не моложе 55 лет. Удельный вес этой возрастной группы был значительно ниже общесоюзного уровня в Белоруссии, Киргизии, Казахстане. В то же время в прибалтийских республиках этот показатель поднимался в Литве почти до 5%, в Эстонии — до 6,5%, в Латвии он был самым высоким — более 8%⁴⁷.

Анализ материалов всесоюзных переписей населения показывает, что в 1959—1970 гг. произошли существенные изменения возрастной структуры рабочего класса СССР: резко снизился удельный вес молодежи, лица в возрасте от 30 до 50 лет стали преобладающей частью рабочих кадров. Что же касается старших возрастов (не моложе 50 лет), то заметных изменений по сравнению с 1959 г. здесь не наблюдалось. Таким образом, приведенные данные не подтверждают тезиса об «омоложении» рабочего класса в 60-е годы.

В то же время итоги переписи населения 1970 г., данные о возрастной структуре населения СССР показали значительный удельный вес той весьма многочисленной группы, которая подходила к трудоспособному возрасту. В 1970 г. около 30 млн. человек находилось в возрасте 10—15 лет (свыше 12% населения страны), что на 13 млн. человек превышало численность этой же группы в 1959 г. Такое положение предопределяло некоторые сдвиги 70-х годов в пользу увеличения удельного веса молодежи в составе трудовых ресурсов страны, что было уже отмечено в литературе⁴⁸. Обследование, проведенное ЦСУ СССР в 1973 г., показало, что по сравнению с 1967 г. доля молодежи (до 25 лет) в составе рабочих и служащих СССР возросла с 15,8 до 20,1%. Рост был довольно большим, хотя показатель 1973 г. оставался все еще ниже и 1957 г., и 1963 г.⁴⁹

Суммируя вышеизложенное, нельзя не заметить, что изменения в возрастной структуре рабочего класса 60-х годов были связаны с демографической ситуацией в стране, втягиванием в производство (особенно в первой половине периода) населения, занятого ранее в домашнем и личном подсобном хозяйстве, а также с увеличением срока обучения молодежи. В дальнейшем из трех перечисленных факторов основную роль будет играть первый и

третий, которые, естественно, взаимосвязаны между собой. Молодежь, вступающая в трудоспособный возраст, превратилась в главный источник пополнения рабочего класса.

*

Переходя к освещению вопроса о роли женщин в народном хозяйстве СССР, точнее о месте женщин в составе рабочего класса на современном этапе коммунистического строительства, следует подчеркнуть, что Коммунистическая партия всегда придавала первостепенное значение активному участию женщин во всех сферах материальной и духовной жизни советского общества. Общеизвестно ленинское положение, высказанное им в речи «О задачах женского рабочего движения в Советской республике»: «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина»⁵⁰. В. И. Ленин специально отмечал, что речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д., а о том, чтобы она не была угнетена хозяйственным положением в отличие от мужчины, о создании необходимых условий ее участия в общественном труде. «Преследуя социалистический идеал, мы хотим бороться за полное осуществление социализма, и здесь для женщины открывается очень очень большое поприще работы»⁵¹.

Зрелое социалистическое общество, построенное в нашей стране, дальнейшее развитие производительных сил и совершенствование производственных отношений, характеризующих это общество, создали особо благоприятные условия для полного и планомерного осуществления задачи, сформулированной В. И. Лениным.

Не касаясь вопроса о том, как партия и Советское государство целенаправленно решали задачу вовлечения женщин в общественное производство (этой теме посвящена обширная литература), сосредоточим основное внимание на результатах осуществления этой политики, основные положения которой четко сформулированы в Программе КПСС. Речь таким образом пойдет о сдвигах, произошедших главным образом в 60-е годы, в период между XXI и XXIV съездами КПСС. Для этого обратимся к итогам переписей 1959 и 1970 гг.

Материалы всесоюзных переписей населения дают обширную и разнообразную информацию об изменении уровня занятости женщин в народном хозяйстве, о пропорциях мужского и женского труда в составе рабочего класса.

В 60-е годы произошли определенные перемены в соотношении

полов в населении страны, связанные с выравниванием демографической структуры. Первые послевоенные годы были отмечены весьма значительными диспропорциями в численности мужчин и женщин. По мере смены поколений, за счет младших возрастов этот разрыв сокращался. Демографические аномалии, вызванные войной, постепенно сглаживались. Перепись 1959 г. зафиксировала, что среди тех, кому еще не исполнилось 20 лет, мужчин больше, чем женщин. В составе же всего населения страны было 45% мужчин и 55% женщин, в 1970 г. — соответственно — 46,1% и 53,9% (пока еще доля мужчин в населении ниже уровня довоенного 1939 г.). Удельный вес женщин в трудоспособном населении снизился еще больше: с 54 до 51%. Связано это, помимо указанных причин, также с тем, что за пределы трудоспособного возраста вышли поколения, где перевес численности женщин над мужчинами был особенно заметным.

Если же мы обратимся к динамике занятости женщин, то станет очевидным, что здесь проявилась совсем иная тенденция. Если доля женщин в населении страны, а также в трудоспособном населении падала, то среди занятого населения она росла. Итог, на первый взгляд, парадоксальный. Прирост численности женщин в трудоспособном возрасте (от 16 до 54 лет) составил за межпереписной период всего 1,7 млн., а работающих женщин стало больше почти на 10 млн. Численность занятых женщин сравнилась с мужчинами. Где же источник этого роста?

В 1959 г. примерно три четверти женщин трудоспособного возраста было занято в общественном производстве или на учебе, около четверти — в домашнем и личном подсобном хозяйстве. В 1970 г. удельный вес женщин, занятых в общественном производстве и на учебе, достиг небывало высокой цифры — 92,5%⁵². Миллионы женщин, занятых ранее в домашнем и личном подсобном хозяйстве, пополнили ряды рабочих и служащих⁵³. К тому же произошло перераспределение трудовых ресурсов между государственным и кооперативным секторами народного хозяйства, число колхозниц сократилось почти на 9 млн. В результате одиннадцатилетнего периода на 8,4 млн. возросло количество женщин, занятых преимущественно умственным трудом, на 10 млн. поднялась численность работников⁵⁴.

Наша страна достигла исключительно высокого уровня женской занятости. В дальнейшем резервы роста женских трудовых ресурсов не могут уже быть значительными за счет занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве. Перепись 1970 г. показала, что в этой сфере числилось немногим более 5,3 млн. женщин. Из них $\frac{2}{3}$ имели детей в возрасте до 16 лет, больше половины не получили никакой специальности, почти каждая вторая окончила только начальную школу. Этот резерв роста женской занятости считают в основном исчерпанным⁵⁵.

Значительное увеличение числа женщин в общественном производстве в 60-е годы определялось рядом факторов. Следует иметь в виду, что трудовая активность мужского трудоспособного населения в народном хозяйстве СССР довольно стабильна и постоянно находится на высоком уровне. Доля женщин в составе работающих в общественном производстве, уровень женской занятости являются более подвижными показателями.

В 60-е годы наибольший прирост числа работающих женщин приходится на первую половину периода, когда произошло особенно большое расширение контингента занятых. Потребность в дополнительной рабочей силе в эти годы поднялась весьма существенно, а естественный прирост трудоспособного населения был небольшим в связи с подходом к трудовому возрасту молодежи, родившейся в годы Отечественной войны. В ходе семилетки и произошло особенно значительное вовлечение трудовых ресурсов из домашнего и личного подсобного хозяйства, состоявших в основном из женщин, в общественное производство. Этот процесс продолжается и в восьмой пятилетке, хотя и менее интенсивно.

Непосредственным материальным стимулом роста женской занятости явилось проведение упорядочения заработной платы, а затем и неоднократное повышение ее минимума, так же как и совершенствование системы и размеров пенсионного обеспечения. К тому же сказались и определенные ограничения подсобного сельского хозяйства в начале 60-х годов, отмененные впоследствии.

Материальные стимулы увеличения женской занятости играют важную роль. Однако в условиях социализма в формировании у женщин потребности участвовать в общественном труде существенно значение и моральных факторов. Обследования, проведенные в СССР, свидетельствуют о том, что с повышением доходов семьи процент женщин, желающих прекратить работу и заняться только домашним хозяйством, падает. В этих семьях, как правило, более высокий уровень образования женщин, что является важной предпосылкой их активного участия в общественном производстве⁵⁶.

Важнейшим фактором роста женской занятости, увеличения численности и удельного веса женщин в составе рабочего класса явились развитие производительных сил, технический прогресс в народном хозяйстве. Механизация и автоматизация производства, совершенствование технологии, вытеснение тяжелого ручного труда, оздоровление условий работы расширяют возможности применения женского труда, способствуют изменению структуры занятости по полу. В этом же направлении действует и ускорившееся в последние годы развитие отраслей и видов деятельности, в которых широко применяется женский труд,— таких, как легкая и пищевая промышленность, сфера обслуживания. Все это повышает потребность общества в женском труде. С другой стороны, непре-

рывно повышающийся уровень образованности и квалификации женщин создает необходимые предпосылки для удовлетворения этой общественной потребности. К концу 50-х годов впервые в истории нашей страны женщины-работницы по уровню образования обогнали мужчин-рабочих⁵⁷.

Возможность вовлечения дополнительной женской рабочей силы была связана также с развитием системы детских дошкольных учреждений, сети бытового обслуживания населения, что при благоприятных условиях существенно меняет размеры и структуру затрат времени на ведение домашнего хозяйства.

Таким образом, структура занятости по полу обусловлена целым комплексом факторов, главными среди которых являются факторы социально-экономические. Они определили в первую очередь общий подъем женской занятости, значительный прирост численности и удельного веса женщин в составе рабочего класса.

В 1959 г. в СССР насчитывалось 19 692 245 женщин-работниц, что составляло 41,4% всего рабочего класса. К 1970 г. эта цифра поднялась до 29 612 439. Прирост составил почти 10 млн. человек. Численность женщин-работниц выросла в 1,5 раза, что было выше соответствующего показателя для рабочего класса в целом. Удельный вес женщин в рабочем классе достиг 44,7%. Наибольший удельный вес женщин был среди рабочих Белоруссии, Молдавии, РСФСР, Эстонии, Латвии, Украины (выше общесоюзного показателя). Далее за ними шла Литва, а затем Казахстан, все республики Закавказья и Средней Азии. Разрыв между крайними группами был таков: в Белоруссии было 46,9% женщин в составе рабочего класса, в Туркмении — 35,3%. В то же время в трудоспособном населении республик доля женщин была почти одинаковой (от 49 до 52,4%) и не она определяла размеры женской занятости. В Средней Азии, Казахстане, Закавказье уровень вовлечения женщин в общественное производство был ниже других республик. Однако эти резервы женской рабочей силы сосредоточены в основном в сельской местности и мало мобильны. Определенное влияние оказывают и размеры семей в этих районах. Но несмотря на некоторые различия в приведенных цифрах, рост числа женщин-работниц наблюдался в межпереписной период во всех республиках.

Самое многочисленное пополнение женщин (свыше 4 млн.) приходится на отряд индустриальных рабочих, включающих рабочих промышленности, строительства, транспорта и связи. Единственной отраслью, где количество женщин-работниц снизилось, был железнодорожный транспорт, в остальных же отраслях — значительно возросло. В промышленности наиболее высокие темпы прироста обнаружили самые передовые, определяющие технический прогресс отрасли — машиностроение, химия. За 11 лет число женщин, занятых в машиностроении и металлообработке, увеличилось

на 1 млн. Прежде всего это связано с развитием приборостроения, электротехники и радиоэлектроники, отраслей с широким применением женского труда. В 4,5 раза выросло число работниц-лаборанток.

В 60-е годы, особенно после 1965 г., ускорилось развитие отраслей, производящих предметы потребления. Их промышленно-производственный персонал вырос, в первую очередь за счет женщин. На их долю приходится весь прирост рабочих-швейников (свыше 0,5 млн., число рабочих-мужчин здесь даже снизилось), такая же тенденция отмечена в пищевой промышленности. Более 1 млн. женщин работало в текстильной промышленности (цифра, мало изменившаяся в 60-е годы). При довольно стабильном составе кадров в этой отрасли произошло абсолютное сокращение числа ткачих, сьемщиц, некоторых работниц подготовительного производства в связи с повышением уровня механизации труда. В то же время высокими темпами росла численность трикотажниц и ковровщиц.

В строительстве за межпереписной период произошли следующие перемены: абсолютное число рабочих-мужчин снизилось, а женщин возросло более чем на полмиллиона, что обеспечило в итоге небольшой прирост рабочих в этой отрасли народного хозяйства. Женщины были заняты главным образом на отделочных работах (штукатуры, маляры и т. д.).

При большом росте всего аграрного отряда рабочего класса еще быстрее увеличивалось число работниц, занятых в сельском хозяйстве (в 1970 г. — 4,4 млн.). Одновременно резко, в значительно больших масштабах, сократилась численность колхозниц.

Удвоилось также число работниц в торговле и общественном питании, прирост составил 1,6 млн., численность мужчин осталась практически неизменной. Увеличение контингента рабочих здесь было обеспечено за счет женщин.

Другая картина наблюдалась среди занятых коммунальным, хозяйственным и бытовым обслуживанием населения. Число работниц поднялось весьма ощутимо — на 660 тыс., а общего прироста персонала не произошло, так как почти на такую же цифру упало количество рабочих-мужчин. Таким образом, оба фактора (увеличение числа работниц и снижение занятости мужчин) уравновесили друг друга.

Почти на 1,5 млн. больше стало работниц в сфере просвещения, здравоохранения, науки и искусства, примерно половина этого прироста приходится на долю санитарок, сиделок и нянь.

Таким образом, рост рядов рабочих в торговле, общественном питании, непродуцированной сфере произошел в 1959—1970 гг. главным образом (а иногда и полностью) за счет вовлечения женщин, что привело к его большему увеличению прослойки женщин среди занятых в этих отраслях, иначе говоря, усиливался процесс,

который обществоведы теперь чаще всего называют «феминизацией».

Наиболее полное представление о характере рассмотренных изменений, о главных тенденциях, отражающих уровень занятости женщин в 60-е годы, сдвиги в соотношении мужчин и женщин в составе рабочего класса, дает табл. 9.

Табл. 9 показывает, что почти по всем занятиям число женщин возросло. Даже на железнодорожном транспорте, единственной от-

Т а б л и ц а 9

Женщины в составе рабочего класса СССР*

Группы рабочих по профессиям	Рост числа женщин (1970 г. в % к 1959 г.)	Процент женщин к общему числу лиц, имеющих дан- ное занятие	
		1959 г.	1970 г.
В машиностроении и металлообработке	182	15	16
в том числе:			
слесари, сборщики, монтажники оборудования и аппаратуры	267	6	9
прессовщики, штамповщики	144	64	66
наладчики, настройщики, регулировщики оборудования и аппаратуры, механики (рабочие)	235	6	7
гальваники	312	60	68
изолировщики, кабельщики	217	82	70
обмотчики, намотчики	237	71	77
рабочие в электротехнике, радиоэлектронике (кроме перечисленных выше)	205	63	68
Химики	176	58	58
Полиграфисты	117	70	72
Текстильщики	105	85	85
Швейники	147	90	93
Обувщики	132	39	54
Пищевики	132	64	77
Строители	164	18	27
в том числе маляры и штукатуры	187	54	70
Железнодорожники	91	31	34
Рабочие в торговле и общественном питании	197	87	91
Рабочие коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания	118	67	79

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 165—166

расли, где произошло снижение абсолютного количества работающих женщин, относительная их доля среди рабочих-железнодорожников увеличилась (последнее объясняется тем, что мужская занятость снизилась намного больше). Особенно высокие темпы роста наблюдались в машиностроении, химии, в строительстве и торговле.

По многим приведенным группам удельный вес женщин в составе рабочих кадров поднялся (лишь у текстильщиков и химиков он остался неизменным). Причем здесь есть профессии, где традиционно преобладал женский труд и где число работающих женщин продолжало повышаться. С другой стороны, среди работников машиностроения и металлообработки доля женщин не столь велика, но сама тенденция выявившихся изменений весьма впечатляюща. Темпы роста численности женщин по этой группе были из самых высоких, удельный вес их повысился. В 1970 г. он равнялся 16%. Но это результат, характеризующий всю группу в целом, а по отдельным специальностям существуют большие различия в показателях. Женский труд преобладал по таким занятиям, как прессовщики, штамповщики, гальваники, рабочие в электротехнике и радиоэлектронике. Это во многом новые отрасли с высоким уровнем механизации и автоматизации, где условия труда лучше, средняя квалификация и оплата труда выше, чем в других производствах.

Примечательно, что особенно быстрыми темпами росло число женщин, занятых таким высококвалифицированным трудом, который выполняли ранее в основном мужчины. Это сборщики, монтажники, наладчики оборудования и аппаратуры. Удельный вес женщин среди указанных занятий был в 1970 г. еще сравнительно мал (7—9%), но нам в данном случае хотелось бы подчеркнуть динамизм роста этой группы, неразрывно связанный с общим развертыванием научно-технической революции в СССР.

60-е годы ознаменовались небывало массовым в истории советского общества вовлечением женщин в народное хозяйство. Миллионы из них пополнили рабочий класс СССР. Ни в одном из прошлых десятилетий (возьмем ли мы 20-е, 30-е или 50-е годы, исключая, естественно, 40-е годы, отмеченные спецификой военного времени) такого интенсивного притока женщин в ряды рабочих не было. Вполне понятно, что этот процесс оказал заметное влияние на изменения в численности и составе всего рабочего класса. Глубокое осмысление выявившихся сдвигов еще только начинается, но уже сейчас мы видим, как они отразились на профессиональной структуре рабочего класса, привели к значительному расширению женского труда в занятиях, требующих высокой квалификации, ранее считавшихся сугубо мужскими. Расширение непроизводственной сферы (о чем говорилось выше) произошло также в связи с вовлечением в нее преимущественно, а в некоторых случаях исключительно женщин-работниц. В определенной

мере то же самое характеризовало рост аграрного отряда рабочего класса.

В прямой связи с этими переменами заметно выросла трудовая и политическая активность женщин-работниц. Существенно увеличился их вклад в выполнение народнохозяйственных планов, в общий подъем советской экономики.

В условиях развитого социализма особое значение приобретает вопрос о росте общеобразовательного уровня рабочего класса. Борьба партии за дальнейший технический прогресс, за органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма сопровождается усилением роли народного просвещения, повышением общеобразовательной подготовки и тех, кто участвует в производстве, и тех, кто готовится в него вступить.

В Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, все задачи коммунистического строительства (создание материально-технической базы, формирование коммунистических общественных отношений, воспитание нового человека) непосредственно связаны с совершенствованием системы народного просвещения, прогрессом в области образования и воспитания молодого поколения. «Переход к коммунизму предполагает воспитание и подготовку коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и к умственному труду, к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, в области науки и культуры»⁵⁸. Программа партии признала необходимым осуществить переход к всеобщему обязательному среднему образованию.

В соответствии с положениями Программы партии в Директивах XXIII съезда по восьмому пятилетнему плану было записано: «В течение пятилетия завершить в основном введение всеобщего среднего образования»⁵⁹.

В 60-е годы значительно усовершенствовалась система вечерних школ. Был принят ряд постановлений правительства о льготах для производственников, обучавшихся в средней школе без отрыва от работы (о предоставлении дополнительных отпусков, сокращении рабочего дня и т. д.). Число учащихся вечерних (сменных) общеобразовательных школ, включая обучавшихся заочно, выросло с 2,8 млн. в 1960 г. до 4 млн. в 1970 г.⁶⁰ Заметно изменилось и распределение обучавшихся по разным классам: в 1960 г. на долю старшеклассников приходилось не многим более трети контингента учащихся, в 1970 г. — свыше 75 %, что отражало рост общеобразовательного уровня молодежи. В годы восьмой пятилетки ежегодно 600 тыс. производственников получали здесь среднее образова-

ние, что, несомненно, сказалось на уровне образования рабочего класса.

Но, конечно, главным фундаментом роста образовательного ценза рабочего класса, как и всего населения страны, являлась дневная общеобразовательная школа. Переход ко всеобщему среднему образованию молодежи, в основном осуществленный в 1966—1970 гг., делал ее влияние все более ощутимым, тем более что с каждым годом все большая доля выпускников средней школы приходит на работу в народное хозяйство. По расчетам экономистов, в 1967 г. больше половины выпускников средней школы (58%) приступили к работе, 15% были приняты в профессионально-технические училища, 27% продолжали учебу в техникумах и вузах. В 1970 г. трудоустроились в народном хозяйстве почти 63%⁶¹. Даже в рамках небольшого периода прослеживается рост удельного веса окончивших среднюю школу и поступивших на работу в те или иные отрасли народного хозяйства, в том числе пополнявших ряды рабочего класса.

К тому же в 1970 г. на рабочих местах трудились 25,7% всех окончивших техникумы и получивших среднее специальное образование⁶².

Коммунистическая партия всегда уделяла первоочередное внимание повышению уровня образования рабочего класса. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, «ведущая роль рабочего класса как строителя коммунизма укрепляется по мере того, как растут его общая культура, образованность, его политическая активность»⁶³.

Всесоюзная перепись населения 1970 г., зафиксировав выдающиеся завоевания развитого социализма в области культуры, в полной мере отразила переход страны со второй половины 60-х годов ко всеобщему среднему образованию, выявивший рост общеобразовательной подготовки всех слоев населения, в первую очередь рабочего класса. Результаты и динамика этого процесса раскрываются при сопоставлении материалов 1970 г. с итогами переписи, проведенной в 1959 г.⁶⁴ Самые общие итоги происшедших перемен содержит табл. 10.

При общем значительном повышении образовательного уровня населения за 11 лет произошло сближение показателей разных общественных групп. Наиболее высокие темпы роста наблюдались у колхозников (в 1,7 раза), у рабочих они были близки к средним (почти в 1,5 раза), у служащих относительно невысоки. Если в 1959 г. рабочие по рассматриваемому показателю в 2,3 раза отставали от служащих и в 1,7 раза превосходили колхозников, то в 1970 г. соответственно в 1,6 и 1,5 раза⁶⁵.

Конечно, при таком сопоставлении необходимо учитывать, из чего складываются приведенные цифры. Здесь сведены воедино имеющие и высшее, и среднее, и неполное среднее образование.

Т а б л и ц а 10

Уровень образования занятого населения СССР по общественным группам *
(на 1 тыс. человек)

Год	Имеющие высшее и среднее (полное и неполное) образование			
	все общественные группы	рабочие	служащие	колхозники
1959	443	396	907	226
1970	653	586	954	393

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 66.

Удельный вес каждой из таких категорий в разных общественных группах неодинаков. Однако в 60-е годы произошли значительные перемены: в 1959 г. высшее и среднее (специальное или общее) образование имел каждый двенадцатый рабочий страны, в 1970 г. — каждый пятый. В итогах переписи 1970 г. выделена специальная графа — рабочий с высшим образованием (чего в предыдущих публикациях вообще не было). Ее появление весьма симптоматично.

Среди занятых преимущественно физическим трудом один человек из 1 тыс. имел в 1970 г. высшее образование. Однако уже существует ряд рабочих профессий, которые требуют высокой общеобразовательной подготовки. Среди 1 тыс. горняков высшее образование имели 3, в том числе у взрывников — 10, у операторов по добыче нефти и газа и рабочих обогатительных фабрик — 7. Самый высокий показатель у горновиков, сталеваров, плавильщиков, конверторщиков (11), далее у металлургов идут электролизники (8), машинисты и операторы прокатных станов (7). Среди машиностроителей выделяются наладчики, настройщики, регулировщики оборудования (из 1 тыс. 7 человек с высшим образованием). 0,4% всех рабочих — химиков и полиграфистов, 0,5% лаборантов также окончили институты⁶⁶.

На фоне общего выравнивания уровня подготовки различных слоев населения страны можно выделить рабочих тех профессий, которые ближе всего подошли к образовательному цензу занятых преимущественно умственным трудом. Среди работников умственного труда 952 человека из каждой тысячи имели в 1970 г. высшее и среднее (полное и неполное) образование, а среди рабочих-лаборантов — 917, наборщиков — 898, фрезеровщиков — 841, часовщиков и ювелиров — 828, электромонтеров — 822, токарей — 818, наладчиков оборудования — 808. Конечно, высокие показатели такой, например, группы, как часовщики и ювелиры, которых насчитывалось 69 тыс., не могли серьезно сказаться на общих циф-

рах. Но токари, фрезеровщики, наладчики, электромонтеры, занятые в машиностроении,— это наиболее массовые профессии, их численность в момент переписи превысила 5 млн. человек. Высокой общеобразовательной подготовкой, помимо этих категорий рабочих, отличались также работники транспорта (машинисты локомотивов, водители трамваев, троллейбусов и поездов метро, судовые машинисты и мотористы), а также продавцы⁸⁷.

Обратимся теперь к данным, характеризующим объем школьной подготовки рабочих в зависимости от их занятий и выделим рабочих, занятых преимущественно в промышленности (табл. 11).

В табл. 11 мы расположили отдельные группы рабочих в зависимости от того, какое место по уровню образования они занимали в 1959 г. Впереди, значительно опережая остальных, шли полиграфисты. Высоким уровнем подготовки отличались труженики таких ведущих отраслей, как машиностроение, химия, металлургия, а также швейной и текстильной промышленности. Эти результаты весьма примечательны. В недавнем прошлом текстильщики, например, считались одним из наиболее отстающих в отношении образования отрядов рабочего класса. В 1926 г., когда среди фабрично-заводских рабочих было 15,9% неграмотных, среди металлистов их было 6,2%, а у текстильщиков эта цифра была наивысшей — 24,6%⁸⁸. Большие различия сохранялись между ними еще и в 1939 г. (образование не ниже семилетнего имели 17,6% металлургов и металлистов и 6% текстильщиков). В период между

Т а б л и ц а 11

*Уровень образования рабочих в 1959 и 1970 гг. (на 1 тыс.)**

Профессия	Имеющие высшее и среднее (полное и неполное) образование		Профессия	Имеющие высшее и среднее (полное и неполное) образование	
	1959 г.	1970 г.		1959 г.	1970 г.
Полиграфисты	677	809	Горняки	407	592
Швейники	565	733	Занятые в производстве стройматериалов	403	582
Занятые в машиностроении и металлообработке	540	742	Обувщики	397	616
Химики	520	741	Пищевики	393	567
Текстильщики	478	680	Деревообработчики	374	538
Металлурги и литейщики	438	641	Кожевники и меховщики	318	575
Бумажники и картонажники	415	604	Лесозаготовители	252	382

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 620—624.

переписями 1939 и 1959 гг. удельный вес рабочих со средним (полным и неполным) образованием вырос у металлургов и металлистов в 3 раза, а у текстильщиков — в 8 раз⁶⁹. В 1959 г. текстильщики по уровню образования приблизились к металлистам и опередили металлургов.

Существенно поднялся уровень образования и других отрядов рабочих, в результате чего значительно сократился разрыв между крайними группами. Если в 1939 г. полиграфисты превосходили лесозаготовителей в 6 раз, то к 1959 г. — в 2,6 раза⁷⁰.

В 1970 г. впереди по-прежнему шли полиграфисты, на второе и третье места вышли машиностроители и химики, несколько опередив швейников, пятое место, как и ранее, занимали текстильщики. Особенно быстрые темпы роста общеобразовательной подготовки обнаружили в эти годы обувщики, кожевники, лесозаготовители, что позволило им сблизиться с некоторыми другими отрядами промышленных рабочих. Разрыв между крайними группами — полиграфистами и лесозаготовителями — еще более сократился и определялся как отношение 2,1:1. Если же исключить лесозаготовителей, то остальные профессиональные группы вообще характеризовались довольно близкими показателями.

Интересно провести сопоставление уровня образования с возрастной структурой рабочих кадров. Наибольшим удельным весом молодых рабочих (до 30 лет) отличались машиностроители, текстильщики, швейники, полиграфисты, обувщики, химики, т. е. именно те отряды рабочих, где был и высокий образовательный ценз. В самой «молодежной» отрасли — машиностроении — почти половина рабочих не достигла еще 30-летнего возраста. Здесь произошло после переписи 1959 г. наиболее значительное обновление и расширение состава рабочих. Число занятых увеличилось на 6,2 млн. человек (на 70%). В то же время три четверти лесозаготовителей приходилось на возрастную категорию «30 лет и старше». Численность работников на лесозаготовках за 11 лет резко упала.

Высокий удельный вес старших возрастов (от 50 лет и выше) был в 1970 г. у рабочих деревообрабатывающей, пищевой, кожевенной и меховой промышленности. Почти во всех отраслях в 1959—1970 гг. произошло заметное снижение числа занятых.

Академик С. Г. Струмилин, исследовавший эффективность народного образования в СССР на основе итогов переписи 1959 г., писал в 1962 г.: «Доля лиц с низким образованием резко падает, а средний уровень образования быстро растет. А еще через десяток лет с реализацией всеобщего обучения... возрастет еще значительно. Работники старших возрастов (свыше 20 млн. за 10 лет) с наиболее низким образовательным уровнем выйдут на пенсию, а на смену им придет до 30 млн. молодежи из высшей и средней школы, и в общем даже в сфере преимущественно физического

труда будут преобладать кадры, вооруженные не только высокой техникой, но и аттестатом зрелости по линии общего и политехнического образования»⁷¹.

В период между двумя последними переписями численность занятых в стране увеличилась на 16 млн. На смену рабочим старших возрастов, ушедшим на пенсию, пришло новое пополнение, окончившее, как правило, неполную среднюю и среднюю школу, техникум.

Материалы переписи 1970 г. дают возможность сравнить уровень образования населения в различных возрастных группах. Самой высокой подготовкой отличались те, кому в 1970 г. было 20—29 лет. Из каждой 1 тыс. человек 50 имели высшее, 834 — незаконченное высшее и среднее (полное и неполное) и 98 — начальное образование; не окончили четырех классов — 18. Даже в следующей возрастной группе (30—39 лет) лиц с начальным образованием было в 3 раза больше. Среди же тех, кому в 1970 г. исполнилось 60 и более лет, было на каждую 1 тыс. 22 человека с высшим, 90 — с незаконченным высшим и средним (полным и неполным), 194 — с начальным образованием; остальные (694) не закончили начальной школы. Эти цифры наглядно показывают разницу в образовательной подготовке двух поколений, одно из которых в массе своей в 60-е годы вышло на пенсию, а второе в это время начало свой трудовой путь.

Понятно, что приход молодежи мог оказать влияние на уровень общеобразовательной подготовки занятых прежде всего в тех отраслях, где наблюдалось наиболее быстрое увеличение контингента рабочих, где сам процесс производства предъявлял высокие требования к культурно-техническому уровню кадров. Наибольший рост численности был у химиков, машиностроителей, швейников, т. е. у работников тех производств, где был и больший удельный вес молодежи и выше образовательный уровень рабочих.

Пользуясь аналогичными приемами, что и при анализе образовательного уровня рабочих различных профессий, рассмотрим отдельные отряды рабочего класса по союзным республикам (табл. 12).

Образовательный уровень рабочих вырос во всех союзных республиках. Особенно разительные перемены произошли на Украине, которая превзошла все другие республики по данному показателю. По-прежнему высокими результатами отличались все закавказские республики. Средние показатели по стране (58,6%) превысили Туркменская и Узбекская республики, приблизились к ним рабочие Киргизии. Еще в 1959 г. все среднеазиатские республики не достигали общесоюзных показателей, а в 1939 г. они отставали в 3—4 раза от Грузии и Армении. В 1959—1970 гг. Туркменская и Узбекская республики обнаружили самые быстрые темпы роста, уровень образования рабочих в этих республиках в

Т а б л и ц а 12

Уровень образования рабочих союзных республик СССР в 1959 и 1970 гг.
(на 1 тыс.)*

Республика	Имеющие высшее и среднее (полное и неполное) образование		Республика	Имеющие высшее и среднее (полное и неполное) образование	
	1959 г.	1970 г.		1959 г.	1970 г.
Грузинская ССР	498	655 (II) **	Узбекская ССР	385	606 (VI)
Армянская ССР	487	617 (III)	РСФСР	378	567 (XI)
Латвийская ССР	473	578 (VII)	Белорусская ССР	373	568 (IX—X)
Украинская ССР	466	665 (I)	Казахская ССР	372	555 (XIII)
Азербайджанская ССР	444	608 (V)	Таджикская ССР	360	557 (XII)
Эстонская ССР	394	568 (IX—X)	Молдавская ССР	344	531 (XIV)
Киргизская ССР	389	577 (VIII)	Литовская ССР	329	421 (XV)
Туркменская ССР	387	616 (IV)			

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 86, 115, 124, 127, 131, 137—145. Республики расположены в таблице по уровню образования рабочих в 1959 г.

** Место, занимаемое республикой по уровню образования рабочих в 1970 г.

1970 г. был выше, чем в Латвии и Эстонии. Рабочие Латвийской ССР занимали в 1959 г. третье место среди 15 республик страны, в 1970 г. лишь седьмое, рабочие Эстонии — соответственно шестое и девятое — десятое. Медленнее, чем в других союзных республиках, росла общеобразовательная подготовка рабочих в Литовской ССР, в результате их отрыв от других отрядов даже несколько увеличился. Что касается остальных республик, то их показатели стали очень близкими. Практически между Украиной, где 66,5% рабочих имели образование не ниже неполного среднего, и Узбекистаном (60,6%) разрыв составлял в 1970 г. всего 5,9 пункта. А между уровнем школьной подготовки рабочих Латвии (57,8% — седьмое место) и Молдавии (53,1% — четырнадцатое место) — 4,7 пункта.

Особенно быстро в эти годы в связи с переходом ко всеобщему среднему образованию увеличивалась доля рабочих, окончивших среднюю школу и техникум (рост в 2,5 раза). К 1970 г. 19,9% рабочих СССР имели среднее, незаконченное высшее и высшее образование, в том числе в Грузинской ССР — 37,8%, Армянской — 29,8%, Украинской — 27,6%, Азербайджанской — 27,5%, Узбекской — 26,1%, Туркменской — 22,1%, Киргизской — 21,0%, Бело-

русской — 20,7%, Таджикской — 20,5%. В этих 9 республиках показатель был выше общесоюзного. Примечательно, что помимо Закавказья, Украины и Белоруссии сюда вошли и все четыре среднеазиатские республики. В 1959 г. средних по стране показателей Туркменская, Таджикская и Белорусская ССР еще не достигали. С другой стороны, ниже показателя по СССР в целом оказались данные по Латвийской и Эстонской ССР, ранее превосходившим всю Среднюю Азию, Белоруссию.

Интересно также проследить, как уменьшалось количество рабочих, не имевших начального образования. В 1959 г. их удельный вес был еще весьма значителен во всех среднеазиатских республиках, Азербайджане и Молдавии (в Узбекской ССР, где положение было особенно неблагоприятным в этом отношении, не окончил начальную школу каждый третий рабочий). Наименьшей эта категория была в республиках Советской Прибалтики: в Эстонской ССР не окончил начальной школы лишь один из 13 рабочих.

К 1970 г. произошло значительное сокращение числа и удельного веса рабочих без начального образования. В Эстонии их осталось всего 3,7%, на Украине и в Белоруссии — немногим более 8%, в Латвии — 10%. В 2 с лишним раза уменьшилась их доля в Узбекистане. Однако, как и в 1959 г., эта категория рабочих была наибольшей в среднеазиатских республиках, Азербайджане и Молдавии (14—19%). Это еще довольно высокий процент.

Приведенные цифры говорят о том, что при всех очевидных успехах в области повышения общеобразовательного уровня рабочего класса перед обществом стоят еще серьезные задачи. «Мы с гордостью отмечаем, — говорил в 1973 г. Л. И. Брежнев, — что теперь у нас 66 процентов рабочих имеют среднее (полное или неполное) или даже высшее образование. Действительно, тут есть чем гордиться, особенно если вспомнить, что перед войной таких рабочих было всего 8 процентов.

Но есть и над чем задуматься. Та же статистика говорит, что 34 процента рабочих имеют только начальное образование или еще меньше. Это создает для нас определенные проблемы, которые мы должны решить и которые мы сейчас решаем»⁷². Нынешний этап развития нашей страны делает особенно актуальными задачи повышения общеобразовательного и профессионального уровня рабочих.

Мы рассмотрели данные об уровне образования рабочих 15 союзных республик страны. Это обобщающие, итоговые цифры, складывающиеся из множества показателей, отражающих уровень школьной подготовки тружеников различных профессий, занятых в тех или иных отраслях народного хозяйства, проживавших в городе и сельской местности и т. д. Материалы переписей 1959 и 1970 гг. предоставляют определенные возможности для раскрытия общих цифр.

В соответствии с программой разработки переписных листов все население СССР подразделяется на городское и сельское. Подобная же градация проведена по всем общественным группам. Полученные таблицы содержат материал для сопоставления состава рабочих кадров, проживающих в городе и селе. В 1959 г. образование не ниже 7 классов имели в СССР 43,2% городских рабочих и 32% — сельских. Аналогичный интервал был в РСФСР, на Украине, в Молдавии.

Однако такое соотношение прослеживается не по всем республиканским отрядам. В республиках Закавказья показатели, характеризующие городских и сельских рабочих, оказались довольно близкими. Среди тысячи городских рабочих Азербайджана с высшим и средним (полным и неполным) образованием было лишь на 34 человека больше, чем среди сельских, в Грузии — на 89, в Армении — на 85.

В Средней Азии практически различия были еще меньше, чем в Закавказье. В Туркмении, в единственной из 15 республик, сельские рабочие превосходили городских. Уровень школьной подготовки городских рабочих Туркмении (38% с образованием не менее 7 классов) был ниже общесоюзного, а сельских (41%) — значительно выше.

В следующую группу можно объединить рабочих Белоруссии и Советской Прибалтики. Здесь городские рабочие намного опередили сельских.

В период между двумя последними переписями удельный вес окончивших вуз, техникум, среднюю школу (полную и неполную) поднялся среди городских рабочих с 43,2 до 64,2%, а среди проживающих в сельской местности — с 32 до 46%⁷³, т. е. рост был примерно одинаковым, почти в 1,5 раза. Однако этот процесс не проходил равномерно и несколько изменил сложившиеся ранее соотношения (табл. 13).

Сам характер происшедших изменений подтверждает ту группировку, которую выявила в 1959 г. перепись населения. Разрыв между городскими и сельскими рабочими по уровню общеобразовательной подготовки по-прежнему был наибольшим в Белоруссии и Советской Прибалтике, причем с 1959 г. он заметно увеличился. Вплотную к ним подошла Российская Федерация. Белоруссию и РСФСР отличал высокий уровень образования городских рабочих. Сельские же рабочие этих регионов вместе со всеми прибалтийскими республиками замыкали табл. 13, что не могло не сказаться на итоговом показателе.

Как городские, так и сельские рабочие Закавказья отличались высоким общеобразовательным цензом, хотя разница между городом и селом немного возросла здесь повсеместно.

В Средней Азии шло дальнейшее сближение городских и сельских отрядов рабочего класса, в Туркмении сельские рабочие шли

Т а б л и ц а 13

*Уровень образования городских и сельских рабочих союзных республик СССР в 1970 г. (на 1 тыс.)**

Республика	Имеющие высшее и среднее (полное и не-полное) образование		Республика	Имеющие высшее и среднее (полное и не-полное) образование	
	городское население	сельское население		городское население	сельское население
Грузинская ССР	720	564 (III) **	Эстонская ССР	620	427 (XIII)
Украинская ССР	710	545 (V)	Латвийская ССР	619	463 (X)
Белорусская ССР	689	399 (XIV)	Казахская ССР	619	469 (IX)
Армянская ССР	673	499 (VIII)	Молдавская ССР	619	431 (XI)
Азербайджанская ССР	645	538 (VI)	Туркменская ССР	606	650 (I)
РСФСР	625	423 (XII)	Таджикская ССР	563	661 (IV)
Узбекская ССР	623	584 (II)	Литовская ССР	498	275 (XV)
Киргизская ССР	623	528 (VII)			

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 86, 115, 124, 127, 131, 137—145.

** Место, занимаемое республикой по уровню образования сельских рабочих.

впереди городских с еще большим опережением, чем в 1959 г. В 1970 г. 65% рабочих Туркменской ССР, проживавших в сельской местности, имели образование не ниже неполного среднего. Это был самый высокий показатель в стране. Значительный сдвиг произошел в уровне школьной подготовки сельских рабочих Узбекистана, занявших теперь второе место. Следом за ними шли рабочие Грузии, Таджикистана, Армении, Азербайджана, Киргизии. В 1959 г. положение было несколько иным: первое место занимали сельские рабочие Закавказья, показатели среднеазиатских республик были гораздо скромнее. Большие успехи, достигнутые сельскими рабочими Туркмении и Узбекистана, отразились и на общем положении, которое заняли к 1970 г. рабочие кадры этих республик (если взять вместе и городское и сельское население), подобно тому, как отставание сельских рабочих РСФСР и Белоруссии отодвинуло назад эти республики при довольно высокой общеобразовательной подготовке рабочих города.

Конечно, влияние состава сельских рабочих на общие показатели не могло быть одинаковым во всех районах. Как в СССР в целом, так и в каждой союзной республике городские рабочие составляли большинство. Однако их удельный вес варьировался от 79% в Туркмении, 75% в Эстонии, 72% в РСФСР, до 57% в Бе-

лоруссии, 52—53% в Молдавии, Киргизии, Узбекистане (по стране около 70% рабочих проживало в городе)⁷⁴.

Анализ таблиц 12 и 13 показывает, что в темпах развития общеобразовательной подготовки рабочих в союзных республиках наблюдались значительные расхождения. Это обстоятельство тем более требует своего объяснения, что оно, проявившись в условиях повсеместного подъема народного образования, привело в ряде случаев к резкому повышению уровня образования рабочих тех союзных республик, которые ранее заметно отставали от средних показателей по Союзу.

Не ставя перед собой задачу дать полное объяснение отмеченного явления (уже освещавшегося в литературе), ограничимся в данном случае рассмотрением причин, связанных с демографической ситуацией в стране, которая в послевоенный период не была одинаковой во всех районах СССР. Статистические материалы зафиксировали существенные колебания в показателях рождаемости в различных союзных республиках, среди тех или иных национальностей. Разной была и возрастная структура как всего населения, так и трудовых ресурсов.

В начале 50-х годов, например, в СССР число родившихся достигло 26,7 на 1 тыс. человек населения. При этом наблюдались большие отклонения от общесоюзных показателей: от 17—18 человек в Эстонии и Латвии до 30—38 в Средней Азии и Казахстане⁷⁵.

Известный советский демограф Б. Ц. Урланис отмечает, что к началу 1970 г. у ряда национальностей удельный вес молодежи до 20-летнего возраста превзошел 50%. Особенно высок он был у узбеков, таджиков, казахов, азербайджанцев, киргизов; несколько меньше у русских. Значительно ниже удельный вес послевоенного поколения у народов Прибалтики⁷⁶.

Мы привели этот расчет лишь для выявления общей тенденции. Для выяснения же состава рабочих кадров из послевоенного поколения следует выделить тех, кто достиг трудоспособного возраста. Объединив лиц, достигших возраста 15—29 лет, получим следующую картину: по СССР они составляли 40% по отношению к трудоспособному населению страны, по РСФСР — также 40%, по республикам Средней Азии — 45—48%, а в Латвии и Эстонии — 38—39%⁷⁷. Здесь приведены материалы по возрастной структуре всего населения. Такое же положение вырисовывается при сопоставлении по республикам доли молодых рабочих, занятых в отдельных производствах. Так, среди рабочих-машинистов доля молодежи в Средней Азии была выше средних показателей по СССР, а в республиках Советской Прибалтики ниже (при значительном удельном весе старших возрастов).

Особенности возрастной структуры населения накладывают свой отпечаток и на ход изменения его общеобразовательной под-

готовки. При общем стремительном росте культуры, развитии системы народного просвещения во всех республиках особенно быстро менялся уровень школьной подготовки рабочих в таких районах страны, где пришедшее на производство молодое поколение составило значительную часть рабочих кадров.

Каждая союзная республика является крупным народнохозяйственным комплексом, располагающим значительным отрядом рабочего класса. Общие показатели общеобразовательной подготовки трудящихся республики могут получить дальнейшее раскрытие по отраслям экономики, отдельным рабочим профессиям, территориальным единицам. Особенно большое разнообразие в этом отношении демонстрирует Российская Федерация, где проживало в 1970 г. более половины населения страны и было занято 60% всех рабочих кадров. В административном отношении в РСФСР выделяются 73 единицы: 71 область, край, автономная республика и 2 города (Москва и Ленинград). Есть ли различия в общеобразовательном цензе рабочих этих районов?

В 1959 г. 44,4% городских рабочих РСФСР имели образование не ниже семилетнего. Наиболее высоким уровнем школьной подготовки отличались рабочие городов Курской, Орловской областей, Чувашской АССР, Воронежской области, Ленинграда, Ростовской, Рязанской, Белгородской, Волгоградской, Саратовской областей. Большие сдвиги произошли в ряде автономных республик: Северная Осетия, Мордовия, Татария, Кабардино-Балкария, Башкирия превысили средний показатель по Федерации. Все эти районы представляли европейскую часть территории республики. Не достигли среднего показателя по РСФСР все районы Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также почти полностью Северо-Запад, некоторые области Волго-Вятского и Поволжского районов в европейской части Федерации. Соотношение между крайними группами (Курская область — 50,5% городских рабочих с образованием не ниже неполного среднего и Калмыцкая АССР — 28,2%) равнялось 1,8:1⁷⁸. Это свидетельство того, что к 1959 г. разрыв был уже не столь значительным.

Показательно, что Ленинград стоял только на пятом месте, а Москва оказалась на двадцать первом в ряду 73 административных единиц РСФСР. Впереди находились те области Центрального и Центрально-Черноземного районов, некоторые города Поволжья, ряд автономных республик, где промышленность особенно быстро развивалась в послевоенный период. К этому же времени относятся и значительный рост рабочих кадров, которые продолжают интенсивно пополняться за счет молодежи с более высокой образовательной подготовкой.

Следует заметить, что ряд крупнейших индустриальных центров страны находился в особом положении. Речь идет о городах, где новое промышленное строительство почти не велось, а рекон-

струкция действующих предприятий осуществлялась в основном без расширения контингента занятых. К тому же в них регулировался механический прирост населения.

В литературе уже отмечалось, что Москва, например, является сравнительно «пожилым» городом: удельный вес старших возрастов здесь довольно высок⁷⁹. Выделяется она и возрастной структурой рабочих кадров. Кроме того, в Москве значительна доля рабочих-строителей, уровень образования которых ниже, чем в промышленности. Сказался на итоговом показателе и больший процент женщин среди рабочих столицы, поскольку образовательная подготовка работниц Москвы оказалась сравнительно невысокой. Если среди всех рабочих города окончили семилетнюю и среднюю школу, техникум или вуз 43,5%, то для мужчин этот показатель равнялся 47,5%, а для женщин — 39,6%. Москвичи-мужчины занимали четвертое место среди указанных 73 районов РСФСР, а женщины — пятьдесят первое⁸⁰.

Конечно, такое объяснение, связанное с сопоставлением уровня образования с удельным весом мужчин и женщин, исходит из реальных условий Москвы, годится именно для этого города и не может быть универсальным.

В целом по РСФСР уровень школьной подготовки работниц был в 1959 г. выше, чем у мужчин (это относится как к городским рабочим, так и к сельским)⁸¹. Такое же положение сложилось в 52 областях, краях, автономных республиках из 73 по РСФСР, где женщины опережали мужчин, в двух областях положение было равным. Некоторое преимущество сохранялось у мужчин, кроме Москвы и Ленинграда, лишь на северо-западе республики и в отдельных областях Центра, но в основном показатели были очень близкими.

За 1959—1970 гг. уровень образования всех городских рабочих РСФСР ощутимо вырос: с 41,4%, имевших образование не ниже неполного среднего, до 62,5%. Самый высокий результат был в Чувашской АССР (71%), в Ленинграде (69,2%), Магаданской, Орловской, Воронежской, Курской и Волгоградской областях. Городские рабочие Мордовской АССР, которые в 1959 г. занимали в РСФСР пятнадцатое место, в 1970 г. находились уже на восьмом. Особенно заметный рост общеобразовательной подготовки рабочих наблюдался в Магаданской, Камчатской и Мурманской областях. По-прежнему ниже средних показателей был уровень образования городских рабочих Урала, Сибири, Дальнего Востока. Помимо Магаданской и Камчатской областей, общие показатели по республике превзошел лишь Приморский край. Высокие темпы роста удельного веса рабочих с неполным средним, средним и высшим образованием обнаружили Тувинская и Калмыцкая АССР. В результате в 1970 г. крайние группы еще более сблизились. Разница между высшим показателем в Чувашской АССР (71%) и

наименьшим в Калмыцкой АССР (48,5%) составила отношение 1,46 : 1, т. е. была меньше, чем в 1959 г.⁸²

К 1970 г. в РСФСР наметилось и другое изменение: уровень школьной подготовки городских рабочих-мужчин вновь был выше, чем у женщин. Такое положение сложилось и почти во всех административных единицах РСФСР (за исключением Ярославской, Владимирской, Тульской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Саратовской областей, Северо-Осетинской АССР и Алтайского края). Аналогичный результат получен и на Украине, в Белоруссии, Литве, Киргизии. Отмеченный вывод подтверждают также данные об образовательном уровне рабочих (городских и сельских) по СССР в целом. В 1959 г. имели среднее (полное и неполное) и высшее образование 39,4% рабочих и 39,7% работниц, в 1970 — 60,7% и 56%⁸³.

Различие не столь уж велико, но некоторое преимущество рабочих-мужчин к 1970 г. все же выявилось. Этот факт пока еще не только не объяснен, но даже не отмечен в литературе по истории советского рабочего класса. Вероятно, это изменение связано с весьма значительным в 60-е годы вовлечением в общественное производство женщин, занятых ранее в домашнем и личном подсобном хозяйстве. Это в основном лица среднего возраста, располагавшие не столь высокой общеобразовательной подготовкой, какая имелаась у молодого поколения, только начинавшего свою трудовую деятельность. К тому же в эти годы количество привлеченных к труду пенсионеров-женщин в несколько раз превзошло число мужчин.

Конечно, для полного обоснования этого объяснения необходимо привлечение более широкого круга источников, характеризующих состав различных групп пополнений рабочего класса, уровень их общеобразовательной подготовки и дифференцированных по полу и возрасту. Таких материалов публикация переписи населения 1970 г. не дает.

В заключение необходимо подчеркнуть, что уровень школьной подготовки рабочих (мужчин и женщин) оказался очень близким. Фактически различий в образовательном цензе уже нет.

Сближение наблюдается и при изучении всех остальных показателей, характеризующих изменения в образовательном уровне рабочих различных занятий, профессий, рабочих, проживающих в городе и деревне, а также в разрезе союзных и автономных республик, краев и областей.

Вполне понятно, что рабочие, составляя ныне большинство трудящихся, самую значительную часть и городского и сельского населения, своей общеобразовательной подготовкой оказывают решающее влияние на культурный облик всего нашего общества.

Итак, мы проследили основные изменения в численности рабочего класса, в его отраслевой и половозрастной структуре, в уров-

не общеобразовательной подготовки, характерные для его роста в условиях зрелого социализма. Сопоставляя этот этап, неразрывно связанный с научно-технической революцией, с периодом индустриализации, легко заметить то общее, что их объединяет. Практически проанализированные выше изменения были продолжением тех процессов, которые развернулись уже в годы довоенных пятилеток.

Прежде всего, это неуклонный рост численности рабочего класса в масштабах всей страны и во всех союзных республиках. Уже в период индустриализации наметилось активное вовлечение женщин в производство. Из года в год особенно быстро увеличивалась прослойка металлстов. Тогда же начался и систематический подъем культурного уровня рабочего класса. В условиях зрелого социализма перечисленные тенденции получили свое дальнейшее развитие и приобрели исключительную масштабность. Действительно, если за период с 1928 г. по 1937 г. рабочий класс увеличился на 11,9 млн., то с 1959 г. по 1970 г. абсолютный прирост превысил 18 млн. человек. Можно, разумеется, сравнивать достижения и в подъеме образованности рабочих, но нельзя забывать, что в 20—30-е годы приходилось еще бороться с неграмотностью и внедрять начальное образование, а в 60-е годы шел переход к всеобщему среднему образованию и некоторые отряды рабочего класса приблизились к уровню образования служащих. Уместно добавить, что этот результат достигался в условиях, когда ежегодное увеличение рабочего класса измерялось миллионами человек, а в годы индустриализации соответствующие показатели были хотя и не менее значительными для своего времени, но более скромными.

Не менее важно обратить внимание и на определенную специфику, которая отличает рост рабочего класса на современном этапе от сдвигов, происходивших в довоенное время. В условиях, когда рабочий класс составляет 50—60% численности работающих, темпы его роста постепенно снизились. В отраслевой структуре все более отчетливо выявляется сдвиг в сторону увеличения (абсолютного и относительного) лиц, занятых в сфере нематериального производства. Обнаружилось некоторое уменьшение удельного веса рабочих, занятых в промышленности. Стабилизировалась численность строителей. В то же время резко вырос аграрный отряд рабочего класса.

В ряде трудоемких производств впервые произошло уменьшение общей численности рабочих. При продолжающемся увеличении выпуска продукции сокращалось число шахтеров, занятых на подземных работах, лесозаготовителей, ткачей. Одновременно появились рабочие новых профессий. В отличие от аналогичного процесса периода индустриализации, когда ранее неизвестные профессии были связаны в основном с физическим трудом, в услови-

ях научно-технической революции новые профессии, как правило, требуют все больших затрат умственного труда.

Научно-техническая революция во многом определила характер и динамику современных изменений в рабочем классе. В задачу данной статьи не входило всестороннее рассмотрение этой взаимосвязи (к тому же она достаточно хорошо раскрыта советскими обществоведами). В то же время необходимо отметить, что те изменения, о которых только что говорилось, происходили в СССР в условиях борьбы за соединение достижений НТР с преимуществами социализма. НТР разворачивается в нашей стране в обстановке безраздельного господства общественной собственности, полной занятости, отсутствия безработицы, осуществления всеобщего среднего образования.

Особо следует подчеркнуть, что каждое из этих достижений, как и все изменения в составе рабочего класса, явилось результатом планомерного развития советского общества, целенаправленно руководимого Коммунистической партией в условиях зрелого социализма.

¹ Духовный мир советского рабочего. Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1972; Баялман Л. С., Шкартан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1974; Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма. М., 1975.

² Полежаев В. Е., Сеняевский С. Л. Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социализма и коммунизма. М., 1972; Сеняевский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М., 1973; Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974; Ежов В. А. Рабочий класс СССР. Л., 1974; Ворожейкин И. Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975.

³ Чуланов Ю. Г. Изменения в составе и уровне творческой активности рабочего класса СССР, 1959—1970. Л., 1974; Гусев С. П. Рост численности и изменение качественного состава промышленных рабочих.— В кн.: Рабочий класс развитого социалистического общества. Советский рабочий класс. Краткий исторический

очерк (1917—1973 гг.). М., 1975; Клопов Э. В. Влияние научно-технического прогресса на состав рабочего класса.— В сб.: Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976; Попов С. В. Рабочая молодежь в социальной структуре развитого социалистического общества.— «Вопросы истории», 1976, № 4.

⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 29.

⁵ Имеются в виду сборники, первый из которых вышел в 1959 г. (Народное хозяйство СССР в 1958 г.).

⁶ Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций.— «История СССР», 1972, № 4; Дробижеева Л. М. Усиление общности в культурном развитии советских наций.— «История СССР», 1972, № 4; Данилов В. П. Социальная структура советской деревни. (По данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.).— В сб.: Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР.

⁷ В предисловии к сводному тому говорится: «В связи с передачей

- в 1960 г. предприятий промышленной кооперации в систему государственных предприятий кооперированные кустари показаны вместе с рабочими и служащими (соответственно занятиям)» (Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (Сводный том). М., 1962, с. 8—9).
- ⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI. М., 1973, с. 4.
 - ⁹ Там же, с. 19.
 - ¹⁰ Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971, с. 509; Народное хозяйство СССР в 1972 г. М., 1973, с. 503. Впервые скорректированные цифры были приведены в юбилейном статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР, 1922—1972 гг.» (М., 1972) без пояснений, с примечанием: «Данные несколько уточнены по сравнению с опубликованными ранее» (с. 345). В последующих сборниках примечание опущено.
 - ¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том), с. 95; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 27.
 - ¹² По переписи 1970 г. 20 млн. рабочих проживали в сельской местности; это в 2,5 раза больше численности рабочих, занятых в сельском хозяйстве.
 - ¹³ Всесоюзная перепись населения 1970 года. Сб. статей. М., 1976, с. 213.
 - ¹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. II. М., 1972, с. 13.
 - ¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1970 года, с. 217.
 - ¹⁶ В 1959—1965 гг. численность рабочих и служащих СССР возросла на 21 млн. человек, что было на 9 млн. выше контрольных цифр, утвержденных XXI съездом КПСС. В 1966—1970 гг. прирост составил 13 млн., что было даже немного ниже плана (XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 2. М., 1966, с. 9, 355; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 101; Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 509).
 - ¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1970 года, с. 219.
 - ¹⁸ Костин Л. А. Повышение эффективности труда в новых условиях хозяйствования. М., 1971, с. 109.
 - ¹⁹ Некоторое несоответствие структуры всего населения и занятого населения связано с разным количественным составом семей трех общественных групп (при среднем размере семьи в 3,7 человека у рабочих он равен 3,6, служащих — 3,2, колхозников — 3,9). См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII. М., 1974, с. 252—253.
 - ²⁰ Материалы переписи 1970 г. не подтверждают выводы Д. Л. Латифова о том, что в это время в республиках Средней Азии среди сельского населения преобладало колхозное крестьянство — в Киргизии положение уже было иным: 45,4% рабочих и 39,2% крестьян (Латифов Д. Л. Подготовка молодой смены советского рабочего класса Средней Азии. — В кн.: Актуальные проблемы истории советского рабочего класса. М., 1975, с. 176).
 - ²¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 28—33.
 - ²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 215.
 - ²³ Корчагин В. П. Трудовые ресурсы в условиях научно-технической революции. М., 1974, с. 41—42.
 - ²⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 295.
 - ²⁵ Дивилов С. И. Численность и структура занятых в народном хозяйстве. М., 1976, с. 7.
 - ²⁶ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1. М., 1971, с. 82.
 - ²⁷ Там же, с. 57.
 - ²⁸ Всесоюзная перепись населения 1970 года, с. 229.
 - ²⁹ В этих 16 выделенных группах большинство рабочих было занято в промышленности. Однако нельзя, как это подчас еще делается, относить их полностью к промышленным рабочим. Так, из общей численности машинистов, строителей и металлистов, по нашим

- подсчетом, более $\frac{2}{3}$ было занято в промышленности, остальные — в строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве и т. д. В промышленности работали примерно $\frac{2}{3}$ лаборантов и дерево-обработчиков, от 80 до 90% — полиграфистов, пищевиков, горняков, лесозаготовителей, рабочих, занятых производством стройматериалов. Здесь трудились свыше 90% химиков, металлургов, бумажников, текстильщиков, швейников, обувщиков, кожевников. (Рассчитано по: Итоги переписи населения 1970 года, т. VI, с. 14—20, 245—248.)
- ³⁰ Там же, с. 14—20.
- ³¹ Рабочий класс развитого социалистического общества, с. 77.
- ³² Сивохина Т. А. Состав и структура рабочего класса на современном этапе развития советского общества.— В сб.: Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР, с. 325.
- ³³ Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.). М., 1969, с. 144.
- ³⁴ Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970, с. 310—311.
- ³⁵ Сенявский С. Л., Тельпуховский В. В. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.). М., 1971, с. 345—346.
- ³⁶ Изменения в численности и составе советского рабочего класса. М., 1961, с. 155, 156, 157.
- ³⁷ Трудовые ресурсы: формирование и использование. М., 1975, с. 170.
- ³⁸ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1. М., 1971, с. 100.
- ³⁹ Можно назвать лишь одну статью, освещающую на основе материалов переписей населения изменение возрастного состава рабочей молодежи в 1959—1970 гг. (Попов С. В. Указ. соч.).
- ⁴⁰ Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. М., 1972, с. 39.
- ⁴¹ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1, с. 110.
- ⁴² Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 627, 629, 637.
- ⁴³ Трудовые ресурсы: формирование и использование. М., 1975, с. 198.
- ⁴⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 7. М., 1970, с. 528—529, 677—679.
- ⁴⁵ Костин Л. А. Повышение эффективности труда в новых условиях хозяйствования. М., 1971, с. 192.
- ⁴⁶ Там же, с. 190.
- ⁴⁷ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 448—609.
- ⁴⁸ Ежов В. А. Рабочий класс СССР, с. 95.
- ⁴⁹ Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974, с. 589.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 201.
- ⁵¹ Там же, с. 202.
- ⁵² Высокий уровень женской занятости был достигнут и в других социалистических странах. Так, в ГДР из общего числа женщин трудоспособного возраста работают в общественном производстве или учатся с отрывом от производства 84,5%, в ЧССР — 85,6% («Вопросы экономики», 1976, № 3, с. 82).
- ⁵³ Демографические аспекты занятости. М., 1975, с. 26.
- ⁵⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (Сводный том), с. 104—105; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V с. 196.
- ⁵⁵ Трудовые ресурсы: формирование и использование, с. 68.
- ⁵⁶ Мизгайлюк В. В. Социально-экономические проблемы женского труда.— «Вопросы экономики», 1976, № 3, с. 83.
- ⁵⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 66.
- ⁵⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, с. 122—123.
- ⁵⁹ XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 2, с. 359.
- ⁶⁰ Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 629.
- ⁶¹ Образовательная и социально-профессиональная структура населения СССР. М., 1975, с. 21.
- ⁶² Остапенко И. П. Рабочий класс

- СССР в управлении производством. М., 1976, с. 67
- ⁶³ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1, с. 98.
- ⁶⁴ При публикации итогов переписи населения 1970 г. появились новые цифры, характеризующие уровень образования населения в 1959 г.: 39,6% рабочих окончили неполную среднюю, среднюю и высшую школу, а не 38,6%, как было опубликовано ранее. Подобной корректировке подверглись данные 1959 г. об уровне образования рабочих городских и сельских, мужчин и женщин, проживавших в тех или иных союзных республиках. Связано это было с пересчетом итогов 1959 г. по методике 1970 г., когда к рабочим были отнесены такие группы, как продавцы, парикмахеры, маникюрши и фотографы, ранее отнесенные к занятым преимущественно умственным трудом.
- ⁶⁵ В межпереписной период несколько изменилось само содержание категории «среднее образование» и «неполное среднее образование». В школах страны менялись сроки обучения (10 и 11 лет), произошел переход к восьмилетнему обучению в неполной средней школе. Соответственно в 1970 г. к лицам с неполным средним образованием отнесены окончившие 7 классов в 1961 г. и ранее, 8 классов — в любом году, учившиеся в IX, X, XI классе средней школы, но не окончившие ее; к лицам с общим средним образованием — окончившие 10- или 11-летнюю школу.
- ⁶⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VI, с. 620—624.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Рашин А. Г.* Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917—1958 гг.— «История СССР», 1961, № 2, с. 13.
- ⁶⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (Сводный том), с. 177—178.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Струмилин С. Г.* Избранные произведения, т. 5. М., 1965, с. 270—271.
- ⁷² *Брежнев Л. И.* Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе, т. 2. М., 1975, с. 304.
- ⁷³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 66—67.
- ⁷⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 28—33.
- ⁷⁵ Народное хозяйство СССР. 1922—1972, с. 42—43.
- ⁷⁶ *Урланис Б.* Послевоенное поколение в зеркале демографии.— «Наука и жизнь», 1975, № 5, с. 92.
- ⁷⁷ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. II. М., 1972, с. 12—75. Для сопоставления с трудоспособным населением выделена возрастная группа 15—29 лет.
- ⁷⁸ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 86—115.
- ⁷⁹ Культурная революция в СССР. 1917—1965. М., 1967, с. 168.
- ⁸⁰ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 86—115.
- ⁸¹ Там же, с. 86.
- ⁸² Там же, с. 86—115.
- ⁸³ Там же, с. 66.

«НОВАЯ ТАКТИКА» РОССИЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ПРОВАЛ. 1920—1922 ГГ.

Ю. В. Мухачев

Переход от капитализма к социализму характеризуется острой борьбой между пролетарским государством и эксплуататорскими классами, которые при поддержке международной реакции стремятся вернуть утраченные ими позиции. Проявляется это противоборство в различных формах, диапазон их широк и охватывает все области общественных отношений: экономику и политику, идеологию и культуру.

В первые годы существования Советской власти пролетариату в союзе с трудовым крестьянством пришлось вести напряженную борьбу против многочисленных врагов на фронтах гражданской войны. К концу 1920 г., разгромив внешних и внутренних врагов, Советское государство смогло приступить к мирному социалистическому строительству. В декабре 1920 г. был принят разработанный по инициативе В. И. Ленина план электрификации России (ГОЭЛРО), а в марте 1921 г. X съезд РКП(б) утвердил переход к новой экономической политике, которая была рассчитана на построение основ социалистического общества в нашей стране.

Переход к мирному строительству осуществлялся в обстановке острых социально-политических противоречий и трудностей. Характеризуя этот период развития Советского государства, В. И. Ленин писал: «Мы поднялись до самой высокой и вместе с тем до самой трудной ступени в нашей всемирно-исторической борьбе»¹.

Разбитая в ходе гражданской войны российская контрреволюция в начале 20-х годов представляла еще значительную силу и продолжала занимать позицию, нацеленную на свержение диктатуры пролетариата. Часть ее действовала внутри страны, уйдя в подполье, другая — в эмиграции, которую В. И. Ленин характеризовал так: «...заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий»². Классовая борьба в стране не прекратилась, а лишь видоизменилась и приобрела новые формы³.

Потерпев провал в попытках свергнуть Советскую власть военным путем, контрреволюция не отказалась от своих планов и,

с одной стороны, продолжала разработку старых методов, а с другой — начала поиск новых форм антисоветской борьбы. Некоторые из лидеров российской контрреволюции сделали выводы из поражения и попытались по-новому определить тактику борьбы против диктатуры пролетариата в России.

История борьбы Советского государства с контрреволюцией в это время довольно широко исследована в советской литературе. Большое внимание этой проблеме уделено в обобщающих трудах по истории КПСС и истории советского общества⁴. Весомый вклад в освещение классовой борьбы в переходный период внесли общие работы по истории нэпа⁵, а также исследования, посвященные раскрытию контрреволюционной деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партий и организации борьбы с ними⁶. Немало работ и статей посвящено отдельным вопросам данной проблемы⁷.

Однако некоторые аспекты этой большой темы изучены недостаточно. Так, не получила еще должного освещения история белой эмиграции, а также проблема приспособления контрреволюции к новым историческим условиям и выработки новой тактики антисоветской борьбы.

Видные партийные деятели — А. С. Бубнов и Е. М. Ярославский — еще в 20-е годы, раскрывая замыслы российской буржуазии, указали на две основные формы этой тактики. Первая — «взрыв Советской власти изнутри» путем организации «мелкобуржуазных» восстаний, и вторая — использование легальных возможностей нэпа для внедрения в советский государственный аппарат в целях его буржуазного перерождения⁸.

Перегруппировка контрреволюционных сил после гражданской войны, замыслы и планы различных белоэмигрантских лидеров, организаций и их основные действия лишь в общих чертах показаны в нескольких современных работах⁹.

Задача данной статьи — показать основные замыслы белой эмиграции и крах ее планов, обратив особое внимание на так называемую «новую тактику» антисоветской борьбы, которая была разработана парижской группой партии кадетов в 1920—1921 гг. и применялась в 20-е годы различными отрядами российской контрреволюции.

Методологическую основу статьи составили труды В. И. Ленина и документы Коммунистической партии, в которых дан анализ расстановки классовых сил в это время, содержится оценка тактики контрреволюционных партий и группировок, обоснованы методы борьбы против них.

К числу источников, позволяющих раскрыть основные направления идеологической борьбы с различными отрядами российской контрреволюции, относятся работы видных деятелей Коммунистической партии: А. С. Бубнова, Е. М. Ярославского, А. В. Луначарского, Н. Н. Попова, В. А. Быстрянского и др.

Большой фактический материал почерпнут из партийной и советской печати, позволяющей проследить содержание и направления идеологической борьбы с врагами революции, процесс морально-политической изоляции контрреволюционного подполья и его ликвидации. Только в газете «Правда» в 1921—1922 г. в каждом номере печатался специальный раздел «В белогвардейском стане». Важным источником явились и различного рода сборники документов¹⁰.

Вместе с тем в статье использованы белоэмигрантские источники, потребовавшие наиболее критического отношения. Прежде всего следует отметить документы, выявленные в ЦГАОР СССР. Протоколы заседаний ЦК партии кадетов и других политических группировок, донесения и отчеты агентов и представителей различных белоэмигрантских организаций, доклады и письма видных деятелей российской контрреволюции — все эти материалы дают яркую картину замыслов и действий белой эмиграции, позволяют проследить весь процесс формирования «новой тактики», а затем и ее провал. Наряду с этими документами были широко использованы материалы эмигрантской прессы.

*

Российская контрреволюция, потерпев в открытой схватке сокрушающее поражение, предпринимала отчаянные попытки перегруппировать свои силы и использовать для проведения реставраторских акций тяжелое положение Советской Республики в начале 20-х годов. Действия реакции, оставшейся внутри страны, в то время были тесно связаны с деятельностью белой эмиграции, которая, пользуясь поддержкой международной буржуазии, сохраняла за границей политические организации, военные формирования, выпускала десятки газет и являлась вдохновителем всей российской контрреволюции. Выступая 5 июля 1921 г. на III Конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин указывал: «...Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России»¹¹.

Белая эмиграция стала складываться после Февральской революции, когда за границу бежала часть аристократии и высшего чиновничества. Основные же кадры белой эмиграции сложились в ходе гражданской войны. Основная масса эмигрантов осела во Франции, Германии, Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии и Китае. Именно там гнездились наиболее активные антисоветские группы. Главным политическим центром белой эмиграции являлся Париж, где находились ее руководящие учреждения и проживало до 100 тыс. эмигрантов¹².

Численность эмиграции в начале 20-х годов установить довольно трудно, так как точного учета ее не было. В. И. Ленин оп-

ределял число эмигрировавших от полутора до 2 млн. человек¹³. Эмигрировали прежде всего непосредственные участники белого движения: офицеры, юнкера, кадеты и вольноопределяющиеся — преимущественно выходцы из дворян или крупной и средней буржуазии, а также участники банд Петлюры, Савинкова, Балаховича и других, некоторая часть казаков и солдат. Вместе с ними бежали бывшие помещики, капиталисты, высшие чиновники и представители интеллигенции — прежде всего ее привилегированная часть, органически сросшаяся с буржуазией.

Состав белой эмиграции являлся в основном буржуазно-помещичьим. Вместе с тем среди массы эмигрантов выделялась группа, которая не занимала антисоветских позиций и не вела контрреволюционной деятельности против Советской власти. Это в основном были крестьяне и казаки, насильственно мобилизованные в белую армию и затем вывезенные за границу, а также некоторые представители интеллигенции и студенчества, не разобравшиеся в исторической ситуации и не принявшие социалистической революции. В дальнейшем именно они явились инициаторами и основными участниками движения за возвращение на Родину.

После гражданской войны в среде российской контрреволюции протекали два неразрывно связанных закономерных процесса, которые определяли все ее существование. Первый — процесс разброда и разложения, предвещавший ее будущий окончательный крах. Но в начале 20-х годов доминировал второй — стремление к объединению, консолидации своих сил, для чего за границей проводились различные совещания и конференции (как по партийной принадлежности, так и межпартийные) с целью создания единого контрреволюционного центра. А в связи с этим возникли и различные политические, общественные и военные организации.

Монархисты создали Высший монархический совет, который был избран на Рейхенгальском съезде летом 1921 г.¹⁴, и вступили в контакт с монархистами из других стран, прежде всего — Германии, Австрии и Венгрии.

Буржуазия, опираясь на поддержку международного империализма, объединилась в своих классовых организациях: «Совет съездов торговли и промышленности», «Всероссийский союз торговли и промышленности», «Комитет представителей русских коммерческих банков», «Совет съезда горнопромышленников юга России», «Совет частных железных дорог» и др. Наиболее влиятельной и активной из них являлся «Российский торгово-промышленный и финансовый союз» (Торгпром), созданный за границей в 1920 г. для борьбы с Советской властью и восстановления капитализма в России. Торгпром объединял более 600 бежавших из России крупных капиталистов. В состав находившегося в Париже центрального комитета входили видные представители крупного российского капитала: бывший председатель Центрального восп-

нопромышленного комитета, затем военный министр Временного правительства А. И. Гучков; нефтяной король, председатель белогвардейского Северо-Западного правительства С. Г. Лианозов; нефтепромышленник Л. А. Манташев; крупнейшие промышленники С. Т. Морозов и Г. Л. Нобель; московский фабрикант и банкир, руководитель Союза объединенной промышленности П. П. Рябушинский; председатель Московской биржи, глава Экономического совета Временного правительства, член колчаковского «правительства» С. Н. Третьяков и др.

Вместе с ними появились организации типа «Союз русских адвокатов», «Союз административных и полицейских деятелей» и другие.

В ряде городов Европы начали действовать группы партий: «Народной свободы» (кадетов), «Народно-социалистической» (энесов), эсеров и меньшевиков. Были созданы комитеты, объединявшие представителей разных политических группировок и претендовавшие на звание «всеэмигрантских». Такими являлись «Парламентский комитет», объединявший некоторых бывших членов Государственной думы и Государственного совета; «Исполнительная комиссия» бывших членов Учредительного собрания, объединившая в основном левых кадетов и правых эсеров; «Русский совет» генерала Врангеля; «Русский национальный комитет» — объединение в основном бывших октябристов и части правых кадетов.

Параллельно с этими объединениями возникали заговорно-военные, тесно связанные с иностранными разведками военизированные организации Б. Савинкова, генерала Врангеля, «Административный центр» так называемого «Внепартийного объединения» эсеров и меньшевиков и др.

Заручившись поддержкой западных держав, российская контрреволюция стремилась сохранить на границе с Советской Россией различные воинские соединения. Почти до конца 1921 г. оставались на лагерном положении в Турции, в Галлиполи, и в Греции, на острове Лемнос, остатки армии Врангеля, готовые к боевым действиям. Продолжали существовать дивизии, полки, батареи, эскадроны, действовали военные училища, проводились занятия, штабные игры и маневры¹⁵. Только в середине декабря 1921 г. закончился их переезд в Болгарию (18 тыс. человек) и в Югославию (11 тыс. человек)¹⁶.

Вступившие в тайное соглашение Врангель, Петлюра и Савинков¹⁷ располагали летом 1921 г. в Польше, Румынии и Болгарии войсками численностью около 50 тыс. человек¹⁸. Кроме этого, отряды, находившиеся на территории Чехословакии, насчитывали 25 тыс. человек¹⁹.

Различные военные формирования сохранялись и на южных границах Советской России. В Западном Китае, в Синьцзян-

ской провинции, граничащей с Туркестаном, собрались в городе Кульдже атаман Дутов (убит в феврале 1921 г.), генералы Щербаков и Бакич, недалеко от них располагался знаменитый грабежами и зверствами атаман Анненков. На границе с Монголией действовали барон Унгерн и атаман Семенов.

После разгрома Врангеля российская контрреволюция продолжала строить планы новых походов. Многие, и прежде всего монархисты, полагали, что вновь собранная армия при поддержке империалистических государств сможет начать новое наступление на большевистскую Россию. Последнее планировалось на весну 1921 г. — 1922 г., а некоторыми белоэмигрантскими деятелями — и на каждую весну целого ряда последующих лет.

О скором возобновлении вооруженной борьбы говорилось уже на совещании белогвардейских военачальников, которое происходило в ноябре 1920 г. на крейсере «Генерал Корнилов» в Босфорском проливе. По специальному распоряжению Врангеля военные агенты в разных странах приступили к формированию офицерских союзов, которые в начале 1921 г. насчитывали уже около 10 тыс. человек, готовых, по заявлению Врангеля, по первому зову явиться в ряды его новой армии²⁰. К маю 1921 г. генерал рассчитывал при поддержке союзников снова высадиться в одном из пунктов Черноморского побережья России и начать военные действия во главе 70-тысячной армии²¹.

25 января 1921 г. в Берлине генерал П. Н. Краснов созвал конференцию русских офицеров, которая приняла решение о формировании кадров армии для продолжения борьбы против Советской России²². Краснов готовил план нового похода на Петроград весной 1921 г.

Разрабатывали планы новых наступлений на Советскую Россию многие генералы: Бискупский, который был близок к членам Высшего монархического совета и немецкому генералу Э. Людендорфу, выступавшему за интервенцию против большевиков; бывший командующий Западной добровольческой армией князь П. Авалов-Бермонт, а также П. Глазенац, А. Г. Шкуро и др.²³ Тем самым часть контрреволюции, не желая учитывать уроки гражданской войны, продолжала придерживаться старой тактики фронтовой борьбы и готовилась к новому походу вместе с армиями интервентов.

Определенная же часть российской контрреволюции (а со временем почти вся контрреволюция), исходя из новых условий классовой борьбы, более трезво подходила к оценке событий и попыталась изменить тактику борьбы против диктатуры пролетариата в Советской России. Анализируя стратегию и тактику классовых врагов, их перегруппировку и замыслы, В. И. Ленин пришел к выводу, что российская контрреволюция учла некоторые уроки поражений, а поэтому она «проявляет чуткость гораздо более вы-

сокую, чем нормальная»²⁴. Выступая на III Конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин говорил: «Мы в России экспроприровали наших эксплуататоров, крупных землевладельцев, точно так же, как и капиталистов... В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте современного западноевропейского развития»²⁵.

Пересмотр антисоветской тактики начала партия кадетов — основная партия российского империализма. После Великой Октябрьской социалистической революции кадеты одними из первых выступили против диктатуры пролетариата и явились организаторами гражданской войны. Потерпев поражение, они стали искать новые методы борьбы против Советской власти.

10 мая 1920 г. в Париже была образована группа партии кадетов под председательством члена ЦК А. И. Коновалова²⁶. Парижская группа партии кадетов, во главе которой с конца 1920 г. встал П. Н. Милюков, попыталась объединить вокруг себя все наличные силы партии и взять на себя роль ее заграничного центра. Еще 23—24 апреля 1920 г. на совещании кадетов в Париже П. Н. Милюков выступил с критикой политики белого командования, особенно его отношения к крестьянству, и предложил изменить тактику борьбы. Его поддержали видные члены партии Б. Э. Нольде и М. С. Аджемов²⁷. В связи с этим 5—7 мая 1920 г. был заслушан и обсужден специальный доклад Милюкова о новой тактике.

Рассмотрев причины неудач открытой вооруженной борьбы, он заявил, что с поражением белых армий начинается новый период борьбы против Советской России. Отдавая должное «заслугам» белого движения, Милюков считал, что «вооруженную борьбу надо продолжать, пока это возможно, с окраины, русскими силами». Но одновременно с продолжением военных действий «вспомогательное и параллельное значение должна иметь тактика действий изнутри», направленная на «разложение большевизма внутренними силами». При этом Милюков полагал, что даже малые военные силы могут содействовать крушению диктатуры пролетариата в России, однако, поддерживая их, партия кадетов не должна быть связанной их политическими программами²⁸. Пытаясь использовать в своих целях мелкобуржуазные шатания крестьянства, лидер кадетов меньше всего заботился об интересах мелкой буржуазии и ее возможную победу рассматривал как этап установления всевластия капитала.

20 мая парижская группа единогласно приняла предложенный на основе доклада Милюкова проект резолюции новой тактики²⁹. Таким образом, еще до разгрома Врангеля и окончания гражданской войны определенная часть политических деятелей российской буржуазии, видя безрезультатность вторжений, начала пере-

смагивать тактику борьбы против Советской власти. В дальнейшем Милюков и другие члены парижской группы, не отрицая в принципе вооруженной борьбы, стремились убедить лидеров белого лагеря в необходимости изменения взглядов на происшедшие в России события и как следствие этого — изменить тактику действий. Стремясь к расширению социальной базы контрреволюции, они призывали покончить на данном этапе с открытой вооруженной борьбой извне, отказаться от военного вмешательства иностранных государств, признать необратимость фактов свержения монархии и радикального решения такого важного вопроса, как аграрный.

Основные положения так называемой новой тактики были конкретизированы в докладе П. Н. Милюкова «Что делать после крымской катастрофы? (к пересмотру тактики партии Народной свободы)», сделанном на заседании парижского комитета партии кадетов 21 декабря 1920 г.³⁰

В докладе прежде всего отмечалось, что борьба против Советской власти не может кончиться с поражением белых армий и с потерей ими последней русской территории. Но в связи с изменением условий борьбы указывалось на необходимость изменения и ее форм. «Из прежних национально-русских военных центров борьба переходит, по необходимости, отчасти за границу, отчасти во внутренность России». Исходя из этого, Милюков стремился прежде всего сменить руководство противобольшевистской борьбой: вместо военной диктатуры — заграничные центры политических партий, в первую очередь кадетов. С другой стороны, лидер кадетов рассчитывал на использование антисоветских элементов, внутри страны, на их способность спровоцировать на выступления против Советской власти мелкобуржуазные слои города и деревни³¹.

Надеясь в будущем продолжить вооруженную борьбу на советской территории, парижская группа считала первейшей и главной задачей русских учреждений за границей сохранение кадров белых армий. Однако их применение «никоим образом не должно стоять в преемственной связи с закончившимся периодом борьбы»³². В отличие от сторонников старой тактики парижская группа кадетов не соглашалась с сохранением армии как боевой единицы.

Другой чертой новой тактики должно было «явиться разрешение в определенном смысле ряда основных вопросов внутренней политики — как вопрос аграрный, национальный и вопрос о форме государственности»³³. После поражения в гражданской войне парижские кадеты, исходя из тактических соображений, приняли принципы республики и федерации, признали необратимость ликвидации помещичьего землевладения. При этом Милюков демагогически утверждал, что кадеты действуют в духе своей старой, до-

революционной программы. А отступление от этой программы во время «белой борьбы», по его мнению, носило лишь временный характер³⁴.

Парижская группа стремилась доказать другим группам партии, что только такое решение основных вопросов открывает партии кадетов путь к политической деятельности в России. Милюков писал: «Внутри России произошел громадный психический сдвиг и сложилась за эти три года новая социальная структура... Такой же сдвиг экономического и социального произошел на наших глазах и во всем мире. В области аграрных отношений, во взаимоотношениях труда и капитала произошли такие изменения, которые предрекают, что и в Россию мы можем идти только с программой глубокой экономической и социальной реконструкции»³⁵. Таким образом, учитывая определенные настроения и приспособляя программу к новым условиям, российская буржуазия стремилась использовать мелкобуржуазные массы в антисоветской борьбе. После обсуждения доклад был принят за основу политики парижской группы партии кадетов.

Дальнейшую разработку «новая тактика» получила в проекте резолюции П. Н. Милюкова, снятом с обсуждения большинством членов ЦК партии кадетов 2 июня, но принятом комитетом парижской группы на заседании 23 июня 1921 г. В результате этих заседаний произошел формальный раскол партии кадетов, в связи с чем парижская группа 28 июня 1921 г. присвоила себе название «демократической», а затем «республиканско-демократической группы партии «Народной свободы»»³⁶.

В отличие от доклада «Что делать после крымской катастрофы?» проект резолюции более четко сформулировал основные моменты «новой тактики».

Отметив, что разногласия внутри партии кадетов могут быть разрешены лишь дальнейшим ходом событий, резолюция тем не менее призывала различные группы партии в связи с глубокими изменениями в условиях борьбы учесть совершающиеся внутри России процессы и приступить к изучению и пересмотру возникших вопросов путем «устранения из своей заграничной деятельности всего того, что могло затруднить взаимное понимание между заграничными группами партии и широкими слоями русского народа». Далее признавались недопустимыми совместные шаги с реставрационными течениями и указывалось на необходимость создания «общего демократического фронта с организациями и группами, преследующими однородные цели». В заключении проекта резолюции Милюков писал, что до пересмотра партийной программы компетентными органами она будет рассматриваться парижской группой в духе «новой тактики», конечной целью которой является утверждение «правового демократического строя, покоящегося на основах частной собственности»³⁷.

Таким образом, парижские кадеты пришли к мысли о необходимости учета тех изменений, которые произошли в результате Октябрьской революции и гражданской войны. Переход к «новой тактике борьбы изнутри России» означал ставку на мелкобуржуазную массу города и деревни, которую кадеты надеялись поднять на борьбу против Советской власти. Российская буржуазия стремилась найти более эффективные методы антисоветской борьбы, стратегия же ее оставалась прежней: свержение диктатуры пролетариата и реставрация капитализма в России.

Милюков истолковывал конкретные социальные явления, исходя из своего позитивистско-идеалистического мировоззрения. Революционный процесс в России рассматривался им, как «стихийный народный процесс, начавшийся с мартовских дней 1917 г. и совершающийся не благодаря, а вопреки большевикам»³⁸. Призывая лидеров белой эмиграции реалистически оценивать совершившиеся в России события, Милюков механически отделял диктатуру пролетариата от революционного процесса. «За большевиками, за туманной завесой, — писал он, — нужно разглядеть подлинную народную революцию, процесс передвижения всех классов и перерождения всех тканей народной жизни»³⁹.

В связи с таким противоестественным разделением революционного процесса Милюков пришел к выводу, что существуют якобы две России. Под первой, «оболочкой», он понимал Россию Советской власти, а под второй — ту Россию, что «живет под этой оболочкой своей настоящей подлинной жизнью и притом настолько сильной, что никакие распоряжения советского чиновника не могут изменить существа и основ этой жизни»⁴⁰. Совершенно не понимая сущности Советской власти как подлинно демократической народной власти, Милюков противопоставлял республике Советов «формально-демократическую» республику с сильной властью, считая, что последняя «все-таки остается формой, соответствующей высшей точке развития народного организма». Поэтому он считал, что буржуазно-демократическая республика является принципиально наиболее желательной заменой Советской власти⁴¹.

Демагогически отрицая диктатуру вообще, и диктатуру рабочего класса в частности, Милюков противопоставлял последней власть интеллигенции, считая «духовную культуру» первенствующим фактором исторического процесса, Милюков понимал интеллигенцию как надклассовую силу, призванную организовать весь народ и создать для него в целом наиболее справедливую и целесообразную форму государственности⁴².

Милюков пытался строить свою тактику на противопоставлении крестьянства рабочему классу. При этом лидер российской буржуазии полагал необходимым использовать также все затруднения, стоящие перед Советской властью. «Все положительное,

что может, не благодаря, а вопреки большевикам, — проявиться в процессе русской жизни, — писал Милюков, — все это не только приемлемо, но и в высшей степени желательно»⁴³. Буржуазия стремилась использовать деклассированность и распыленность некоторой части рабочего класса в Советской России в первые годы нэпа. Надеялась она и на ослабление роли Коммунистической партии, на ее внутриполитические споры и дискуссии. Определенный расчет делался и на моральное разложение молодежи, развитие у нее мелкобуржуазного сознания и антикоммунистического настроения⁴⁴.

«Новая тактика», как уже отмечалось, меняла не только тактические позиции определенной части русской буржуазии, но и некоторые ее программные моменты. В связи с этим разногласия среди белой эмиграции по вопросам тактики распространились и на вопросы программные. Однако основной момент новой тактики — ставка на действия изнутри, на использование внутренних процессов в России — был взят на вооружение почти всеми отрядами контрреволюции. Здесь основные расхождения упирались в выбор союзников для дальнейшей борьбы.

Создатели «новой тактики» сами по себе не преследовали непременной цели союза с мелкобуржуазными партиями⁴⁵, однако считали возможным идти на тактическое сотрудничество с этими партиями, прежде всего с эсерами. При этом принимались лозунги «чистой демократии», «народовластия» и «Советов без коммунистов», поскольку выдвигать явно контрреволюционные лозунги было бы бессмысленно.

Эсеры, со своей стороны, положительно отнеслись к новым методам буржуазии и пошли с ней на совместные действия. Журнал «Воля России», отражавший взгляды правых эсеров, создавших «Внепартийно-демократическое объединение», писал, что «трудно судить, на сколько основателен расчет «милюковской группы» создать на «крепком» мелкобуржуазном фундаменте крупную буржуазно-демократическую партию. Во всяком случае, попытка «милюковской группы» свидетельствует о разрыве со старым доктринерством, который обрекал на бесплодие всю политическую деятельность партии «Народной свободы»⁴⁶.

В принципе правые эсеры никогда не отказывались от борьбы, в том числе и вооруженной, против Советской власти. Борьба с большевизмом, против диктатуры пролетариата в Советской России была основой всей политики и практики правых эсеров. Как и Милюков, лидеры правых эсеров рассчитывали на «крестьянскую революцию», т. е. на использование мелкобуржуазной стихии в целях захвата власти и установления буржуазной республики.

Потерпев неудачу на выборах в Советы в 1920 г., эсеры уже официально «вернулись» к вооруженной борьбе против Советского

государства. В сентябре 1920 г. они об этом заявили на своей конференции. А в феврале 1921 г. X Совет партии принял постановление, в котором говорилось о необходимости «низвержения диктатуры пролетариата и коммунистической партии»⁴⁷.

Кадеты и эсеры совместно пытались создать национальный комитет из числа членов Учредительного собрания. Стремление к соглашению между кадетами и эсерами отмечалось во многих бе-лоэмигрантских газетах.

Вместе с тем, понимая, что крестьян поднять против Советской власти под флагом коалиции с буржуазией невозможно, эсеры, как и прежде, пытались вести двойственную игру. Если крайнеправая группа Авксентьева открыто пошла на союз с буржуазией, то эсеровский лидер и член зарубежной делегации ЦК — В. М. Чернов уверял, что ни в каких коалициях с буржуазией он не участвует⁴⁸. Между тем, ЦК эсеров вел подготовку вооруженного восстания против Советского государства и тем самым шел одним фронтом с русской буржуазией и мировой реакцией.

Необходимость объединенного «республиканско-демократического» фронта доказывалась и на страницах газеты «Дни», издававшейся в Берлине в 1921 г. и являвшейся продолжением савинковской газеты «Свобода».

Интересна оценка русской буржуазией «социалистических» партий. Прежде всего, она правомерно считала их несоциалистическими партиями, а в связи с этим и не видела принципиальных противоречий, которые могли бы помешать совместным действиям. «Как известно, — доказывали левые кадеты, — умеренные (анти-большевистские) социалистические партии с самого начала революции и до наших дней стояли на платформе «демократии», а не «социализма» — в смысле немедленного осуществления последнего»⁴⁹. Причем, как считали кадеты, «сознательные социалисты составляют в русских социалистических партиях незначительное меньшинство», да и эти последние признавали, что час осуществления социализма в России далек и ближайшей задачей является «обеспечение свободного демократического строя»⁵⁰.

Создатели «новой тактики» заявляли, что опыт гражданской войны не сделал эти партии более радикальными. И их формальный отказ от коалиции обусловлен лишь тем, что «буржуазные элементы» дискредитировали себя в глазах русского населения и слишком дезорганизованы внутри России⁵¹. Однако это не помешало впоследствии и формальному блоку русских «социалистических» групп с остатками российской буржуазии⁵². По этому поводу даже правые кадеты прямо заявили, что эсеры «растеряли свою демократию и тактику», что они «ограничиваются теперь одним буржуазным лозунгом республики»⁵³.

Созданная в 1922 г. в Праге организация «Крестьянская Россия», во главе которой стояли А. А. Аргунов, А. Л. Вем, С. С. Ма-

лов и П. А. Сорокин, сразу же пошла на контакт с кадетской группой П. Н. Милюкова. В сентябре 1922 г. на совместном совещании правых эсеров, меньшевиков, народных социалистов, группы С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой, республиканско-демократической группы партии кадетов были выработаны принципы возможного соглашения. В 1923 г. был создан «Республиканско-демократический блок», а в 1924 г. — «Республиканско-демократическое объединение».

Меньшевики в своей политике тянулись за эсерами и, несмотря на демагогические заявления, фактически шли в союзе с российской буржуазией. Открыто за возобновление вооруженной борьбы против Советской власти ЦК меньшевиков не выступал, но осенью 1920 г. вслед за эсерами он дал указание об усилении саботажа, стачечного движения и других антисоветских действий⁵⁴. На совещании 1922 г. меньшевики уже открыто провозгласили курс на реставрацию буржуазного строя в Советской России⁵⁵.

Новые тактические установки восприняли и правые кадеты. Еще в 1920 г. их лидер В. Д. Набоков говорил: «Бесспорно, растет убеждение, что большевизм не может быть искоренен силою оружия. Изнутри должны явиться здоровые и сильные элементы, которые нужны, чтобы покончить с большевизмом»⁵⁶. Следовательно, и лидер правых кадетов делал ставку на внутренние процессы в Советской России.

Идентичность взглядов правых и левых кадетов на тактику действия изнутри Советской России была выявлена на заседании различных групп партии «Народной свободы» 15 июля 1921 г. в «Кафе Вольтер» в Париже. Во всех трех проектах резолюции: лидера «левых» П. Н. Милюкова, центра — Н. И. Астрова и представителя правых П. П. Юренева отмечалось, что «в связи с происходящими ныне глубокими изменениями в условиях борьбы надлежит обратить преимущественное внимание на процессы, совершающиеся внутри России», и принять меры к «устранению из своей заграничной деятельности всего того, что могло бы затруднить взаимное понимание между заграничными группами партии и широкими слоями русского народа»⁵⁷.

Все три группы полностью принимали тактику действий изнутри. Разногласия же сводились к вопросу об объединении с мелкобуржуазными партиями. Правые кадеты боялись, что это объединение превратит их «надклассовую» партию в крестьянскую, т. е. классовую. Хотя, с другой стороны, они выступали и против сближения с крайне правыми, т. е. монархистами. В проекте резолюции Юренева прямо указывалось: «Недопустимы какие-либо совместные шаги и контакт с реставрационными течениями»⁵⁸. Подводя итог совещанию, Милюков заявил, что оно показало действительную расстановку кадетов, которые «все-таки ближе» к новой тактике, чем к «Русскому совету» генерала Врангеля⁵⁹.

И все же часть правых кадетов, наиболее близко стоявших к белому командованию в годы гражданской войны, пошла на сближение с монархистами. Один из активных правокадетских деятелей, князь Павел Д. Долгоруков, вышел из состава кадетского ЦК, вошел в «Русский совет» и резко критиковал своих партийных коллег за примирительное отношение к «новой тактике»⁶⁰.

Позиция кадетов, действовавших внутри страны, по существу мало чем отличалась от «новой тактики» левых кадетов за границей.

Резолюция, принятая представителями городских комитетов партии кадетов Екатеринбурга, Омска, Красноярска, Иркутска, Читы, Хабаровска и других городов, во многом напоминала записку Милюкова «Что делать после Крымской катастрофы?». В резолюции указывалось, что политическим группам, борющимся с большевизмом, необходимо обратить внимание на мелкобуржуазную стихию в стране и использовать ее для борьбы против Советской власти. При этом отмечалась необходимость принятия «левых» лозунгов и сотрудничества с представителями мелкобуржуазных партий⁶¹.

Приняли на вооружение «новую тактику» и российские торгово-промышленные круги. На совещании в начале января 1922 г. один из руководителей Торгпрома П. П. Рябушинский, отметив правильную позицию «Последних новостей» Милюкова, указал, что многие представители российской буржуазии «разделяют ее как весьма близкую к их собственной»⁶². Вице-председатель «Объединения деятелей русского финансового ведомства» профессор М. В. Бернацкий, бывший член врангелевского «правительства», также указывал на необходимость использования «народной стихии» в целях свержения Советской власти, соответственно «новой тактике»⁶³. Единство взглядов левых кадетов и торгово-промышленных кругов неоднократно подчеркивалось обеими сторонами⁶⁴. Российская буржуазия надеялась на свержение большевиков в результате «народной стихии». Крестьянство с его психологией собственника должно было явиться, по ее мнению, естественным политическим союзником «торгово-промышленного класса». В связи с этим в некоторых кругах белой эмиграции дискутировался вопрос о создании «русской крестьянской партии»⁶⁵. Немало этому способствовала деятельность организации «Крестьянская Россия», которая, являясь как бы идейным звеном между эсерами и кадетами в общей цепи российской контрреволюции, широко пропагандировала в своих сборниках идею создания крестьянской партии, считая, что только «крестьянство с демократической интеллигенцией является главным строителем дальнейших судеб России»⁶⁶. Программное требование «Крестьянской России» — «демократическая республика с устойчивой исполнительной властью, с децентрализацией государственного аппарата, обеспечивающей

широкую самодеятельность населения»⁶⁷ — вполне устраивало русскую буржуазию.

Увлечлись идеей создания «крестьянской партии» и монархисты. «Съезд русских земледельцев», состоявшийся 29—31 декабря 1922 г. в Праге, ярко продемонстрировал его монархическую направленность. На съезд даже не были приглашены «социалистические» и «лево-демократические» группы, хотя съезд имел целью создание крестьянской партии. А в зале среди 42 делегатов заседали Н. Е. Марков 2-й и другие монархисты⁶⁸.

Рассчитывая на «внутренние процессы» и на крестьянство, монархисты, следовательно, шли в фарватере «новой тактики», хотя вначале многие из них выступили с резкой критикой сторонников новых форм борьбы. Особенно острая полемика разгорелась между П. Н. Милюковым и теоретиком белого движения В. В. Шульгиным. Последний в письме от 11 марта 1921 г. писал: «Быть может, вы увлеклись планами эсеров и эсдеков по взрыву большевиков изнутри? Не увлекайтесь, Павел Николаевич, восстаниями... бабушка еще надвое сказала, чем эти восстания кончатся...»⁶⁹

Однако в конце 1922 г. в резолюции монархического совещания указывалось: «Признавая, что в данное время очередная задача монархистов заключается в создании стихийного, национально-монархического настроения среди слоев русского народа... вся работа монархистов должна быть направлена к увеличению, росту этой стихии»⁷⁰. Еще раньше, в 1921 г., признали «действия изнутри» монархисты в Берлине⁷¹. Врангель, продолжая уповать на интервенцию, указывал своим подчиненным на «возможность и необходимость работы внутри России»⁷².

Подобной тактики придерживались и представители правого крыла сменовеховства — общественно-политического течения, зародившегося в первые годы Советской власти, а затем привившегося в эмиграции⁷³. Н. Устрялов, бывший член колчаковского «правительства», и другие правые сменовеховцы, выступая за использование всех легальных возможностей и «сотрудничество» с Советской властью в целях ее буржуазного перерождения, являлись по существу выразителями буржуазно-реставраторских тенденций. В этом смысле правое крыло сменовеховцев смыкалось с создателями «новой тактики».

Таким образом, соответственно «новой тактике» действовали различные группировки белой эмиграции — от эсеров до монархистов. Надеясь на столкновение двух основных классов советского общества — пролетариата и трудового крестьянства, на разложение советского строя изнутри, они активизировали свою деятельность и организовывали разного рода антисоветские силы на борьбу против диктатуры пролетариата. Прямыми исполнителями замыслов буржуазно-помещичьей реакции стали мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков и подобные им политические

группы, прикрывавшие свою буржуазную сущность «социалистическими» лозунгами. Всплывшие на поверхность событий в результате мелкобуржуазной стихии в стране, они вновь, как весной и летом 1918 г., оказались в первых рядах контрреволюции.

*

В зависимости от исторических условий «новая тактика» признавала и метод вооруженных выступлений, спровоцированных и организованных контрреволюцией в расчете на победу мелкобуржуазной стихии в стране, и метод активных подрывных действий, рассчитанных на капиталистическую эволюцию советского строя в связи с нэпом.

Первый — наиболее ярко проявился в 1921 г., когда по стране прокатилась волна кулацких восстаний и кулацкого бандитизма, активно действовали тайные организации и банды, засылаемые из-за рубежа. Контрреволюция попыталась взорвать Советскую власть изнутри. Эту так называемую малую войну В. И. Ленин характеризовал как «форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас»⁷⁴.

X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г., отметил, что текущий момент характеризуется, с одной стороны, почти полной ликвидацией внешних фронтов, с другой — крайним обострением противоречий внутри страны, поскольку новая форма антисоветской борьбы проявляется в организации заговоров и восстаний. «Таким образом, — подчеркивалось в резолюции съезда, — текущая эпоха сама несет противоречивый характер, поскольку переход на мирное положение в то же время при данных исторических условиях приводит к новым формам борьбы на внутреннем фронте»⁷⁵.

В «Обращении к коммунистам», выпущенном ЦК РКП(б) после X съезда партии, указывалось: «Наши враги ведут против нас все ту же войну, только в других формах. Организуемая Антантой, меньшевиками, кадетами, эсерами борьба на внутреннем фронте тем более опасна, что истощение и обнищание страны в результате семи лет войны сейчас ощущается остро»⁷⁶. В письме губкомам от 4 апреля 1921 г. ЦК вновь подчеркивал, что «потерпев поражение на внешнем фронте, контрреволюция направляет все свои силы на взрыв Советской власти изнутри»⁷⁷.

Используя разруху, усталость масс после войны, голод, недовольство крестьян политикой военного коммунизма, контрреволюция попыталась спровоцировать мелкую буржуазию на ряд выступлений против Советской власти. К марту 1921 г. кулацкие мятежи свирепствовали по всей Украине и Белоруссии, Тамбовской губернии и некоторым губерниям Западной Сибири, Северного Кавказа и Туркестана. Всего к марту 1921 г. на территории

страны действовало свыше 130 крупных банд общей численностью более 100 тыс. человек⁷⁸. Контрреволюция стремилась объединить все эти звенья в одну цепь — во всероссийское восстание против диктатуры пролетариата. В начале марта 1921 г. вспыхнул мятеж в Кронштадте, вокруг которого объединилась почти вся российская реакция, подхватившая лозунг «Советы без коммунистов». «Кронштадтские события, — по выразительной ленинской характеристике, — явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было», быстро выявили «знакомую фигуру белогвардейских генералов»⁷⁹.

Следует иметь в виду, что антисоветские мятежи (в том числе и Кронштадтский) возникли в донэповский период, в месяцы, предшествовавшие пазу (вторая половина 1920 г. — начало 1921 г.). Переход Советского государства к новой экономической политике свел до минимума экономическую и политическую базу, питавшую мелкобуржуазную стихию, и в сочетании с военно-оперативными мерами очень быстро (уже к осени 1921 г.) привел к ликвидации антисоветских восстаний в стране. Другой характер носила организованная целенаправленная деятельность контрреволюционных организаций и банд, переброшенных из-за рубежа.

Российская контрреволюция, от эсеров до монархистов, рассчитывала на кулацкую Бандею. Именно это объединяло часть белой эмиграции, и к этому сводились ее основные контрреволюционные замыслы в 1921 г. Общий план включал в себя использование кулацких мятежей, создание активных подпольных организаций и засылку специальных банд на территорию Советской России с целью организации всеобщего восстания. Последнее было бы поддержано военными силами, сосредоточенными на внешних границах.

В связи с этим за границей развернулась активная подготовка и формирование десантных отрядов и банд. В Польше формировали банды для заброски на советскую территорию Савинков и Булак-Балахович. Во Владимире-Волынском формировал диверсионные группы атаман Павленко⁸⁰. В Румынии правительством «Украинской народной республики» во главе с Петлюрой, находившимся в Тырнове, была создана специальная комиссия (во главе с профессором Машневичем), наиболее активную деятельность в которой проявила военная секция генерала Дельвига. Имея в своем распоряжении 11 тыс. винтовок, 180 пулеметов и 18 орудий, он сформировал на участке Тирасполь — Добручи 3 полка пехоты и 3 эскадрона кавалерии, готовые к переброске в Россию⁸¹. На территории Болгарии действовали врангелевские организации полковника Самохвалова и генерала Покровского, который готовил переброску на шхуне нескольких сот человек на юг России осенью 1921 г. для того, чтобы поднять восстание⁸². Подобная же

врангелевская организация во главе с генералом Улагаем действовала в Константинополе⁸³.

Белоэмигрантские силы были связаны с контрреволюционными организациями внутри Советской России и осуществляли руководство многими из них. «Русский политический комитет» во главе с Б. Савинковым создал на европейской части Советской Республики довольно разветвленную сеть «Народного союза защиты родины и свободы» (НСЗРиС). Продолжая считать себя эсером, якобы защищающим интересы «мужика-крестьянина», Савинков находился в постоянном контакте с «берлинскими» монархистами. А военный представитель генерала Врангеля в Варшаве генерал Махров принимал непосредственное участие в заседаниях руководимого Савинковым «политического комитета»⁸⁴. При поездке весной 1921 г. в Париж для переговоров с французским правительством Савинков добился с помощью промышленника А. И. Путилова постоянных субсидий от группы русских капиталистов, входивших в пресловутый Торгпром⁸⁵.

Указания и директивы Савинков получал от французской военной миссии в Варшаве и польского генштаба. Информационное бюро «политического комитета», возглавляемое В. Савинковым (братом Б. Савинкова), организовало разведывательную работу против Советской России. Сведения о Красной Армии и о положении Республики за вознаграждение передавались польскому генштабу и французской миссии. Эти сведения зачастую носили дезинформационный характер. Это делалось для того, чтобы поднять значение организации в глазах западных правительств и их спецслужб и обеспечить себя дальнейшими субсидиями и другой помощью со стороны империалистических государств.

Деятельная поддержка со стороны реакционных кругов Франции и Польши дала организации возможность в довольно короткий срок распространить свою деятельность на определенную часть территории Европейской России. Целью НСЗРиС под руководством Б. Савинкова, как отмечалось в докладе директора департамента полиции Польши от 10 июня 1921 г., являлось «организованное какой угодно ценой восстание в России для свержения большевиков»⁸⁶.

Белоэмигрантские руководители направляли деятельность «Петроградской боевой организации» (ПБО), во главе с профессором В. Г. Таганцевым, офицерами Шведовым («Вячеславский») и Ю. Германом («Голубь»). ПБО объединяла ряд организаций: «Боевой комитет», «Народный комитет восстания», «Петроградскую народную боевую организацию», «Объединенную организацию кронштадтских моряков» и др.⁸⁷ До середины 1921 г. с деятельностью этой организации был связан парижский центр — генерал Владимиров, кадеты Карташов, Половцев, Струве и др. После «национального съезда» в июне 1921 г. во главе «париж-

ского центра» стал генерал Врангель. Связь осуществлялась через центр в Финляндии, в который входили бывший ректор Петроградского университета Д. Д. Гримм, глава Русского Красного Креста в Финляндии профессор Цейдлер и др.

Центры в Париже и Финляндии действовали согласованно с американской, английской и французской разведками и занимались организацией финансовой помощи ПБО, проводили массовые вербовки бежавших в Финляндию участников Кронштадтского мятежа, снабжали их оружием, антисоветской литературой и перебрасывали в Петроград. ПБО через своих ответственных курьеров находилась в постоянных контактах с заграничными центрами и разведками империалистических держав. На службе последних состояли многие из членов организации: финской — Орловский, Паськов и Герман, английской — Вилькен и Соколов, американской — Никольский, Рабен, Старк и Герман⁸⁸.

По своему характеру и по заграничным связям ПБО являлась правонаветской организацией, хотя сам Таганцев был сторонником монархического строя и тайно держался германофильской ориентации⁸⁹.

Во время Кронштадтского мятежа ПБО установила связь с мятежниками. Ставленнику Савинкова в Финляндии генералу Эльвенгеру было приказано выступить в поддержку восстания и, развивая партизанские действия, продвигаться до Охты на правом берегу Невы. Одновременно организация, получив 2 млн. руб. от бывшего владельца кожевенного завода Давида Лурье, готовила восстание в Петрограде⁹⁰.

После разгрома Кронштадтского мятежа восстание было перенесено на осень 1921 г., для чего организация получила от парижского центра около 10 млн. руб. в царской валюте⁹¹. В это же время предполагался взрыв поезда, в котором должен был ехать Л. Б. Красин, чтобы не допустить его поездки за границу и сорвать установление торговых отношений между Советской Республикой и западными державами⁹².

Все организации, входившие в состав ПБО, были обезврежены в 1921 г. органами ВЧК. Эта же участь постигла и различные отделы НСЗРиС, как действующие в северо-западных районах европейской части Республики, так и создававшиеся на юге.

Параллельно с ПБО в Петрограде существовала организация, которой руководили офицеры Николай Леон и Степанов, находившиеся в Гельсингфорсе и пользовавшиеся там покровительством французского консульства.

Эта группа была связана с группой генерала Ключева и организацией барона Вилькена в Финляндии⁹³.

Эмиссары белой эмиграции руководили движением «зеленых» на Северном Кавказе, врангелевскими организациями Романюка в Одессе, полковника Боженко в Симферополе, полковника

Естафьева в Елисаветграде и Одессе. Последняя организация была связана с атаманами Заболотным, Кошевым и генералом Уха⁹⁴.

В период развернувшихся антисоветских выступлений особенно активной силой являлись правые эсеры. Они осуществляли идейно-политическое и военно-организационное руководство крупными кулацкими мятежами в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг., в Западной Сибири, на Украине, в ряде губерний европейской части России, многочисленными бандами кулаков и бело-гвардейцев.

В отчете о работе ЦК РКП(б) за период с IX до X съезда партии указывалось, что «имена как заграничных лидеров эсеров, так и находящихся в России членов партии эсеров связаны с теми кулацкими выступлениями, которые имели место в Тамбовской, Воронежской и Тюменской губерниях... Они надеются поднять в России восстание и на гребне этого крестьянского движения вернуться к власти»⁹⁵.

ЦК партии эсеров проектировал широкое восстание, которое должно было развернуться на Волге, в Сибири и других районах⁹⁶.

Еще в середине 1920 г. на съезде в Париже заграничные представители эсеров и меньшевиков в целях активизации и координации борьбы против Советской власти создали «Инициативную группу внепартийного объединения», в состав которой вошли меньшевик Я. Л. Рубинштейн, эсеры Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, О. С. Минор, Е. Ф. Роговской и др., всего 50 человек⁹⁷. Исполнительным органом этого «объединения» являлся «Административный центр», который руководил шпионажем, подготовкой и заброской диверсионно-террористических групп в Советскую Россию.

15 февраля 1921 г. «Административный центр» создал Особый отдел под руководством полковника Махина, в который вошли Воронович, Роговский и др. Непосредственной задачей этого отдела являлась организация мятежей на советской территории. Специальный тактический и технический план восстания был разработан полковником Махиным, который намечал проведение организованного, повсеместного и по возможности одновременного выступления с необходимым подготовительным периодом для сплочения масс по селам, волостям, уездам и, если возможно, губерниям, вооружения крестьян путем партизанских действий и дезорганизации власти. Далее Махин рекомендовал нападать на пути сообщения, обозы, склады оружия, военного имущества, разрушать средства связи и т. д.⁹⁸

Наиболее благоприятной территорией для выступления «Административный центр» считал северо-западный район Советской России, к югу от линии Москва — Рига. Как свидетельствует выписка из постановления «Комитета группы социалистов-револю-

ционеров Северо-Западной области», здесь создавалась большая ударно-террористическая группа⁹⁹.

На юге «Административный центр» принял участие в контрреволюционном движении на Северном Кавказе, в Причерноморье, на Кубани, где активно действовали эмиссары Вороновича, находившегося с августа 1921 г. в Константинополе¹⁰⁰. Сам Воронович работал во «Временном комитете народного союза освобождения юго-востока», целью которого было объединение повстанческих казачьих и горских организаций Дона, Терека, Ставрополя, Черноморья и Астрахани¹⁰¹.

В 1921 г. «Административный центр» совместно с врангелевскими организациями готовил восстание в Баку с целью лишить Советскую республику нефтяных промыслов. Восстание планировалось на сентябрь — октябрь одновременно с наступлением банд Пржевальского на Ростов, Ставрополь и Петровск-порт. По сведениям «Административного центра» в то время на Северном Кавказе из намеченных 126 повстанческих штабов было уже организовано 73¹⁰².

Деятельность «Административного центра» на юге Советской России, так же как и в других районах, была одобрена заграничной делегацией ЦК партии эсеров на заседании 2 января 1922 г.¹⁰³ Таким образом, подпольные организации эсеров действовали с одобрения заграничной делегации и в ее лице ЦК партии социалистов-революционеров.

Несмотря на многочисленные демагогические заявления, опровергающие сотрудничество с российской буржуазией, эсеры составляли с последней и всей мировой реакцией единый антисоветский фронт. «Инициативная группа внепартийно-демократического объединения» самым непосредственным образом была связана с «Исполнительной комиссией» бывших членов Учредительного собрания, в которой вместе с эсерами заседали Милюков и другие буржуазные лидеры¹⁰⁴. «Административный центр» поддерживал тесные контакты с «Политическим комитетом» Савинкова, врангелевским «Союзом возрождения казачества» и, стремясь к широкому использованию офицерства, проектировал создание союза офицеров республиканцев¹⁰⁵. «Административный центр» находился в определенной финансовой зависимости от французского и чешского правительств. Бывший посол Временного правительства в США Бахметьев субсидировал «центр» на одних и тех же началах, что и врангелевские организации¹⁰⁶.

Таким образом, белая эмиграция самым непосредственным путем была связана с деятельностью контрреволюционных организаций в Советской России. Она руководила их действиями, оказывала им военную, материальную и моральную поддержку.

Большую активность эмиграция развила во время Кронштадтского мятежа в марте 1921 г.¹⁰⁷ и осенью того же года во вре-

мя сбора продовольственного налога. Для антисоветской агитации контрреволюция стремилась использовать тяжелое положение, сложившееся в связи с голодом. В июле — сентябре в белоэмигрантской прессе распространялись лживые слухи о положении в Советской России. Монархисты требовали начать интервенцию. Савинков собирался нанести «последний, решительный удар...»¹⁰⁸ Кадеты и эсеры, стремясь использовать легальные возможности работы внутри России, просили иностранных империалистов оказать «помощь» русскому народу при условии гарантии со стороны Советского правительства, что эта помощь на местах будет проводиться «русской общественностью», т. е. представителями антисоветских партий и групп¹⁰⁹.

Во время сбора продналога, в сентябре — ноябре, западную границу перешли банды Тютюника численностью до 2 тыс. всадников, Голого — около 400 всадников, Палича и др.¹¹⁰ Из захваченного у бандитов доклада Тютюника Петлюре выяснилось, что наряду с вторжением диверсионных отрядов на территорию Советской Украины были даны указания местным организациям и бандам приступить к разрушению железных дорог и захвату крупных городов — таких, как Харьков, Полтава и Екатеринослав¹¹¹.

Столкнувшись с решительными действиями Красной Армии и не найдя поддержки со стороны крестьян, банды вскоре потерпели поражение, и остатки их ушли обратно за границу.

В это же время уже упоминавшаяся организация генерала Покровского предприняла безуспешную попытку перебросить с территории Болгарии десант в несколько сот человек для организации восстания на юге России¹¹². Активизировалось басмачество в Средней Азии, поддерживаемое английской разведкой. Зимой 1921/22 г. с территории Финляндии было организовано вторжение вооруженных отрядов с целью отторжения Карелии от РСФСР. В вооруженных схватках с внутренней и внешней контрреволюцией Красная Армия в 1921—1922 гг. понесла большие потери¹¹³.

Организация мятежей, действия диверсионных отрядов и банд, акты террора, попытка обострить и использовать внутренние противоречия в стране были продолжением в новой форме военно-политического сопротивления разбитых в ходе гражданской войны эксплуататорских классов.

К концу 1921 г. попытки взорвать Советскую власть изнутри потерпели крах. Переход к продналогу создал материальный стимул к расширению крестьянского производства и в сочетании с решительными военно-оперативными мерами по ликвидации кулацко-бандитских мятежей привел к почти полной изоляции мелкобуржуазных партий от крестьянских масс. А вместе с этим рухнули надежды российской буржуазии на ликвидацию Советской

власти путем восстаний. Диктатура пролетариата еще раз доказала свою прочность и единство с широкими массами трудящихся.

Угасание наиболее острых форм сопротивления свергнутых классов не означало ослабления классовой борьбы. Со становлением нэпа она развешивалась шире, по всем основным направлениям строительства социалистического общества.

В последующие годы нэпа «новая тактика» была связана с надеждами антисоветских партий на буржуазное перерождение советского строя. Эти надежды появились в результате определенных явлений, которые сопровождали процесс частичного допущения капитализма в Советской России в начале нэпа. Идеологи российской буржуазии полагали, что перед Советской властью стоит дилемма: либо окончательный развал народного хозяйства, либо «полное безоговорочное восстановление капиталистического строя в рамках современного правового государства»¹¹⁴. Поэтому нэп и связанные с ним изменения они восприняли как коренной перелом в политике Советского государства и возврат к капитализму. При этом российская буржуазия считала, что «крестьянин как собственник вместе с ремесленником-кустарем и кушом-мешочником начал воссоздавать действительно народное хозяйство, а восстановить смычку сельского хозяйства с промышленностью может только частный интерес»¹¹⁵.

«Левые» кадеты, самые последовательные проводники «новой тактики», продолжали считать, что между Советской властью и крестьянством существуют такие глубокие противоречия и в то же время развитие экономики страны настолько зависит от осуществления интересов крестьянства, что политику пролетарскому государству будет диктовать кулак. В связи с этим Милюков и ставил вопрос о создании крестьянской партии, которая бы отражала интересы зажиточных слоев деревни¹¹⁶.

Недалеко от этих рассуждений ушел и П. Сорокин, считавший, что нэп является переходом к «воссозданию России на старых капиталистических началах». Однако при этом он сетовал на то, что большевики не дают возможностей для полного развития нэпа¹¹⁷.

Как переход к капитализму восприняли нэп меньшевики и эсеры. Основной их мотив, как указывал В. И. Ленин, сводился к следующему: «Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе!»¹¹⁸ В переходе к нэпу эсеры и меньшевики видели торжество своих теорий социал-реформизма и мелкобуржуазной демократии.

Эсеры доказывали, что большевики, с одной стороны, недооценивали огромное преобладание земледелия в народном хозяйстве страны, а с другой, как писал редактор эсеровского заграничного журнала «Воля России» Е. Сталинский, переоценили роль политической надстройки и поэтому якобы потеряли

крах¹¹⁹. А. Ф. Керенский пытался доказать, будто Октябрьская революция не уничтожила капитализма, а лишь разрушила «высшую индустриальную форму капитализма» и заменила ее «низшими формами капитализма примитивного». Введение нэпа, как утверждал Керенский, только укрепило эти формы капитализма, вернувшегося к стадии первоначального накопления, а на «этой стадии он далек от того, чтобы превратиться в свою противоположность — социализм»¹²⁰.

Такое понимание нэпа лидерами эсеров объяснялось отчасти тем, что они не рассматривали строительство социализма как революционный социальный скачок, наоборот, социализм мыслился ими как результат длительной эволюции. В связи с этим они полагали, что «между капитализмом и социализмом лежат формы переходного строя, соответствующие результату, порожденному складом местных условий»¹²¹. Эсеры выдвигали идеи «строга трудовой демократии», «интегрального социализма» и т. д.¹²²

Меньшевики вторили эсерам. Известный меньшевик Д. Далин писал по поводу нэпа, что в сфере экономики большевики содействуют развитию капитализма и от коммунизма якобы уже ничего не осталось¹²³. Подобные взгляды старался обосновать и А. Потресов, видевший в мелком буржуа основную созидательную силу¹²⁴.

Таким образом, различные политические группировки российской контрреволюции выражали по отношению к нэпу довольно схожие взгляды. Это в определенной степени способствовало и общности их надежд. Полагая, что за экономическими уступками придут и политические, лидеры контрреволюции надеялись на эволюцию советского строя в буржуазно-демократическую республику. «И Милюков, и Устрялов, и эсеры, — говорил на XI съезде РКП(б) В. А. Антонов-Овсеенко, — считали, что политику рабочему классу в силу материальных условий будет диктовать мелкая буржуазия — как основная сила в стране»¹²⁵.

После провала «малой войны» «новая тактика» нашла свое яркое проявление в использовании советской легальности и попытках внедрения в советский строй в целях его капиталистической трансформации¹²⁶. Враги Советской власти считали, писал в 1923 г. заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) А. С. Бубнов, «что если не удалось взять Советскую власть путем прямого вооруженного удара, не удалось ее взять «взрывом изнутри», то они на почве нэпа, при помощи «новой тактики», используя легальные возможности, возьмут Советскую власть тихой сапой, вращением во все поры советского государственного аппарата»¹²⁷.

Видя бесполезность мятежей на данном этапе, антисоветские силы сделали ставку на «тихую контрреволюцию». П. Н. Милюков писал по этому поводу, что «заграничная демократия не рассчиты-

вает победить Советскую власть заговорами и тайными организациями. Она ждет этого от самого внутреннего процесса». Миллюков видел цель своей тактики в развале советского государственного аппарата и разложении партии большевиков, а с другой стороны — в агитации и организации буржуазных и мелкобуржуазных масс на борьбу против диктатуры пролетариата¹²⁸. Такой тактике следовали и эсеры, и меньшевики. Представители ЦК меньшевиков заявляли в своем заграничном органе, что «дальнейшее развитие русской революции должно пойти через распад и раскол РКП(б)»¹²⁹.

Следует иметь в виду, что Миллюков не отрицал в принципе вооруженной борьбы. Определенные результаты «тихой контрреволюции» он рассматривал как создание условий для более активных действий¹³⁰. Российская контрреволюция по-прежнему не оставляла мысль о вооруженной борьбе против советского строя, хотя условия классовой борьбы вынуждали ее отложить эти планы на неопределенное время.

Методами «новой тактики» в это время являлись: саботаж на госпредприятиях, создание различных подпольных трестов, требование ослабления государственного вмешательства в частно-правовые отношения, выдвижение требований перед Советской властью на различных съездах и конференциях, забастовки либерально-кадетствующей профессуры и наступление буржуазной пропаганды¹³¹.

Опираясь на усиливающуюся политическую активность мелких собственников, кулаков и нэпманов, обанкротившиеся остатки мелкобуржуазных и буржуазных партий, представители различных контрреволюционных организаций и объединений предприняли попытку проникнуть в государственный и хозяйственный аппарат управления, стремились под видом беспартийных расширить и укрепить свое влияние в местных органах власти, особенно в сельсоветах и волисполкомах. С целью ослабления влияния партии большевиков было проведено наступление на общественные организации, прежде всего профсоюзы и кооперацию (особенно сельскохозяйственную и кустарно-промысловую). Пропаганда буржуазной и мелкобуржуазной идеологии развернулась через быстро выросшую сеть частных издательств, деятельность различных литературно-политических и научных обществ и кружков, с кафедр учебных заведений.

Каждый шаг Страны Советов по пути социализма вызывал яростное сопротивление свергнутых классов. И чем активнее развертывалось социалистическое наступление и шире вовлекались в него трудящиеся массы, тем яснее обозначалась бесплодность всей политики контрреволюции. Надежды на перерождение советского строя были живы у части белой эмиграции до конца 20-х годов, однако они не оправдали себя уже в первые годы нэпа.

Советское государство пристально следило за действиями российской контрреволюции и решительно пресекало ее поползновения против диктатуры пролетариата.

Вопросы борьбы с антисоветскими партиями были постоянно в центре внимания РКП(б). Доклады по этому вопросу ставились на IX и X съездах партии, на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г., на Всероссийском совещании заведующих агитпропотделами губкомов в июле 1921 г., на XII Всероссийской партконференции в августе 1922 г. и т. д.

Тактика и действия антисоветских сил в первые годы нэпа постоянно находились в поле зрения В. И. Ленина, борьбе с этими силами он придавал огромное значение и определял ее как задачу и содержание всей переходной эпохи¹³². В многочисленных работах и выступлениях этого периода Ленин дал глубокий анализ расстановки классовых сил во время перехода к нэпу, вскрыл причины оживления деятельности мелкобуржуазных партий, особенно эсеров и меньшевиков, разоблачил тактику и замыслы лидеров российской буржуазии, обратив основное внимание на изменение форм антибольшевистской борьбы.

Разбирая 8 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) причины мятежа в Кронштадте и его социальные силы, В. И. Ленин указал на определенный поворот в тактике борьбы российской контрреволюции против Советской власти. «Совершенно ясно,— говорил он,— что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев, и вместе с тем движение это свелось к мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии. Это уже нечто новое. Это обстоятельство, поставленное в связь со всеми кризисами, надо очень внимательно политически учесть и очень обстоятельно разобрать»¹³³.

В. И. Ленин пришел к выводу, что за спиной мелкобуржуазной контрреволюции стоит российская буржуазия, расчеты которой сводятся к необходимости столкновения двух основных классов Советского общества. «Мы должны помнить,— говорил он на X съезде партии,— что буржуазия старается восстановить крестьянство против рабочих, старается восстановить против них мелкобуржуазную анархическую стихию..., что поведет непосредственно к низвержению диктатуры пролетариата и, значит, к восстановлению капитализма, старой помещичье-капиталистической власти. Тут политическая опасность налицо»¹³⁴.

Раскрывая дальше «новую тактику» российской буржуазии, В. И. Ленин указывал, что она стремится использовать деклассированность и распыленность некоторой части рабочего класса: «Когда меньшевики кричат о «бонапартизме» большевиков..., то этим прекрасно выражается тактика буржуазии, и Милюков правильно поддерживает ее... Буржуазия правильно учитывает, что *действительные* «силы рабочего класса» состоят сейчас

из могучего авангарда этого класса (Российской коммунистической партии...), плюс элементы, наиболее ослабленные декласированием, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям»¹³⁵. А усиление этих шатаний ведет к ослаблению диктатуры пролетариата, а, следовательно, и к ослаблению власти Советов.

Характеризуя новые политические позиции российской буржуазии, В. И. Ленин показал, что, надеясь на внутренние процессы, она стремится «двинуть контрреволюцию так или иначе путем передачи власти политическому оттенку, наиболее близкому по внешности к признанию Советской власти», все равно вправо или влево, только бы избавиться от большевиков¹³⁶. Ленин раскрыл тактические расчеты лидеров буржуазии (типа Милюкова), считавших, что в данное время на политической арене в России могут бороться только «социалистические» партии, и поэтому ставивших перед ними задачу первой передвижки власти от большевиков¹³⁷. Маскируясь мелкобуржуазными лозунгами «чистой демократии», буржуазия, писал В. И. Ленин, прекрасно видела, что «уклон может быть либо в сторону пролетарской диктатуры, либо в сторону капиталистов»¹³⁸. Следовательно, эта тактика означала, не что иное, как борьбу против большевиков любой ценой. «Милюков,— отмечал Ленин,—... выдает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, *лишь бы* свергнуть большевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!*»¹³⁹. С классовой точки зрения это означало ликвидацию диктатуры пролетариата в Советской России и приход к власти буржуазии и буржуазных партий в результате второй и последующих «передвижек».

Ленин показал закономерность перехода мелкобуржуазной демократии в лагерь контрреволюции, когда она начинает выступать против диктатуры пролетариата. Весь опыт всемирной истории доказал, что в этом случае ей на смену приходит буржуазная реакция. «Это — классовая истина, подтвержденная всей историей революций всех стран...», — писал В. И. Ленин. — Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме, во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало, в зачаточной форме, при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории, на самое короткое время; так было в России 1917—1921 годов в более развитой форме). О «третьем» пути, о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»¹⁴⁰. Раскрыв причины оживления мелкобуржуазной идеологии и усиления антисовет-

ской деятельности мелкобуржуазных партий во время перехода и в первые годы нэпа, Ленин показал роль лидеров этих партий как проводников идей буржуазии. Эти партии шли в авангарде всей контрреволюции и служили ей верную службу.

Определяя методы борьбы с российской контрреволюцией, В. И. Ленин считал, что решающее значение в крахе планов свержения Советской власти играет быстрое восстановление народного хозяйства, подъем жизненного уровня народа, рост численности и консолидация рабочего класса, укрепление ведущей роли в обществе его авангарда — Коммунистической партии. Вместе с этим Ленин указывал на огромную роль своевременного и решительного подавления сопротивления эксплуататоров. На IX Всероссийском съезде Советов он говорил: «У капиталистов и помещиков... была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наше. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было»¹⁴¹.

Обосновывая необходимость строгих мер в отношении врагов Советского государства, Ленин обращал внимание коммунистов на то, что страна в первые годы нэпа находилась «в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых», а поэтому за антисоветскую пропаганду «революционные суды должны строго наказывать»¹⁴².

Наряду с применением революционно-целесообразных репрессий против политических врагов, В. И. Ленин требовал наступательной идеологической и разъяснительной работы в массах. В связи с этим он указывал прежде всего на необходимость в партийной и советской печати «особенно подробно разъяснять фактическую связь меньшевиков и эсеров с общим фронтом помещиков и буржуазии против Советской власти»¹⁴³. Ленин считал, что в обстановке нэпа тактика большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям должна включать как репрессии к тем ее деятелям, которые выступали вместе с врагами Советской республики, так и использование всех поворотов мелкобуржуазных слоев в сторону Советской власти. Не в ликвидации, а в приобщении к социалистическому строительству мелкой буржуазии Ленин видел одну из основных задач классовой борьбы пролетариата в переходный период от капитализма к социализму.

В целях пресечения контрреволюционной агитации меньшевиков и эсеров на беспартийных конференциях 7 мая 1921 г. в «Правде» был напечатан циркуляр ЦК РКП(б) губкомам, укоммам, коммунистическим фракциям и профсоюзам, в котором подчеркивалась необходимость тщательной подготовки беспартийных конференций и дальнейшего развертывания работы по укреплению

нию связей коммунистов с беспартийными¹⁴⁴. Осуществление этих принципов на местах способствовало организованному отпору и пресечению мелкобуржуазной и буржуазной пропаганды на собраниях и конференциях трудящихся масс.

Важную роль в укреплении единства партии сыграла чистка РКП(б), проводившаяся по решению X съезда партии с 15 августа до декабря 1921 г. Партия освободилась от «примазавшихся» представителей мелкобуржуазных партий, особенно меньшевиков, примкнувших к РКП(б) после 1918 г. и не доказавших своей преданности делу рабочего класса.

Большое значение в разоблачении мелкобуржуазных партий сыграл процесс членов ЦК и отдельных членов других организаций партии правых эсеров, проходивший в Москве с 8 июня по 1 августа 1922 г. Были проведены процессы над контрреволюционными организациями и в других городах. Одновременно с ними была проведена наступательная идеологическая и разъяснительная работа в массах.

XII партийная конференция выдвинула задачу организации решительного отпора всем попыткам реакции обойти Советскую власть с тыла. С этой целью была намечена развернутая программа организационных, идеологических и политических мер. Следуя ленинским указаниям, конференция отметила необходимость использования как репрессий к непримиримым врагам Страны Советов, так и проведения широкой идеологической работы с целью окончательного отрыва от партий меньшевиков и эсеров мелкобуржуазных масс и вовлечения самых широких слоев трудового населения в социалистическое строительство¹⁴⁵.

Перегруппировав свои силы, партия решительно взялась за овладение всеми звеньями аппарата государственных и общественных организаций. В соответствии с решениями XII съезда партии развернулась реформа органов управления и хозяйствования с целью улучшения их состава.

Важную роль в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией сыграла партийная и советская печать. Исходя из необходимости усиления идейного руководства печатью, коллегия агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б) 12 ноября 1921 г. приняла решение об образовании в составе Агитпроп-отдела отдела печати. Партийные и советские газеты и журналы неустанно разоблачали политику и тактику российской контрреволюции и международной реакции, разоблачали идеологические диверсии и клеветнические домыслы врага. На страницах периодической печати регулярно печатались статьи и материалы известных советских партийных деятелей — А. Бубнова, Е. Ярославского, Н. Мещерякова, В. Быстрянского, Ю. Стеклова, И. Вардина, Н. Попова и др. Печатались доклады и сообщения ВЧК. В июне 1921 г. был опубликован обширный материал, раскрыв-

ший участие партии эсеров в кулацких восстаниях; в 1922 г. были опубликованы документы «Административного центра», разоблачившие эсеровскую эмиграцию как непримиримого врага Советской власти.

Атака антисоветских сил в первые годы нэпа была решительно отбита диктатурой пролетариата. С арены политической деятельности ушли партии эсеров и меньшевиков, окончательно дискредитировавшие себя в глазах трудящихся масс.

Таким образом, в результате политики Коммунистической партии, направленной на установление прочного союза рабочего класса с крестьянством, а также решительной борьбы Советского государства с контрреволюционными попытками ослабить союз двух основных дружественных классов советского общества, расшатать политическую основу диктатуры пролетариата и уничтожить первое в мире социалистическое государство «новая тактика» российской контрреволюции потерпела закономерный провал. Развитие социалистического уклада, возрастание роли рабочего класса, укрепление его союза с широкими массами трудящегося крестьянства — все это свидетельствовало о неуклонном наступлении социализма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 103.

² Там же, с. 39.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 209.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1. М., 1967; кн. 2. М., 1968; т. 4, кн. 1. М., 1970; кн. 2. М., 1971; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VII. М., 1967; т. VIII. М., 1967; т. IX. М., 1971.

⁵ Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922 гг.). М., 1954; она же. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг. М., 1969; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967; Каторгин И. И. Исторический опыт КПСС по осуществлению новой экономической политики (1921—1925 гг.). М., 1971 и др.

⁶ Софинов П. Г. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960;

Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в начале нэпа. Л., 1964; он же. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; Спириин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; Гусев К. В. и Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Малашко А. М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск, 1969; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции М., 1975; Подбологов П. А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975.

⁷ Богданов М. А. Разгром западно-сибирского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 г. Тюмень, 1961; Гимпельсон Е. Г. Из истории установления однопартийной системы в СССР. — «Вопросы истории», 1965, № 11; Донков И. В. Организация разгрома антоновщины. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 6; Обичкина Л. Г. Из истории

- борьбы РКП(б) против антисоветских партий и течений (1921—1923 гг.).— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 2; *Семанов С. Н.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа в 1921 г. М., 1973; *Щетинов Ю. А.* Мелкобуржуазные партии в кронштадтском мятеже 1921 г.— «Вестник МГУ», серия IX, история, 1974, № 3 и др.
- ⁸ *Бубнов А.* Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пг., 1923, с. 42; *Ярославский Е.* О третьей силе в период пролетарской революции и пролетарской диктатуры. М.—Л., 1931, с. 31.
- ⁹ *Шкаренков Л. К.* Переход к нэпу и его влияние на провал антисоветских замыслов белой эмиграции.— В кн.: Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974; *он же.* Белая эмиграция: агония контрреволюции.— «Вопросы истории», 1976, № 5; *Музачев Ю. В.* К вопросу об особенностях классовой борьбы в СССР в начале нэпа. Провал «новой тактики» российской контрреволюции.— В кн.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975; *он же.* О некоторых особенностях классовой борьбы в СССР в начале нэпа.— В кн.: Вопросы историографии и истории крестьянства. Калинин, 1975; *Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
- ¹⁰ Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922; Из истории ВЧК. 1917—1922. Сб. документов. М., 1958; Документы внешней политики СССР, т. III. М., 1959; В. И. Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917—1922 гг.). М., 1975 и др.
- ¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 39.
- ¹² См. подробнее общие сведения о размещении и численности белой эмиграции по странам в работе: *Шкаренков Л. К.* Белая эмиграция: агония контрреволюции, с. 101—103, 107—108.
- ¹³ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 39.
- ¹⁴ Высший монархический совет до 1922 г. находился в Берлине, а затем переехал в Париж. Печатным органом являлся «Еженедельник ВМС».
- ¹⁵ Русские в Галлиполи, 1920—1921 гг. Сб. статей, Берлин, 1923, с. 130—132.
- ¹⁶ Коллекция ЦГАОР СССР.
- ¹⁷ «Правда», 1921, 4 марта.
- ¹⁸ «Правда», 1922, 3 марта.
- ¹⁹ «Правда», 1921, 11 ноября.
- ²⁰ Коллекция ЦГАОР СССР.
- ²¹ «Общее дело», Париж, 1924, 23 ноября.
- ²² «Голос России», Берлин, 1921, 26 января.
- ²³ «Вопросы истории», 1976, № 5, с. 104, 106.
- ²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 304.
- ²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 39, 40—41.
- ²⁶ Коллекция ЦГАОР СССР.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Миллюков П. Н.* Эмиграция на перепутье. Париж, 1926, с. 132—136; «Последние новости», Париж, 1921, 7 июля.
- ³¹ *Миллюков П. Н.* Эмиграция на перепутье, с. 132.
- ³² Коллекция ЦГАОР СССР.
- ³³ «Последние новости», Париж, 1921, 7 июля.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Миллюков П. Н.* Эмиграция на перепутье, с. 136; «Последние новости», Париж, 1921, 7 июля.
- ³⁶ «Последние новости», Париж, 1921, 21 июля.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Коллекция ЦГАОР СССР.
- ³⁹ *Миллюков П. Н.* Сборник материалов к 70-летию. Париж, 1928, с. 119—120.
- ⁴⁰ *Миллюков П. Н.* Три платформы республиканско-демократических объединений (далее — *Миллюков П. Н.* Три платформы). Париж, 1925, с. 13.
- ⁴¹ *Миллюков П. Н.* Республика или монархия. Париж, 1929, с. 5, 28.

- 42 Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры, ч. 3. СПб., 1903, с. 1—2; он же. Сборник материалов к 70-летию, с. 133.
- 43 Миллюков П. Н. Три платформы, с. 13.
- 44 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 45 «Последние новости», Париж, 1921, 7 июля.
- 46 Там же.
- 47 «Революционная Россия», Прага, 1921, 11 августа.
- 48 «Известия ВЦИК», 1921, 26 января.
- 49 «Последние новости», Париж, 1921, 3 мая.
- 50 «Последние новости», Париж, 1921, 30 марта.
- 51 Цит. по: «Правда», 1921, 22 мая.
- 52 Миллюков П. Н. Три платформы, с. 59.
- 53 «Руль», Берлин, 1922, 21 (8) декабря.
- 54 Гусев К. В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966, с. 60.
- 55 Попов Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924, с. 101.
- 56 «Последние новости», Париж, 1921, 26 августа.
- 57 «Последние новости», Париж, 1921, 19 и 21 июля.
- 58 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 59 «Последние новости», Париж, 1921, 1 сентября.
- 60 Там же.
- 61 «Общее дело», Париж, 1921, 1 июня (частично перепечатано в «Последние новости», Париж, 1921, 8 июля).
- 62 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 63 Очерки деятельности. Доклады — материалы 1922—1923 гг. Париж, 1923, с. 25.
- 64 «Последние новости», Париж, 1921, 18 и 24 июня.
- 65 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 66 Крестьянская Россия. Сб. статей, вып. 1. Прага, 1922, с. 5.
- 67 Там же, с. 4.
- 68 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 69 «Общее дело», Париж, 1921, 9 апреля.
- 70 «Еженедельник ВМС», № 66, 1922, 20 ноября (3 декабря).
- 71 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 72 Там же.
- 73 См. дифференциацию сменовеховства в работах: Трифонов И. Я. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства.— «История СССР», 1959, № 3, с. 67—68; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972, с. 271—273.
- 74 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 4.
- 75 КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 209.
- 76 «Правда», 1921, 25 марта.
- 77 Из истории ВЧК, с. 437.
- 78 Отчет Народного комиссариата по военным делам за 1921 г. М., 1922, с. 185.
- 79 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 138, 23.
- 80 «Правда», 1921, 19 апреля.
- 81 «Правда», 1922, 11 февраля.
- 82 Терской А. В стране произвола и бесправия. М.—Пг., с. 22—27; Булацель А. На родину из стана белых. М., б.г., с. 27—33.
- 83 Булацель А. Указ. соч., с. 33.
- 84 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 85 «Правда», 1921, 24 июля.
- 86 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 87 «Правда», 1921, 24 июня.
- 88 Там же.
- 89 «Последние новости», Париж, 1921, 11 сентября.
- 90 «Правда», 1921, 24 июня.
- 91 «Последние новости», Париж, 1921, 7 сентября.
- 92 «Правда», 1922, 23 июня.
- 93 Коллекция ЦГАОР СССР.
- 94 «Последние новости», Париж, 1921, 23 июля; Крестьянская Россия, вып. 5—6. Прага, 1923, с. 192.
- 95 «Известия ЦК РКП (б)», 1921, 7 марта, с. 7.
- 96 «Известия ВЦИК», 1921, 12 января.
- 97 Работа эсеров за границей. (По материалам Парижского архива эсеров). М., 1922, с. 11.
- 98 «Революционная Россия», № II, 1921, 2 августа.
- 99 «Правда», 1922, 18 июня.
- 100 «Правда», 1922, 9 августа.
- 101 «Правда», 1922, 18 июня.
- 102 «Правда», 1922, 14 декабря.
- 103 «Правда», 1922, 9 августа.
- 104 Частное совещание членов Все-

- российского Учредительного собрания, Париж, 1921.
- ¹⁰⁵ Работа эсеров за границей. (По материалам Парижского архива эсеров), с. 5—6.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 18—30, приложение.
- ¹⁰⁷ *Слепков А.* Кронштадтский мятеж. М.—Л., 1928, с. 36—44; *Пушков А. С.* Кронштадтский мятеж в 1921 г. Л., 1934, с. 106—115; *Семанов С. Н.* Указ. соч., с. 130—136; *Щетинов Ю. А.* Указ. соч.—«Вестник МГУ», серия IX, история, 1974, ч. 3 с. 17—18, 26—27, 29—30, 32.
- ¹⁰⁸ «Последние новости», Париж, 1921, 24 августа.
- ¹⁰⁹ «Последние новости», 1921, 7 июля, 7 августа, 16 сентября.
- ¹¹⁰ «Правда», 1921, 25 ноября, 27 ноября, 2 декабря.
- ¹¹¹ «Правда», 1921, 2 декабря.
- ¹¹² *Герской А.* В стране произвола и бесправия. М.—Л., б.г., с. 22—27.
- ¹¹³ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Стат. справочник ЦСУ, год 2-й. М., 1925, с. 110.
- ¹¹⁴ «Последние новости», Париж, 1921, 17 мая.
- ¹¹⁵ Очерк деятельности. Документы и материалы. Париж, 1923, с. 5.
- ¹¹⁶ Коллекция ЦГАОР СССР.
- ¹¹⁷ *Сорокин П.* Россия после нэпа.—«Крестьянская Россия», сб. № 2—3, с. 141—142.
- ¹¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 101.
- ¹¹⁹ *Сталинский Е.* Пути революции. Прага, 1925, с. 34, 203.
- ¹²⁰ *Керенский А.* Издалека. Париж, 1922, с. 39, 40.
- ¹²¹ *Сталинский Е.* Указ. соч., с. 151.
- ¹²² Крестьянская Россия, вып. 1, с. 3.
- ¹²³ *Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922, с. 45.
- ¹²⁴ *Потресов А. И.* В плену у иллюзий. Париж, 1927, с. 78.
- ¹²⁵ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г. Стенографический отчет. М., 1961, с. 78.
- ¹²⁶ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 390.
- ¹²⁷ *Бубнов А.* Указ. соч., с. 42.
- ¹²⁸ «Последние новости», Париж, 1923, 3 января.
- ¹²⁹ Коллекция ЦГАОР СССР.
- ¹³⁰ *Милюков П. Н.* Эмиграция на перепутье, с. 95.
- ¹³¹ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 390—393; «Коммунистическая революция», 1922, № 15, с. 6.
- ¹³² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 262.
- ¹³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 24.
- ¹³⁴ Там же, с. 25—26.
- ¹³⁵ Там же, т. 44, с. 107.
- ¹³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 90.
- ¹³⁷ Там же, с. 318.
- ¹³⁸ Там же, с. 140.
- ¹³⁹ Там же, с. 239.
- ¹⁴⁰ Там же, с. 239—240.
- ¹⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.
- ¹⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 89—90.
- ¹⁴³ Там же, с. 145.
- ¹⁴⁴ «Правда», 1921, 7 мая.
- ¹⁴⁵ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 392.

ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЯ И БОЕПРИПАСОВ
ДЛЯ АРМИИ В РОССИИ
В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА
(1898—1917 ГГ.)

Л. Г. Бескровный

В советской исторической литературе отсутствуют специальные работы, посвященные производству вооружения и боеприпасов для русской армии в период империализма. По окончании гражданской войны историки обратили главное внимание на изучение опыта гражданской войны и строительства Красной Армии. Тем не менее уже в 20-е годы стали появляться исследования, характеризующие производство вооружения и боеприпасов в период мировой войны. В трудах А. А. Маниковского и Е. З. Барсукова дана характеристика состояния военной промышленности накануне и в период мировой войны и приведены основные сведения об изготовлении вооружения на русских заводах, о закупках его за рубежом и снабжении им действующей армии. Генерал А. А. Маниковский возглавлял Главное артиллерийское управление. Поэтому приведенные им сведения базируются на подлинных документах и бесспорно вызывают доверие. С некоторыми положениями его труда можно не соглашаться, но в целом это серьезное исследование¹.

Столь же важное значение имеют работы Е. З. Барсукова². В общем оба автора дали относительно объективную характеристику постановки производства оружия. Главным недостатком этих работ было то, что причину провала материально-технического снабжения армии авторы видели в проявлении субъективного фактора, а не в социально-политической структуре России того времени.

На дальнейшее изучение проблемы сильное влияние оказала культивируемая в 30-е годы точка зрения об экономической зависимости России от союзников и, как следствие этого, несамостоятельности в решении главных военных вопросов. Подобная точка зрения нашла свое отражение во многих работах³.

Это ошибочное положение было преодолено лишь после XX съезда КПСС. В работах А. Л. Сидорова, В. И. Бовыкина, К. Ф. Шацillo и других авторов введено в научный оборот много новых данных и сама проблема получила более широкое освещение⁴.

В этих работах показано, что главным тормозом в развитии экономики страны и производства оружия и боеприпасов были не столько субъективные ошибки руководящих деятелей, сколько царский режим как таковой. Однако авторы указанных работ не ставили задачи осветить вопрос о производстве оружия и боеприпасов в период империализма в целом и ограничивались рамками мировой войны. В настоящей статье рассматривается производство стрелкового и артиллерийского оружия, патронов и снарядов, а также основных видов взрывчатых веществ в 1898—1917 гг.

ПРОИЗВОДСТВО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ И ПАТРОНОВ

Производство винтовок и револьверов

В конце XIX — начале XX в. завершилась программа перевооружения русской армии винтовками системы Мосина, обладавшими высокими баллистическими данными. 3-линейная винтовка 7,62-мм калибра имела магазин с подающим механизмом, в стальной коробке был установлен отсечка-отражатель, обеспечивающий безотказную стрельбу, скользящий затвор гарантировал надежное запираение.

Первую очередь этих винтовок (2 млн.) изготовляли как на русских, так и на французских заводах. Тульский, Сестрорецкий и Ижевский заводы дали в период с 1892 по 1896 г. — 1470 тыс. винтовок, а заводы Шательро — по русским лекалам изготовили 503 359 винтовок⁵.

Вторую очередь (1290 тыс.) предстояло изготовить с 1897 по 1903 г. В период с 1893 по 1896 г. полевые войска были перевооружены. В войска поступило 1 548 683 пехотных, 152 363 драгунских и 136 633 казачьих винтовок. Оставалось перевооружить лишь запасную пехоту и ополчения, для чего требовалось 163 940 винтовок. Чтобы не допустить свертывания деятельности оружейных заводов, решено было растянуть изготовление винтовок до 1903 г.

За 1897—1903 гг. на русских заводах было изготовлено следующее количество винтовок (табл. 1).

Но все же резкое уменьшение нарядов на все заводы (с 230 тыс. в 1899 г. до 100 тыс. в 1903 г.) имело отрицательные последствия. За пять лет с заводов ушла значительная часть квалифицированных рабочих⁶. Особенно сказалось это на Ижевском и Сестрорецком заводах. С Ижевского завода рабочие перешли на строительство Транссибирской железной дороги, а с Сестрорецкого — на судостроительные предприятия Петербурга.

Таблица 1*

Год	Тульский		Сестрорецкий		Ижевский	
	пехотные		пехотные		пехотные	
	боевые	учебные	боевые	учебные	боевые	учебные
1897	240 058	1020	50 395	—	88 001	—
1898	230 058	2000	45 395	493	92 000	2916
1899	185 000	1470	45 000	1120	100 000	—
1900	150 000	1500	30 000	300	86 600	100
1901	150 000	—	30 000	500	70 000	—
1902	49 420	300	19 086	—	9 000	—
1903	25 000	—	10 000	100	—	—

* ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 1209, л. 362, 434; д. 1222, л. 138—139 об.; д. 1224, л. 97—97 об.; д. 1317, л. 18 об. — 29; д. 1510, л. 4; д. 1512, л. 111; ф. 1/л, оп. 1, д. 54407, л. 5—5 об.; оп. 27, д. 54407.

Год	Ижевский				Всего		Наряд
	драгунские		казацки				
	боевые	учебные	боевые	учебные	боевые	учебные	
1897	75 004	—	2	—	453 460	1020	450 000
1898	37 973	1114	100	20	404 526	6543	375 000
1899	—	—	—	—	330 000	2590	330 000
1900	3 410	500	8020	100	280 030	2000	250 000
1901	—	—	—	500	250 000	500	250 000
1902	16 000	—	—	—	93 506	300	100 000
1903	10 000	—	—	—	45 000	100	100 000

Таблица 2*

Год	Тульский		Ижевский		Сестрорецкий		Всего	
	наряд	изготовлено	наряд	изготовлено	наряд	изготовлено	наряд	изготовлено
1904	80 750	80 750	103 190	98 546	25 402	25 477	209 345	204 773
1905	181 000	133 140	210 996	141 404	57 110	37 300	449 199	311 844

* ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 58 об.

Увеличение заказов на изготовление стрелкового оружия в связи с начавшейся войной с Японией застало заводы в значительной мере врасплох, что не замедлило отразиться на выполнении заказов (табл. 2).

Из данных табл. 2 следует, что оружейные заводы хотя и справились с выполнением обычного наряда в 1904 г., но провалили удвоенную программу, установленную на 1905 г. Войска недополучили более 130 тыс. винтовок.

Критическое состояние русских финансов в послевоенный период вынуждало правящие круги ограничивать отпуск средств на производство оружия. Зная это, военный министр А. Ф. Редигер не решался ставить вопрос о дополнительных ассигнованиях на восстановление стратегического запаса на случай новой войны. Кроме того, военные руководители из опыта войны с Японией сделали вывод, что новую войну можно будет вести на основе имеющихся запасов, а поэтому было решено ограничить производство винтовок в объеме, позволяющем содержать заводы на уровне активной консервации.

На протяжении последующих лет, вплоть до начала мировой войны, уровень производства винтовок снижался, что видно из данных, приведенных в табл. 3.

Сокращение нарядов на изготовление новых винтовок было вызвано тем, что в 1910 г. для винтовок Мосина был принят новый прицел, а еще ранее — патрон с остроконечной пулей. Требовалось изготовить новые детали для состоящих на вооружении армии 4 млн. винтовок (защелки, пружины, прицелы и др.). В связи с этим пришлось срочно перевести Тульский и Сестрорецкий заводы на двухсменную работу и увеличить число рабочих: на Тульском заводе — до 8440 человек и на Сестрорецком — до 2193 человек. В то же время ряд других цехов оставался незагруженным. Это поставило заводы в сложное положение. Руководители оружейных заводов решили изменить профиль продукции. Так, на Тульском заводе стали изготавливать пользующиеся спросом сложные станки: фрикционные, четырехшпиндельные и др. Следствием этого была замена станочного парка и изменение состава наиболее квалифицированной части рабочих.

Снижение объема производства стрелкового оружия беспокоило Главное артиллерийское управление (ГАУ). Оно неоднократно обращалось со специальными докладами о недопустимости создавшегося положения на заводах и требовало ассигнований на модернизацию существующих предприятий, но получило отказ не только от Министерства финансов, но и от Военного совета. Последний в поисках источников экономии средств все время урезал ассигнования на вооружение армии, что выразилось в резком сокращении нарядов на производство винтовок в период с 1910 по 1913 г. и в сокращении нормы запаса произ-

Таблица 3*

Год	Тульский		Ижевский	
	наряд	изготовлено	наряд	изготовлено
1906	94 876	95 200	141 584	103 784
1907	50 221	47 360	68 109	64 788
1908	27 981	24 154	36 449	28 348
1909	38 526	37 045	89 697	69 726
1910	26 000	22 645	49 952	38 635
1911	11 960	10 850	29 359	23 587
1912	15 507	11 470	62 543	35 687
1913	2 902	2 838	109 468	58 609

Год	Сестрорецкий		Всего	
	наряд	изготовлено	наряд	изготовлено
1906	40 000	29 911	276 460	228 695
1907	24 340	21 517	140 670	133 615
1908	12 823	12 007	77 259	64 509
1909	25 102	19 086	153 325	105 857
1910	15 214	13 949	91 166	75 229
1911	2 530	2 530	43 849	36 967
1912	6 650	—	84 700	41 157
1913	6 650	3 597	119 020	65 044

* По данным Всеподданнейших отчетов Военного министерства за указанные годы: ЦГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 120, л. 2—3; ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 48 об.

водимых на Ижевском заводе стволов с 262 500 (установленной в 1904 г.) до 100 тыс. в 1912 г.⁷

В ходе обсуждения вопроса об увеличении численности армии Главное артиллерийское управление вновь подняло вопрос о том, что в случае войны произойдет кризис снабжения армии стрелковым оружием. В связи с этим в 1912 г. Главное артиллерийское управление представило доклад о необходимости сооружения четвертого оружейного завода с производительностью в 125 тыс. винтовок в год. Но военный министр указал, что имеющиеся заводы позволяют создать необходимые стратегические запасы⁸. Отрицательно к этому предложению отнеслись и в Министерстве финансов. Более того, в Военном совете даже возник-

ла идея свернуть производство винтовок на Сестрорецком заводе и перенести завод в одну из внутренних губерний империи⁹.

Лишь на 1914 г. были выделены средства на переоборудование заводов новыми станками. По этой причине к замене станков и расширению производственных площадей приступили в марте 1914 г., т. е. за четыре месяца до начала мировой войны.

Пока шли дебаты о предстоящем увеличении армии, производство оружия продолжало сокращаться, что привело к постепенному «исчезновению» стратегического запаса винтовок. Согласно мобилизационному расписанию № 19 (1910 г.) полагалось иметь в войсках и в запасе 4 559 003 винтовки разных типов. Этого количества оружия старались придерживаться и в последующие годы, вплоть до начала мировой войны. Об этом говорят данные табл. 4.

Таблица 4*

Тип винтовки	Следовало иметь в мирное время	Имелось на 20 июля 1914 г.
3-линейная винтовка пехотная	3 270 320	3 306 505
3-линейная винтовка драгунская	464 405	530 898
3-линейная винтовка казачья	189 598	200 022
Карабин	286 259	118 657
Бердан № 2 (для ополчения)	348 421	362 019
3-линейная винтовка, требующая ремонта	—	120 572
Итого	4 559 003	4 629 373

* ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 95, л. 161; ф. 2000, оп. 2, д. 2290, л. 11.

Из этих данных следует, что налицо был некоторый излишек винтовок (70 тыс.), но положение стало угрожающим сразу после начала войны. Потребность в винтовках резко возросла, а возможность ее удовлетворения лимитировалась происходящей реконструкцией оружейных заводов. Предвидя серьезные затруднения с изготовлением винтовок, ГАУ срочно возобновило свои представления о сооружении четвертого оружейного завода в Екатеринославе с объемом производства в 600 тыс. винтовок в год и пятого в Туле (рядом с существующим) с той же производительностью. Предполагалось закончить сооружение этих заводов в конце 1919 — начале 1920 г.¹⁰

Военный совет утвердил соображения ГАУ¹¹. Строительство началось в 1915 г. и продолжалось до конца 1917 г. Но эти заводы не вошли в строй¹².

Таблица 5*

Год	Тульский завод		Ижевский завод		Сестрорецкий завод	Всего изготовлено	
	новые	исправленные	новые	исправленные	новые	новые	исправленные
1914	45 919	45 990	82 121	97 897	4 804	132 844	143 887
1915	352 500	53 272	306 529	65 936	73 988	733 017	119 208
1916	648 800	8 686	504 871	9 900	147 762	1 301 433	18 586
1917	506 680	3 550	505 863	4 200	9 880	1 022 423	7 750
Всего	1 553 899	121 498	1 400 384	177 933	236 434	3 189 717	299 431

* ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 804, л. 55; оп. 2, д. 129, л. 36; оп. 2, д. 130, л. 2; ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 48 об. — 49; оп. 3, д. 79.

Следовательно, Военное ведомство в начале войны могло рассчитывать на изготовление стрелкового оружия только на существующих трех заводах, которые, чтобы выполнить намеченную программу, работали в две — три смены.

Ход производства по заводам характеризуется следующими данными (табл. 5).

Таким образом, за три года войны на всех русских оружейных заводах было изготовлено 3 189 717 новых винтовок и исправлено 229 431. Цифра немалая. Но все дело в том, что в первый год войны с заводов поступило всего 132 844 винтовки, на второй — 733 017 и только начиная с 1916 г. уровень производства доведен до 1 301 433 винтовок, а в 1917 г. изготовлено 1 022 423. Именно поэтому в первые годы войны русская армия испытывала острую нужду в стрелковом оружии.

Не имея возможности обеспечить производство стрелкового оружия на отечественных предприятиях, Военное ведомство прибегнуло к закупке за границей как стволов, так и готовых винтовок. С 1914 по 1917 г. за рубежом было заказано 4 853 тыс. винтовок, в том числе в США — 3 656 698, в Японии — 635 400, во Франции — 641 тыс., в Италии — 400 тыс. и Англии — 128 тыс.¹³ Союзники России не были готовы сразу оказать ей помощь¹⁴.

Поставки начались главным образом со второй половины 1915 г. Всего за годы войны от союзников и из США поступило 2 451 тыс. винтовок¹⁵. Закупленными винтовками вооружались войска, расположенные в тылу. На фронт же направлялись винтовки, изготовленные на русских предприятиях и на заводах США (по русскому образцу).

Общая численность винтовок, состоявших на вооружении армии во время войны, изменялась следующим образом: к началу войны — 4 629 373 винтовки, в 1915 г. — 4 900 тыс., в 1916 г. — 4 250 тыс. На фронт было направлено в 1914 г. 277 тыс. новых и исправленных винтовок, в 1915 г. — 952 тыс. новых и исправленных с русских заводов и 685 266 из числа закупленных за границей (большая часть которых была заменена на русские в тыловых частях), в 1916 г. — 1 320 тыс. новых и исправленных винтовок с русских заводов и 1 374 926 из числа закупленных за границей, наконец, в 1917 г. с русских заводов поступило 1 022 430 новых и исправленных винтовок и 288 тыс. из числа закупленных за границей.

Таким образом, с русских заводов в 1914—1917 гг. поступило 3 189 717 новых и 249 431 исправленная винтовка, от союзников — 1313 тыс. винтовок, закуплено и поступило из США — 657 тыс., приобретено и поступило из Японии — 481 тыс.; наконец, захвачено у противника — около 700 тыс., что составило 6 590 148 винтовок, а с имеющимися к началу войны 4 629 373 винтовками — 11 219 521¹⁶.

Между тем в действительности за три года войны возникла потребность в 17 700 тыс. винтовок. Армия все время ощущала голод в стрелковом оружии¹⁷.

Параллельно шла работа по изготовлению револьверов. Их производство было сосредоточено на Тульском заводе (выводы приводятся по данным Всеподданнейших отчетов за указанные годы):

<i>Год</i>	<i>Количество</i>	<i>Год</i>	<i>Количество</i>
1905	62 900	1912	83 255
1906	27 300	1913	87 200
1907	47 400	1914	76 000
1908	25 073	1915	120 142
1909	34 207	1916	180 700
1910	16 443	1917	86 200
1911	30 300		

Наряду с изготовлением казнозарядного магазинного стрелкового оружия велись работы по созданию автоматического ручного оружия. Необходимость увеличения плотности и скорострельности ручного стрелкового оружия показала русско-японская война. Русская конструкторская мысль пошла по пути усовершенствования магазинных винтовок и превращения их в автоматические. Потребность в таком оружии определялась новыми условиями боя. Приспособление пехоты к местности, перебегки и самокапывание сделали ее менее уязвимой для винтовочного огня. Путь повышения эффективности огня шел через

скорострельность, позволяющую лучше поражать движущиеся цели.

К созданию образцов автоматических винтовок приступили сразу же после окончания войны с Японией. По предложению Н. М. Филатова в 1908 г. при ГАУ была создана комиссия для разработки автоматической винтовки на базе винтовки Мосина образца 1891 г. В нее вошли В. Г. Федоров, Н. М. Филатов и А. Д. Керн. Комиссия начала с изучения проекта переделки винтовки Мосина, выполненного В. Г. Федоровым еще в 1905 г., и затем — его оригинальной конструкции, изготовленной в 1907 г.

Комиссия одобрила винтовку Федорова образца 1907 г. и по изготовлении нескольких экземпляров провела испытания в 1911 г. Параллельно испытывались зарубежные образцы (Браунинга и др.). После проведения испытаний винтовок Федорова была заказана их новая партия для более широкой проверки. Испытания 1912 г. подтвердили высокое качество винтовок. Тем не менее комиссия нашла необходимым проверить автоматические винтовки Федорова непосредственно в войсках. В связи с этим Сестрорецкому заводу было поручено изготовить 150 винтовок. Пока завод выполнял этот заказ, Федоров усовершенствовал свою конструкцию. Новый образец имел более совершенный затвор, компактный магазин и меньший вес. Этот образец прошел успешные испытания в 1913 г. Серийное производство, однако, задерживалось.

Потребность в автоматическом оружии навела В. Г. Федорова на мысль переделать представленную им в 1912 г. автоматическую винтовку в автомат. Автомат Федорова имел короткий ствол и укороченный прицел. Калибр 6,5 мм. В 1916 г. такими автоматами была вооружена особая рота, приданная 189-му Измайловскому полку, направлявшемуся на фронт¹⁸. Но это была пробная партия. К вопросу же о массовом изготовлении автоматов Федорова вернулись только после Октября.

Одновременно над автоматическими винтовками работал Ф. В. Токарев. В 1908 г. он представил образец на основе винтовки Мосина, но в то же время он готовил и свою конструкцию, которую представил в 1913 г. Винтовка Токарева обладала высокими качествами. Комиссия срочно заказала Сестрорецкому заводу 12 экземпляров винтовки для полигонных испытаний. В 1916 г. В. А. Дегтярев представил автоматический карабин. Интересную конструкцию винтовки-автомата разработал солдат Я. У. Роцпей. Но все эти образцы тоже не пошли в серийное производство, хотя и получили высокую оценку специалистов-оружейников¹⁹.

Производство пулеметов

Первые пулеметы были приняты на вооружение русскими войсками в конце XIX в. У фирмы «Виккерс» было приобретено 174 пулемета и в Германии еще 224 пулемета специально для вооружения крепостных войск. Кроме того, для полевых войск было приобретено еще 58 пулеметов²⁰.

Стоимость каждого пулемета была высока — 2923 руб. Чтобы уменьшить расходы, было решено приобрести у фирмы «Виккерс» право на изготовление пулемета системы «максим» непосредственно в России. Согласно договору Военное ведомство обязывалось платить фирме по 50 фунтов стерлингов за каждый произведенный пулемет в течение 10 лет.

Производство пулеметов было налажено на Тульском оружейном заводе. Первый пулемет, изготовленный заводскими оружейниками М. Зябровым и М. Судоплатовым под руководством конструктора И. Пастухова, прошел испытания успешно. Пока налаживалось серийное производство своих пулеметов в Туле, Военное ведомство приобрело за границей еще 200 пулеметов системы «мадсен» для крепостей и войск Дальнего Востока и 250 пулеметов для вооружения привисленских крепостей²¹. Изменению взгляда на роль пулеметов способствовала русско-японская война. Особенно успешно были применены пулеметы в боях под Тюренченом и Бенсиу. После этого на театр войны были переброшены все пулеметные роты из Варшавского военного округа, что позволило иметь в каждой пехотной дивизии свою пулеметную роту восьмипулеметного состава, а при казачьих полках — по одной пулеметной команде. К концу русско-японской войны в действующей армии находилось 374 пулемета различных систем («максим», «мадсен» и др.). В ходе войны с Японией военное ведомство разместило срочные заказы на пулеметы за границей. Немецким и американским фирмам было заказано 1155 пулеметов на сумму 4 199 554 руб., но все они прибыли в Россию только после окончания войны.

Опыт русской армии был учтен не только Россией, но и иностранными армиями. Везде началась усиленная деятельность по усовершенствованию этого вида оружия.

Совет государственной обороны утвердил в 1906 г. представление военного ведомства о необходимости иметь в каждом пехотном полку и каждой кавалерийской дивизии по одной роте восьмипулеметного состава. Чтобы удовлетворить потребность войск в пулеметах, ГАУ приняло решение довести производство пулеметов на Тульском заводе до 500 штук в год²².

Артиллерийское управление ставило при этом задачу уменьшить вес пулеметов и станков к ним. Эту задачу решали одновременно на Тульском заводе и на заводе Виккерса. К середине

1910 г. образцы пулеметов были представлены для испытаний. Испытания шли в офицерской стрелковой школе, в ходе их выяснилось, что образец Виккерса «вовсе не давал автоматической стрельбы ни старыми, ни новыми патронами»²³, русский же образец отвечал условиям ГАУ. По требованию представителей завода Виккерса в декабре 1910 г. были проведены повторные испытания, которые подтвердили полученные данные. Лишь после этого было принято решение «безотлагательно приступить» к изготовлению пулеметов на Тульском заводе, а легкие пулеметы продолжать закупать за границей²⁴.

Дискуссия по определению типа пулемета и станка сказалась на темпах производства. В 1905—1907 гг. делались главным образом опытные образцы. Лишь с 1908 г. был установлен твердый наряд. Согласно данным Военного министерства Тульский завод изготовил в 1905—1913 гг. 4 804 тяжелых и облегченных пулемета, 262 морских, а также 262 учебных²⁵.

Приведенные данные свидетельствуют о недооценке этого грозного оружия, которое по силе огня было равно пехотному взводу. При обсуждении «Большой программы» не ставился вопрос о пересмотре установленной в 1906 г. нормы в 40 пулеметов на полк. Исходя из этой нормы, команды 1-й и 2-й очереди пехотных полков должны были иметь 4288 пулеметов, кавалерия (32 дивизии) — 256 пулеметов, новые формирования — 248 и в запасе — 454 пулемета. Всего — 4990 штук²⁶. В наличии же в войсках было 4157 пулеметов²⁷. До штатного числа неоставало 833 пулеметов. Но ГАУ рассчитывало пополнить требуемое количество за счет получения пулеметов с Тульского завода. В связи с этим заводу было предложено готовить по 150 пулеметов в месяц. В июле — августе 1914 г. с завода поступило 403 пулемета²⁸, но все они пошли на пополнение убыли в ходе боев. Предполагалось, что эта убыль не будет превышать 40 пулеметов в месяц, и поэтому ГАУ не давало указаний о расширении производства. Но с первых же дней войны оказалось, что сделанные расчеты несостоятельны. ГАУ приняло решение об увеличении производства пулеметов с 1 января 1915 г. до 200 штук в месяц. Но и этого числа оказалось недостаточно. В 1915 г. Ставка определила потребность на 1916 г. в 14 072 пулемета, что вынудило ГАУ установить норму производства пулеметов в 600 штук в месяц²⁹. Повысить производительность завода удалось путем огромного напряжения. Станочный парк был увеличен на 800 станков. Число рабочих в данном отделе было удвоено. Завод был переведен на круглосуточную работу.

Принятые меры позволили увеличить производительность пулеметного отдела завода. В 1914 г. было изготовлено 1161, в 1915 г. — 4263, в 1916 г. — 11 172, наконец, в 1917 г. — 11 420 пулеметов, т. е. в 9 раз больше, но и этого количества

Таблица 6*

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Имелось в войсках и находилось в за- пасе к началу войны	4157	—	—	—	4 157
Поступило с казенных заводов	828	4251	11 072	11 420	27 571
Заказано и поступило от союзников	—	500	628	7 462	8 590
Заказано и частью поступило из США	—	557	8 880	24 371	33 808
Захвачено у противника	—	—	—	—	около 2 000
Всего	4985	5308	20 580	43 253	76 126

* ЦГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 663, л. 3; Маниковский А. Указ. соч., с. 308.

было недостаточно³⁰. На 1917 г. Ставка потребовала поставить в действующую армию 28 тыс. пулеметов и иметь в запасе 10 тыс. И сверх того приобрести более 110 тыс. ружей-пулеметов³¹. Поскольку довести производительность Тульского завода до 2700 пулеметов в месяц было крайне затруднительно (хотя Ставка считала возможным изготовить на нем 14 400 пулеметов «максима» и 5 тыс. ружей-пулеметов), то ГАУ сделало попытку привлечь частных предпринимателей. Попытка в общем не имела успеха³². Тогда Военное ведомство приняло предложение датского синдиката построить завод для изготовления ружей-пулеметов системы «мадсен» вблизи г. Коврова. Совет министров разрешил заказать синдикату 15 тыс. пулеметов с тем, чтобы начать их изготовление с 1 июля 1917 г.³³. Но синдикат не выполнил своих обязательств из-за отсутствия станков и инструментов.

Необходимость пополнения пулеметного парка вынудила Военное ведомство разместить несколько заказов за границей. Первые партии стали поступать от союзников и из США со второй половины 1915 г. Более существенны были поставки 1916 и 1917 гг. Но свои обязательства США выполняли с большими перебоями в 1916 г. и лишь частично в 1917 г. Таким образом, положение с обеспечением действующей армии пулеметами в период первой мировой войны показывает таблица 6. Из этих данных следует, что наибольшая насыщенность пулеметами была достигнута лишь в 1917 г. Вообще же русская армия в этом отношении уступала своим противникам в 1915—1916 гг. более чем в 2 раза, а в 1917 г. — еще больше³⁴.

Изготовление стрелковых щитов

Резкое увеличение плотности ружейного и пулеметного огня породило стремление искать средства защиты. В 1909—1910 гг. были сделаны предложения принять на вооружение стрелковые щиты. Обсудив вопрос, Генеральный штаб решил сначала использовать их в крепостных войсках. Заводам был дан заказ на 42 тыс. щитов. Их изготовление было сосредоточено на Путиловском, Петроградском механическом и Обуховском заводах. Проверка показала пригодность щитов и для полевых действий. Их достоинством было то, что они не пробивались остроконечной пулей на расстоянии 50 метров. Военное ведомство сделало в 1913 г. новый заказ на 46 400 щитов, но к началу войны эти заводы изготовили только 21 800.

Стрелковые щиты были снова испытаны в дни войны для прикрытия полевых войск. Особенно успешным было их применение в период позиционной войны. По требованию командования Военное ведомство заказало еще 63 тыс. щитов (Обуховскому заводу — 13 тыс. и Петроградским механическим мастерским — 50 тыс.)³⁵. И хотя подготовленные щиты были тяжелыми, все же их с успехом применяли в окопной войне. По требованию Ставки заводам было дано указание найти способ облегчения веса щитов. Поступило несколько предложений по усовершенствованию конструкции щитов: Интерес представляли предложения о создании тяжелого колесного щита, затем щита, совмещенного с системой ножниц для резания проволочных заграждений³⁶.

В 1916 г. войска получили еще 200 тыс. щитов. Их изготовили на Петроградском механическом заводе — 88 700, Обуховском — 30 тыс., Лангензипена — 29 тыс., на заводах Комитета средней и мелкой промышленности — 27 тыс. и Пермском пушечном — 30 тыс. Затем на заводах были размещены дополнительные заказы на 364 тыс. щитов на 1917—1918 гг.³⁷

Производство патронов для винтовок и пулеметов

К началу XX в. Россия обладала тремя патронными заводами: Петербургским и Луганским казенными и Тульским, частным, принадлежавшим Акционерному обществу меднопрокатных и патронных заводов. Годовая производительность заводов была такова (на 1900 г.): Петербургский завод — 55 700 тыс., Луганский — 31 млн., Тульский — 50 млн. Все заводы были обеспечены хорошим станочным оборудованием. Пожалуй, лишь Тульский завод требовал частичной замены износившихся станков. Металл для этих заводов (медь, латунь) поставляли главным образом частные меднопрокатные заводы (Чикина, Кольчугина, Кайда-

нова и др.). Владельцы этих предприятий монополизировали производство сырья и диктовали Военному ведомству высокие цены.

В первые годы XX в. производство патронов держалось на одном уровне — см. табл. 7 (данные в млн.).

Состояние обеспеченности патронами видно из табл. 8 (млн. штук).

Таким образом, накануне войны с Японией доставало 321,9 млн. патронов. Война предъявила к патронным заводам повышенные требования. Военное ведомство установило на заводах круглосуточную работу, чтобы поднять их производительность в 3 раза — см. табл. 9 (млн. штук).

Для обеспечения армии патронами Военное ведомство прибегло к заказам за границей. В 1905 г. было заказано в Вене 200 млн. патронов (поступило в 1905 г. 58,1 млн. и в 1906 г. 142 млн.), Немецкому обществу — 260 млн. (поступило в 1905 г. 41 млн. и в 1906 г. — 198,3 млн.) и в Будапеште — 100 млн. (поступило в 1905 г. — 40 млн. и в 1906 г. — 65 млн.). Таким образом, основная доля заказов поступила уже после окончания войны.

После окончания войны с Японией по требованию Министер-

Таблица 7*

Завод	1901 г.	1902 г.	1903 г.
Петербургский	55,7	49,7	49,7
Луганский	31,0	31,6	31,6
Тульский	Нет сведений	9,0	9,0

* ЦГВИА, ф. 804, оп. 7, д. 62; ф. 516, оп. 2, д. 1.

Таблица 8*

	Положено	Было в наличии
В боекомплекте	493,0	443,6
В запасных местных парках	317,7	215,2
На складах для государственного ополчения	250,9	25,2
Для обучения войск	162,4	39,6
Не получившие назначения	—	38,5
Всего	1224,0	762,1

* Всеподданнейший отчет Военного ведомства за 1903 г., с. 196.

Таблица 9*

Завод	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Петербургский	149,9	190,1	118,0
Луганский	94,1	140,1	59,6
Тульский	15,7	125,1	74,1

* По данным Всеподданнейших отчетов Военного министерства за указанные годы.

Таблица 10*

Завод	1907 г.	1908 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Петербургский	58,6	55,3	120,0	136,2	187,2	212,9	292,0
Луганский	32,2	32,1	74,0	92,5	140,9	177,1	199,5
Тульский	9,0	9,0	50,2	59,9	101,5	153,7	181,8
Всего	99,8	96,4	244,2	287,6	429,6	543,7	673,3

* ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 816, л. 102—103.

ства финансов производство патронов стало резко сокращаться. Возникла опасность уменьшения стратегического запаса. Военное ведомство забило тревогу, однако финансовое ведомство и Госконтроль отказали в ассигновании средств на модернизацию станочного парка патронных заводов и расширение производства. Отрицательное влияние на ход изготовления патронов оказало также ухудшение деятельности пороховых заводов. Положение с производством патронов в период между русско-японской и мировой войнами было явно тревожным. Представление об этом дает табл. 10 (млн. штук).

Норма патронов, исчисленная мобилизационным комитетом Генерального штаба в 1907 г., включала 1 тыс. патронов на винтовку в полевых войсках, до 2 тыс. в крепостях, 75 тыс. патронов на пулемет в полевых войсках и до 50 тыс. в крепостях. Общая потребность на основе этих норм исчислялась в 3346 млн. патронов. В наличии же к началу 1908 г. состояло 1600 млн. патронов, т. е. предстояло изготовить 1750 млн. Но по требованию Министерства финансов норма запаса была снижена до 2892 млн. Эта норма и была утверждена. К началу мировой войны в запасе содержалось 2446 млн. 3-линейных патронов, т. е. меньше записанной Министерством финансов нормы на 446 млн. штук и из

прежних запасов XIX в. сохранилось еще 209 млн. к ружьям «бердан» № 2³⁸.

Мировая война застала русские заводы врасплох. Представитель ГАУ доложил Ставке, что производительность заводов равна 50 млн. патронов в месяц (600—650 млн. в год). Он обещал довести ее до 100 млн. Между тем в конце 1914 — начале 1915 г. ежемесячная потребность возросла до 150 млн. патронов, в конце 1915 г. — до 200 млн., а в начале 1917 г. она равнялась уже 300 млн. Позднее расход был объявлен в 430 млн. патронов в месяц.

На этом основании ГАУ сделало расчет потребности в патронах на 1915—1917 гг. В основу была положена норма в 200—250 млн., а в 1917 г. — 350 млн. патронов. Покрыть эту потребность русские патронные заводы были не в состоянии, хотя они работали по 22 часа в сутки и 29 дней в месяц. По существу заводы работали на износ своего оборудования, и это угрожало расстройством производства в ближайшее время. В лучшем случае производительность заводов можно было довести до 1500 млн. в год, но достичь этого уровня удалось лишь в 1916 г. Остро ощущался недостаток в порохе. Патронным заводам требовалось 35 тыс. пуд. бездымного пороха в месяц, но с этим не справлялись пороховые заводы, что и было причиной приостановления патронных заводов во время перебоев с доставкой пороха. Поступление пороха из-за границы не превышало 27 500 пуд. в месяц³⁹. Ход производства патронов во время войны характеризуется следующими данными (табл. 11, в млн. штук).

Т а б л и ц а 11 *

Завод	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Петроградский	292	420,6	620,6	478,4	23,3
Луганский	199,5	318,1	562,1	453,6	22,3
Тульский	181,8	251,4	393,4	313,0	71,2
Всего	673,3	989,1	1485,1	1245,0	116,8

* ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 816, л. 19.

Таким образом, за 1914—1918 гг. на русских заводах было изготовлено 4 509 700 тыс. 3-линейных патронов. Если исключить 331,5 млн. патронов, произведенных в довоенные месяцы 1914 г., то общее число патронов, изготовленных во время войны, достигало 4 178 200 тыс., а с имевшимся запасом войска получили 6807 млн. патронов. Расход составлял 6171 млн. патронов. Острая

потребность в патронах вынудила Военное ведомство поставить вопрос о строительстве еще одного казенного патронного завода, в Симбирске. К его сооружению приступили в 1916 г. Мощность завода должна была составить 800 млн. патронов в год. Завод вошел в строй в 1918 г. Недостаток патронов вынудил Военное ведомство прибегнуть к закупкам за границей. В 1914—1915 гг. в США было заказано 2500 млн. патронов, в Японии (к японским винтовкам) — 74 млн., во Франции (к французским винтовкам) — 1378 млн., в Италии (к итальянским винтовкам) — 305 млн. Но поступление заказов шло очень медленно: в 1915 г. от союзников и США было получено всего 150 млн., в 1916 г. — 833 млн. и лишь в 1917 г. — 1430 млн. Всего же поступило около 2413 млн. патронов. Недостаток в патронах был покрыт только к 1917 г.⁴⁰

ПРОИЗВОДСТВО АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОРУДИЙ И СНАРЯДОВ

Изготовление орудий и материальной части к ним велось на ряде заводов, состоявших в военном, морском и горном ведомствах, и на некоторых частных заводах. В начале XX в. в ведении Военного ведомства состояли Петербургский орудийный завод, арсеналы I разряда (Петербургский, Брянский, Киевский) и арсеналы II разряда (Варшавский, Тифлисский и Хабаровский). В ведении Морского ведомства состоял Обуховский сталелитейный завод, который готовил пушки и для армии. В ведении Горного ведомства был Пермский пушечный завод. Частные заводы: Путиловский, Брянский, Гельсингфорский, Геруа, Абоский, Балтийский и так называемая царицынская группа заводов (Петербургский металлический, Коломенский машиностроительный, Сормовский паровозостроительный и Лесснера) получали военные заказы. Однако только Путиловский завод изготовлял орудия, остальные же вели либо ремонт орудий, либо изготовляли лафеты, артиллерийский обоз и т. д. Уровню современных требований отвечали лишь Обуховский и Путиловский заводы.

ГАУ неоднократно указывало на ненормальность положения, когда Военное ведомство обладало лишь правом размещать заказы и непосредственно располагало только одним Петербургским орудийным заводом, который обрабатывал литье Пермского пушечного завода. ГАУ настойчиво, но безуспешно требовало передачи Пермского завода Военному ведомству.

Полевая артиллерия

В начале XX в. на вооружении полевой артиллерии были пушки лишь двух калибров: 3-дюймовая скорострельная пушка и 6-дюймовая мортира. Переход к этим типам орудий был осу-

ществлен в период с 1900 по 1903 г. Предварительно военное ведомство провело конкурс фирм. Лучшим был образец Путиловского завода, разработанный в 1898 г. инженерами Л. А. Бишлягером, К. М. Соколовским и К. И. Липицким при участии выдающихся конструкторов Н. А. Забудского и А. П. Энгельгарта⁴¹. Наряды на пушки были распределены между заводами следующим образом (табл. 12):

Т а б л и ц а 12 *

Завод	1901 г.	1902 г.	1903 г.	Всего заказано
Путиловский	375	625	—	1000
Обуховский	520	150	80	750
Пермский	—	100	—	100
Дополнительный наряд Обухов- скому заводу	—	—	400	400

* ЦГВИА, ф. 450, оп. 2, д. 107, л. 8—10; ф. 514, д. 57, 60, 67, 77; ф. 506, оп. 2, д. 86; ф. 510, оп. 1, д. 16, л. 164 об.—165.

За 1901—1903 гг. эти заводы изготовили 2185 скорострельных орудий образца 1900 г.

Работа над принятым образцом полевой пушки продолжалась. Путиловский завод изготовил в 1902 г. усовершенствованный образец скорострельной пушки, который немногим отличался от орудия образца 1900 г. Достоинства новой пушки заключались в высокой дальности, скорострельности, возможности маневрирования огнем. Пушка имела стальной щит⁴². К недостаткам пушки образца 1902 г. относилось затруднение вести огонь через голову своей пехоты, создание так называемых «мертвых пространств» вследствие ярко выраженной настильности огня и подпрыгивание лафета при выстреле.

Во время русско-японской войны Артиллерийское управление разместило новые заказы на 3-дюймовые орудия. Пермский завод получил наряд в 1904 г. на 380 орудий, а в 1905 г. еще на 120 орудий. Изготовлено было к концу 1905 г. 150 орудий. Обуховский завод получил заказ на 750 орудий, изготовил же 700 орудий; Путиловский завод получил самый крупный заказ на 1090 орудий — изготовил 555.

Таким образом, армия получила к концу войны с Японией еще 1400 орудий.

Наряду с 3-дюймовой (76-мм) скорострельной пушкой на вооружении полевых войск была принята 6-дюймовая мортира А. П. Энгельгарта, обладающая высокими баллистическими каче-

ствами. Эта мортира была принята на вооружение еще в 1887 г., но на организацию производства ушло около семи лет. Только к 1895 г. было отлито 85 мортир, что позволило сформировать три мортирных полка (по 24 орудия в каждом). Изготавливал мортиры Пермский завод. К 1900 г. было изготовлено 120 мортир, в 1900 г. — 9, в 1901 г. — 15, в 1902 г. — 45⁴³.

Русско-японская война показала, что военное ведомство недооценивало горную артиллерию, количество которой не соответствовало потребностям войск.

По окончании войны с Японией прошла оживленная дискуссия о дальнейших путях развития полевой артиллерии. Эта дискуссия выявила, что современный общевойсковой бой имеет тенденцию развития позиционной борьбы. В итоге был сделан вывод о необходимости более широкого применения гаубичной артиллерии.

Однако на заводах в первые два года после войны продолжали выпускать только полевые 3-дюймовые и 6-дюймовые пушки. Пермский завод выпустил 263 3-дюймовых и 130 6-дюймовых орудий. Обуховский завод дал 230 3-дюймовых и 15 6-дюймовых. Путиловский изготовил 1204 3-дюймовых орудий⁴⁴.

В 1909 г. полевая артиллерия получила новую организацию. Она подразделялась на легкую, горную, мортирную, тяжелую и конную.

Как это ни странно, но к составлению мобилизационного расписания Генеральный штаб не привлек Главное артиллерийское управление. Представитель ГАУ был приглашен лишь для обсуждения вопроса о нормах запаса военного времени. Расчеты были произведены Генеральным штабом без учета возможностей оружейных заводов. Опротестовывая это решение Генерального штаба, ГАУ докладывало, что оно может выполнить представленные требования лишь при условии получения кредитов как на изготовление орудий, так и на изготовление боеприпасов⁴⁵. Особенно беспокоила ГАУ необходимость организации производства тяжелой полевой артиллерии на отечественных заводах. Из-за недостатка средств оно считало возможным приступить к ее производству лишь в 1915 или 1916 г.

В 1910 г. на вооружение полевой артиллерии постунили 48-линейные (122-мм) гаубицы образца 1909 г., модернизированы были также 3-дюймовые (76-мм) горные пушки образца 1909 г. и усовершенствованы 6-дюймовые (152-мм) гаубицы. Эти меры позволили поставить русскую полевую артиллерию в один ряд с артиллерией противников России⁴⁶.

Мобилизационным планом 1910 г. предусматривалось иметь: 6336 3-дюймовых полевых орудий образца 1902 г. и горных — образца 1909 г.; 512 122-мм мортир и гаубиц и 240 107-мм и 152-мм орудий.

В период с 1910 по 1914 г. была проведена значительная работа по пополнению парка полевой артиллерии. Поставленная Генеральным штабом задача была выполнена. Таблица 13 показывает количество орудий в войсках накануне войны.

Из этих данных следует, что согласно штатам мирного времени русская армия полностью была обеспечена полевой артиллерией и имела штатное количество выстрелов. Наличный запас военного времени предусматривал удовлетворение потребностей новых формирований в случае войны. Приведенные данные свидетельствуют также и о том, что Генеральный штаб собирался вести войну, опираясь только на стратегические запасы артиллерии и боеприпасов, не предвидя возможности затяжной войны. Тако-

Т а б л и ц а 13 *

Вид полевой артиллерии	Число батарей	Число орудий в батальоне	Общее число		Число снарядов на одно орудие	Число выстрелов
			положено	было в наличии		
3-дм (76-мм) скорострельная пушка	685	8	5480	5588	1000	5 774 780
3-дм (76-мм) конная пушка	72	6	432	390	1000	
3-дм (76-мм) горная пушка	57 $\frac{1}{4}$	8 пеших 6 конных	424	408	1200	
48-линейная (122-мм) гаубица	85 $\frac{1}{3}$	6	512	516	1000	449 477
6-дм (152-мм) тяжелая гаубица образца 1910 г.	41	4	164	164	900	99 910
42-линейная (107-мм) тяжелая пушка	19	4	76	76	1200	22 344
Всего в войсках	959 $\frac{1}{4}$	—	7088	7142	—	7 004 336
3-дм скорострельная пушка	—	—	781	677	—	—
3-дм конная пушка	—	—	61	17	—	—
3-дм горная пушка	—	—	57	32	—	—
48-линейная полевая гаубица	—	—	74	22	—	—
6-дм гаубица	—	—	16	9	—	—
42-линейная пушка	—	—	8	4	—	—
Всего в запасе военного времени	—	—	997	761	—	—
В ополченческой артиллерийской бригаде восемь 4-дм пушек образца 1895 г.	28	8	224	125	—	24 000
Итого	987 $\frac{1}{4}$	—	8309	8028	—	7 028 336

* ЦГВИА, ф. 962, оп. II, д. 128, л. 9; д. 48, л. 3.

вы были расчеты. Война опрокинула их. Потребность войск превысила расчетные данные в 10—15 раз. Согласно расчетам заводы должны были производить для пополнения потерь 900 орудий в год, а действительная потребность в 1915 г. составила уже 9 тыс. орудий, в последующие годы она продолжала возрастать⁴⁷.

Всего на Путиловском, Обуховском, Пермском и Петроградском орудийном заводах в течение 1914—1917 гг. было изготовлено следующее количество полевых орудий (табл. 14).

Таблица 14*

Вид орудия	1914 г. (август — декабрь)	1915 г.	1916 г.	1916 г.	Всего
3-дм (76-мм) орудие	354	1368	3721	3205	8648
3-дм (76-мм) горное орудие	31	305	366	245	947
6-дм (152-мм) полевая гаубица 1909 г.	—	60	122	149	331

* ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 1209, л. 3 об.; ф. 962, оп. 2, д. 128, л. 18—19; ф. 504, оп. 2, д. 472, л. 3; д. 6, л. 73—76.

Изготовлением полевой артиллерии занималась и царицынская группа заводов. Предполагалось вначале сосредоточить производство орудий на орудийном заводе в Царицыне, к строительству которого было решено приступить в 1913 г.⁴⁸ Ожидалось, что он войдет в строй уже в 1915 г. Однако строительство не было завершено, небольшая часть прибывших из Англии станков была передана Сормовскому заводу. Поэтому заказ военного ведомства на 2500 3-дюймовых орудий стала выполнять вся группа царицынских заводов: в Сормово изготавливали стволы, на заводе Леснера — затворы, на Камышинском — лафеты. За 1916 г. царицынские заводы изготовили 800 орудий, а в 1917 г. — 1233, всего 2033 полевых орудия⁴⁹.

Несмотря на довольно большой объем производства полевых орудий, обеспеченность войск все время отставала от потребностей. В течение 1914—1915 гг. эта потребность покрывалась имеющимся запасом.

В 1916 г. Ставка определяла общую потребность в 14 400 орудий. Из них 11 200 — 3-дюймовых, 2160 — 48-линейных гаубиц и 1080 орудий — 42-линейных и 6-дюймовых. На заводах было изготовлено 4087 3-дюймовых, 721 48-линейных гаубиц и 42-линейных пушек.

Программа снабжения на весь 1917 и первую половину 1918 г. предусматривала 9220 3-дюймовых полевых орудий, 1620 3-дюйм-

мовых горных, 1052 48-линейных, 75-мм и 76-мм зенитных, 2216 45-мм и 48-линейных, 324 42-линейных и 120-мм орудий, а также 676 6-дюймовых гаубиц. Всего 15 108 орудий. Из этого количества ожидалось поступление с русских заводов и частично из-за границы: 4086 3-дюймовых полевых зенитных (из них зарубежных 16), 540 гаубиц 45- и 48-линейных; 750 пушек — 42-линейных и 120-мм (из них зарубежных 152), 392 гаубицы 6-дюймовых (из них зарубежных 152). Всего 6296 орудий. Заказы на недостающие 8812 орудий предполагалось разместить главным образом на русских и частично на зарубежных заводах⁵⁰.

Траншейная артиллерия

Необходимость траншейной артиллерии была осознана еще во время русско-японской войны. 3-дюймовые полевые орудия образца 1900—1902 гг. оказались непригодными для борьбы в условиях позиционной войны. Обобщая опыт минувшей войны, ГАУ предложило использовать 3-дюймовые скорострельные пушки в качестве штурмовых позиционных орудий. Образец такой пушки был изготовлен на Путиловском заводе, испытан и утвержден в 1910 г. Но затем в ГАУ забыли заказать необходимое количество орудий, и они не вошли в штат 1910 г. Этому способствовало и то, что войну предполагалось вести маневренную, и сторонники этой концепции в ГАУ не форсировали решения вопроса о серийном производстве траншейных орудий.

Но когда в 1915 г. обстоятельства вынудили перейти к позиционной борьбе, со всей остротой встал вопрос о снабжении армии штурмовыми пушками. Без них пехота не имела возможности прорывать укрепленные позиции. К траншейным орудиям предъявлялись следующие требования: обеспечивать огонь на короткие дистанции с большой меткостью и обладать легким весом, чтобы можно было передвигать их вручную силой 2—4 солдат.

Вначале возникло предложение приспособить для этой цели 47-мм орудие Гочкиса и 76-мм горную пушку, но при испытаниях выявилась их недостаточная эффективность. Более подходила 37-мм окопная пушка, разработанная членом Артиллерийского комитета генерал-майором Розенбергом. К производству этих орудий приступили в середине 1915 г., и уже в 1916 г. войска получили 205 орудий, а в начале 1917 г. еще 155 орудий⁵¹.

Противоаэропланная (зенитная) артиллерия

Необходимость борьбы с авиацией противника уже в 1914 г. вынудила искать артиллерийские средства защиты городов, заводов, баз снабжения. Инженеры Путиловского завода Лендер и

Тарновский предложили использовать 3-дюймовые орудия на специальной установке⁵². За изготовление противоаэропланнх пушек взялся Путиловский завод. В начале 1915 г. там было изготовлено 12 пушек, в 1916 г.— 26, в 1917 г.— 110. Все эти орудия были направлены для вооружения батарей, обеспечивающих противовоздушную оборону Ставки.

Но пока Путиловский завод готовил свои пушки, в войсках стали устанавливать как на неподвижных позициях, так и на автомобилях русские 3-дюймовые и французские 75-мм орудия. В 1916—1917 гг. в действующей армии из орудий этих типов было сформировано 200 батарей, из них 9 автомобильных (по 4 орудия), остальные крепостные и береговые⁵³.

Всего в армии действовало с 1914 по 1917 г. 247 противоаэропланнх батарей. На их вооружении было 762 3-дюймовых пушек образца 1900 г., 96 3-дюймовых пушек образца 1902 г., 76 76-мм пушек образца 1914 г. и 33 орудия 75-мм французских⁵⁴.

Тяжелая артиллерия

В начале XX в. роль и значение осадной артиллерии стали существенно изменяться. Ее задачи стали сводиться не столько к действиям во время осады крепостей, сколько к разрушению полевых укреплений противника, уничтожению его артиллерии и участию в полевых сражениях. Таким образом, осадная артиллерия стала приобретать функции тяжелой артиллерии дальнего действия.

Изготовлением тяжелой артиллерии занимались Пермский и Обуховский заводы. ГАУ весьма слабо загружало эти заводы в 1900—1906 гг. Пермский завод в этот период получил заказ на 44 8-дюймовых легких пушки, 74 6-дюймовых пушки Канэ, 200 6-дюймовых пушек (в 200 пуд.) и на 163 6-дюймовых пушки (в 120 пуд.). Завод выполнил этот заказ. Обуховскому заводу было заказано 90 10-дюймовых орудий и 92 6-дюймовых пушки Канэ и 90 6-дюймовых орудий (в 200 пуд.). Завод изготовил 67 10-дюймовых и 63 6-дюймовых пушки Канэ и 263 6-дюймовых орудия⁵⁵. После войны с Японией, где тяжелая артиллерия не была использована достаточно широко, решено было обсудить вопрос о дальнейших путях ее развития. Комиссия, исследовавшая этот вопрос, пришла к выводу, что «ни одно из орудий артиллерийских полков не удовлетворяет вполне тем требованиям, которые следует предъявлять к современным осадным орудиям»⁵⁶, и приступила к испытанию новых систем. Из имеющихся систем на вооружении были оставлены 42-линейная (107-мм) пушка, 6-дюймовая (152-мм) гаубица и 48-линейная (122-мм) гаубица. Кроме того, были приняты новые: 6-дюймовая (152-мм) осадная

гаубица Дурляхера (поскольку ее изготовление по русским чертежам было передано на завод Шнейдера, то она стала называться 6-дюймовой гаубицей Шнейдера), 8-дюймовая (203-мм) и 12-дюймовая (305-мм) гаубицы, а также 9-дюймовая (229-мм) и 11-дюймовая (280-мм) мортиры. Новые системы предстояло еще осваивать — русские пушечные заводы не были к этому подготовлены. На изготовление штатного числа осадной артиллерии требовалось 71 млн. руб. После острых дебатов Совет министров отпустил эту сумму, но с рассрочкой на 10 лет (1911—1920 гг.).

По штату 1910 г. предусматривалось образовать четыре полка тяжелой артиллерии, формирование которых затянулось до начала мировой войны. Основной причиной задержки было отсутствие достаточного числа новых артиллерийских систем. Фактически русская армия вступила в войну без тяжелой артиллерии, в то время как армии Германии, Австро-Венгрии располагали ею.

На положение дела с осадной артиллерией отрицательное влияние оказала дискуссия между Главным управлением Генерального штаба и Главным артиллерийским управлением, длившаяся перед войной более трех лет. Сторонники активных маневренных действий считали, что тяжелые орудия будут не нужны во время решительного наступления. Более осторожные деятели ГАУ говорили о необходимости подготовки к позиционной обороне, но к ним не прислушались. Пока шла дискуссия, время было потеряно, поэтому для вооружения полков тяжелой артиллерии пришлось использовать устаревшие крепостные и береговые орудия.

Всего в 1914 г. было сформировано 49 батарей из 184 орудий. В 1915 г. в армии состояло 220 батарей с 946 орудиями⁵⁷.

По расчетам Ставки на 1915 г. армии требовалось 48-линейных гаубиц — 1332, 42-линейных скорострельных пушек — 1010, 6-дюймовых гаубиц — 629 и 6-дюймовых осадных орудий Дурляхера (Шнейдера) — 48. Соответственно этой заявке было размещено заказов на 1330, 959, 353 и 47 орудий указанных типов⁵⁸.

Практически насыщение русской армии тяжелой артиллерией пачало осуществляться только с 1916 г. К началу 1917 г. в действующей армии состояло 67 пушечных батарей с 232 орудиями и 46 гаубичных и мортирных батарей с 112 орудиями⁵⁹.

В течение 1917 г. фронтовые штабы сформировали из имеющихся в их распоряжении орудий более 300 новых батарей.

Производство тяжелых орудий на русских заводах во время войны характеризуется следующими данными (табл. 15).

Процесс производства тяжелых орудий на заводах осложнился тем еще, что заводы, не получая вовремя заказов, оказывались не готовыми к их серийному изготовлению. Так, Пермский завод в период с 1906 по 1907 г. не получал от ГАУ заказов, что вынудило администрацию уволить часть мастеров. Завод претерпел убыток в 5 млн. руб. С 1910 г. началось беспорядочное размещение зака-

Т а б л и ц а 15 *

Орудие	Изготовлено				Починено		
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
42-линейное (107-мм)	80	84	309	98	—	309	98
6-дм (152-мм)	—	8	22	16	—	—	—
45-линейное (122-мм)	78	361	637	391	36	153	71
12-дм осадная гаубица (305-мм)	—	—	33	11	—	—	—

*ЦГВИА, ф. 504, оп. 4, д. 3, л. 2—2 об.; оп. 2, д. 472, л. 34—35.

зов, что привело к дезорганизации деятельности ряда цехов (особенно мартеновского). Это видно из порядка сделанных ГАУ заказов. В 1910 г. заводу был дан заказ на 48 48-линейных орудий, в 1910—1912 гг. почему-то этот завод получил заказ на 175 3-дюймовых орудий образца 1900 г. (снятых с производства еще в 1902 г.), в 1912 г. прибыл заказ на 52 6-дюймовых орудия (в 52 калибра), но без технической документации. На 1915 г. заказ был дан сразу на 208 орудий со сроком изготовления в 1916 г. (52 6-дюймовые пушки, 76 6-дюймовых крепостных гаубиц, 80 капонирных орудий). В 1916 г. поступил также заказ на 160 3-дюймовых пушек и на 120 6-дюймовых орудий со сроком исполнения в 1917 г.⁶⁰

Не лучшим было положение Петроградского завода. Он также получал самые различные заказы, требующие каждый раз налаживания особого технологического процесса⁶¹.

Путиловскому заводу в период с 1912 по 1913 г. было дано несколько заказов на 200 6-дюймовых полевых гаубиц со сроком готовности в декабре 1917 г., 90 6-дюймовых крепостных пушек, затем на 270 48-линейных гаубиц (срок готовности 1916 г.), 315 42-линейных пушек (срок готовности октябрь 1917 г.) и 120 3-дюймовых горных со сроком готовности июнь 1917 г.⁶²

Практически Путиловский завод во время войны переключился на изготовление орудий средних калибров (табл. 16).

Обуховский завод должен был изготовить с 1913 г. по 1 января 1916 г. 400 42-линейных пушек, 494 48-линейных гаубицы и 28 12-дюймовых гаубиц, но затем заказ был уточнен. В начале 1915 г. ему был дан наряд на 48 48-линейных гаубиц, 30 120-мм пушек Виккерса и 16 12-дюймовых береговых пушек, на 1916 г. было заказано 440 42-линейных скорострельных пушек, 424 48-линейные гаубицы, 12 12-дюймовых гаубиц и 100 42-линейных пушек (болванок для Петроградского завода)⁶³.

Т а б л и ц а 16 *

Тип орудия	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего
107-мм пушка образца 1910 г.	—	50	122	172
122-мм гаубица образца 1909 г.	209	300	183	692
152-мм осадная гаубица образца 1910 г.	8	22	16	46
152-мм крепостная гаубица образца 1900 г.	—	27	74	101
Всего	217	399	395	801

* Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии, т. II. М., 1939, с. 164.

Т а б л и ц а 17 *

Тип орудия	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего
122-мм гаубица образца 1910 г.	70	198	153	421
107-мм пушка образца 1910 г.	—	27	110	137
305-мм осадная гаубица	—	33	11	44
305-мм береговая гаубица	4	3	—	7
Всего	74	261	274	609

* Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии, т. II, с. 157.

Фактическое изготовление средних и тяжелых орудий в период с 1915 по 1917 г. показывает таблица 17.

В 1916 г. в Ставке уяснили необходимость иметь в своем распоряжении артиллерию для решения специальных задач. В этой связи было решено сформировать тяжелую артиллерию особого назначения (ТАОН). Полевой генерал-инспектор направил начальнику штаба главнокомандующего доклад, в котором указывал: «Современная война с полной очевидностью показала, что ни одна серьезная операция не может рассчитывать на успех без основательного и продуманного содействия артиллерии... Теперь приходится почти все время вести борьбу в условиях штурма сильноукрепленных позиций». Начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев одобрил идею и указал, что резерв Главного командования следует расположить в районе Можайск — Вязники — Брянск — Карачев с прикрытием специальными авиаотрядами⁶⁴.

Организация ТАОН была поручена комиссии под председательством полевого генерал-инспектора Е. З. Барсукова. Формирование ее было завершено в январе 1917 г.⁶⁵ Резерв был назван

48-м корпусом, состоявшим из 6 бригад ТАОН (№ 200—205). В составе корпуса было 16 280-миллиметровых гаубиц Дурляхера (Шнейдера), 24 152-мм пушки Шнейдера, 18 305-мм гаубиц Обуховского завода, 48 203-мм гаубиц Виккерса, 8 305-мм гаубиц Виккерса, 48 120-мм французских пушек, 6 120-мм английских пушек, 8 152-мм английских гаубиц, 28 120-мм пушек Обуховского завода, 48 152-мм осадных пушек (в 200 пуд.), 72 152-мм крепостные гаубицы, 8 152-мм пушек Канэ и 6 254-мм пушек⁶⁶.

Резерв подразделялся на три части: главная часть предназначалась для нанесения удара в районе фронта, намечаемого Ставкой, две вспомогательные части выдвигались для демонстрации на отдельных фронтах.

К весне 1917 г. ТАОН была распределена по фронтам следующим образом: на Северном — 120 батарей (436 орудий), Западном — 83 (328 орудий), Юго-Западном — 149 (532 орудия), Румынском фронте — 37 батарей (138 орудий), всего 389 батарей (1436 орудий)⁶⁷.

Несмотря на то, что промышленность работала напряженно, Россия отставала от союзников, и в особенности от главного противника — Германии по обеспечению армии артиллерией (табл. 18). Из этих данных следует, во-первых, что Германия в 1914 г. превосходила Россию и Францию по количеству тяжелых орудий почти в 3 раза и только в 1917 г. она имела почти равное количество (но при этом она в 2 раза превосходила русскую тяжелую артиллерию), во-вторых, что союзники имели некоторое превосходство как в 1914, так и в 1917 г. только в легкой артиллерии.

Развитие тяжелой артиллерии сдерживалось также отсутствием в России средств механической тяги.

Т а б л и ц а 18 *

Воюющая сторона	Год	Число батарей			Число орудий		
		легкие	тяжелые	всего	легкие	тяжелые	всего
Россия	1914	899	60	959	6 790	240	7 030
	1917	1479	389	1868	8 448	1430	10 178
Франция	1914	998	77	1075	3 992	308	4 300
	1917	1395	1430	2825	5 580	5700	11 280
Германия	1914	1332	381	1713	7 992	1396	9 388
	1917	2987	2015	5002	11 948	7862	19 810

* Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну, т. I, с. 282—283.

Крепостная артиллерия

К 1899 г. перевооружение крепостей стальной дальнобойной артиллерией в основном было завершено. В состав крепостной артиллерии входили пушки: 8-дюймовые, 6-дюймовые (190-пудовые и 120-пудовые), 12-фунтовые и 24-фунтовые медные и чугунные нарезные; мортиры — 8-дюймовые и 6-дюймовые, а также пушки Норденфельда и 4,2-мм пулеметы. Во второстепенных крепостях оставалось немало совершенно устаревших гладкоствольных пушек, единорогов и корронад.

В 1899 г. на вооружении сухопутных крепостей по штату должно было состоять 6983 орудия, в наличии же было 6573. Некомплект выражался в 410 орудиях. В приморских крепостях полагалось иметь по штату 2914 орудий, не хватало 847⁶⁸. Военный министр ген. А. Н. Куропаткин признавал, что «крепостная артиллерия содержит в себе массу орудий устаревших образцов»⁶⁹.

Накануне войны с Японией положение мало улучшилось. По штату 1903 г. на вооружении сухопутных крепостей полагалось иметь 7076 орудий, в наличии было 6834, все еще не доставало 245 орудий, главным образом крупных калибров, при этом более 1 тыс. орудий было нештатных калибров. В приморских крепостях состояло 3167 орудий. Некомплект составлял 265 орудий⁷⁰.

В ходе войны с Японией крепости получали пополнение главным образом из снимаемых с вооружения полевых орудий (табл. 19).

Т а б л и ц а 19 *

Год	Сухопутные крепости		Морские крепости	
	полагалось по штату	было в наличии	полагалось по штату	было в наличии
1904	7090	7846	3052	3608
1905	7998	6894	3146	3879

* ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 163.

По окончании войны с Японией Комиссия по вооружению крепостей пересмотрела штаты крепостной артиллерии. На вооружении морских крепостей были оставлены пушки и мортиры следующих калибров и систем: пушки — 11-дюймовые (в 35 калибров) образца 1877 г., 11-дюймовые образца 1867 г., 10-дюймовые и 9-дюймовые образца 1877 г., 9-дюймовые образца 1867 г., 6-дюймовые (35—50 калибров) образца 1877 г., 6-дюймовые (в 190 пуд.)

образца 1877 г., 9- и 4-фунтовые полевые, 37-мм скорострельные; мортиры: 11-дюймовые образца 1877 г. и 9-дюймовые образца 1877 и 1867 гг.

В состав нормального вооружения сухопутных крепостей включались орудия следующих образцов: пушки — 8-дюймовые образца 1877 г. и 1867 г. (весом до 350 пуд.), 8-дюймовые легкие (200 пуд.) образца 1877 г., 6-дюймовые (190 пуд.) образца 1877 г., 6-дюймовые (120 пуд.) образца 1877 г., 42-линейные образца 1877 г., 12-, 9- и 4-фунтовые полевые, 57-мм скорострельные Норденфельда и пушки Гатлинга; мортиры — 8-дюймовые образца 1877 и 1867 гг., 8-дюймовые легкие образца 1877 г., 6-дюймовые образца 1867 г.⁷¹

По штату 1907 г. в сухопутных крепостях полагалось 7491 орудие, в наличии было только 7151. Некомплект выражался в 340 орудиях. В морских крепостях в штате значилось 2377 орудий, имелось в наличии 3658, причем примерно $\frac{1}{3}$ орудий была устаревших образцов⁷².

В целях модернизации вооружения крепостей на отечественных заводах и за границей были заказаны новые 6-дюймовые орудия, 8-дюймовые и 11-дюймовые крепостные гаубицы и 8-дюймовые осадные мортиры. Но к началу мировой войны ни одно из заказанных орудий не поступило⁷³. Вновь к вопросу о вооружении крепостей вернулись в 1909—1910 гг. Военный министр находил, что существующая сеть крепостей на западной границе не отвечает современным задачам, является «источником не силы, а слабости для русской армии», поскольку само размещение крепостей таит опасность разгрома русской армии до того, как она сумеет отоблиговать свои силы. По этой причине предполагалось отнестись к линии сосредоточения войск на восток, а все крепости Привисленского края упразднить. Это дало бы возможность уменьшить число орудий в сухопутных крепостях до 4719 и оставить прежнее количество в морских. Потребность изготовления новых орудий исчислялась в 1910 г. в 1340 единиц. Из них 12-дюймовых — 40, 10-дюймовых — 46, 6-дюймовых пушек — 26, 6-дюймовых гаубиц — 378, 42-линейных пушек — 146, 48-линейных гаубиц — 294, 3-дюймовых полевых — 122, пушек Канэ — 376 и 11-дюймовых береговых гаубиц — 14⁷⁴.

Несмотря на то что предложение военного министра было одобрено царем, Генеральный штаб опротестовал разоружение Новогеоргиевска, Усть-Двинска, Батума и Очакова. В 1912 г. приказ был отменен, и решено было приступить к перевооружению части крепостей. Производство крепостных орудий с 1906 по 1914 г. по существу не велось. (Пермский завод не получал соответствующих заказов в 1906—1908, 1910 и 1911 гг.) В ходе войны большую часть крепостей западного театра пришлось оставить. Все современные орудия удалось эвакуировать. Устаревшие системы

по возможности выводились из строя. Часть орудий: 42-линейные (107-мм) пушки, 6-дюймовые (152-мм) гаубицы, а также пушки Канэ были переданы в состав ТАОН.

Береговая артиллерия

Развитие береговой артиллерии определялось процессом развития корабельной артиллерии. Задача состояла в том, чтобы обеспечить мощность и дальность огня.

В состав береговой артиллерии входило три группы орудий — крупного, среднего и малого калибров. По определению Комиссии по вооружению крепостей орудия крупного калибра устанавливались в башенных установках, размещаемых на закрытых позициях, и предназначались для отражения нападения линейных кораблей противника и для защиты минных заграждений. Орудия среднего калибра предназначались для отражения нападения легких крейсеров и миноносцев и для защиты рейдовых сооружений. Орудия малого калибра имели целью главным образом уничтожение десантов противника.

В основном на вооружении береговых батарей состояли: пушки, имеющие настильную траекторию, обеспечивающие большую дальность огня, достаточно высокую скорострельность и кучность, а также мортиры, обладающие навесной траекторией. Гаубичная артиллерия для береговой обороны, как правило, не использовалась⁷⁵.

На вооружении береговой артиллерии на рубеже 1899—1900 гг. была одна 14-дюймовая пушка, 229 10- и 11-дюймовых пушек, 457 8- и 9-дюймовых пушек, 202 6-дюймовые пушки, 17 42-лин. пушек, затем 375 9- и 11-дюймовых мортир, 248 6- и 8-дюймовых гаубиц, 77 пушек Канэ, 184 56-мм пушек Норденфельда и 50 пулеметов⁷⁶.

Дальнобойность береговой артиллерии возросла по сравнению с орудиями 50—60-х годов XIX в. с 5 до 8—9 км, а начальная скорость до 450—500 м в секунду. Увеличился вес снарядов и повысилась меткость стрельбы. Однако ко времени русско-японской войны береговая оборона Дальнего Востока не была завершена. Только в начале 1900 г. был утвержден проект ее организации. Согласно проекту к 1904 г. на вооружении береговых батарей предполагали установить 124 орудия крупных калибров. Фактически же было установлено значительно меньше. В связи с этим пришлось снимать часть орудий с кораблей для обеспечения береговой обороны. Только благодаря этой мере береговая артиллерия показала свою высокую боеспособность во время обороны Порт-Артура. Война с Японией доказала необходимость оснащения береговой артиллерии орудиями новейших систем. Это было обусловлено прежде всего успехами корабельной артиллерии, где

появились 15-дюймовые орудия (381-мм), начальные скорости снарядов увеличились до 950 м в секунду, а их вес возрос до 900 кг (55 пуд.). Однако Министерство финансов категорически отказало в ассигнованиях на замену существующих береговых систем. И это было главной причиной того, что к началу мировой войны береговая оборона не отвечала требованиям времени. Разработанные современные системы 12-, 10- и 6-дюймовых пушек не были запущены в производство.

В ходе мировой войны было предпринято немало усилий для укрепления береговой обороны Черноморского и Балтийского побережья. На Черноморском побережье было установлено 46 батарей, на которых размещалось 154 орудия, из них 10-дюймовых — 8, 9-дюймовых — 20, 8-дюймовых — 4, 6-дюймовых — 52, 120-мм — 2, 4,2-дюймовых (батарейных пушек) — 10, 3-дюймовых — 50, 57-мм — 8⁷⁷.

Состав береговой артиллерии на Балтике изменялся следующим образом в период 1914—1917 гг. (табл. 20).

Т а б л и ц а 20 *

Орудие	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Орудие	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
12-дм	—	—	4	17	120-мм	12	16	35	38
11-дм	22	28	28	28	75-мм	24	44	25	8
10-дм	—	20	21	21	57-мм	7	15	15	—
9,2-дм	—	8	10	14	Орудие противовоздушной обороны	—	—	13	62
8-дм	13	8	8	8	Всего орудий	106	176	232	282
6-дм	28	40	73	81	Всего батарей	29	45	67	83
130-мм	—	—	—	4					

* Денисов А. П. и Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956, с. 212.

Все эти орудия были размещены на четырех минно-артиллерийских позициях. На Главной позиции (Ревель — Порккала-Удд) размещалось 39 батарей на 123 орудия, на Флангово-Шхерной позиции — 6 батарей на 25 орудий, в Або-Аландском укрепленном районе — 17 батарей на 56 орудий и в Моонзундском укрепленном районе — 21 батарея на 78 орудий⁷⁸.

Производство минометов и бомбометов

Впервые минометы были сконструированы во время обороны Порт-Артура. Мичман Власьев и капитан Л. Н. Гобято использовали для навесного огня ствол 47-мм морского орудия, мины же изготовили из мягкой жести. Из этого миномета вели огонь на

расстоянии 300—400 м. Во время войны с Японией началась дискуссия о применении минометов во фронтовых условиях. Основным противником выступило ГАУ, считавшее гладкоствольные минометы второсортным средством борьбы. Когда началась мировая война, от частных предпринимателей поступило несколько предложений по организации производства минометов. Ставка сначала заняла отрицательную позицию. Артиллеристы находили, что в маневренной войне минометы не найдут применения. Но с наступлением позиционного периода стало меняться отношение к минометам не только в Ставке, но и в ГАУ.

После обсуждения вопроса в Ставке в начале 1915 г. была установлена потребность в минометах на 1916 г. — 4550 штук, а до 1 сентября 1917 г. — еще 3550 и бомбометов на 1916 г. — 5480 и до 1 сентября 1917 — еще 11 325. Заказы на минометы были размещены в количестве 13 900 штук, из них: 1 тыс. минометов Лихонина, 3500 минометов Дюмезиля, 1200 минометов Ижорского завода и 1440 минометов французских и английских систем⁷⁹.

За выполнение заказа взялись Петроградский оружейный, Ижорский, Невский, Путиловский заводы и несколько предприятий, находившихся в ведении губернских промышленных комитетов (Калужского, Харьковского, Одесского и др.).

На казенных заводах были размещены в 1915—1916 гг. заказы на 630 бомбометов и 2300 минометов. На частных предприятиях размещены заказы на 6920 бомбометов и 2500 минометов. Всего отечественным предприятиям были заказаны 7500 бомбометов и 4800 минометов⁸⁰. Изготовлено было в 1915 г. 1548 бомбометов и 1439 минометов, в 1916 г. 10 858 бомбометов и 1972 миномета и в 1917 — 221 бомбомет и 1344 миномета⁸¹.

Часть минометов и бомбометов поступила от союзников. Из Франции в 1915 г. прибыло 456 бомбометов, на следующий год — еще 260 бомбометов, а в 1917 г. — 110 58-мм бомбометов и 12 240-мм длинноствольных бомбометов. Из Англии прибыло 75 минометов и бомбометов. В целом союзники прислали 1013 бомбометов и минометов. К концу войны армия имела 14 тыс. бомбометов, 4500 легких и 267 тяжелых минометов. Потребность в них была полностью удовлетворена.

Штаты минометных батарей были утверждены лишь в мае 1917 г. В этом году существовало два минометных артиллерийских дивизиона, запасной дивизион и минометная артиллерийская школа⁸².

С 1916 г. на вооружение артиллерийских частей поступили также огнеметы и осветительные ракеты. Огнеметы системы Архангельского изготовляли Киевский арсенал и Киевский провололочный завод. Огнеметы системы Товарниченко изготовлял Киевский завод «АУТО». Огнеметы Тиллигоскина производились на заводе Корсака. Из-за границы были получены 86 огнеметов

системы Винсента и 50 огнеметов системы Ливенса. Всего до 1 июня 1917 г. в войска поступило 11 446 огнеметов⁸³.

Производством осветительных ракет занимался главным образом Николаевский завод. По годам их производство характеризуется следующими данными: в 1901—4 тыс., 1902—4 тыс., 1903—9 тыс., 1904—9 тыс., 1905—9 тыс., 1906—9 тыс., 1907—4 тыс., 1908—4 тыс., 1909—3 тыс., 1910—3 тыс., 1911—2 тыс., 1912—2 тыс., 1913—2 тыс., 1914—4 тыс.⁸⁴ С 1915 г. изготовлением осветительных ракет занимался Шостенский завод—по 3500 штук в месяц. В 1916—1917 гг. были сделаны заказы на изготовление трассирующих снарядов для бомбометов системы Сокова—200 тыс., системы Усика и Кривоносова—130 тыс. Кроме того, для стрельбы из 48-линейных и 6-дм гаубиц заказано 16 350 трассирующих снарядов⁸⁵.

Производство снарядов, трубок и взрывателей

Военное ведомство не имело специальных заводов по производству снарядов. К их изготовлению привлекались некоторые горные заводы и, главным образом, частные предприятия. Руководствуясь интересами безопасности страны, Государственный совет запрещал размещение заказов на снаряды за границей.

В начале века снаряды изготовлялись на семи казенных горных заводах и десяти частных (Олонецком, Баранчинском, Саткинском, Кусинском, Верхне-Туринском, Пермском, Златоустовском, Сормовском, Лильпоп-Рау, Радзском, Русского общества изготовления снарядов, Петроградском механическом, Брянском, Лесснера, Николаевском, Путивльском и Петроградском металлическом).

Все эти заводы вполне справлялись с производством снарядов по нормам мирного времени. Начавшаяся же война с Японией потребовала большого их напряжения. О количестве изготовленных снарядов в 1904—1905 гг. можно судить по данным табл. 21 (в тыс.).

В боях участвовало 1276 полевых 3-дюймовых пушек, за время войны произведено 918 тыс. выстрелов. Снарядов, изготовленных на русских заводах, не хватало, поэтому пришлось прибегнуть к закупке за границей, на что было истрачено 57 млн. руб. На каждое орудие приходилось по 720 выстрелов. На этом основании была установлена норма в 1 тыс. выстрелов на орудие⁸⁶. Эта норма была принята и Министерством финансов. Предложение ГАУ об увеличении стратегического запаса снарядов встретило решительное сопротивление со стороны финансового ведомства. Напрасными были также обращения к Военному совету. В результате, в 1906—1909 гг. запас боеприпасов исчис-

Таблица 21*

Заводы	Легкие гранаты	Легкая пушечная	Мелинитовые гранаты	Фугасные бомбы к 6-дм гауби- цам	Всего
Казенные	317,8	0,5	—	20	338,3
Частные	—	241,2	45,6	24	310,8
Итого	317,0	241,7	45,6	44	655,1

* Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного министерства, вызванный войной с Японией в 1904—1905 гг. СПб., 1912, с. 192.

лялся по нормам, установленным во время войны с Японией.

В связи с ростом артиллерии согласно плану 1909 г. ГАУ разместило наряды на следующее количество снарядов: для 3-дюймовых орудий — 1295 тыс., для 42-линейных — 421, для 48-линейных — 986, для 6-дюймовых — 392,9, для 10-дюймовых — 171,2, для 11-дюймовых — 1,4 и для 12-дюймовых — 5,9 тыс.

Начиная с 1910 г. в войсках и в запасе состояло следующее количество снарядов (табл. 22, в тыс.).

Таблица 22*

	3-дм (76-мм) орудие			48-лин. гаубица	6-дм гаубица	42-линейное скорострель- ное орудие
	полевое	конное	горное			
В наличии	558,5	390	408	516	164	76
В запасе	677	17	32	22	9	9

* ЦГВИА, ф. 982, оп. 2, д. 64, л. 64—65 об.

Начавшиеся в 1914 г. боевые действия поглотили имевшиеся запасы в первые же месяцы, за период с июля по декабрь 1914 г. было направлено в действующую армию 123 легких, 47 мортирных, 25 горных и 18 тяжелых парков⁸⁷. В составе каждого легкого парка было по 29 072 выстрела, мортирного — 8600, горного — 2280 и тяжелого — 2600 выстрелов и 14 млн. винтовочных патронов. Таким образом, за первые 6 месяцев войны войска получили 3 575 856 выстрелов для 3-дюймовых орудий, 404 200 — для 6-дюймовых мортир, 57 тыс. — для горных и 46 800 — для тяжелых орудий⁸⁸. К декабрю из этого количества в распоряжении Ставки оставалось не более 6 парков. На 1915 г. Ставка требовала 110 парков снарядов ежемесячно. Перед ГАУ встала огромной

сложности задача увеличить производство снарядов по меньшей мере в 4—5 раз. Чтобы реализовать такую программу, требовалось создать мощный центр снарядного производства, обеспечив его станками, и организовать производство сопутствующих элементов: пороха, дистанционных трубок, капсюльных втулок и т. п. Для изготовления снарядов было привлечено 16 крупных казенных и частных предприятий: Путиловский, Обуховский, Невский, Балтийский, Петроградский металлический, Ижевский, Сормовский, Николаевский, Абоский, Златоустовский и другие заводы⁸⁹. Указанные предприятия не были готовы к производству снарядов. Даже Путиловский завод, получивший крупный заказ в августе 1914 г., смог дать первую партию снарядов только в ноябре этого года (26 711 снарядов), Петроградский механический изготовил в декабре 1914 г. всего 1009 снарядов. Другие заводы (Балтийский, Николаевский) выдали первые заказы лишь в январе — феврале 1915 г.

Между тем Ставка требовала от Военного министерства принятия решительных мер в организации производства боеприпасов, так как к весне 1915 г. определился «снарядный голод». Потребность была определена для 3-дюймовых орудий 3 200 тыс. снарядов и для горных — 200 тыс. снарядов⁹⁰.

О серьезных затруднениях на фронте начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич поставил в известность не только министерство, но и представителей союзников. Он предупредил их, что нехватка снарядов может «сильно повлиять на наши дальнейшие стратегические предположения»⁹¹.

Тяжелое положение с изготовлением боеприпасов вынудило Ставку образовать Особую распорядительную комиссию по артиллерийской части, на которую была возложена задача установить связь «между действующими армиями и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества»⁹². Комиссия уточнила список заводов, работающих на оборону, наладила снабжение их сырьем и топливом и, что было особенно важным, добилась отсрочки от призыва 12 тыс. квалифицированных рабочих. Но этих мер оказалось недостаточно. Не надеясь на Военное министерство, Ставка в мае 1915 г. предложила организовать Особое совещание, которое взяло бы на себя регулирование производства и боеприпасов⁹³.

ГАУ в свою очередь создало специальную организацию во главе с начальником Брянского гарнизона генерал-майором С. Н. Ванковым⁹⁴, который получил 29 нарядов на изготовление корпусов для гранат и запальных стаканов. С 1 января 1916 г. по 1 января 1918 г. на этих заводах было изготовлено 13 638 334 корпуса для 3-дюймовых гранат и 12 250 865 запальных стаканов, 488 487 корпусов для 152-мм гранат и 730 924 запальных стакана, 104 956 корпусов для 122-мм гранат и 646 515 запальных стаканов для

снарядов с удушающими средствами⁹⁵. Значительно меньше было произведено снарядов для 42-линейных пушек, 48-мм гаубиц и 6-дюймовых гаубиц.

Всего казенные и частные заводы изготовили для нужд армии в 1914 г. 1 290 388 снарядов (за три месяца), в 1915 г. — 12 224 364, в 1916 г. — 48 328 364 и в начале 1917 г. — 55 077 снарядов, что составляет 61 898 193 выстрела. Расход же снарядов составил в 1914—1917 гг. 34 167 570 выстрелов⁹⁶. Как видно, расход боеприпасов был меньше произведенного количества, но дело было в том, что снаряды доставлялись на фронт с большими перебоями и в отдельные периоды положение было катастрофическим, когда на одно орудие в наличии оказывалось не более двух снарядов.

Кроме снарядов на многих промышленных предприятиях было налажено изготовление бомб и мин. В 1914 г. их было изготовлено 312 тыс., в 1915 г. — 2132,7, в 1916 г. — 8987 и в 1917 г. — 4106 тыс. Всего за указанные годы было изготовлено 7953 тыс. бомб и 1508 тыс. мин, а также 15,5 млн. ручных гранат⁹⁷.

Попытка получения снарядов от союзников была малоуспешной. Фирме Виккерс было заказано в 1915—1916 гг. 2 млн. снарядов, Канадскому обществу — 3 млн., Обществу Бутлер — 2 млн., по конвенции Франция должна была поставить 2300 тыс. снарядов. Получено же было мало. Союзники поставили для русских систем 86 750 тяжелых снарядов и к английским и французским — 1 207 497 снарядов⁹⁸.

Дистанционные трубки изготавливали два казенных завода — Петроградский трубочный и Самарский, рассчитанные на 300 тыс. штук. Эти заводы готовили трубки по данным им нормам (мирного времени) до апреля 1915 г., и только после реконструкции они смогли увеличить свое производство почти в 2 раза. В целом за время с 1914 по 1917 г. на этих заводах было изготовлено 48 353 тыс. трубок⁹⁹. Кроме того, на частных заводах было произведено 4,5 млн. и куплено за границей 8,4 млн. трубок¹⁰⁰.

Взрыватели изготавливались главным образом на Петроградском трубочном, Тульском оружейном заводах и на частных предприятиях. За три года войны было изготовлено 27,1 млн. взрывателей для гранат различных калибров¹⁰¹ и приобретено за границей 8,2 млн. взрывателей¹⁰².

Положение с дистанционными трубками и взрывателями не вызвало тревоги. Потребность в них покрывали отечественные предприятия.

ПРОИЗВОДСТВО ПОРОХА И ВЗРЫВАТЫХ ВЕЩЕСТВ

Перевооружение войск винтовками Мосина, завершившееся в 1903 г., потребовало расширить производство бездымного пороха. В период с 1900 по 1903 г. на русских заводах изготавливалось следующее количество пороха (табл. 23, в тыс. пуд.).

Т а б л и ц а 23*

Год	Охтенский	Казанский	Шостенский	Всего
1900	53,7	35,0	35,3	124,0
1901	52,0	35,0	35,0	122,0
1902	50,0	40,0	40,0	130,0
1903	47,9	41,1	41,5	130,5

* ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 1304, л. 10—10 об.; оп. 8, д. 60, л. 5 об.; ф. 831, оп. 1, д. 1074, л. 535—535 об.; д. 1078, л. 55.

Этого количества пороха казалось достаточным не только для удовлетворения текущих потребностей войск¹⁰³, но и для создания запаса, норма которого решением Военного совета 1888 г. была установлена в количестве 2140 тыс. пуд. Практически же в 1900 г. в запасе было 1324 тыс. пуд., а в 1903 г. — 1350 тыс. пуд.¹⁰⁴

Русско-японская война доказала шаткость расчетов военного ведомства. Запас пороха сразу же растаял, и потребовалось заказать за границей 1500 тыс. пуд.

Между тем уровень производства на пороховых заводах стал возрастать лишь с 1905 г. (табл. 24, в тыс. пуд.).

Т а б л и ц а 24*

Год	Охтенский	Казанский	Шостенский	Всего
1904	48,1	28,3	26,5	103
1905	84,1	50,6	53,3	188

* ЦГВИА, ф. 516, оп. 2, д. 1, 25; ф. 504, оп. 7, д. 1308; оп. 8, д. 60; ф. 831, оп. 1, д. 1078, 1079.

Из войны с Японией армия вышла, имея в запасе примерно 20% установленной нормы. Военное ведомство вновь вернулось к прежним расчетам расхода пороха. В соответствии с этим определялись наряды пороховым заводам (табл. 25, в тыс. пуд.).

Принятое в 1910 г. решение Военного совета об увеличении контингентов войск не отразилось на уровне производства пороха. В 1911 г. его было изготовлено 175 тыс. пуд. Лишь в связи с подготовкой Большой программы с 1912 г. были увеличены нормы производства для всех пороховых заводов. Охтенскому и Казан-

Т а б л и ц а 25 *

Год	Охтенский	Казанский	Шостенский	Всего
1906	73,3	43,0	53,8	170,0
1907	56,0	37,4	37,3	130,6
1908	53,9	38,4	41,3	133,5
1909	73,5	47,4	45,0	165,9
1910	70,3	47,3	38,8	156,4

* По данным Всеподданнейших отчетов Военного министерства за указанные годы.

скому заводам было установлено изготовить по 80 тыс. и Шостенскому — 90 тыс. пуд. ГАУ не согласилось с установленными нормами и потребовало увеличения кредитов с тем, чтобы, начиная с 1913 г., довести производство пороха на Охтенском заводе до 110 тыс. пуд., а на Казанском и Шостенском — до 90 тыс. пуд., а общий объем производства до 2900 тыс. пуд. в год¹⁰⁵.

В это же время Генеральный штаб подготовил расчеты по удовлетворению потребностей на ближайшие 10 лет. По этим данным армия должна была получить в 1914 г. — 481 тыс. пуд., в 1915 г. — 375 тыс., в 1916 г. — 356 тыс., в 1917 г. — 362 тыс., в 1918 г. — 288 тыс. пуд. и т. д. Можно вполне согласиться с выводами следственной комиссии, выявлявшей подготовленность русской армии к мировой войне, о том, что Генеральный штаб и ГАУ проявили явную беспечность в этом вопросе¹⁰⁶.

Установленный в 1913 г. уровень производства совершенно не обеспечивал возможность доведения мобилизационного запаса пороха до утвержденной в 1909 г. нормы в 1269 тыс. пуд. Тем более она была недостаточна и для удовлетворения повышенной (в конце 1913 г.) нормы в объеме 2100 тыс. пуд.

Лишь в это время в связи с пересмотром нормы ГАУ проявило беспокойство и высказалось за сооружение четвертого порохового завода в Тамбове «с установлением на последующее время производительности в 200 000 пудов» и пятого завода во Владимире с таким же объемом производства, но при этом оно предполагало свернуть производство на Охтенском заводе, оставив там только опытную лабораторию.

Дебаты о сооружении Тамбовского завода начались в 1910 г., но фактически к его строительству приступили лишь в начале 1914 г., а свою первую продукцию завод дал только в 1917 г.¹⁰⁷ В 1915 г. началось также строительство порохового завода во Владимире. Он вступил в строй в 1916 г. В 1917 г. на нем изготовили 70 тыс. пуд. пороха.

В начале мировой войны на складах находилось всего 439 тыс. пуд. запаса (на Охтенском заводе — 128 тыс., Шостенском — 120 тыс., Казанском — 138 тыс. и в округах — 53 тыс. пуд.)¹⁰⁸. Война потребовала резкого увеличения производительности пороховых заводов. Сначала Военное министерство вдвое увеличило численность рабочих на всех заводах и ввело трехсменную работу. Эта мера позволила поднять производительность на Охтенском заводе до 210 тыс. пуд., Казанском — до 350 тыс., Шостенском — до 350 тыс. пуд.¹⁰⁹

В начале 1915 г. Ставкой была исчислена годовая потребность в порохе в 2640 тыс. пуд. Уже в это время между потребностью войск и возможностями производства определился разрыв в 1800 тыс. пуд. В связи с этим были приняты новые решения о перестройке Казанского и Шостенского заводов и ускорении строительства Тамбовского завода¹¹⁰. Во время строительства завода в Казани вспыхнул пожар, и пришлось по существу его заново строить.

На строительство было затрачено 15 млн. руб. Более 10 млн. руб. стоила реконструкция Шостенского завода и до 3 млн. — Охтенского. В результате реконструкции имеющихся заводов и строительства нового в Тамбове удалось увеличить объем производства пороха (табл. 26, в тыс. пуд.):

Таблица 26*

Год	Охтенский	Казанский	Шостенский	Тамбовский	Всего
1914	106,6	82,4	80,9	—	269,9
1915	179,9	162,0	171,2	—	513,2
1916	232,3	296,7	209,8	—	738,8
1917	133,7	209,8	185,5	41,7	576,8

* ЦГВИА, ф. 504, оп. 1, д. 130, л. 28.

Потребность в порохе на вторую половину 1916 г. и на середину 1917 г. была исчислена в 3,7 млн. для артиллерии и минометов и 1,6 млн. пуд. для винтовочных патронов. Всего около 5,4 млн. пуд.¹¹¹ Однако покрыть увеличивающуюся потребность в порохе путем производства на казенных заводах было невозможно. Ставка потребовала на конец 1916 г. дать дополнительно 3,6 млн., а на 1917 г. — 7,5 млн. пуд. Решено было закупить порох у частных предпринимателей. Изготовлением пороха занимались заводы: Шлиссельбургский, Попова, Барановского, Южнорусского общества. Таблица 27 показывает количество пороха, приобретенного у Шлиссельбургского завода (в тыс. пудов).

Т а б л и ц а 27 *

Тип пороха	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего
Бездымный	132,0	180,0	247,0	171	730,0
Дымный	74,8	45,8	101,8	54	276,4

* По данным Всеподданнейших докладов Военного министерства за указанные годы.

Но и этого количества оказалось недостаточно. Военное ведомство вынуждено было прибегнуть к заграничным закупкам. В США было заказано 2,2 млн. пуд., однако поступило в 1915 г. только 33,6 тыс. пуд., в 1916 г.: — 302,6 и в 1917 г. — 60,4 тыс. пуд.¹¹²

Таким образом, армия в течение всей войны нуждалась в бездымном порохе, идущем на снаряжение винтовочных патронов. Несвоевременная поставка пороха была причиной неоднократной остановки патронных заводов в 1915 и 1916 гг.

Несколько лучше было положение с производством черного дымного пороха. На частных заводах было изготовлено в 1914—1917 гг. 4 423 700 пуд. этого вида пороха: в 1914 г. — 183 372 пуд., в 1915 г. — 550 127, в 1916 г. — 2 447 067 и в 1917 г. — 1 243 137 пуд. Кроме того, закуплено за границей в 1915 г. 288 300 пуд., в 1916 г. — 1 797 613, в 1917 г. — 758 829 пуд.¹¹³ В целом потребность в дымном порохе была удовлетворена.

Наряду с порохом в военном деле использовали и другие виды взрывчатых веществ (пикриновая кислота, тротил, тринитроксилин и др.). Они использовались для производства фугасных гранат и бомб. На изготовление 7 тыс. гранат и 10 тыс. бомб уходило до 5 тыс. пуд. взрывчатых веществ. Это количество давал Охтенский завод взрывчатых веществ, мощность которого позволяла получать 10 тыс. пудов мелинита. В 1908 г. этот завод был перестроен в связи с тем, что вместо мелинита для снаряжения фугасных снарядов стали использовать тротил. Завод изготовил в 1908 г. 2 тыс., а в 1909 г. — 7,5 тыс. пуд. тротила¹¹⁴. ГАУ приступило в 1909 г. к строительству специального Сергиевско-Самарского завода с производительностью 20 тыс. пуд. тротила в год. Завод вступил в строй в 1911 г.¹¹⁵

В начале 1912 г. оба завода работали на полную мощность и изготовили 32 тыс. пуд. взрывчатых веществ (Охтенский — 12 тыс., Самарский — 20 тыс. пуд.). Кроме того, ГАУ заключило соглашение с Шлиссельбургским заводом «Русского общества для выработки и продажи пороха» на 25—30 тыс. пуд. тротила. Предусматривалось довести его производство до 55 тыс. пуд. На этом же

заводе стали изготавливать тетрил, используемый для снаряжения взрывчатых фугасных снарядов. До 1911 г. было изготовлено 1 тыс. пуд. сернистого тетрила. С 1911 г. стали изготавливать на Сергиевско-Самарском заводе от 1 до 2 тыс. пуд. в год.

Никаких норм запасов для этих видов взрывчатых веществ ГАУ не устанавливало. К началу мировой войны оказалось в наличии на Охтенском заводе 14 тыс. пуд. толуола и 5,6 тыс. пуд. тротила, на Шлиссельбургском заводе — 8 тыс. пуд. взрывчатых веществ и на Самарском заводе — 3280 пуд. тротила, 3435 пуд. толуола и 75 пуд. тетрила. Таким образом, весь запас состоял из 8260 пуд. тротила, 17 930 пуд. толуола и нескольких тысяч пудов тетрила.

Не забываясь о будущем, Военное ведомство закупало химическое сырье для взрывчатых веществ за границей. Толуол шел из Германии, сырой бензол также из Германии и частично из Франции. Небольшое количество толуола поступало из США ¹¹⁶.

Положение осложнилось как только началась война. Поставки толуола из Германии прекратились. Нужно было срочно принимать меры по организации производства необходимых химических продуктов у себя. Особенно важно было при этом организовать производство серной кислоты, бензола и синильной кислоты.

В феврале 1915 г. ГАУ определяло на основе заявок фронтов потребность в 65 тыс. пуд. взрывчатых веществ в месяц. Этого можно было достигнуть лишь путем организации производства на базе заводов Донецкого и Кузнецкого угольных бассейнов. Еще в октябре 1914 г. в Донбасс была направлена специальная комиссия во главе с проф. А. В. Сапожниковым, которая должна была решить вопрос о расширении производства серной кислоты, изготовлении бензола и толуола. Сапожников пришел к выводу, что на организацию заводов потребуется не менее полутора лет и, поскольку дело не терпит, то более целесообразно закупать бензол и толуол в США. В этих целях ГАУ направило в США миссию Сапожникова, но и там пришлось заново создавать бензолные заводы (на русские деньги). В ноябре 1914 г. в Донбасс была направлена вторая комиссия в составе проф. Артиллерийской академии генерал-майора В. Н. Ипатьева, двух инженеров-технологов В. Ю. Шумана и Л. Ф. Фокина, капитана О. Б. Филиппова и других для повторного изучения возможности использования побочных продуктов, получаемых при коксовании угля, для производства сырья, нужного на изготовление взрывчатых веществ. Комиссия установила, что на 11 заводах можно немедленно организовать такое производство, в дальнейшем — еще на 13.

В 1915 г. Комиссия по изготовлению взрывчатых веществ была преобразована в Постоянную комиссию по заготовке взрывчатых веществ, а в апреле следующего года — в Химический комитет при ГАУ ¹¹⁷.

Комиссия Ипатьева ставила задачу — довести производство химического сырья до 60 тыс. пуд. в месяц. По ее инициативе в Донбассе был сооружен уже в августе 1915 г. казенный бензольный завод, рассчитанный на изготовление 180 тыс. пуд. бензола в год. Кроме того, частные предприниматели приступили к постройке 25 бензольных заводов, из которых 5 вошло в строй в 1915 г., а остальные — в 1916 и 1917 гг.¹¹⁸ С 1 февраля по 31 декабря 1915 г. на русских заводах было изготовлено 501 836 пуд. сырья¹¹⁹.

В июне 1915 г. ГАУ получило указание Ставки об увеличении производства взрывчатых веществ до 165 тыс. пуд. в месяц, а в конце 1915 г. — до 250 тыс. пуд. Более того, в феврале 1916 г. была уже названа цифра в 400 тыс. пуд.¹²⁰

Одним из важных условий для производства взрывчатых веществ являлось наличие серной и азотной кислот. До войны серной кислоты вырабатывалось в России около 1250 тыс. пуд. в год. Исходный материал для этого (сера) добывали в России в ничтожных количествах (не более 5—6 тыс. пуд.). Три четверти ее ввозилось из-за границы (12—14 тыс. пуд.). Значительную часть серной кислоты готовили в Риге и на польских предприятиях. С потерей же польских и эвакуацией рижских заводов производство серной кислоты упало до 85 тыс. пуд. (7 тыс. пуд. в месяц). Нужно было срочно решать поставленную войной задачу. В октябре 1915 г. были сформированы центральное и районные бюро для наблюдения и контроля над 14 вновь построенными сернокислотными заводами.

В результате экстренных мер производство серной кислоты было организовано в Донбассе и на Урале. Общее количество заводов выросло с 20 в начале 1916 г. до 33 в конце этого года. Для них была установлена программа в 12 млн. пуд. в год¹²¹. Все заводы дали в декабре 1915 г. — 875 тыс. пуд., январе 1916 г. — 1049 тыс. пуд., феврале — 1143 тыс., марте — 1280 тыс., апреле — 1432 тыс., мае — 1540 тыс., июне — 1540 тыс., июле — 1732 тыс., августе — 1732 тыс., сентябре — 1865 тыс., в октябре, ноябре и декабре — по 1865 тыс. пуд. На таком же уровне шло производство серной кислоты в январе — феврале 1917 г.¹²²

Производство азотной кислоты в России перед войной было в зачаточном состоянии. В 1913 г. ее вырабатывалось всего 18 тыс. пуд. Исходным материалом являлась чилийская аммиачная селитра¹²³. Комиссия Ипатьева организовала производство последней на Донецких стекольно-химических заводах. Первые партии селитры с этих заводов стали поступать в апреле 1915 г. В этом же году было принято решение о сооружении крупного азотного завода на р. Суне¹²⁴. Нужно упомянуть также завод в Юзовке, вошедший в строй в 1917 г. Но в больших количествах получить азотную кислоту удалось лишь к концу войны. Потребность в ней

исчислялась в 1916 г. для производства взрывчатых веществ в 3 млн. пуд. и сверх того для изготовления бездымного пороха — 1 млн. пуд., а в 1917 г. была названа цифра в 2 млн. пуд.

Наряду с этим было налажено производство тринитроксилла (или ксилла), явившегося заменителем тротила, на Охтенском заводе, динамитном заводе в Штеровке и Петроградском заводе Кротта.

Пикриновую кислоту стали изготовлять на заводах «Электрик» и «Сальве и К^о», используя для этого бензол. На четырех других заводах ее изготовляли из фенола ¹²⁵.

Важное значение получил метод изготовления толуола из фракций бензина. Добычу его организовали на базе нефтяных заводов в Грозном и Екатеринодаре. Затем стали получать толуол непосредственно из нефти. В этих целях были построены заводы в Казани, Баку и на Северном Кавказе. Наконец, сырой бензол стали добывать из каменного угля. Довольно большое количество толуола и бензола давали спирто-водочные заводы.

Военное ведомство, учитывая увеличивающиеся требования Ставки, приступило к постройке двух заводов по изготовлению тротила. В Нижнем Новгороде строился завод, рассчитанный на получение 600 тыс. пуд., в Грозном сооружался еще один завод, рассчитанный на получение 140 тыс. пуд.

10 частных заводов за 1915—1917 гг. дали 320 483 пуд. взрывчатых веществ ¹²⁶. Небольшое количество стали производить и на других заводах: Лисичанского общества, Серикова, П. К. Ушакова вблизи Самары, Кинешемском бензольно-анилиновом, Докторовском химическом заводе в Кудинове и др. «Можно без преувеличения сказать, — указывает В. Ипатьев, — что потребность нашей армии и флота породила у нас мощную отрасль промышленности — химическую, совершенно не зависимую от заграничного сырья» ¹²⁷.

Программа снабжения войск на 1917 г. — первую половину 1918 г. включала получение следующего количества взрывчатых веществ: тротила — 1935 тыс. пуд., мелинита — 1201 тыс., тетрила — 33 600, толуола — 455 тыс., фенола — 62 тыс., хлора — 900 тыс., фосгена — 220 360, хлор-пикрина 66 тыс., натриевой селитры — 9200 тыс., аммиачной селитры — 4213 тыс. пуд. ¹²⁸

Поскольку потребность во взрывчатых веществах не покрывалась отечественными заводами полностью и, главное, своевременно, то Химический комитет был вынужден обратиться к заграничным закупкам. В США и других странах было размещено до 30 заказов на 2,2 млн. пуд. химических продуктов. На базе русских заказов в США возникла целая отрасль химической промышленности. Однако в Россию прибыло не так много из этих заказов: в 1915—1917 гг. было доставлено 970 тыс. пуд. этих продуктов, из них 618 тыс. пуд. тротила и фенола, 682 тыс. пуд. пикриновой

кислоты и 209,3 тыс. пуд. шнейдерита. Сверх того доставлено 1124 тыс. пуд. аммиачной селитры ¹²⁹.

После применения немецким командованием удушливых газов в мае 1915 г. (на р. Равке) Ставка обязала ГАУ приступить к изготовлению фосгена и хлора. До войны Россия не имела заводов, производящих эти химические продукты. Поэтому Химический комитет сразу же приступил к строительству фосгенных заводов в Иваново-Вознесенске, Москве, Казани и у станций Переездная и Глобино. Кроме того, было организовано получение хлора на четырех заводах в Самаре, в Рубежном и в Финляндии (на двух) и на нескольких предприятиях в Саратове, возле Сенгилея и Мелекеса. Кроме этих предприятий хлор производился на заводе Ушакова (в Вятской губернии) и на Славянском заводе. Так как строительство крупных заводов затянулось до 1917 г., то практическое значение имела лишь деятельность завода «Электрон» (в Славянском) и завода «Сальве и К^о» ¹³⁰.

На семи из указанных выше заводах в 1916 — начале 1917 г. было произведено: хлористого сульфидина — 2 тыс. пуд., азотной кислоты — свыше 2 тыс. пуд., синильной кислоты — около 3 пуд., цианистого натрия и калия — 100 пуд., хлористого марганца — 2 тыс. пуд. В целом было изготовлено в это время 240 тыс. пуд. ядов и удушающих средств ¹³¹.

Мировая война сыграла крупную роль в развитии русской химической промышленности. Докладывая в октябре 1916 г. о необходимости развития военной промышленности, генерал Маниковский писал: «Всем известно, в каком жалком положении пребывала у нас химическая промышленность, совершенно подавленная своей германской конкуренткой... Однако благодаря исключительной энергии и знанию дела генерал-лейтенанта Ипатьева она, наконец, развилась до такой степени, что в настоящее время мы можем смело смотреть в будущее» ¹³².

И с этим выводом начальника Главного артиллерийского управления можно согласиться. В ходе войны было значительно расширено производство пороха, которым стали заниматься 5 заводов, по существу заново было построено 34 завода по изготовлению серной и азотной кислот, 100 бензолных заводов и заводов по производству тротила и толуола и 40 заводов, занимавшихся изготовлением удушающих средств. Всего в России действовало в 1914 г. 7 заводов, в 1915 г. — 39, в 1916 г. — 163 и в 1917 г. — 175 химических заводов разных типов, снабжавших армию ¹³³.

Химический комитет проявил максимум энергии и добился вполне положительных результатов.

Но, конечно, было немало недостатков. К сооружению новых заводов приступили довольно поздно и пришлось поэтому прибегнуть к размещению заказов за границей. ГАУ до войны не

разработало плана развития химических заводов на случай войны. Оно проявило полную беспечность в получении сырья. Тем не менее отечественные заводы, казенные и частные, дали на нужды войны 2571 тыс. пуд. химических продуктов при заказах за рубежом на 2195 тыс. пуд. Из имеющегося сырья было снаряжено 1 418 900 3-дюймовых снарядов. Из них с удушающими средствами 1 257 096 и с ядами 161 806 снарядов¹³⁴.

*

Подводя итоги рассмотрению вопроса о производстве вооружения и боеприпасов, можно сделать следующие выводы:

1. В результате бурного развития капитализма Россия к началу XX в. являлась одной из крупнейших держав Европы, обладающей значительным военным потенциалом. На рубеже XIX—XX вв. русская военная промышленность справлялась со сложными задачами производства стрелкового и артиллерийского вооружения. Русская армия получила отличную винтовку Мосина, 3-дюймовые и 6-дюймовые полевые орудия, не уступавшие лучшим зарубежным образцам.

В то же время перед военной промышленностью вставали новые задачи, вытекающие из быстрой смены технических средств борьбы. В области стрелкового оружия — проблема стандартизации и автоматизации и особенно производства пулеметов. С принятием на вооружение 3-дюймовых и 6-дюймовых орудий были решены задачи ближнего боя. Прошедшая война с Японией показала необходимость специализации артиллерийских систем и прежде всего развития тяжелой артиллерии как главного средства дальнего боя.

Решение новых технических задач могло быть осуществлено при наличии достаточного числа инженерных кадров и подготовленных рабочих. Россия обладала необходимыми кадрами научно-технической интеллигенции. Русские ученые внесли крупный вклад в разработку конструкций стрелкового и артиллерийского вооружения и в создание средств химической борьбы.

2. Производство новых средств борьбы требовало значительных усилий не только собственно военных заводов, но и связанных с ними отраслей промышленности (металлургии, станкостроения, химии). До начала XX в. Военное ведомство обходилось силами казенных предприятий и лишь частично привлекало частные предприятия к выполнению военных заказов. Но уже во время русско-японской войны к выполнению военных заказов было привлечено 75 предприятий, из которых только три изготовляли артиллерийские орудия и патроны. Такая позиция определялась господствующими взглядами на войну как на локальное явление. Между тем от руководителей Военного ведомства, Министерства

финансов и Военного совета требовалось, чтобы они поднялись до понимания того, что войны ближайшего будущего перестанут быть локальными и приобретут характер коалиционных и что в них примут участие миллионы людей, которых нужно обеспечить боевой техникой, боеприпасами и снаряжением. Дискуссия по этим вопросам началась уже перед войной с Японией. Многие военные теоретики предупреждали, что предстоящие войны будут иными, чем войны второй половины XIX в.

Проф. Академии Генерального штаба А. А. Гулевич исследовал влияние экономического строя государства на его способность вести продолжительные войны. Исходным его пунктом было положение, что в войнах новейшего времени примут участие «целые народы и в бой пойдет цвет всего населения»¹³⁵. Нельзя думать, указывал он, что исход войны определится в короткое время. «Государство, в котором общая совокупность всех условий, определяющих военное его могущество, окажется более приспособленным к чрезвычайному напряжению сил и средств, вызываемому размерами борьбы, должно в конце концов одержать верх над противником»¹³⁶.

Проблема длительности войны и осуществления «планов экономических мероприятий в государственном масштабе» занимала таких крупных военных специалистов, как Т. А. Леер, Н. П. Михневич, А. А. Незнамов и др.

Леер прямо указывал, что войны будущего будут продолжительными и нельзя рассчитывать на подготовленные в мирное время стратегические запасы¹³⁷. Это положение развивал Михневич, указывающий на необходимость установления «полного согласия между внешней политикой и военным управлением, которое тоже находится в зависимости от внутренней организации государства»¹³⁸. Вопрос о необходимости планомерной подготовки всего государства к войне, которая совершенно не будет походить на предшествующие, ставил также Незнамов¹³⁹.

Таким образом, военные теоретики давали руководителям Генерального штаба пищу для размышлений. Но из этого теоретического арсенала Генеральный штаб взял лишь указание на величайшее напряжение народного хозяйства в ходе войны и сделал вывод, что вследствие этого она будет короткой. На такой позиции стояли не только Генеральный штаб, но и Главный штаб и Главное артиллерийское управление. Комиссия Генерального штаба, сформированная в 1910 г. для определения норм вооружения и боеприпасов в мирное и военное время, заявила, что война будущего, требующая полного напряжения сил и средств государства, не может быть продолжительной. Она продлится от двух до шести месяцев, но не более года, и завершится вследствие того, что ранее годичного срока наступит полное истощение воюющих стран.

Главное артиллерийское управление также не предвидело масштабов войны и не приняло надлежащих мер для обеспечения армии оружием и боеприпасами. «Мы,— писал начальник ГАУ генерал Маниковский,— базируясь на опыт нашей Мапъчжурской кампании, масштаб которой, конечно, не мог быть отнесен к большой европейской войне, определили слишком незначительной норму этой потребности, вследствие чего и не развили заблаговременно надлежащим образом ни наши казенные заводы, ни те из частных, которые в мирное время изготовляли предметы боевого снаряжения»¹⁴⁰.

К помощи частной промышленности пришлось прибегнуть уже через полгода после начала войны. Перед военным ведомством встала сложная задача создать на базе частных предприятий центры по производству боеприпасов (прежде всего снарядов) и химического сырья для изготовления взрывчатых веществ.

Мобилизация промышленности и вообще всех экономических ресурсов не могла быть осуществлена без создания специальных органов регулирования. Таким органом явилось Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению армии боевым снаряжением, созданное в мае 1915 г.¹⁴¹

Однако, как показал опыт, этой меры оказалось недостаточно. Совещание не могло обеспечить военно-экономическую мобилизацию всех отраслей промышленности и оказалось бессильным организовать военное производство в масштабе всей страны, обеспечить снабжение промышленным сырьем и топливом, упорядочить размещение военных заказов и создать условия для доставки произведенного оружия и боеприпасов в действующую армию. Возник вопрос о преобразовании «майского» Особого совещания и наделении нового органа более широкими правами.

Подготовленное Военным министерством «Положение об Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства» было в середине 1915 г. рассмотрено Советом министров и представлено в Государственную думу, которая, однако, не согласилась с созданием единого органа и вместо него утвердила закон об образовании четырех Особых совещаний: по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию. После рассмотрения в Государственном совете 14 августа 1915 г. закон был утвержден царем¹⁴². Главное место принадлежало Особому совещанию по обороне, в компетенцию которого входил широкий круг вопросов. Совещания по перевозкам, продовольствию и топливу имели подсобное значение.

Особое совещание по обороне вплоть до Февральской революции являлось «высшим государственным установлением», осуществлявшим мобилизацию промышленности, организацию ее работы по производству материально-технических средств и установлению системы обеспечения армии.

Аналогичные процессы наблюдались также в Англии, Франции и Германии, где были созданы органы, планирующие и направляющие производство оружия и боеприпасов. Как и в России, эти органы возникли с началом войны. До войны военные теоретики этих стран также полагали, что война будущего будет базироваться на стратегических запасах.

3. Было бы неверно видеть причины недостаточного снабжения армии оружием и боеприпасами только в просчетах руководителей Военного ведомства; корень зла лежал глубже — в социально-экономической и политической структуре России в эпоху империализма. Царское самодержавие, охранявшее интересы помещиков и капиталистов, тормозило социально-экономическое развитие страны и тем самым задерживало рост военного производства. Гонка вооружений, начатая Германией перед мировой войной, втягивала постепенно все империалистические государства. Не избежала ее и Россия. «Нам пришлось,— писал А. Маниковский,— вложить в американские рынки колоссальное количество золота, создать и оборудовать на наши деньги мощные военные предприятия; другими словами, произвести за наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности. В меньшей степени, по все же довольно значительно, мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии»¹³.

Мировая война знаменовала общий кризис империализма. Противоречия, свойственные империализму, обострились во время этой войны до крайности. Развернув гонку вооружений и развязав войну, заправила империалистических держав вложили оружие в руки трудящихся. Рабочие и крестьяне в солдатских шинелях свергли власть помещиков и капиталистов и установили в нашей стране социалистический строй, открыв новую страницу истории человечества.

¹ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну, ч. I—III. М., 1920—1923. После смерти Маниковского этот труд дополнил и уточнил Е. З. Барсуков. При написании статьи использовалось третье издание, вышедшее в 1937.

² Барсуков Е. З. Подготовка России к первой мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926; *он же*. Работа промышленности на боевое снабжение армии в мировой войне. М., 1928.

³ Букишпан Я. М. Военно-хозяйственная политика. М.—Л., 1929; Шигалин Г. Подготовка промыш-

ленности к войне. М.—Л., 1929 и др.

⁴ Сидоров А. Л. Финансовое положение России в период первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 1960; *он же*. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Бовыкин В. И. Банки и промышленность России накануне первой мировой войны.— «Исторические записки», т. 54; Шаццлло К. Ф. Развитие вооруженных сил накануне первой мировой войны. Рукопись докт. дисс. М., 1958; *он же*. Россия перед первой мировой войной. М., 1974.

- ⁵ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973, с. 318—319.
- ⁶ В 1900 г. на Тульском заводе работало 7035 рабочих, к 1907 г. осталось 3969, на Сестрорецком заводе из 1725 рабочих осталось 1030; на Ижевском — из 4500 осталось около 3 тыс.
- ⁷ ЦГВИА, ф. 516, оп. 2, д. 1. Такое решение имело губительные последствия. К 1914 г. запас стволов составлял примерно 120 тыс. штук. Он был израсходован к началу 1915 г. Ижевский завод не мог сразу увеличить объем производства, поэтому пришлось прибегнуть к значительным заказам стволов за границей.
- ⁸ Военный министр опирался на выводы комиссии Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), созданной в 1910 г. для рассмотрения состояния мобилизационных запасов оружия. Эта комиссия предложила сократить мобилизационный запас винтовок на 338 397 штук и отнустить правительствам Сербии, Монголии и Болгарии 170 тыс. винтовок (*Барсуков Е.* Артиллерия русской армии, т. II. М., 1949, с. 256).
- ⁹ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 58.
- ¹⁰ Там же, д. 6.
- ¹¹ В то же время поступило предложение группы русских предпринимателей о сооружении частного завода. Оно было поддержано Военным советом, но ГАУ опротестовало это решение и настояло на постройке казенных заводов (ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 29).
- ¹² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 84, л. 1—7 об.
- ¹³ ЦГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 130, л. 32, об.— 33.
- ¹⁴ Так, во Франции оружейные заводы находились накануне войны в состоянии консервации. Производство винтовок было возобновлено только в конце 1914 г. В 1915 г. французские заводы изготовили около 300 тыс. винтовок, в 1916 г. — 800 тыс., в 1917 — также 800 тыс. В Англии в течение 1914—1915 гг. было изготовлено около 600 тыс. винтовок, в 1916 г. — 835 тыс. и в 1917 г. — 1206 тыс. Более подготовленными оказались германские и австро-венгерские заводы. В 1914 г. в Германии было изготовлено 1750 тыс. винтовок, в 1915 г. — 2 млн., в 1916 г. — 2755 тыс. и в 1917 г. — 2490 тыс. В Австро-Венгрии в 1914—1915 гг. было изготовлено около 800 тыс. винтовок, в 1916 г. — 1200 тыс., в 1917 г. — 1150 тыс.
- ¹⁵ *Маниковский А. А.* Указ. соч., с. 292.
- ¹⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 109, л. 127; ф. 1, д. 1209, л. 3 об.; д. 174, л. 18.
- ¹⁷ *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии, т. II, с. 257.
- ¹⁸ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 5. В Германии с 1915 г. шла работа над автоматической винтовкой системы «маузер» (экземпляр ее был захвачен французами во время боев в Шампани). Во Франции была принята система полковника Шоша. Его винтовка была близка к типу ружей-пулеметов с магазином на 20 патронов. Первая пробная партия была изготовлена в 1916 г. В Англии приняли систему Фаркара (ЦГВИА, ф. 2003, оп. X, д. 84, л. 107—112).
- ¹⁹ *Гнаатовский Н. И., Шорин П. А.* История развития отечественного стрелкового оружия. М. 1959, с. 178—186.
- ²⁰ *Бескровный Л. Г.* Указ. соч., с. 323.
- ²¹ Там же, с. 323—324.
- ²² *Гнаатовский Н. И. и Шорин П. А.* Указ. соч., с. 173.
- ²³ *Ашурков В. Н.* Введение автоматического оружия в русскую армию. В кн.: — Из истории Тульского края. Сб. документов. Тула, 1972, с. 75.
- ²⁴ ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 1371, л. 8, об., 10—10 об.
- ²⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 8, д. 22.
- ²⁶ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 39. На позицию Военного ведомства определенно повлияло Министерство финансов, отказавшее в новых ассигнованиях на увеличение производства пулеметов.

- ²⁷ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии, т. II, с. 259.
- ²⁸ ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 562, л. 178—179.
- ²⁹ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 48, л. 40.
- ³⁰ История Тульского оружейного завода 1712—1972. М., 1972, с. 122; ЦГВИА, ф. 504, оп. 1, д. 472, л. 17; оп. 2, д. 130, л. 5.
- ³¹ ЦГВИА, ф. 369, д. 182 и 183 (Заказы на пулеметы).
- ³² В 1916 г. в ГАУ поступило предложение от русских предпринимателей (М. И. Терещенко и И. А. Соколова) построить частный завод на 10 тыс. пулеметов, но при условии обеспечения его заказами и в мирное время. Это предложение было отвергнуто (Журналы особого совещания по обороне, т. 2, вып. IV, с. 85, 389).
- ³³ Журналы особого совещания... Журнал № 85 от 2 июня 1916 г.
- ³⁴ Маевский И. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, с. 52.
- ³⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 116, л. 16—18.
- ³⁶ Козлов Н. Очерки снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. М., 1926, с. 145—147.
- ³⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 116, л. 19.
- ³⁸ ГУГШ считало, что потребности армии могут быть удовлетворены от имеющегося запаса и даже дало согласие отпустить Сербии 200 млн., Болгарии — 31 млн. Черногории — 21 млн. и Монголии — 9 млн., что составило 260 млн. штук (Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии, т. II, с. 261).
- ³⁹ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3/181, св. 114, д. 885, л. 35—36.
- ⁴⁰ ЦГВИА ф. 504, оп. 2, д. 130, л. 7—8.
- ⁴¹ История отечественной артиллерии, т. II, ч. 5. М., 1970, с. 35.
- ⁴² ЦГВИА, ф. Канцелярия военного министра, оп. 4, д. 10, л. 293—294.
- ⁴³ ЦГВИА, ф. 510, оп. 1, д. 16, л. 164—165.
- ⁴⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 2, д. 128, л. 5—6 (Свод сведений Верховной следственной комиссии о снабжении армии полевой артиллерией).
- ⁴⁵ ЦГВИА, ф. 510, оп. 1, д. 16, л. 164 об.—165.
- ⁴⁶ Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну, т. I. М., 1938, с. 31.
- ⁴⁷ ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 816, л. 73—80.
- ⁴⁸ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, л. 38—39.
- ⁴⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. II, д. 31, л. 125—126; д. 34, л. 1—3; оп. 3, д. 73, л. 44—47.
- ⁵⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 153, л. 26—26 об.
- ⁵¹ ЦГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 663, л. 3.
- ⁵² Там же, д. 130, л. 44, об. 45.
- ⁵³ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 19—19 об.; ф. 504, оп. 2, д. 663, л. 3.
- ⁵⁴ Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну, т. I, с. 254.
- ⁵⁵ ЦГВИА, ф. 510, оп. 1, д. 16, л. 164 об.—165.
- ⁵⁶ ЦГВИА, ф. 497, оп. 1, д. 209, 80 об.
- ⁵⁷ Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну, т. I, с. 223—225.
- ⁵⁸ ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 816, л. 75—78.
- ⁵⁹ ЦГВИА, ф. 508, оп. 1, д. 5, л. 3—4.
- ⁶⁰ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, л. 28—30; ф. 369, оп. 3, д. 5, л. 125—129; ф. 504, оп. 2, д. 130, л. 920.
- ⁶¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 5, л. 123—127; ф. 504, оп. 2, д. 130, л. 920.
- ⁶² ЦГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 130, л. 920.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Маниковский А. Указ. соч., с. 334—339.
- ⁶⁵ Приказы начальника штаба верховного главнокомандующего от января 1917 г. № 54 и 65.
- ⁶⁶ Маниковский А. Указ. соч., с. 341.
- ⁶⁷ Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну, т. I, с. 232—235.
- ⁶⁸ ГБЛ, РО, ф. 169, карт. 35, д. 7, л. 58.
- ⁶⁹ ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 38.
- ⁷⁰ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 163, л. 36.

- ⁷¹ ЦГВИА, ф. 497, д. 244, л. 1 об., 3 об.
- ⁷² ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 163.
- ⁷³ В 1916 г. поступило с русских заводов 30 6-дюймовых осадных орудий, 27 12-дюймовых гаубиц; куплено за границей 6 8-дюймовых гаубиц, 16 11-дюймовых гаубиц и 9 12-дюймовых (ЦГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 663, л. 3).
- ⁷⁴ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, л. 28—30.
- ⁷⁵ ЦГВИА, ф. 497, д. 244, л. 52.
- ⁷⁶ ЦГВИА, ф. 497, оп. 1, д. 266, л. 6—7.
- ⁷⁷ *Денисов А. П. и Перечнев Ю. Г.* Русская береговая артиллерия. М., 1956, с. 201.
- ⁷⁸ *Денисов А. П. и Перечнев Ю. Г.* Указ. соч., с. 213.
- ⁷⁹ ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 816, л. 75—80; ф. 369, оп. 3, д. 130, л. 57.
- ⁸⁰ Там же, ф. 369, оп. 3, д. 5, л. 193; ф. 504, оп. 2, д. 663, л. 3.
- ⁸¹ Там же, ф. 1, д. 174, л. 22; ф. 504, оп. 2, д. 472.
- ⁸² *Барсуков Е. З.* Русская артиллерия в мировую войну, т. I, с. 265.
- ⁸³ ЦГВИА, ф. 504, оп. 16, д. 155, л. 1—2; ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 22.
- ⁸⁴ По данным Всеподданнейших отчетов Военного министерства за указанные годы.
- ⁸⁵ ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 816, л. 63.
- ⁸⁶ По мобилизационному расписанию № 19 для 3-дюймовых полевых и конных орудий была установлена норма в 1 тыс. снарядов, для 3-дюймовых горных — 1200 снарядов, для 48-линейных, 42-линейных и 6-дюймовых гаубиц — 1 тыс. снарядов и для 107-мм пушек — 1200 снарядов (ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 64, л. 64—65 об.).
- ⁸⁷ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 24, л. 64—68 об.
- ⁸⁸ Там же, д. 23, л. 184—185.
- ⁸⁹ Там же, д. 6, л. 73—76.
- ⁹⁰ ЦГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 472, л. 9.
- ⁹¹ ЦГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 31, л. 140.
- ⁹² Там же, д. 7, л. 162—163.
- ⁹³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 1, л. 31—35. Положение о Совещании было утверждено в порядке ст. 87 Основных законов 7 июля 1915 г.
- ⁹⁴ В январе 1915 г. в Россию прибыла французская миссия для оказания технической помощи по изготовлению пельнокорпусных гранат. Особая распорядительная комиссия одобрила это начинание. Организация Ванкова в начале кооперировала 200 предприятий для исполнения заказа ГАУ, к концу 1916 г. их число было доведено до 300. Все эти заводы распределялись по группам: 1-я и 2-я группы изготовляли стаканы для гранат 3 дм и других орудий, 3-я — изготовляла взрыватели, 4-я — детонаторные трубки, 5-я — производила снаряжение стаканов (*Маниковский А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, с. 90—91; История организации уполномоченного Главного Артиллерийского Управления генерала С. Н. Ванкова по производству снарядов по французскому образцу 1915—1918 гг. М., 1948, с. 33—34).
- ⁹⁵ *Маниковский А.* Указ. соч., с. 90—91.
- ⁹⁶ *Барсуков Е. З.* Русская артиллерия в мировую войну, т. I, с. 350.
- ⁹⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 5, л. 88—98.
- ⁹⁸ ЦГВИА, ф. 962, оп. II, д. 48, л. 13; ф. 504, оп. 7, д. 816.
- ⁹⁹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 22.
- ¹⁰⁰ *Маниковский А.* Указ. соч., с. 530.
- ¹⁰¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 5, л. 88—89.
- ¹⁰² *Маниковский А.* Указ. соч., с. 534.
- ¹⁰³ Они определялись в мирное время в следующем количестве: винтовочного пороха 53 тыс. пуд., для полевой артиллерии — 30 тыс. пуд., для крепостной артиллерии — 25 тыс. пуд. Всего 108 тыс. пуд. (ЦГВИА, ф. 962, оп. II, с. д. 48, л. 58).
- ¹⁰⁴ По данным Всеподданнейших отчетов Военного министерства.
- ¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 962, оп. II, д. 48, л. 58 об.—59.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 71 об.
- ¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 115.
- ¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 962, оп. II, д. 48, л. 59—59 об.
- ¹⁰⁹ Там же, л. 64—65.
- ¹¹⁰ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 742, л. 42—44, 209, 227.

- ¹¹¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 8, д. 98, л. 1.
- ¹¹² Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии, т. II, с. 216.
- ¹¹³ Барсуков Е. З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировой войне. М., 1928, с. 182.
- ¹¹⁴ ЦГВИА, ф. 962, оп. II, д. 48, л. 90.
- ¹¹⁵ Там же, л. 91.
- ¹¹⁶ Урибес Э. Коксобензолная промышленность России.— «Исторические записки», 1961, т. 69, с. 49; Фокин Л. Ф. Обзор химической промышленности в России, ч. II, вып. 1. Пг., 1922, с. 54—55.
- ¹¹⁷ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 712, л. 160—162, 195—196; Ипатьев В. Н. и Фокин Л. Ф. Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности, ч. I. Пг., 1924, с. 16, 39.
- ¹¹⁸ Веровский, Юзовский, Макеевский, Сартацкий и Кадиевский. В 1916 г. вошли в строй Горловский, Дружковский, Константиновский, Енакиевский, Краматорский заводы. Наконец, в 1917 г. были построены: Рутченковский, Никитовский, Миновский, Рубежанский, Ольховский, Юзовский, Мушкетовский, Ирлинский.
- ¹¹⁹ Ипатьев В. Н. и Фокин Л. Ф. Указ. соч., ч. I, с. 21.
- ¹²⁰ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 21 об.
- ¹²¹ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 712, л. 195—197 об.
- ¹²² ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 21; Ипатьев В. Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920, с. 22—23.
- ¹²³ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 736; ф. 369, оп. 3, д. 5, л. 36 об.
- ¹²⁴ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 736; ф. 369, оп. 3, д. 5, л. 36 об.
- ¹²⁵ Сидоров А. Л. Финансовое положение России в период первой мировой войны, с. 446.
- ¹²⁶ Славянский завод Южнорусского общества, Акционерного общества пороховые заводы Винне-ра, Русского акционерного общества Шеринга Алагирский завод во Владикавказе, Трехгорная пивоваренная мануфактура Н. В. Лепешкина в Дегуново, заводы Русского общества для выделки и производства пороха в Шлис-сельбурге, Петроградского общества химических продуктов, Франко-русского общества химических продуктов и взрывчатых веществ в Штеровке, Любимове, Сальве и К°, Общества химических заводов (Константинов) (ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 712; Ипатьев В. Указ. соч., с. 36—37).
- ¹²⁷ Ипатьев В. Указ. соч., с. 4.
- ¹²⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 38, л. 182—183.
- ¹²⁹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 21 об.
- ¹³⁰ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 712 л. 274, 399, 414; ф. 504, оп. 16, д. 100, л. 10.
- ¹³¹ Там же, л. 252, 263, 308 и др.
- ¹³² ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 119, л. 11 об.
- ¹³³ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии, т. II, с. 221.
- ¹³⁴ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 174, л. 22; ф. 504, оп. 16, д. 155, л. 1—2.
- ¹³⁵ Гулевич А. Война и народное хозяйство. СПб., 1898, с. 5.
- ¹³⁶ Там же, с. 10.
- ¹³⁷ Леер Г. Стратегия (тактика военных действий), ч. 2. СПб., 1887, с. 91.
- ¹³⁸ Милневич Н. Стратегия. СПб., 1911, с. 106.
- ¹³⁹ Незнамов А. А. План войны. СПб., 1913.
- ¹⁴⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 119, л. 1.
- ¹⁴¹ Крупина Т. Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне.— «Исторические записки», 1969, т. 83; Сомов С. А. О «майском» Особом совещании.— «История СССР», 1973, № 3.
- ¹⁴² Собрание узаконений и распоряжений правительства..., № 231, отд. 1, 1915, 19 августа.
- ¹⁴³ ЦГВИА, ф. 369, оп. III, д. 119, л. 1 об.

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ 1904—1907 ГГ.

М. И. Гришина

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРОЛИВОВ В КОНЦЕ XIX В. И ПОЗИЦИЯ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Вопрос о черноморских проливах по праву относят к числу старейших проблем международного права и международных отношений. На протяжении многих десятилетий этот вопрос занимал видное место во внешней политике России. Режим в проливах затрагивал важнейшие экономические и политические интересы России. Он определял безопасность государственных границ России на Черном море.

В течение XVII—XX вв. русское правительство неотступно стремилось решить проблему черноморских проливов. С конца XVII в. до 40-х годов XIX в. путем прямых соглашений с Османской империей оно утверждало и регулировало права России в Черном море и проливах. В этот период интересы России как черноморской державы находились в прямой зависимости от характера развития русско-турецких отношений. На это время приходятся наиболее крупные успехи русской дипломатии в обеспечении прав России в Черном море. Подписанный в 1783 г. русско-турецкий торговый договор провозглашал полную свободу русского коммерческого судоходства и торговли на всей территории Турции и открывал проливы для русской торговли¹.

Русско-турецкие договоры 1798, 1805 и 1833 гг. признавали право России на проход военных судов через проливы и право защиты Черного моря от проникновения в него иностранных военных судов.

Однако очень скоро вопрос о режиме черноморских проливов перерос из области русско-турецких отношений в разряд европейских проблем². В 1840—1841 гг. в Лондоне представителями великих европейских держав и Турции были подписаны новые конвенции о проливах, введшие европейское начало в юридический статут черноморских проливов. Согласно лондонской конвенции 1841 г. черноморские проливы объявлялись закрытыми для прохода всех иностранных военных судов³. Исключение делалось только для мелких военных судов, состоявших в распоряжении посольств.

Конвенции связывали державы круговой порукой. Договор мог быть отменен или изменен только по общему соглашению. Отныне устанавливалось прямое вмешательство нечерноморских держав в правовой режим проливов. Новая регламентация проливов существенно нарушала интересы черноморских держав. Она прежде всего ограничивала суверенные права Турции, лишая ее самостоятельности в определении режима проливов⁴.

Лондонские конвенции 1840—1841 гг. резко ухудшили положение России в проливах. Они запирали русский военный флот в Черном море и связывали Россию в пользовании проливами коллективным договором. Теперь главным препятствием к проходу русского военного флота через проливы была не Турция, а группировка европейских держав, объединенная общим договором. Установленный режим в проливах ущемлял суверенные права России в отношении Черноморского флота и не гарантировал ее от вторжения неприятельского флота в Черное море. В случае войны Порты с каким-либо государством конвенция 1841 г. допускала появление иностранного флота в Черном море.

Непосредственным следствием конвенции 1841 г. о проливах явилось вмешательство европейских государств в русско-турецкую войну и заключение тяжелого для России Парижского мира. По Парижскому трактату Россия лишалась права держать военный флот на Черном море, русский император обязывался не заводить и не оставлять на Черноморском побережье «никакого военно-морского арсенала»⁵. Особой конвенцией Парижский конгресс подтвердил принцип закрытия проливов для военных судов всех наций на то время, пока Порты будут находиться в мире. В случае участия Турции в войне султан мог по своему усмотрению открывать проливы для иностранных военных судов.

Парижский трактат создавал прямую угрозу безопасности югу России. Страна оказывалась беззащитной перед нападением с моря. Трактат ограничивал независимость и самостоятельность России как суверенного государства.

Естественно, что русское правительство не могло долгое время мириться с таким ненормальным положением в Черном море. В 1871 г. в разгар франко-прусской войны русской дипломатии удалось освободиться от части стеснительных статей Парижского трактата. Лондонская конференция, созванная по поводу циркуляра Горчакова, признала права России на Черное море.

Лондонская конвенция 1871 г., подписанная представителями Англии, Франции, России, Германии, Австрии, Италии и Турции, установила режим проливов, просуществовавший формально до 1920 г. Конвенция провозгласила старый принцип свободы торгового мореплавания в Черном море и проливах. Статья II конвенции подтверждала принцип закрытия проливов для военных иностранных судов на время, пока Порты находятся в мире. Вместе с тем

султану было предоставлено право открывать проливы «в мирное время для военных судов дружественных и союзных держав в том случае, когда Блистательная Порта найдет это необходимым для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата 30 марта 1856 года»⁶. Эта оговорка была направлена исключительно против России. Она допускала неопределенность в толковании принципа закрытия проливов и санкционировала под предлогом защиты международного трактата пребывание даже в мирное время иностранного военного флота в Черном море. Тем самым создавалась постоянная опасность появления враждебной России силы у русских черноморских берегов.

Лондонская конвенция 1871 г. несколько расширяла права Турции в распоряжении проливами.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. русская дипломатия сделала попытку отразить специальные интересы России в правовом статуте о проливах. В предварительных условиях мира, подписанных русскими и турецкими уполномоченными 19 января 1878 г. в Адрианополе, было сказано, что «султан войдет в соглашение с его величеством императором Всероссийским для охранения прав и интересов России в проливах: Босфорском и Дарданелльском»⁷. Однако против этого решительно выступила Англия. В январе 1878 г. английский посол передал Горчакову, что «по мнению его правительства, всякий договор, заключенный между Россией и Турцией во изменение трактатов 1856 и 1871 гг., не будет иметь силы без утверждения его всеми державами, принимавшими участие в Парижском конгрессе и в Лондонской конференции»⁸. Опасаясь серьезных политических осложнений, русское правительство поспешило заверить европейские государства в том, что Россия не намерена решать вопрос о проливах без участия держав Европы. По этой же причине Петербург не решился включить вопрос о проходе русских военных судов через проливы в Сан-Стефанский договор.

Берлинский конгресс единодушно подтвердил силу Лондонской конвенции 1871 г. о закрытии проливов для прохода иностранных судов. Вместе с тем конгресс обнаружил разноречие в толковании договорных условий. Английский представитель лорд Р. Солсбери сделал заявление, что «обязательства, принятые е.в. королевой Великобритании по предмету закрытия проливов, сводятся исключительно к обязательству по отношению к султану уважать, в виду сего, его самостоятельные решения, соответствующие существующим договорам»⁹.

Заявление Солсбери содержало фактический отказ английского правительства от коллективного обязательства в признании принципа закрытия проливов. Оно допускало правомочность сепаратных соглашений султана с отдельными державами о проходе военных судов через проливы. При податливости султана и зависи-

мости Турции от иностранной силы новое английское толкование трактатов в корне подрывало основы самого принципа закрытия проливов.

Русская дипломатия восприняла заявление Солсбери как попытку юридически обосновать проход военных кораблей могущественного флота Англии через проливы. Поэтому представитель России граф П. А. Шувалов в ответ на декларацию Солсбери заявил, что «начало закрытия проливов есть начало европейское и что постановления, состоявшиеся по сему предмету в 1841, 1856 и 1871 гг. и ныне подтвержденные Берлинским договором, обязательны для всех держав, согласно с духом и буквою существующих договоров, не только перед султаном, но и перед всеми державами, подписавшими их»¹⁰. Оба толкования были занесены в протоколы заседаний конгресса при полном молчании уполномоченных остальных государств. Конгресс не подверг обсуждению заявления представителей Англии и России и не дал никакой санкции.

В России сознавали шаткость и неопределенность статута о проливах. Более того, теперь русское правительство должно было считаться с возможностью вторжения английского флота в Черное море. К тому же в Петербурге знали, что во время заседаний Берлинского конгресса Солсбери делал попытку заключить с Турцией соглашение, разрешающее проход английских кораблей через проливы. Турция тогда отклонила это предложение. Однако заявление Солсбери свидетельствовало о твердом намерении Англии освободиться от европейского принципа закрытия проливов¹¹.

После Берлинского конгресса русская дипломатия пыталась отстоять традиционную точку зрения о солидарности и взаимности держав в отношении принципа закрытия проливов. В той военно-политической обстановке, когда Черноморский флот только воссоздавался, а русско-английские противоречия на Среднем и Ближнем Востоке носили исключительно острый характер, русское правительство считало целесообразным поддерживать и укреплять принцип закрытия проливов. В русских правящих кругах в сохранении и закреплении принципа закрытия проливов усматривали некоторую гарантию против вторжения английского флота в проливы и в Черное море.

При возобновлении соглашения «трех императоров» русской дипломатии удалось добиться признания со стороны Австро-Венгрии и Германии русской интерпретации договоров о проливах. В третьей статье секретного договора, заключенного между Россией, Германией и Австро-Венгрией 6/18 июня 1881 г. в Берлине, говорилось: «Три двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в заявлении второго уполномо-

ченного России в заседании Берлинского конгресса от 12 июля (протокол 19).

Они будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в интересах какого бы то ни было правительства, путем предоставления для военных операций воюющей державы той части своей империи, которую образуют проливы.

В случае нарушения этого обязательства или для того, чтобы предотвратить таковое, если бы предвиделась возможность этого, три двора предупредят Турцию, что они в подобном случае будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским трактатом»¹².

Эта статья была направлена против возможных попыток Англии отдельно от европейских держав войти в соглашение с Турцией по вопросу о проливах. Статья содержала серьезные предупреждения Турции в случае отклонения ее от коллективного обязательства великих держав в отношении режима проливов. Австро-русско-германский союз, писал С. Д. Сказкин, имел «более длительное и наиболее важное значение для России в том отношении, что он обеспечивал активную (дипломатическую, конечно) поддержку принципа закрытия проливов со стороны двух наиболее крупных континентальных держав — Германии и Австро-Венгрии»¹³.

Договор 1881 г. укреплял позиции русского правительства в толковании статута проливов. Однако необходимо учитывать и другие обстоятельства: статья третья договора еще больше связывала Россию в пользовании проливами и прибавляла новые осложнения для русской дипломатии в деле изменения режима проливов в будущем.

Заключенный в 1887 г. русско-германский «договор перестраховки» полностью повторял статью третью договора 1881 г. о принципе закрытия проливов.

При заключении в 1897 г. русско-австрийского соглашения о Балканах имел место обмен мнениями между двумя державами и по вопросу о проливах. Русская дипломатия по-прежнему настаивала на коллективном характере обязательств в отношении режима проливов. Граф М. Н. Муравьев прямо заявил министру иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховскому, что Россия далека от стремления вносить какие-либо изменения в существующее положение вещей, санкционированное Парижским трактатом и Лондонской конвенцией, и, «наоборот, поддерживает все их постановления, вполне удовлетворяющие Россию, поскольку они, закрывая проливы, воспрепятствуют доступу иностранных военных судов в Черное море»¹⁴.

Таким образом, в течение долгого времени, почти на протяжении всей второй половины XIX в., русское правительство неуклонно отстаивало принцип закрытия проливов для иностранных военных судов. Оно считало европейский принцип договорных обязательств в отношении проливов наиболее соответствующим интересам обороны России. Русская дипломатия всячески стремилась закрепить и продлить европейский характер статута проливов. Эта линия шла вразрез с английским толкованием договорных обязательств великих держав в отношении проливов. Отказ Лондона от европейского начала закрытия проливов, несомненно, был направлен против Турции и России и создавал постоянную угрозу прорыва английского флота в Черное море и удара по русскому черноморскому побережью.

В конце XIX в. позиция русской дипломатии в вопросе о режиме проливов еще больше укреплялась в связи с наметившимся курсом на «замораживание» ближневосточного вопроса, сохранение *status quo* в Турции и переходом царизма к активной внешней политике на Дальнем Востоке. В защите принципа закрытия проливов интересы России и Турции совпадали.

Отстаивая коллективный характер договорных обязательств о проливах, русское правительство исходило из интересов обороны страны и ставило своей практической задачей не допустить переход проливов в руки сильной нечерноморской державы.

Однако в правящих кругах прекрасно сознавали неудобства и ограничения для России, вытекающие из-за закрытия проливов для прохода русских военных судов. Формально конвенции о проливах устанавливали равенство великих держав в отношении принципа закрытия проливов. Но для России как великой морской и прибрежной к Черному морю державы принцип закрытия проливов означал известное ограничение ее суверенных прав.

Запрещение прохода русских военных судов через проливы, несомненно, связывало русское правительство в военном отношении. В силу закрытия проливов Россия вынуждена была содержать отдельный Черноморский флот с весьма ограниченным характером деятельности. Содержание нескольких флотов, причем весьма отдаленных друг от друга, затрудняло использование их и ослабляло силу их действий. Содержание изолированных флотов обременительно сказывалось на бюджете.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ВОПРОС О ПРОХОДЕ РУССКИХ ВОЕННЫХ СУДОВ ЧЕРЕЗ ПРОЛИВЫ

Во время войны с Японией особенно остро сказались отрицательные последствия закрытия проливов для прохода военных кораблей России. В течение 1904 г. в правительственных сферах

дважды возбуждался вопрос о посылке судов Черноморского флота на Дальний Восток: первый раз — в феврале, сразу по открытии военных действий, а второй — в сентябре, в самый разгар снаряжения второй Тихоокеанской эскадры. Несмотря на серьезность положения, русское правительство не решилось провести корабли через проливы, и в напряженный момент военных действий на Тихом океане Черноморский флот оставался безучастным свидетелем.

Особенно категорично против прохода Черноморского флота через проливы выступало тогда Министерство иностранных дел. Правильно оценив сложившуюся международную обстановку, русская дипломатия своевременно и решительно предупреждала о пагубных для России последствиях нарушения режима в проливах. Министерство справедливо указывало на неизбежное в этом случае обострение, а может быть даже военное столкновение с Англией, союзницей Японии, и последующие нарушения режима проливов со стороны других держав¹⁵. В результате Черное море, поясняло министерство в «Записке по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота», перестало бы быть «русско-турецким озером и оно превратилось бы в арену для всяческих военно-морских демонстраций со стороны наших недоброжелателей, которые, оснарявая друг у друга преобладающее влияние, совместными усилиями в корне подрывали бы обаяние России, приобретенное ею на Ближнем Востоке ценою неисчислимых жертв и тяжелой политической работы»¹⁶.

В частности в «Записке» указывалось, что при первом же удобном случае «великобританское правительство не замедлит командировать свой флот в Трапезундский залив и в порты Анатолийского побережья для достижения своекорыстных целей в ущерб прямым интересам России.

Германия, достигшая за последние годы некоторых успехов на почве промышленных предприятий в Турции, несомненно воспользуется новым порядком вещей на Босфоре, чтобы закрепить свое положение на Малоазиатском берегу территориальными приобретениями для устройства морских станций, угольных складов и проч. То же самое, быть может раньше Германии, поспешат сделать Англия и Сев. Амер. Соединенные Штаты. В Америке уже давно проповедуется идея, что конвенция о проливах необязательна для Соединенных Штатов»¹⁷.

Следует отметить, что русская дипломатия правильно определила истинную позицию Англии в вопросе о проливах во время русско-японской войны. В Министерстве иностранных дел России абсолютно не сомневались, что Англия будет всеми способами мешать увеличению морских сил России на Дальнем Востоке. В Петербурге верили в готовность Англии силой воспрепятствовать проходу русского Черноморского флота через проливы. Дип-

ломатическое и военное ведомства ответственно восприняли заявление английского посла в Турции великому визирю о том, что сосредоточение многочисленной английской эскадры в турецких водах «обуславливается намерением лондонского кабинета побудить Россию осмотрительнее относиться к вопросу о проливах, а также оказать Турции поддержку в случае, если она встретит в ней надобность»¹⁸.

Эта твердая готовность Лондона всеми мерами воспрепятствовать проходу судов Черноморского флота через проливы объяснялась русской дипломатией прежде всего желанием Англии оказать помощь Японии. Эта позиция британского правительства, по мнению министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, носила конъюнктурный характер, так как при других обстоятельствах нарушение Россией режима проливов было бы выгодно Англии. В «Записке» Министерства иностранных дел отмечалось, что «можно с уверенностью сказать, что, во всякое другое время, великобританское правительство с радостью воспользовалось бы первым удобным случаем, чтобы уничтожить «заржавевший трактат» и добиться открытия Черного моря»¹⁹. Вместе с тем, несомненно, что уже в ходе русско-японской войны Министерство иностранных дел вынуждено было поставить вопрос о том, насколько принцип закрытия проливов отвечает интересам России.

В составленной в конце 1904 г. в Министерстве иностранных дел «Записке по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота» фактически поднимался вопрос о соответствии принципа закрытия проливов интересам и задачам России в новых условиях. Министерство высказалось за сохранение принципа закрытия проливов. В «Записке» признавалось, что «закрытие для иностранных судов всех национальностей Босфора и Дарданелл, со времени воссоздания нами сильного Черноморского флота, — представляет несомненные политические преимущества для России, которая, ввиду почти полного отсутствия боевых судов у Турции, является полным и единственным хозяином в Черном море»²⁰.

Русский посол в Париже А. Нелидов полностью разделял положения «Записки». 26 ноября 1904 г. он представил Ламздорфу специальную записку о проливах. Он решительно осуждал идею прохода черноморской эскадры. Правда, Нелидов считал, что к изменению режима проливов готовиться надо, но «первым условием при этом должно быть оставление до тех пор политических постановлений о проливах неприкосновенными и строгое исполнение трактатов, согласно заявлению, сделанному графом Шуваловым» на Берлинском конгрессе²¹.

Иного мнения о режиме проливов держался П. А. Сабуров, бывший в 1880—1884 гг. послом России в Германии. В переданном 3 марта 1905 г. В. Н. Ламздорфу письме по вопросу о проли-

вах Сабуров, ссылаясь на «Записку» МИД, признавал неопровержимость доводов министерства о риске военного столкновения с Англией в случае отправления Черноморского флота на Дальний Восток. Но он решительно оспаривал вывод министерства о политических преимуществах закрытия проливов для России. Сабуров указывал, что существующие трактаты не представляют России действительной гарантии против вторжения английского флота в проливы и Черное море. А главное, Сабуров считал, что после заявления английского и русского делегатов на Берлинском конгрессе правовое положение проливов стало неясным и неравноправным. «Сегодня,— писал Сабуров,— Англия на основании трактата воспрещает нашей эскадре выход из Черного моря, а завтра, согласно ее толкованию, английская эскадра может войти под каким-либо предлогом в Черное море с согласия султана». Автор усматривал в таком толковании не только постоянную опасность для России, но и неравноправность обязательств сторон, которую, по его мнению, «терпеть долее едва ли возможно и устранить которую уже давно необходимо посредством прямых объяснений с великобританским правительством». Но прежде чем приступить к объяснениям с Англией, Сабуров предлагал установить, «какая комбинация для России наиболее выгодна, и, сообразно с тем, дать переговорам то или другое направление»²². Автор предвидел три возможные комбинации: 1) либо в смысле заявления Шувалова на Берлинском конгрессе, т. е. сохранение принципа закрытия проливов, обязательно для всех держав; 2) либо открытие проливов для военных судов всех держав; 3) либо признание обязательности только в отношении к султану, согласно толкованию английского уполномоченного на Берлинском конгрессе.

В конце письма Сабуров высказал мысль о необходимости в ближайшее же время подвергнуть всестороннему обсуждению вопрос о режиме проливов в ответственных дипломатических, военных и морских кругах России²³.

Проф. Ф. Ф. Мартенс, знакомившийся по поручению Ламздорфа с письмом Сабурова, поддержал его предложение «путем прямых объяснений с Великобританией выяснить таким образом взгляд этой державы на принцип закрытия проливов для военных судов»²⁴.

Тогда же, весной 1905 г., с идеей пересмотра режима проливов выступил флигель-адъютант граф А. Ф. Гейден, начальник военно-походной канцелярии Николая II. В представленной в военное и дипломатическое ведомства записке «Какой флот нужен России?» граф Гейден писал: «Пока наш Черноморский флот, представляющий серьезную боевую силу, заперт договором о проливах, мы никогда не будем в состоянии сосредоточить достаточные морские силы в тех водах, где этого потребует досто-

инство России. Иметь три отдельных сильных флота, при громадном разделяющем их расстоянии, отвечающих политическим задачам России, немыслимо. Единственный выход из этого невозможного положения — свободное плавание наших военных судов через турецкие проливы».

Автор не соглашался с доводами Министерства иностранных дел относительно сохранения принципа закрытия проливов для военных судов всех стран. При этом граф Гейден усматривал в открытии проливов реальное средство для усиления влияния России в Турции в ущерб Германии и других стран. «По своей близости к Босфору,— писал он,— русский флот при открытых проливах чаще других флотов показывал бы свой флаг в турецких водах и там поддерживал бы обаяние России и влияние русского посла в Константинополе»²⁵.

Таким образом, еще до окончания русско-японской войны в дипломатических кругах России высказывались диаметрально противоположные взгляды по вопросу о соответствии существовавшего статута проливов интересам России.

После заключения Портсмутского мира вопрос об отношении России к режиму черноморских проливов Министерство иностранных дел поставило как первоочередный в области внешней политики России.

27 сентября Ламздорф направил военному министру А. Ф. Редигеру и морскому — А. А. Бирилеву совершенно доверительные идентичного содержания письма по вопросу о проливах²⁶. В этих письмах Ламздорф отмечал, что среди международных вопросов, которые выдвинуты оконченной войной с Японией и «разрешение коих предстоит в ближайшем будущем императорскому правительству, одним из первых по чрезвычайной своей важности является вопрос о проливах Босфоре и Дарданеллах»²⁷. Министр иностранных дел признавал, что «настоящее положение сего вопроса представляется едва ли соответствующим интересам России прежде всего в том отношении, что несмотря на наличность целого ряда международных соглашений (1841, 1856, 1871 и 1878 гг.), коими признан принцип закрытия турецких проливов для военных судов, в толковании обязательств, лежащих в силу таковых соглашений на подписавших их державах, замечается нежелательная с русской точки зрения двойственность»²⁸. Эта двойственность в толковании трактатов безусловно порождала неопределенность правового положения проливов и вызывала естественное беспокойство в России.

Ламздорф не ограничивался признанием этой двойственности и ставил принципиальный вопрос — выгодно ли России в дальнейшем отстаивать закрытие проливов?

В письме военному и морскому министрам он писал: «Засим, независимо от изложенных соображений, является вопрос о жела-

тельности и с нашей стороны обеспечить себе возможность прохода наших военных судов через турецкие проливы, что в свою очередь приводит, наконец, к основному вопросу о том, целесообразно ли вообще или нет дальнейшее поддержание самого принципа закрытия проливов»²⁹. Ламздорф указывал, что это вызовет пересмотр действовавших соглашений о проливах. Из письма Ламздорфа можно заключить, что министр надеялся получить санкцию императора на пересмотр международных соглашений о проливах. Об этом свидетельствует, в частности, следующее выражение: «Министерство иностранных дел, согласно высочайшим государя императора предначертаниям, не преминет соответствующим образом поставить вопрос этот на очередь в ближайшем будущем»³⁰. Ламздорф просил министров сообщить свое мнение по затронутым в письме вопросам. К письму были приложены две записки МИД: «Записка по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота» (СПб., 1904) и «Записка по вопросу о проходе военных судов через Босфор и Дарданеллы» (СПб., 1905).

Содержание первой записки подробно анализировалось выше. Вторая записка была составлена и напечатана летом 1905 г. и предназначалась для служебного пользования. Автором проекта «Записки» был барон М. А. Таубе, профессор, специалист по международному праву³¹. В «Записке» разбирался вопрос о проливах с юридической и политической точек зрения. Автор «Записки» на основании тщательного анализа текстов соглашений о проливах 1841, 1856, 1871 и 1878 гг. пришел к выводу, что «строго юридически можно признать одинаковую возможность двух разных толкований конвенции 1841 года»³². На Берлинском конгрессе в заявлениях уполномоченных Великобритании и России как раз и проявились два диаметрально противоположных взгляда на юридический смысл единого текста постановления о закрытии проливов. Министерство иностранных дел считало совершенно нетерпимым создавшееся положение с толкованием обязательств держав по указанным соглашениям. В «Записке» подчеркивалось, что «настоящее положение вопроса о проливах не может быть признано ни теоретически — ясным, ни практически — удовлетворительным в смысле интересов России, а потому, во всяком случае, подлежало бы всестороннему пересмотру и разъяснению международно-дипломатическим путем»³³.

Но подобный пересмотр вопроса о проливах в смысле уточнения его юридической формулировки, указывал автор «Записки», предполагает предварительный пересмотр императорским правительством основного политического вопроса — о выгодности или невыгодности для России закрытия проливов. При решении поставленных вопросов в «Записке» предвиделось появление и других, более конкретных вопросов, непосредственно связанных с

ответом на основные вопросы. В случае признания целесообразности поддержания принципа закрытия проливов возникал вопрос о том, какое толкование — русское или английское — этого принципа более приемлемо теперь для России. При признании принципа открытия проливов Россия должна поставить вопрос об условиях прохода военных кораблей.

Таким образом, Министерство иностранных дел по собственной инициативе ставило вопрос об определении отношения русского правительства к режиму проливов ³⁴.

В «Записке» тщательно анализировались все доводы за и против открытия проливов. Признавая, что Россия с момента возрождения Черноморского флота заинтересована по политическим и стратегическим соображениям в проходе русских военных судов через проливы, автор «Записки» с особой силой выдвигал отрицательные стороны, связанные с признанием принципа открытия проливов. Прежде всего отмечалось, что с момента международного признания начала открытия проливов Россия должна считаться с возможностью немедленного появления в Черном море английской, германской, американской и других эскадр и устройства постоянных военно-морских иностранных станций в Черном море. Автор считал, что Россия не может примириться с таким укреплением позиций заинтересованных держав на Ближнем Востоке. Чтобы нейтрализовать эту опасность, она вынуждена будет позаботиться об укреплении береговой обороны черноморского побережья, создании сильной черноморской эскадры, получении обязательств от Турции не передавать другим государствам пункты на побережье Черного, Мраморного морей и скрыть укрепления на Босфоре и Дарданеллах. Эта программа, указывалось в «Записке», потребует многомиллиардных затрат, вредно отразится на состоянии вооруженных сил и обороны страны, к тому же она трудно исполнима. Поэтому автор считал, что интересы России и «в настоящее время продолжают требовать закрытия проливов еще на долгие годы» ³⁵.

Однако в «Записке» признавалось, что в связи с изменившимися после 1878 г. условиями Россия должна сейчас присоединиться к английскому толкованию договоров о проливах. Принятие положения Солсбери о признании принципа закрытия проливов только по отношению к султану, по мнению автора, дало бы России возможность с согласия Порты проводить свои военные корабли через проливы при закрытии их для других держав. Министерство иностранных дел считало, что русская дипломатия в ближайшее время должна «добиваться сохранения неприкосновенности общего начала закрытия проливов для военных судов всех наций, с предоставлением, однако, для России, тем или другим образом, возможности выводить свои военные суда из Черного моря» ³⁶.

В конце «Записки» автор заключал, что необходимость продолжать придерживаться традиционной политики русского правительства в вопросе о проливах — принципа закрытия — «не исключает необходимости озаботиться, буде возможно, об официальном международном признании правильности английского толкования существующих дипломатических актов, как открывающего для России возможность выводить из Черного моря свои военные суда с согласия одного султана, не нарушая общего, все еще нам выгодного, принципа закрытия турецких проливов»³⁷.

Таким образом, идея получения права на проход русских военных судов через проливы при сохранении общего принципа закрытия проливов принадлежала Министерству иностранных дел, возглавлявшемуся Ламздорфом, и возникла она в связи с событиями русско-японской войны и усложнявшейся обстановкой на Ближнем Востоке. В частности, несомненно, поступавшие в Петербург сведения об укреплении Турцией по наущению Англии Босфора и об англо-японо-турецких переговорах о присоединении Турции к англо-японскому союзу вызывали обоснованную тревогу за интересы России в проливах и ускорили постановку этого вопроса³⁸.

Содержание «Записки» неопровержимо свидетельствует о том, что Министерство Ламздорфа рассматривало принятие тезиса Солсбери как первый и реальный шаг в деятельности русской дипломатии для получения права на проход русских военных судов через проливы. Попутно следует признать, что широко распространенное в советской и иностранной литературе мнение о том, что А. П. Извольский явился инициатором постановки вопроса об открытии проливов для прохода русских военных кораблей, не соответствует действительности. Он был только наследником и неудачным исполнителем этой идеи.

Однако осенью 1905 г. высшие военные круги России не поддерживали идею пересмотра соглашений о проливах. Военное и морское ведомства считали в тех условиях нецелесообразным и несвоевременным поднимать этот вопрос³⁹.

5 ноября 1905 г. председатель Совета государственной обороны вел. кн. Николай Николаевич писал Ламздорфу: «Я нахожу, что в данное время общее и военно-политическое положение не представляется удобным, чтобы ставить на очередь этот вопрос, а потому полагал бы несвоевременным возбуждать ныне дипломатическим порядком пересмотр существующих международных соглашений о Босфоре и Дарданеллах, а признавал бы желательным оставить этот вопрос без движения до того времени, когда общая политическая и стратегическая обстановка будет выяснена более определенно»⁴⁰.

Выявившееся явно отрицательное отношение военных кругов

к пересмотру соглашений о проливах не позволило тогда русской дипломатии практически поставить этот вопрос. С этим фактом должны были считаться Ламздорф и его преемник Извольский.

АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1907 Г. И ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ

В связи с англо-русскими переговорами 1906—1907 гг. по средневосточным вопросам во внешней политике России снова возникла проблема черноморских проливов. Участник переговоров Ч. Гардинг, исполнявший в то время обязанности заместителя статс-секретаря Форин-оффис, в своих воспоминаниях отмечал, что вопрос об изменении режима черноморских проливов был неотъемлемой частью переговоров по Средней Азии⁴¹.

Но большинство авторов, особенно английских, как правильно замечает Г. Л. Бондаревский, преувеличивает влияние вопроса о проливах на заключение соглашения 1907 г.⁴² Анализ документов и материалов позволяет заключить, что переговоры о проливах при заключении русско-английского соглашения 1907 г. имели подчиненное значение.

Позиция Министерства иностранных дел России в вопросе о проливах в начале переговоров о конвенции 1907 г. была весьма сдержанной. Как Ламздорф, так и Извольский совершенно реально оценивали сложность проблемы проливов и не строили фантастических планов в этом отношении. Еще до начала официальных переговоров с Англией по вопросам Среднего Востока Ламздорф, указывая послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу в инструкции от 16 марта 1906 г. на необходимость придерживаться крайней осмотрительности в переговорах с Англией, писал: «В частности, что касается вопроса о проливах, то в данную минуту я не вижу практических оснований, кои побуждали бы нас поставить это дело на очередь. Тем более, что военное и морское ведомства со своей стороны не находят желательным возбуждение ныне этого вопроса»⁴³. Таким образом, накануне переговоров с Англией русское правительство не считало возможным и желательным ставить вопрос о проливах.

Переговоры начались в мае 1906 г., а в августе, когда они приняли практический характер и когда проблема соглашения с Англией горячо обсуждалась в правящих кругах и печати России, в среде русских дипломатов возникла мысль о возможности обсуждения ближневосточного вопроса в ходе этих переговоров.

Эта мысль прежде всего была высказана самим А. П. Извольским 17 августа 1906 г. в доверительном письме членам намечавшегося особого совещания по поводу переговоров с Англией. Извольский сообщал о предложениях британского кабинета по

вопросу о Тибете и далее писал: «Имеются основания ожидать, что великобританское правительство не остановится на этом начинании, но последовательно возбудит переговоры по делам среднеазиатским, персидским, *Ближнего Востока* (курсив мой.— М. Г.) и другим, где наши интересы сталкиваются с английскими»⁴⁴. Следовательно, Извольский рассчитывал на обсуждение в ходе переговоров ближневосточного вопроса.

Более развернуто и аргументированно взгляд русской дипломатии на вопрос о проливах в связи с переговорами с Англией был отражен в «Записке по поводу соглашения между Россией и Англией», составленной в конце августа 1906 г. русским послом в Константинополе И. А. Зиновьевым, виднейшим дипломатом царской России и крупным знатоком Ближнего и Среднего Востока. Зиновьев писал, что «при настоящем политическом положении искреннее и справедливое соглашение с великобританским правительством представляется весьма желательным. Ввиду этого нельзя не поставить вопроса: не представляется ли для нас возможным ценою некоторых уступок, хотя бы в вопросе о сношениях наших с Афганистаном, которых будет по всей вероятности домогаться лондонский кабинет, обеспечить себе содействие Англии в одном из тех вопросов, благоприятное разрешение коих особенно важно с точки зрения политических интересов России. Между этими вопросами первое место занимает вопрос о проливах: Босфорском и Дарданелльском, с давнего времени привлекающих к себе особенное внимание императорского правительства»⁴⁵.

Автор «Записки» реально подходил к постановке вопроса о проливах. Он недвусмысленно предупреждал правительство против авантюристических планов и замыслов.

Однако в предвидении надвигающихся осложнений на Ближнем Востоке и в районе Средиземного моря, которые в любой момент могли «потребовать от держав громадных усилий и, между прочим, вмешательства их флотов», Зиновьеву представлялось «как нельзя более желательным вывести Черноморский флот из того бездействия, на которые он ныне осужден, и открыть ему доступ в Средиземное море». Зиновьев ставил вопрос о пересмотре статей Лондонской конвенции 1871 г., закрывавших Черноморскому флоту выход в Средиземное море. Но поскольку Англия являлась главным противником выхода русского флота на морские просторы, то, по мнению Зиновьева, «поднять этот вопрос окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии». Посол считал, что начавшиеся англо-русские переговоры по средневосточным вопросам должны содействовать более лояльному отношению английского правительства к русским интересам на Ближнем Востоке. Петербург должен готовиться к торгу с Лондоном. В част-

ности, Зиновьев полагал, что, если Англия проявит готовность помочь России получить право на проход судов Черноморского флота через проливы, то с русской стороны могли бы быть сделаны ей уступки на Среднем Востоке⁴⁶. При этом должен был быть сохранен принцип закрытия проливов для военных судов других держав. Зиновьев решительно выступал против нейтрализации проливов как совершенно несовместимого с интересами России положения.

Хотя в «Записке» постоянно упоминалось о праве на проход кораблей Черноморского флота через проливы в одном направлении — из Черного моря в Средиземное, все же Зиновьев имел в виду и другое — получение права на проход Черноморского флота через проливы в обоих направлениях. Проход кораблей Черноморского флота в одном направлении — из Черного моря в Средиземное не только не укрепил бы позиции России на Ближнем Востоке, а, наоборот, мог бы привести к потере военной морской силы в Черном море.

Предполагаемое изменение режима проливов не было связано с планами укрепления морских сил России в Черном море. Оно не нарушало интересов Турции в Черном море. Но намечаемое Зиновьевым изменение режима проливов дало бы русскому правительству возможность более свободно и с большим радиусом действия использовать боевую силу Черноморского флота на Ближнем Востоке и в Средиземном море. Это откровенно признавал сам автор. «Желательным представляется добиться таких условий, — писал Зиновьев, — которые обеспечили бы России возможность в случае замешательства на Востоке отправлять суда Черноморского флота в Средиземное море»⁴⁷.

Придавая большое значение английской поддержке, Зиновьев сознавал, что благоприятное разрешение этого вопроса зависит не от одной Англии, и предвидел необходимость в дальнейшем переговоров с остальными участниками Лондонской конференции. В «Записке» были сделаны попытки определить позицию великих держав по поводу предполагаемого изменения статута проливов. «В случае установления соглашения между нами и Англией, — писал Зиновьев, — Франция не станет, конечно, создавать нам затруднений в вопросе о проливах, который не представляет для нее существенного значения. Италию можно будет удовлетворить признанием ее прав на Триполи, но более трудным представляется приискать удовлетворение для Австро-Венгрии, виды коей на Балканский полуостров во многом расходятся с нашими взглядами. Нелегко также предусмотреть то положение которое займет в настоящем вопросе Германия»⁴⁸.

Зиновьев осторожно подходил к определению позиций держав. Он совершенно правильно и своевременно подметил тактику итальянского правительства на Ближнем Востоке. Спустя не-

сколько лет, в 1909 г., соглашение в Раккониджи действительно зафиксировало согласие Италии на проход русских военных кораблей через проливы в обмен на признание со стороны России интересов Италии в Триполитании и Киренаике. Вполне обоснованы были сомнения и опасения Зиновьева в отношении позиций Австро-Венгрии и Германии. Однако в определении поведения французского правительства в вопросе о проливах Зиновьев допустил ошибку. Он, как и в целом русская дипломатия, долгое время недооценивал роль Османской империи в империалистических планах Франции и не замечал остроты и глубины русско-французских противоречий на Ближнем Востоке.

«Записка» Зиновьева получила признание и поддержку в Министерстве иностранных дел. Основные соображения автора, изложенные в «Записке» в августе 1906 г., учитывались и использовались русской дипломатией как в ходе англо-русских переговоров по средневосточным вопросам, так и позже, в 1908—1911 гг., во время переговоров о проливах.

С содержанием «Записки» Зиновьева были ознакомлены военное, морское министерства, генеральные штабы и другие ведомства. Гектографированный текст «Записки» в числе других материалов, относящихся к англо-русским переговорам по средневосточным вопросам, рассылался всем участникам Особых совещаний министров. В частности, «Записка» была приложена к письму Извольского от 13 января 1907 г. членам предстоящего Особого совещания по вопросу о соглашении с Англией на почве персидских дел⁴⁹.

В военных кругах России, очень сдержанно относившихся вообще к идее соглашения с Англией, осенью 1906 г. только отдельные представители допускали возможным поставить вопрос о проливах в связи с англо-русскими переговорами. Так, военный атташе в Лондоне генерал-майор В. С. Ермолов, считал, что с Англией можно договориться об открытии проливов для военных судов России⁵⁰.

Морское ведомство было против возбуждения вопроса о проливах в связи с англо-русскими переговорами. Оно считало, что поскольку «европейским государствам сейчас выгодно установить принцип свободы плавания» в проливах, то Россия должна избегать возбуждения вопроса о каком-либо одностороннем изменении Лондонской конвенции⁵¹.

Особенно решительно и настойчиво выступал против расширения рамок соглашения с Англией начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын. Он доказывал, что в условиях резкого ослабления военной мощи и падения международного авторитета страны опасно и рискованно поднимать запутанные, сложные международные проблемы. К тому же Палицын боялся, что расширение программы соглашения с Англией осложнит отношения России с

Германией, которая, как известно, очень ревниво следила за ходом переговоров. В сентябре 1906 г. Палицын писал Извольскому: «По моему мнению, программа соглашения с Англией должна значительно сузиться, не затрагивая вопросов международного характера»⁵².

Взгляд Палицына разделяли многие министры. Так, при обсуждении в Особом совещании 7 сентября 1906 г. вопроса о финансовой помощи Персии министр финансов В. Н. Коковцов заявил: «Нельзя скрывать от себя фактов и приходится признать то безусловное обстоятельство, что политическое значение России уменьшилось и соответственно с этим нам необходимо видоизменить наши взгляды на восточную политику вообще, в которой была допущена та коренная ошибка, что мы не соразмеряли бывших в нашем распоряжении средств с намеченной целью»⁵³.

Таким образом, в сентябре 1906 г. в правящих кругах России наметилась определенная тенденция к ограничению рамок соглашения и переговоров с Англией вопросами по Тибету, Персии, Афганистану.

Эта сдержанность и осторожность Петербурга в англо-русских переговорах вызывалась не только военно-политическими соображениями, но, несомненно, была связана со стремлением русского правительства не допустить осложнений в русско-германских отношениях из-за соглашения с Англией.

Безусловно, Извольский как министр иностранных дел обязан был считаться с настроением двора, правящих кругов и общественного мнения в проведении взятого им курса на сближение с Англией. И чтобы довести начатые с Англией переговоры до подписания соглашения, он вынужден был проявлять особую осмотрительность в ведении переговоров, избегать поспешности в постановке проблем и устранять все, что могло отрицательно сказаться на ходе переговоров. В сентябре 1906 г. он много сил приложил к тому, чтобы ослабить противодействие германофильских течений в России и рассеять подозрительность Германии по поводу англо-русских переговоров. 20 сентября 1906 г. он писал Палицыну: «Я понимаю и, безусловно, разделяю мнение, что первой нашей задачей должно быть поддержание наилучших отношений к Германии и оберегание нашей западной границы от всяких случайностей. Несомненно, что сближение наше с Англией не может быть приятно Германии и что, стремясь к такому сближению, мы должны всячески избегать не только прямого нарушения германских интересов, но также заботиться о том, чтобы не вызвать какой-либо неосторожностью в германском императоре и его правительстве чувства раздражения»⁵⁴.

Тогда же, в конце сентября 1906 г., для того, чтобы успокоить германское правительство по поводу англо-русских переговоров, Извольский предпринял специальную поездку в Берлин.

Русский министр иностранных дел откровенно признавался английскому послу во Франции Берти, что было бы смешно предположить, что «Россия, учитывая ее географическое и внутреннее положение, может искать ссоры с Германией»⁵⁵.

Конечно, при таких обстоятельствах Извольский не мог углубляться в обсуждение вопроса о проливах и включать его в программу переговоров. Он вынужден был снова его «заморозить».

Но министр по-прежнему продолжал уверять своих петербургских коллег в том, что заключение соглашения с Англией по средневосточным вопросам будет содействовать укреплению интересов России в проливах.

В том же письме Палицыну Извольский утверждал, что «устранение вековой англо-русской розни, приковывающей наши силы к дальне- и средневосточному театрам, позволит нам, когда наступит время, приложить эти силы к решению тех великих исторических задач, которые мы имеем на Ближнем Востоке и которые не сегодня, завтра могут быть поставлены на очередь ходом событий»⁵⁶. Поэтому не случайно накануне решающего заседания Особого совещания министров, обсуждавшего демаркационную линию в Персии, Извольский разослал «Записку» Зиновьева в числе других материалов всем его участникам. Извольский, как правильно подметила А. Ф. Остальцева, видимо, рассчитывал перспективой разрешения вопроса о проливах ослабить оппозицию соглашению с Англией по средневосточным вопросам внутри России⁵⁷.

В английских дипломатических кругах с самого начала переговоров предполагали, что ближневосточный вопрос возникнет в ходе переговоров. Так, в конце октября 1906 г. английский посол в России А. Никольсон писал министру иностранных дел Э. Грею: «Я думаю, мы должны быть готовы к предложениям по Ближнему Востоку»⁵⁸.

Сам Грей осенью 1906 г. считал даже маловероятным соглашение с Россией, если в него не будет включен Ближний Восток. В специальной инструкции Никольсону, посланной в ноябре 1906 г. по поводу английского проекта об Иране, он указывал, что поскольку столкновения между Англией и Россией на Ближнем Востоке были главной причиной длительных англо-русских трений, то соглашение с Россией будет прочным в том случае, если в него будет включен Ближний Восток. В этой записке министр иностранных дел Англии, в частности, признавал возможными некоторые изменения в Дарданеллах, в желательном для России направлении. «Если Россия, — писал Грей, — поставит вопрос об изменении режима проливов, то мы должны будем его обсудить»⁵⁹.

Тогда же Гардингом был составлен меморандум по вопросу о проливах⁶⁰. Автор меморандума признавал, что поскольку Рос-

сия неизбежно будет добиваться изменения режима в проливах, то для Англии было бы выгодным в обмен на уступки России на Среднем Востоке согласиться поддержать требование русского правительства о пересмотре ст. 2 Лондонской конвенции. В меморандуме было указано, что для Англии лучшим вариантом ее изменения было бы признание декларации Солсбери на 18 заседании Берлинского конгресса. Эта декларация, как известно, имела целью аннулировать европейский характер принципа закрытия проливов и открыть путь к их нейтрализации.

Правда, Гардинг считал маловероятным, чтобы Россия согласилась с таким изменением режима проливов. Он полагал, что скорее всего русское правительство в обмен на уступки на Среднем Востоке потребует предоставления исключительно для России права свободного плавания через проливы и закрытия их для прохода военных кораблей других держав. Гардинг находил возможным и необходимым сделать в этом уступку России. При этом он ссылаясь на мнение комитета имперской обороны, который еще 11 февраля 1903 г., обсуждая вопрос об изменении равновесия сил на Средиземном море в случае прохода русских военных кораблей через проливы, единогласно признал, что «хотя Россия и получит в этом случае определенные морские преимущества, но настоящее стратегическое положение на Средиземном море от этого не изменится». Исходя из этого заключения, Гардинг делал вывод, что если потребуется, то можно пойти на уступку России в вопросе о проливах⁶¹.

Грей разделял положения меморандума. Он немедленно переслал копию меморандума в Петербург Никольсону. И хотя меморандум, как писал Грей послу, «пока еще не является официальным выражением точки зрения английского правительства», тем не менее в переговорах с Извольским Никольсон должен исходить из его положений⁶². Правда, министр предупреждал посла, что инициатива постановки вопроса о проливах должна принадлежать России.

Итак, английская дипломатия проявила не только готовность обсудить проблему черноморских проливов в ходе переговоров по средневосточным вопросам, но и была склонна в обмен на уступки русской стороны на Среднем Востоке пойти навстречу пожеланиям Петербурга при пересмотре режима проливов.

Этот резкий поворот английской дипломатии в вопросе о черноморских проливах был неслучайным. Он самым тесным и непосредственным образом был связан с наметившимся в начале XX в. курсом британских правящих кругов на расчленение Османской империи, на захват ее арабских территорий⁶³. Этот шаг отвечал интересам и планам британского империализма на Среднем Востоке, а также его усилиям по обострению русско-германских противоречий в Турции. Добиваясь соглашения с Россией,

стремясь создать общий фронт против Германии, английская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы не допустить союза России с Германией и ее союзниками. В Лондоне прекрасно понимали, что самым уязвимым местом в отношениях России и Германии являлись Турция и Балканы. Никольсон в годовом отчете за 1906 г. писал: «Интересы России и Германии нигде прямо не сталкиваются, может быть за одним исключением, правда, очень большим.— Я имею в виду германскую политику по отношению к Османской империи»⁶⁴.

Английская дипломатия сознательно разжигала трения между Россией и Германией в этом районе. И, несомненно, за готовностью Форин-оффиса пойти на некоторые уступки России в проливах скрывалось и желание парализовать попытки к сближению германского правительства и русских германофилов. В тот момент, когда русское правительство стояло на перепутье, когда в правящих и общественных кругах России шла острая полемика по вопросам внешнеполитической ориентации, Лондону было выгодно приоткрыть свои замыслы в вопросе о проливах и подтолкнуть тем самым переговоры по средневосточным проблемам.

В середине ноября 1906 г. в Лондоне во время очередной беседы советника российского посольства С. А. Поклевского-Козелла с Гардингом впервые был поднят вопрос о проливах⁶⁵. Как сообщал об этой беседе Гардинг, Поклевский-Козелл при обсуждении всего комплекса азиатских проблем заявил, что общественное мнение России требует расширения программы переговоров, включения в нее Ближнего и Дальнего Востока, и в частности вопроса о пропуске русских военных кораблей через Дарданеллы. Гардинг поспешно без каких-либо колебаний заверил советника в том, что английское правительство охотно рассмотрит любое предложение России о проливах, но инициатива предложений должна исходить от русского правительства, «поскольку,— пояснил Гардинг,— мы не можем знать, чего хочет Петербург»⁶⁶.

Итак, в ноябре 1906 г. Форин-оффис был готов рассмотреть вопрос о проливах и ждал предложений русской дипломатии. Однако в то время в Петербурге не были склонны формулировать свои предложения о проливах. Внутренняя и международная обстановка не позволяла Министерству иностранных дел проявлять активность вообще и в таком сложном щекотливом вопросе, в частности. Это прекрасно учитывала английская дипломатия. Сам Грей тогда же писал Никольсону, что «сейчас именно Извольскому невыгодно поднимать вопрос о проливах»⁶⁷. И, действительно, осенью 1906 г. Извольский ничего не предпринял для того, чтобы закрепить и развить результат обмена мнений о проливах. В материалах архива Министерства иностранных дел и других ведомств России нет даже следов какой-либо реакции его на эту беседу, как и следов его указаний посольству России в Лондоне

поднять осенью 1906 г. вопрос о проливах в переговорах с английскими дипломатами. Из письма же Поклевского Извольскому о его встрече с Гардингом следует, что советник поднял вопрос без ведома Извольского по указанию Бенкендорфа⁶⁸.

Поэтому можно вполне согласиться с мнением Г. Л. Бондаревского, что осенью 1906 г. вопрос о проливах был поднят в то время, когда «это нужно было британской дипломатии» для ускорения англо-русских переговоров, а Поклевский, который «зачастую выполнял обязанности не русского, а английского поверенного в делах», был не только удобным собеседником для Гардинга, но и приемлемым исполнителем замыслов Лондона⁶⁹.

Конечно, не случайным является и тот факт, что беседа о проливах в Лондоне последовала после того, как в сентябре 1906 г. ясно определилась линия Петербурга ни в коем случае не расширять программу переговоров с Англией. При таких обстоятельствах Лондон мог быть уверен, что обсуждение вопроса не дойдет до принятия практических решений.

Однако в начале 1907 г., когда в переговорах о конвенции наступил решающий момент, когда определялся по существу характер уступок сторон и характер самого соглашения, русская дипломатия по собственной инициативе поставила вопрос о проливах. Сейчас для русской дипломатии представилась реальная возможность выяснить действительную позицию Лондона в этом вопросе. В начале 1907 г. Форин-оффис сформулировал свои пожелания по всем разделам намечаемого соглашения и соответствующие проекты были переданы Извольскому. В Лондоне с нетерпением ожидали ответ русского правительства. При таких обстоятельствах русская дипломатия считала полезным ввести вопрос о проливах в переговоры.

Первую такую попытку предпринял Бенкендорф зимой 1907 г. в Петербурге. Как сообщал Никольсон Грею, в январе 1907 г. Бенкендорф в беседе с ним о продвижении англо-русских переговоров сказал, что русский генеральный штаб готов принять соглашение и ждет от Англии некоторых уступок политического характера в ответ на уступки России в Иране и Афганистане. Бенкендорф, доносил английский посол в Лондон, заметил, что «ему не удалось получить от генштаба точной инструкции о том, каких именно уступок штаб требует, но он намекнул на вопрос о проливах»⁷⁰.

Но Никольсон уклонился от обсуждения вопроса о проливах и даже дал понять Бенкендорфу, что он не имеет инструкции на этот счет. Правда, английский посол снова заверил Бенкендорфа, что английская дипломатия не будет возражать против обсуждения проблемы проливов⁷¹.

Этот мимолетный разговор двух послов по вопросу о проливах на первый взгляд кажется несколько странным и даже наивным.

Поражает ссылка Бенкендорфа на «инструкции Генерального штаба». Русский посол ссылался на Генеральный штаб и не обмолвился ни единым словом о позиции Министерства иностранных дел.

Случайно ли это? Конечно, нет. Бенкендорф просто не мог ссылаться на Извольского. Находясь в Петербурге, он лучше представлял, насколько велико было здесь противодействие соглашению с Англией. Он, несомненно, был информирован министром и об отрицательном отношении военных и членов правительства к расширению программы переговоров, к включению ближневосточного вопроса. Посол должен был знать, что при таких условиях один лишь намек на причастность Извольского к возбуждению вопроса о проливах мог осложнить положение министра, а также все дело переговоров с Англией. Извольскому было безопаснее провести зондирование по вопросу о проливах в малообязывающей форме личного разговора Бенкендорфа с английским послом. В зависимости от поведения собеседника Бенкендорф мог легко продолжить или совсем прекратить этот разговор⁷². Натолкнувшись на нежелание Никольсона обсуждать по существу затронутый вопрос, Бенкендорф немедленно прекратил беседу на эту тему.

Английская дипломатия не хотела раскрывать свою позицию до тех пор, пока Петербург не объявит о своих планах. С другой стороны, она укрепляла веру партнера в возможность благоприятного обсуждения вопроса о проливах. В этом отношении очень показателен ответ Грея на сообщение Никольсона о беседе с Бенкендорфом. Он писал послу в Петербурге: «Передайте русским, что если результат переговоров по среднеазиатским делам будет удовлетворительным, то это облегчит дискуссию о проливах, если таковая возникнет»⁷³.

В феврале — марте 1907 г. русская дипломатия внесла конкретные предложения по вопросу о проливах.

28 февраля 1907 г. Поклевский-Козелл в беседе с Гардингом впервые заявил о желании России получить право прохода через проливы исключительно для русских военных судов. Гардинг, как писал Бенкендорф об этой встрече в частном письме Извольскому, ответил, что «он не видит причины для противодействия решению России изменить в свою пользу режим черноморских проливов. Но Англия, со своей стороны, заметил Гардинг, хотела бы иметь право в крайних случаях ее разногласий с Портой, которые участились в последнее время, предпринимать морские демонстрации в Босфоре»⁷⁴.

На другой день, 1 марта, Бенкендорф возобновил разговор. Гардинг подтвердил свое заявление как «личное, вполне устоявшееся мнение» и одобрил составленную Бенкендорфом формулу о проливах⁷⁵. Формула гласила: «Если бы Россия пожелала по-

лучить от султана и от держав право исключительного прохода через проливы в обоих направлениях (*dans les deux sens*), то Англия не воспротивилась бы такой ревизии договоров о проливах»⁷⁶. При этом Гардинг прямо сказал Бенкендорфу, что если Англия идет навстречу русским интересам в вопросе о Босфоре, то постольку, поскольку она хочет ускорить решение второстепенных вопросов, оставшихся неразрешенными в ходе переговоров о Персии, Афганистане и Тибете.

Бенкендорф остался очень доволен объяснением с Гардингом. Он воспринял его заявление как обнадеживающий фактор изменения позиции английской дипломатии в вопросе о проливах и тотчас же попытался его закрепить. В конце беседы он спросил Гардинга, может ли он частным образом написать Извольскому, что «в результате беседы с ним у него сложилось убеждение, что если русское правительство внесет предложение об открытии проливов для военных кораблей России, то британское правительство его поддержит»⁷⁷. Гардинг не возражал.

Беседа с Гардингом давала Бенкендорфу основание рассчитывать на успешное продолжение переговоров о проливах. И русский посол решился поставить этот вопрос перед Греем.

2 и 3 марта он дважды посетил Грея и имел с ним продолжительные беседы по вопросу о проливах. Оба дипломата сразу же после встречи сделали подробные записи о содержании и характере обсуждения вопроса⁷⁸. В целом записи существенно не расходятся. Инициатива в постановке вопроса, несомненно, принадлежала русскому послу.

Мотивы, побудившие посла поднять вопрос о проливах, стороны передают различно. По версии Грея, Бенкендорф сказал ему, что хотя он не имеет инструкций говорить с министром о Босфоре, но он хотел бы подчеркнуть, что «открытие проливов для России улучшит отношение общественного мнения России к Англии и будет способствовать успешному завершению нынешних переговоров» (*курсив мой.— М. Г.*)⁷⁹. Следовательно, русский посол ставил завершение ведущихся переговоров о Тибете, Афганистане, Персии в прямую зависимость от обсуждения вопроса о проливах.

Бенкендорф в письме Извольскому излагал это иначе. Из письма следует, что Бенкендорф не только сослался на отсутствие инструкций и поручений от Извольского поднять вопрос о проливах, но он и не думал, чтобы «этот вопрос практически изучался русским правительством». Однако, заявил посол, «англо-русские переговоры достигли такой стадии, когда совершенно необходимо выяснить важный для общественного мнения России и для будущего англо-русских отношений вопрос о взглядах английского правительства на проливы»⁸⁰. Из сообщения Бенкендорфа следует, что он отнюдь не связывал обсуждение вопроса о проли-

вах с завершением переговоров о конвенции, а имел в виду влияние его на развитие в будущем англо-русских отношений.

Сообщения участников встречи не совпадают. Нам кажется, что версия Грея более правдоподобна. Известно, что идея заключения конвенции с Англией на всем протяжении переговоров воспринималась не только сдержанно, но и часто враждебно как в русских правящих и общественных кругах, так и при дворе. Требования Англии относительно Афганистана и линии разграничения сфер влияния в Персии еще больше усиливали в Петербурге оппозицию соглашению. Поэтому Извольскому было очень важно именно до обсуждения в Особых совещаниях окончательного ответа на английские предложения выяснить позицию Лондона по вопросу о проливах.

Момент был выбран русской дипломатией удачно. Лондон, от которого Извольский не скрывал антианглийских настроений в стране и интриг Берлина, конечно, не мог уклониться от ответа по существу вопроса в решающий момент переговоров о конвенции. При таких обстоятельствах попытка Бенкендорфа связать непосредственно судьбу конвенции с позицией Англии в проливах представляется вполне логичной.

Во время свидания с Греем Бенкендорф (как следует из мемурандума Грея) пояснил, что Россия желала бы получить право на проход русских военных кораблей через проливы при сохранении принципа закрытия их для других великих держав. Правда, посол допускал возможным проход военных кораблей всех держав через Дарданеллы к Константинополю, но при обязательном условии, чтобы «вход в Черное море не был открыт для иностранных держав»⁸¹.

Принимая во внимание заинтересованность других держав в вопросе о проливах, Бенкендорф полагал, что достигнутое соглашение о проливах с Англией будет носить исключительно академический, а отнюдь не практический характер, но его благотворное влияние будет весьма велико на общественное мнение России.

Бенкендорф, всегда подробно передававший в Петербург свои мысли и слова, сказанные им в Лондоне, на этот раз в письме к Извольскому сознательно умолчал об этой части беседы. Он знал о практиковавшейся по указанию министра иностранных дел рассылке литографированных экземпляров дипломатических документов в другие ведомства и не хотел ставить под удар министра.

Взгляды Грея по вопросу о проливах, высказанные им 2—3 марта в беседе с Бенкендорфом, почти дословно повторяются в его версии и в письме Бенкендорфа.

Грей признал, что в течение длительного времени одним из пунктов английской политики было сохранение принципа закрытия Босфора для России. В ходе переговоров по средневосточным

проблемам он понял, что для реального изменения русско-английских отношений нельзя оставлять Россию под впечатлением возможной оппозиции со стороны Англии в этом вопросе. Грей считал, что если Англия желает установить прочные, хорошие отношения с Россией, то она не должна более считать незыблемыми свои принципы в отношении проливов. И далее Грей добавил, что, заручившись согласием премьер-министра, он исключит этот пункт из политической программы Англии. Об этом Грей настоятельно просил Бенкендорфа сообщить Извольскому⁸². Но Грей тут же заявил, что он считает неосторожным включать вопрос о Босфоре в соглашение по Среднему Востоку, и обратил внимание собеседника на трудности, связанные с постановкой проблемы проливов. Прежде всего он сослался на возможность протеста некоторых общественных кругов и английского парламента против конкретных обещаний Англии по вопросу о Босфоре без равных компенсаций России в пользу Англии.

Далее он указал, что вместе с вопросом о проливах встали бы такие вопросы, как Багдадская железная дорога, египетский вопрос, которые также должны быть предметом взаимных обещаний и могли бы вызвать расхождения.

И, наконец, Грей заметил, что вопрос о проливах касается и других европейских держав. Если англо-русское соглашение будет включать статью о Босфоре, то необходимо заранее поставить в известность об этом Германию и Францию, чтобы они не думали, что Англия и Россия решают этот вопрос за их спиной. Ввиду этих обстоятельств Грей считал предпочтительным не включать вопрос о Босфоре в соглашение и резервировать его на будущее. Если русское правительство пойдет в этом вопросе дальше, пояснил Грей, то оно само должно известить эти державы о включении Босфора в круг переговоров. Переговоры при настоящем объеме, ограниченные Средним Востоком, не затронут интересов других держав и не требуют участия в них других держав. «Я выразил желание, — пишет Грей в заключении своей депеши, — чтобы Извольский учел эти соображения. Однако, учитывая все, что я сказал о курсе нашей политики, я хотел бы, чтобы он понял так, что этот вопрос мы готовы обсудить. Если же, однако, русское правительство желает начать обсуждение теперь, то инициатива должна исходить от него»⁸³.

Итак, начавшийся в Лондоне обмен мнениями по вопросу о проливах выявил готовность английской дипломатии отказаться от своего прежнего антирусского курса и рассмотреть предложения России относительно проливов. Однако Гардинг и Грей уклонились от определенных заявлений по затронутому вопросу. Английская дипломатия явно не хотела заранее связывать себя какими-либо обязательствами. В ходе беседы английские дипломаты дали понять, что при решении вопроса о проливах Англия, а вслед за

ней и другие державы потребуют для себя соответствующих компенсаций. Из заявлений Грея также следует, что в Лондоне не хотели в данный момент приступать к обсуждению вопроса по существу. Министр сознательно подчеркивал трудности, стоящие на пути разрешения проблемы.

Во время встреч в Лондоне наметился компромиссный, совершенно новый для русской дипломатии вариант изменения режима проливов: предоставление России права на проход ее военных кораблей через оба пролива, а для остальных великих держав — право на проход через Дарданеллы и вход в Босфор, но без выхода в Черное море. Идея эта принадлежала Гардингу. Она имела определенно выраженную антитурецкую направленность. Бенкендорф не возражал против предложения Гардинга.

Как воспринял Извольский первые сообщения о переговорах в Лондоне? Некоторые исследователи считают, что русский министр был чрезвычайно рад и сиял от удовольствия⁸⁴. На самом деле Извольский отнесся к первому сообщению Бенкендорфа очень сдержанно и даже усомнился в искренности заявлений представителей Форин-оффис. По получении письма Бенкендорфа он немедленно запросил посла, можно ли «вывести из меморандума сэра Эдуарда Грея заключение, что Англия допускает возможность согласиться на предоставление нам исключительного права прохода через Босфор и Дарданеллы, или же вопрос этот преднамеренно оставлен в меморандуме без прямого ответа»⁸⁵.

Бенкендорф считал сомнения министра необоснованными и излишними. По его мнению, Гардинг и Грей ясно отдавали себе отчет в том, что открытие обоих проливов исключительно для России — единственная комбинация, которая была бы желательна для Петербурга. «По этому поводу,— писал он 20 марта Извольскому,— нельзя допускать и тени сомнения»⁸⁶. Но справедливо также и то, пояснял Бенкендорф, что по «соображениям своевременности и необходимости подыскания и обсуждения эквивалентных компенсаций» меморандум Грея не содержит безусловного обязательства Англии, которое придало бы меморандуму значение совершенной сделки без каких-либо компенсаций со стороны России»⁸⁷.

Однако наибольшую ценность меморандума Бенкендорф усматривал в том, что он зафиксировал наметившееся изменение в традиционной антирусской политике Лондона по вопросу о проливах.

Вот это обнадеживающее толкование английского меморандума со стороны Бенкендорфа и произвело сильное впечатление на русского министра. 25 марта Извольский писал во всеподданнейшем докладе, что поскольку по разъяснению Бенкендорфа вопрос о проливах в меморандуме Грея «разрешается в утвердительном смысле», то это «может придать английскому меморандуму еще

большее значение»⁸⁸. Это настроение министра сразу было подмечено Никольсоном. 27 марта он писал Грейю, что Извольский, получив донесения о заявлении Грея относительно проливов, «сияет от удовольствия. Он вполне уяснил смысл ваших замечаний, собирается тщательно изучить вопрос, прежде чем сделать какое-либо предложение. Но тот факт, что британское правительство склонно рассматривать вопрос, является, по его словам, историческим событием и громадной переменной в наших отношениях». В этом же донесении английский посол отмечал, что заявление Грея о проливах «вне всякого сомнения окажет благоприятное влияние на наши азиатские переговоры и устранил сопротивление русских по второстепенным вопросам, вызывавшим разногласия. По сути дела,— заключил Никольсон,— я не вижу серьезной преграды впереди»⁸⁹.

Извольский с самого начала переговоров о проливах подробно информировал Николая II об их ходе. Русский император одобрил инициативу Бенкендорфа, и все последующие шаги русской дипломатии по вопросу о проливах проводились с его ведома и согласия. В частности, в конце марта Николай II одобрил замечание министра иностранных дел о необходимости «тем или иным образом закрепить сделанное лондонским кабинетом заявление по вопросу о проливах»⁹⁰.

1 апреля 1907 г. с санкции императора Извольский вручил Никольсону конфиденциальный меморандум по вопросу о проливах, выразивший официальную точку зрения Петербурга⁹¹.

В меморандуме указывалось, что хотя Бенкендорф не имел точных инструкций относительно вопроса о проливах, тем не менее он изложил Грейю взгляд русского правительства в полном соответствии с историческими и географическими интересами России. В меморандуме отмечалось, что инициатива посла только ускорила совершенно неизбежный обмен мнениями между двумя правительствами по вопросу о проливах при переговорах о Тибете, Афганистане и Персии. Царское правительство рассматривало результат лондонских переговоров о проливах как обнадеживающий. Оно с большим удовлетворением отмечало, что отныне сохранение существующих договоров относительно прохода проливов не является главным вопросом политики Великобритании.

«Мы придаем также очень большое значение тому факту,— говорилось в меморандуме,— что господин Эд. Грей принципиально не возражал против проекта соглашения, по которому русские военные корабли имели бы исключительное право проходить проливы в двух направлениях, в то время как морские силы других государств не могли бы войти в Черное море. Наконец, нам угодно отметить, что министр иностранных дел высказал свою готовность, начиная с сегодняшнего дня, обсуждать при известных условиях наши предложения...»

В меморандуме подчеркивалось, что заявление Англии о проливах будет способствовать установлению дружеских отношений между двумя странами. Русское правительство соглашалось с тем, что «было бы несвоевременным заключать специальное соглашение о проливах во время настоящих переговоров, имеющих урегулирование вопросов в Азии... Русское правительство ограничивается пока принятием к сведению намерений британского правительства и оставляет за собой право поднять в более благоприятной обстановке вопрос о ревизии постановлений о проливах». Что касается оговорки Грея относительно возможной компенсации в пользу Англии, то петербургский кабинет изъявлял готовность принять это к сведению и соглашался с предложением Грея не углубляться дальше в своих переговорах о проливах без соглашения с Францией.

В тот же день, 1 апреля, Извольский послал Бенкендорфу доверительное письмо, в котором был изложен полностью текст меморандума. В этом же письме министр выражал русскому послу в Лондоне признательность за способ и форму ведения переговоров с Англией о проливах. Извольский снова повторял, что «сформулированная английская точка зрения о проливах устранил одну из главных причин недоразумений между Англией и Россией, будет способствовать установлению сердечных отношений между ними и облегчит благоприятное для России решение вопроса о проливах»³².

Таким образом, из меморандума и письма Извольского от 1 апреля следует, что русское правительство в кульминационный момент англо-русских переговоров по проблемам Среднего Востока считало невозможным прийти к соглашению с Англией, не выявив ее отношение к вопросу о проливах. Царское правительство с удовлетворением приняло заявление английского правительства о его согласии в принципе на проход военных кораблей России через проливы. Извольский считал, что это заявление Грея облегчит решение вопроса о проливах. Русское правительство в принципе не возражало бы против захвата Англией Египта за ее «услуги» в вопросе о проливах. Оно сознавало также, что при разрешении вопроса о проливах оно должно будет считаться с позицией французского правительства и быть готовым к обсуждению его требований соответствующих компенсаций. Следовательно, царское правительство готово было включить вопрос о проливах как составную часть в общую сделку империалистических государств.

Однако из меморандума и письма Извольского совершенно ясно следует, что русская дипломатия не только не настаивала тогда на включении вопроса о проливах в текст англо-русского соглашения по Среднему Востоку, но и считала вслед за Англией «нецелесообразным» заключать специальное соглашение о проливах во время «настоящих переговоров».

Невольно напрашивается вопрос, почему русская дипломатия, несмотря на благожелательное, казалось бы, отношение Англии к интересам России в проливах, остановилась на полпути и фактически отложила на будущее разрешение этой проблемы?

Известная сдержанность и осторожность русской дипломатии объясняется как внешними, так и внутренними причинами.

Прежде всего надо отметить определенное сомнение в Петербурге в искренности заявления Грея. Извольский еще в самом начале переговоров Бенкендорфа с Греем о проливах сомневался в том, что Англия рискнет согласиться на указанную комбинацию как единственно приемлемую для России. И русская дипломатия имела серьезные основания для подобных сомнений и подозрений. Зиновьев неоднократно писал министру, что английское правительство, ведя переговоры о проливах с русскими, одновременно уверяло турецкое правительство в своем желании сохранить без изменений режим в проливах⁹³. В частности, в одном из своих донесений в Петербург Зиновьев сообщал, что Грей заявил турецкому послу в Лондоне Мусурусс-паше, что «входя с Россией в соглашение по целому ряду вопросов, в разрешении коих уже давно ощущается потребность, английское правительство никогда не думало включать в число этих вопросов те, которые прямо или косвенно касаются Оттоманской империи, где интересы Англии и России совершенно различны»⁹⁴. Такая позиция английской дипломатии, естественно, не внушала особого доверия к заявлению Грея.

Однако главной причиной, заставившей тогда русскую дипломатию отказаться от идеи включения в русско-английскую конвенцию вопроса о проливах, являлось понимание невозможности добиться в тех условиях пересмотра режима проливов. Меморандум Грея лишний раз напомнил Извольскому о зависимости России от воли европейских держав в решении проблемы проливов.

К особой осторожности и сдержанности в постановке вопроса о проливах вынуждала Извольского и позиция Германии. Русский министр знал, что германское правительство не только не скрывает резко враждебного отношения к англо-русским переговорам, но и делает все возможное для их срыва и ослабления позиций России на Среднем и Ближнем Востоке.

В Петербурге было известно, что германское правительство усиленно восстанавливало султана против англо-русских переговоров и настойчиво предлагало Порте заключить соглашение с Германией в противовес англо-русскому соглашению⁹⁵.

Пронски германской дипломатии в какой-то степени достигали цели. Турецкое правительство с тревогой следило за англо-русскими переговорами и неоднократно высказывало представителям Англии и России опасения, как бы англо-русское соглашение не нанесло ущерба интересам Турции. 27 марта 1907 г. султан

Абдул-Хамид через своего секретаря Тахсин-пашу счел необходимым сделать в письменной форме специальное заявление русскому послу по поводу англо-русских переговоров. В заявлении отмечалось, что в последнее время много говорят о соглашении, состоявшемся будто бы между Россией и Англией, а так как всем известно, что между державами этими всегда существовало соперничество, то соглашению этому приписывают особое значение. «Со своей стороны,— указывал султан,— я вполне понимаю возможность соглашения по отдельным вопросам, но я затрудняюсь допустить, чтобы между Россией и Англией могло состояться полное соглашение».

Султан уверял, что в своей политике он неизменно стремился сохранить наилучшие отношения между Россией и Турцией, несмотря на то, что Англия, а также и Германия не раз пытались свернуть его с этого пути. Того же направления султан обещал держаться и в будущем. «Бывшие русские дипломаты, князь Горчаков и Гирс,— говорил султан,— хорошо понимали, как выгодно для России сохранение Турции. Мне не верится, чтобы их преемники способны были изменить этому убеждению»⁹⁶.

Заявление султана свидетельствовало о нервозности и тревоге, которую породили в Турции слухи об англо-русских переговорах. Важно отметить и то обстоятельство, что султан прямо ссылаясь на попытки Германии поколебать доверие Турции к России.

Русской дипломатии пришлось приложить большие усилия к тому, чтобы ослабить и рассеять тревогу и недоверие Порты к англо-русским переговорам. Извольский боялся как бы включение вопроса о проливах в англо-русское соглашение не ускорило присоединение Турции к Германии. Этого министр не мог допустить. Он поручил представителям России в Константинополе внимательно следить за интригами Германии в Турции и любыми способами им противодействовать. 27 июня 1906 г. он писал поверенному в делах в Константинополе: «В интересах нашей политики противодействовать доступными средствами проявляемым Германией стремлениям воспользоваться обстоятельствами для широкого осуществления своих замыслов в Турции и эту точку зрения вашему превосходительству необходимо иметь в виду при сношениях с Портой и при возможных личных объяснениях с султаном»⁹⁷.

Интриги германской дипломатии настораживали Извольского и заставляли его соблюдать особую осторожность. К тому же Извольский помнил, что вопрос о проливах нельзя решать за спиной Германии, без сговора с ней. 1 февраля 1907 г. на особом совещании, обсуждавшем вопрос о соглашении с Англией на почве персидских дел, русский министр иностранных дел снова повторил: «Соглашение с Англией может принести ожидаемые от него результаты и предупредить возможность международных ослож-

нений лишь в том случае, если не вызовет возражений со стороны третьих держав и прежде всего, конечно, Германии, которая, как показали мароккские события, весьма ревниво относится к заключаемым без ее ведома соглашениям, могущим в чем-либо затронуть ее положение, как мировой державы»⁹⁸.

Между тем в Петербурге было известно, что правительство и печать Германии рассматривают англо-русские переговоры как удар по немецким планам на Ближнем Востоке. В Берлине тревожно восприняли сообщения о ведущихся переговорах о проливах. Вильгельм II, узнав из письма Гинце, своего личного представителя при русском дворе, об этих переговорах, 3 марта 1907 г. писал канцлеру Б. Бюлову, что это сильнейший «удар против Австро-Венгрии и наших позиций на Востоке. Так, мы можем потерять Багдадскую железную дорогу, Малую Азию и ислам»⁹⁹.

Поэтому не случайно русский министр все время заверял Берлин в лояльном отношении русской дипломатии к интересам Германии на Ближнем и Среднем Востоке. Буквально накануне подписания соглашения с Англией, во время свидания императоров в Свинемюнде Извольский заявил Бюлову, что «мы тщательно избегаем вводить в круг проектированных соглашений какие бы то ни было вопросы, могущие затронуть чужие, и в особенности германские, интересы»¹⁰⁰.

После подписания соглашений Извольский еще более категорично говорил об этом английскому королю Эдуарду VII. Во время беседы с Эдуардом VII в Мариенбаде осенью 1907 г. Извольский, заверив короля в живейшем желании Петербурга «всеми мерами способствовать дальнейшему развитию достигнутого ценою стольких усилий и взаимных уступок соглашения», вынужден был, однако, признать, что «первейшей нашей задачей должно быть сохранение на возможно долгий срок столь необходимого нам после внешних и внутренних потрясений мира, и поэтому мы должны заботиться о сохранении наилучших отношений со всеми державами, и в том числе особенно с нашими ближайшими соседями — Германией и Австрией. Вследствие этого, как его величеству известно, стремясь к устроению согласия между Россией и Англией по важнейшим вопросам, затрагивающим их обоюдные интересы, мы в то же время должны были принять все меры к тому, чтобы это согласие не было истолковано как политическая комбинация, направленная против Германии»¹⁰¹.

Политическая обстановка внутри России также не позволяла в то время министру иностранных дел проявлять особую активность в вопросе о проливах.

Первая буржуазно-демократическая революция, потрясая все здание царизма, несомненно отражалась на внешней политике русского правительства, подрывала его международный авторитет и вынуждала его ограничить задачи в области внешней политики.

Это неоднократно признавал министр иностранных дел. Так, 14 апреля 1907 г. на Особом совещании при обсуждении английского проекта по афганскому вопросу Извольский заявил: «Общее положение дел, создавшееся вследствие войны и последовавшей за ней внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными силами страны, и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов»¹⁰².

В военных кругах России также сознавали, что революция парализует действия правительства в международных вопросах. Так, в июле 1906 г. офицер Морского генерального штаба М. Римский-Корсаков в «Эскизном проекте воссоздания флота» писал: «Мы живем во время революции, т. е. в такое время, когда не министры, не люди управляют событиями или направляют их, а когда события управляют людьми, министрами. Во время революции никакой министр иностранных дел не в состоянии ясно формулировать целей государства, так как в такое время вообще вряд ли возможна какая бы то ни было политика»¹⁰³.

Совокупность всех этих причин и побудила Николая II и Извольского не включать вопрос о проливах в обсуждаемый текст англо-русской конвенции и ограничиться подготовкой к постановке этого вопроса в будущем.

14 апреля Грей вручил Бенкендорфу второй по счету меморандум английского правительства по вопросу о проливах, который являлся ответом на меморандум Извольского от 1 апреля и, по словам Грея, «до конца выяснял английскую точку зрения в вопросе о проливах»¹⁰⁴.

Английский министр иностранных дел писал в меморандуме: он «рад, что русское правительство согласилось пока оставить вопрос о проливах в том состоянии, в каком он был определен» в его первом меморандуме. Грей подчеркивал, что одним из соображений, повлиявшим на его решение по вопросу о проливах, было желание ускорить переговоры между Россией и Англией по Среднему Востоку. Однако успешный результат этих переговоров, по мнению министра, в свою очередь «очень сильно облегчит дискуссии по вопросу о проливах, если таковая возникнет впоследствии»¹⁰⁵.

При передаче меморандума Бенкендорфу он даже признал, что «успешный результат англо-русских переговоров по средневосточным вопросам будет целиком в пользу решения вопроса о проливах в соответствии с интересами России»¹⁰⁶.

Далее Грей отмечал, что русский меморандум не совсем точно передает характер его предложений по вопросу о проливах. В английском меморандуме разъяснялось, что первоначальное предложение Грея не исключало право выхода из Черного моря и проливов военных кораблей всех черноморских государств и

право входа в проливы, без выхода в Черное море, военных кораблей всех остальных держав.

Однако и в этом меморандуме английская дипломатия уклонилась от принятия каких-либо конкретных обязательств. Более того, Грей заявлял, что он не хочет, чтобы его «связывали каким-либо предложением»¹⁰⁷. Но, не связывая себя заранее обязательствами, министр снова подтвердил готовность лондонского кабинета обсудить в будущем в духе английского меморандума и состоявшихся бесед любое предложение России по вопросу о проливах¹⁰⁸.

27 июня Извольский передал Никольсону меморандум, которым собственно и заканчивался обмен мнениями о проливах во время переговоров о Тибете, Афганистане и Персии¹⁰⁹.

Русское правительство, принимая к сведению замечания английского правительства, отмечало, что ему и раньше из донесений Бенкендорфа были известны оговорки английского правительства о предоставлении права входа и выхода из Черного моря для кораблей черноморских держав, по возможности использования проливов без входа в Черное море на равных правах всеми государствами и «если они не были указаны в меморандуме русского правительства от 1 апреля, то потому, что по мнению правительства они касались деталей, вопрос о которых мог бы остаться открытым до того времени, когда пересмотр договоров о проливах был бы возможным».

В меморандуме с большим удовлетворением констатировалось принципиальное совпадение точек зрения английского и русского правительств о пересмотре существовавших договоров о проливах. Что касается конкретных предложений об изменении режима проливов, то русское правительство не хотело сейчас связывать себя определенной формулой решения вопроса о проливах. Однако оно надеялось, что «когда наступит время представить на рассмотрение королевского правительства конкретное предложение, то оно встретит у него благосклонный прием, который русское правительство справедливо ожидает после только что состоявшегося столь дружественного обмена мнениями между двумя правительствами».

Меморандум не вызвал возражений со стороны лондонского кабинета. Английский министр иностранных дел полагал, что меморандум правильно освещает точку зрения Лондона по вопросу о проливах, и поэтому не счел нужным давать новый письменный ответ русскому правительству¹¹⁰. Грей ограничился беседой с Бенкендорфом. Выразив удовлетворение по поводу содержания меморандума, он заявил русскому послу, что считает «само собой разумеющимся, что изложенные в обоих английских меморандумах принципы не смогут быть одобрены в данный момент английским общественным мнением и смогут найти практическое при-

менение только как следствие благоприятного разрешения ведущих ныне переговоров по среднеазиатским вопросам и имею целью придать отношениям между странами характер, совершенно отличный от того, который они носили в прошлом»¹¹¹.

Это замечание Грея особенно важно для уяснения позиции Лондона по вопросу о проливах. Английская дипломатия не скрывала, что обмен мнениями по вопросу о проливах она рассматривает как вспомогательное средство в англо-русских переговорах о Тибете, Афганистане, Персии. При этом и Грей, и Гардинг неоднократно отмечали условность согласия Лондона на пересмотр конвенции о проливах и зависимость его от результатов англо-русских переговоров по заключению конвенции о Среднем Востоке.

Обмен мнениями по вопросу о проливах ускорил подписание англо-русского соглашения о Тибете, Афганистане, Персии. Проявленная Лондоном готовность пойти навстречу интересам России в вопросе о проливах ослабляла сопротивление противников соглашения при царском дворе, в правящих и общественных кругах и способствовала уступчивости русского правительства в афганском и персидском вопросах¹¹². Это явственно проявилось на Особом совещании министров 14 апреля 1907 г. при обсуждении афганского вопроса. Генерал-лейтенант Протопопов прямо предлагал за счет уступок в пользу Англии по афганскому вопросу добиться от Лондона гарантий «status quo на всей нашей азиатской границе, а также решения в нашу пользу вопроса о проливах»¹¹³.

Появление в марте — апреле 1907 г. в помещичье-буржуазной печати статей, призывающих использовать переговоры по Среднему Востоку для пересмотра соглашений о проливах, также отражало укрепление настроений в русских высших кругах в пользу сближения с Англией¹¹⁴.

Последняя беседа Грея с Бенкендорфом о проливах свидетельствовала о стремлении английской дипломатии использовать обмен мнениями по этому вопросу для сближения с Россией, для укрепления своих позиций в борьбе с Германией. В этом отношении особенно показательным является заявление Грея Бенкендорфу о том, что переговоры о проливах «имеют целью придать отношениям между странами новый характер, совершенно отличный от того, который они носили в прошлом».

Однако в занятой английской дипломатией позиции в вопросе о проливах скрывалась известная двусмысленность, которую министр иностранных дел России своевременно не раскрыл и которая способствовала провалу политики Извольского в период Боснийского кризиса¹¹⁵.

Состоявшийся в 1906—1907 гг. обмен мнениями по вопросу о проливах бесспорно укрепил уверенность Петербурга в возмож-

ности дипломатическим путем при известных обстоятельствах изменить режим проливов в пользу России.

Извольский считал, что теперь, после заключения англо-русского соглашения, России обеспечена поддержка и содействие Англии при пересмотре конвенции о проливах. Сразу же после подписания соглашения 19 августа Извольский на вопрос А. С. Суворина о проливах сказал, что «в этом вопросе Англия будет за нас»¹¹⁶. А несколько позже министр иностранных дел на Особом совещании министров, созванном 21 июля 1908 г. по случаю событий в Турции, официально заявил, что если «Англия в прежнее время противилась нашим начинаниям на Востоке, то ныне она против нас не пойдет»¹¹⁷.

Будучи уверен в английской поддержке планов Петербурга по пересмотру конвенции о проливах, Извольский тогда же в 1907 г. сделал первые попытки выяснить отношение Германии и Австро-Венгрии к намечаемым изменениям в статуте проливов.

Во время свидания Николая II с Вильгельмом II в Свиномюнде 21—24 июля 1907 г. Извольский воспользовался обсуждением вопроса о франко-испано-английском соглашении о поддержании status quo в западной части Средиземного моря и, как писал он в докладе царю, дал понять канцлеру, что «наилучшим противовесом создавшейся в одной части Средиземного моря группировке держав было бы предоставление России возможности беспрепятственно выводить свои морские силы из Черного моря, т. е. другими словами, пересмотр в нашу пользу постановлений Парижского трактата о турецких проливах. Князь Бюлов высказал, что в принципе он вполне сочувствует этой мысли, но что вопрос о проливах один из тех, которые могут быть разрешены лишь с течением времени и в связи с естественным ходом событий»¹¹⁸. Поскольку германский канцлер не проявил готовности обсуждать в тот момент вопрос по существу, то русский министр иностранных дел, по его собственному признанию, «счел более благоразумным не настаивать на этом предмете и отложить разговор о нем до более благоприятной минуты»¹¹⁹.

Более обстоятельный зондаж Извольский предпринял в сентябре 1907 г., во время посещения Вены. В беседах с министром иностранных дел А. Эренталем Извольский раскрыл свои карты и вопрос об изменении режима проливов ставил как ближайшую цель внешней политики России. Русский министр заявил, что хотя Россия искренне стремится возможно дольше сохранить status quo в пределах Турецкой империи, однако, если вопреки ее желанию и ее миролюбивой политике на Балканском полуострове произошли бы существенные перемены, русское правительство позаботилось бы о своих интересах, вытекающих из истории и географического положения России. «Интерес этот, по моему глубокому убеждению, — пояснил Извольский, — весь сосредоточивается в вопросе

о свободном выходе из Черного моря в Средиземное, иначе сказать — в вопросе о турецких проливах»¹²⁰.

Русский министр указал, что подобная постановка дела должна облегчить установление полного согласия на будущее между Россией и Австро-Венгрией в восточном вопросе. Он просил Эренталья откровенно, в порядке частного и конфиденциального обмена мыслями, сообщить в свою очередь о планах Австро-Венгрии.

Хотя Эренталь воздержался от определенных заявлений по затронутому Извольским вопросу, но у русского министра сложилось твердое убеждение, что лично Эренталь весьма склонен пойти по предложенному пути, но «что дальнейшее направление этого дела, будет зависеть от многих политических факторов и, в том числе, от взглядов союзного германского правительства»¹²¹.

Тогда же в Вене, в связи с заявлением Извольского о проливах, возник и вопрос о «компенсациях» Австро-Венгрии. Эренталь, рассказывая германскому послу в Константинополе Маршаллу фон Биберштейну о своих переговорах в Вене с Извольским, признал, что он просил Извольского заранее предупредить его о времени реализации русского плана и со своей стороны обещал, если Австро-Венгрия решится на аннексию Боснии и Герцеговины, поставить в известность об этом русское правительство¹²². И Эренталь сделал для себя практические выводы. Как сообщает в своих воспоминаниях бывший начальник генерального штаба Австро-Венгрии Конрад фон Гетцендорф, вскоре после переговоров в Вене, осенью 1907 г., Эренталь обсуждал с ним вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины и считал возможным получить согласие Извольского на аннексию как компенсацию за открытие проливов для России¹²³. При этом Эренталь рассчитывал на противодействие Англии, а возможно и Франции, планам Извольского и уже тогда не верил в их практическое осуществление¹²⁴. Встреча в Вене явилась таким образом, прелюдией к соглашению министров в Бухловице.

Переговоры с Англией о проливах и подписание соглашения с ней открыли Извольского и способствовали проявлению агрессивных устремлений в планах русского министра иностранных дел. В беседе с А. С. Сувориным после подписания англо-русского соглашения он откровенно признался: «В прошлом году со мной говорили в Европе как с представителем Турции и Персии... Теперь я буду говорить совсем иначе»¹²⁵.

Это нашло отражение и в его всеподданнейшем докладе об осенних переговорах в Европе. 6 ноября 1907 г. Извольский писал в докладе: «Наступившее внутри империи успокоение и заключение дипломатических соглашений, обеспечивающих нас от возможности новых осложнений на Востоке, возвратили России полную свободу действий и вернули ей место, подобающее ей в ряду европейских держав»¹²⁶.

В связи с подписанием англо-русской конвенции в помещичье-буржуазной печати заметно повысился интерес к освещению внешнеполитических проблем. В сентябре 1907 г. в ряде газет были помещены статьи, призывающие использовать соглашение с Англией для пересмотра статута о проливах¹²⁷.

Итак, мы видим, что начиная со второй половины 50-х годов XIX в. вплоть до русско-японской войны царское правительство, учитывая внутреннюю и международную обстановку, считало закрытие проливов для прохода военных судов лучшим, наиболее соответствующим интересам России режимом проливов.

После Берлинского конгресса, на котором Англия открыто выступила против признания общеевропейского принципа закрытия проливов, сохранение и закрепление принципа европейской гарантии режима проливов стало одной из главных задач русской политики на Ближнем Востоке. Защита этого принципа была обусловлена интересами обороны и развития экономики юга России, интересами русской торговли через проливы.

Однако общеевропейский принцип договорных обязательств имел и отрицательные стороны для России как черноморской державы. Он ограничивал в известной степени ее суверенные права.

Во время русско-японской войны особенно наглядно проявились негативные стороны для России установленного режима проливов. Общеевропейский принцип закрытия проливов не позволил русскому правительству использовать Черноморский флот в войне против Японии. Опасаясь враждебных действий Англии, русское правительство вынуждено было примириться с бездействием Черноморского флота и не возбуждало перед Портой вопрос о его проходе через проливы.

После русско-японской войны, осенью 1905 г., Министерство иностранных дел выдвинуло предложение об изменении позиции России в отношении общеевропейского принципа закрытия проливов. Оно было склонно свести принцип закрытия проливов только к обязательствам перед Портой и принять, таким образом, точку зрения, высказанную английским представителем на Берлинском конгрессе. Военные ведомства не поддерживали идею Министерства иностранных дел. Тогда было признано нецелесообразным по политическим и дипломатическим соображениям поднимать вопрос об изменении режима проливов.

В 1906—1907 гг., во время англо-русских переговоров по заключению конвенции о Персии, Тибете и Афганистане стороны обменялись мнениями по вопросу о режиме черноморских проливов. Переговоры о режиме проливов носили подчиненный характер. Русская дипломатия в ходе этих переговоров проявляла особую осторожность и сдержанность.

Хотя формально советник российского посольства в Лондоне Поклевский-Нозелл первым поднял вопрос о проливах, в действи-

тельности инициатива постановки его в ноябре 1906 г. принадлежала английской дипломатии, стремившейся ускорить подписание конвенции о Персии, Тибете, Афганистане. Несомненно, Грей и Никольсон рассчитывали с помощью вопроса о проливах подорвать в Петербурге сопротивление противников соглашения с Англией.

В январе — июне 1907 г., в решающий период обсуждения английских проектов по средневосточным вопросам, между Петербургом и Лондоном имели место переговоры по существу предложенной русской дипломатии по изменению режима проливов. Русская дипломатия стремилась получить согласие Англии на проход русских военных судов через проливы, при закрытии их для военного флота нечерноморских держав. Лондонский кабинет как в устных заявлениях, так и меморандумах, признавал особую заинтересованность России в проливах, выражал готовность отказаться от традиционной антирусской политики в проливах. Грей считал возможным в будущем найти приемлемую для России и других держав формулу изменения режима проливов. Английская дипломатия ставила пересмотр конвенции о проливах в зависимость от результатов англо-русских переговоров по средневосточным вопросам и таким путем добивалась уступок от Петербурга в Персии, Тибете, Афганистане.

Однако в 1907 г. английская дипломатия была против включения вопроса о проливах в конвенцию по средневосточным вопросам и уклонилась от конкретных обязательств по вопросу об изменении режима проливов. Грей, писал Дж. Тэйлор, «не пожелал связывать себе руки»¹²⁸.

Со своей стороны и Извольский, учитывая европейский характер проблемы проливов, особую заинтересованность Германии в делах Ближнего Востока и политическую обстановку внутри страны, не решился в 1907 г. на расширение и углубление переговоров по поводу изменения режима проливов.

Извольский не раскрыл своевременно скрывающуюся двусмысленность в позиции, занятой Лондоном в 1907 г. по вопросу изменения режима проливов. После подписания англо-русской конвенции по средневосточным вопросам Извольский считал, что Россия может рассчитывать на поддержку и содействие Англии при пересмотре режима проливов. Будучи уверен в английской поддержке, он тогда же, в 1907 г., предпринял первые шаги по выяснению позиции Германии и Австро-Венгрии. Уверенность в лояльности Лондона к его замыслам по изменению статута проливов лежала в основе всей его деятельности накануне и в начале Боснийского кризиса и была одной из причин поражения русской дипломатии в период кризиса.

- ¹ Дранов Б. А. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948, с. 58—59.
- ² Нольде Б. Э. Босфор и Дарданеллы. — «Русская мысль», 1911, кн. IV; *он же*. Внешняя политика, Пг., 1915; *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975; *Дранов Б. А.* Указ. соч.
- ³ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, с. 80.
- ⁴ См. подробнее: *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975.
- ⁵ Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М., 1952, с. 27.
- ⁶ Там же, с. 108.
- ⁷ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. VI. СПб., 1900, с. 66.
- ⁸ *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 329.
- ⁹ Там же, с. 350.
- ¹⁰ Там же, с. 351.
- ¹¹ *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. 1848—1918 гг. Перевод с англ. М., 1958, с. 274—275.
- ¹² Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М., 1952, с. 229—230.
- ¹³ *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, с. 219.
- ¹⁴ Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917, с. 305.
- ¹⁵ Министерство иностранных дел. Записка по поводу отправления на Дальний Восток судов русского черноморского флота. СПб., 1904, с. 5; *Hauser Oswald.* Deutschland und der englisch-russische Gegensatz. 1900—1914. Berlin, 1958, S. 84. А. Нелидов предупреждал Петербург, что посылка черноморского флота на Дальний Восток сделает разрыв Англией отношений с «нами» почти неизбежным. В таком случае одним из первых его действий будет решение угрожать нашей южной окраине, войдя в Черное море» (АВПР, ф. Личный архив Нелидова, д. 12, л. 2—3. Нелидов — Ламздорфу. 19 февраля (3 марта) 1904 г.).
- ¹⁶ Министерство иностранных дел. Записка по поводу отправления на Дальний Восток судов черноморского флота. СПб., 1904, с. 10.
- ¹⁷ Там же, с. 9.
- ¹⁸ Там же, с. 5.
- ¹⁹ Там же, с. 8.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ АВПР, ф. Секретный архив, д. 455/473, 474, л. 13.
- ²² ЦГВИА, ф. 830, оп. 1, д. 10, л. 49.
- ²³ Там же, л. 52.
- ²⁴ АВПР, ф. Секретный архив, д. 455/473, 474, л. 36.
- ²⁵ ЦГИА, ф. 560, оп. 28, д. 339, л. 88.
- ²⁶ Письмо Ламздорфа Редигеру. — ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, т. 1, д. 860, л. 117—118. Письмо Ламздорфа Бирилеву — ЦГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 5708, л. 1—2.
- ²⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, т. 1, д. 860, л. 117.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же, л. 118.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Записка Таубе опубликована: «Красный архив» 1933, т. 6 (31).
- ³² Министерство иностранных дел. Записка по вопросу о проходе военных судов через Босфор и Дарданеллы. СПб., 1905, с. 4. См. также ЦГВИА, ф. 830, д. 10, л. 40.
- ³³ ЦГВИА, ф. 830, д. 10, л. 42.
- ³⁴ Там же, л. 43.
- ³⁵ Там же, л. 45.
- ³⁶ Там же, л. 46.
- ³⁷ Там же, л. 47.
- ³⁸ В 1904—1906 гг. русский посол в Константинополе Зиповьев передавал в МИД подробные секретные материалы об англо-японотурецких переговорах об установлении дипломатических отношений между Японией и Турцией и о присоединении Турции в начале 1906 г. к англо-японскому союзу. См. АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1905, г., оп. 470, дд. 30, 31, 32, 33; ф. Канцелярия МИД, 1906 г., оп. 470, дд. 38, 44, т. I, II.
В советской исторической литературе такие крупные специали-

- сты, как Гальперин, Бондаревский считают информацию Зиновьева по этому вопросу достоверной и в своих исследованиях пишут о присоединении Турции к англо-японскому союзу как о бесспорном факте (*Гальперин А. И. Англо-японский союз. 1902—1921 годы. М., 1947, с. 250—253; Бондаревский Г. Л. Борьба за Персидский залив, Аравийский полуостров и Красное море на рубеже XIX—XX вв. М., 1965, Рукопись докт. дисс.*).
- ³⁹ Записка Данилова начальнику Генерального штаба от 8 ноября 1905 г.— ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, т. 5, д. 6610, л. 31—32; Записка генерал-майора Калнина «Наши политические и военные задачи на Черном море», 2 ноября 1905 г.— Там же, л. 26—27; Записка Калнина Палицыну 2 ноября 1905 г.— Там же, л. 17.
- ⁴⁰ ЦГВИА, ф. 830, д. 10, л. 28.
- ⁴¹ *Lord Hardinge of Penchirst. Old Diplomacy. London, 1947, p. 134.*
- ⁴² *Бондаревский Г. Л. Указ. дисс., ч. III, с. 1575.*
- ⁴³ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 2336, л. 151.
- ⁴⁴ АВПР, ф. Персидский стол, 1906 г., д. 4139, л. 27.
- ⁴⁵ Там же, 1907 г., д. 4142, л. 77—78; см. также ЦГИА, ф. 560, оп. 28, д. 369, л. 41—42; «Красный архив», 1933, т. LXIX—LXX, с. 16.
- ⁴⁶ АВПР, ф. Персидский стол, 1907 г., д. 4142, л. 79; «Красный архив», 1935, т. LXIX—LXX, с. 18.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Персидский стол, 1907 г., д. 4142, л. 80.
- ⁴⁸ Там же, л. 80—81.
- ⁴⁹ ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, т. 5, д. 6945, л. 59—76, 90.
- ⁵⁰ Там же, д. 6643, л. 134. Ермолов—Палицыну. Письмо от 5 сентября 1906 г.
- ⁵¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, т. 1, д. 912, л. 37—40; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 626, л. 6, д. 5488, л. 50.
- ⁵² ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, т. 5, д. 6643, л. 88.
- ⁵³ АВПР, ф. Персидский стол, 1906 г., д. 4139, л. 112.
- ⁵⁴ Там же, л. 156.
- ⁵⁵ *British Documents on the Origins of the War 1898—1914, vol. IV, N 234, London, 1929 (далее — В. Д.).*
- ⁵⁶ АВПР, ф. Персидский стол, 1906 г., д. 4139, л. 156.
- ⁵⁷ *Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение 1907 г., т. II. Саратов, 1960, с. 554. Рукопись докт. дисс.*
- ⁵⁸ В. Д., vol. IV, № 236; *Бондаревский Г. Л. Указ. дисс., ч. III, с. 1567—1575.*
- ⁵⁹ В. Д., vol. IV, N 370.
- ⁶⁰ Там же, № 242.
- ⁶¹ Конечно, Гардинг учитывал и мнение Эдуарда VII. Английский король в апреле 1904 г. во время беседы с Гардингом заявил, что нет оснований запрещать в дальнейшем свободный проход через Дарданеллы русским военным кораблям и что «эта уступка беспрепятственного прохода могла бы оказаться очень полезной доходной статьей в случае возобновления общих переговоров о соглашении с Россией» (*Lee Lidney. King Edward VII, vol. II. London, 1927, p. 289—290; В. Д., vol. IV, p. 60; Rathmann Erich. Die Balkanfrage 1904—1908 und das Werden der Tripelentente. Halle, 1932, S. 41*).
- ⁶² В. Д., vol. IV, N 370.
- ⁶³ См. подробнее об этом: *Бондаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.) М., 1968.*
- ⁶⁴ В. Д., vol. IV, N 243.
- ⁶⁵ Там же, № 241, 242.
- ⁶⁶ Там же, № 241.
- ⁶⁷ Там же, № 370.
- ⁶⁸ *Iswolsky A. P. Au service de la Russie. Correspondence diplomatique 1906—1911, vol. 1. Paris, 1937, p. 400—401.*
- ⁶⁹ *Бондаревский Г. Л. Указ. дисс., с. 1578.*
- ⁷⁰ В. Д., vol IV, № 250; *Бондаревский Г. Л. Указ. дисс., ч. III, с. 1578.*
- ⁷¹ В. Д., vol. IV, № 249, 250.
- ⁷² Г. Л. Бондаревский дает иную интерпретацию факта инициативы переговоров о проливах со стороны Поклевского-Козелла и Бенкендорфа. Он выдвигает предположение о финансовой зависи-

- мости Извольского от Поклевского. «Необходимо подчеркнуть,— пишет Г. Л. Бондаревский,— ярко выраженную пассивность Извольского, который не только воздерживался в течение длительного времени от обсуждения столь близкого его сердцу вопроса о проливах, но и молчаливо допускал вопиющее нарушение Бенкендорфом и Поклевским всех канонов дипломатической службы. Это нарушение было особенно нетерпимо в России, где министр иностранных дел не имел права направлять послам директивы и телеграммы по важным вопросам без визы царя. А Бенкендорфу и Поклевскому все сходило с рук. Как тут не вспомнить высказывание Витте о финансовой зависимости Извольского от Поклевского и сенсационные утверждения французского посла в Петербурге Жоржа Луи о финансовых связях главы русского Министерства иностранных дел с иностранными дипломатами» (*Бондаревский Г. Л. Указ. дисс., ч. III, с. 1585—1586*).
- ⁷³ В. Д., vol. IV, N 256.
- ⁷⁴ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 2.
- ⁷⁵ Там же, л. 3.
- ⁷⁶ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 16.
- ⁷⁷ Там же, л. 3.
- ⁷⁸ Меморандум Грея от 15 (2) марта 1907 г.— В. Д., vol. IV, № 257; Деша Грея Никольсону от 19 (6) марта 1907 г.— там же, № 258; Секретное письмо Бенкендорфа Извольскому от 3 (16) марта 1907 г.— АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 5—8.
- ⁷⁹ В. Д., vol. IV, N 257.
- ⁸⁰ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 5.
- ⁸¹ В. Д., vol. IV, N 257.
- ⁸² АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 6.
- ⁸³ В. Д., vol. IV, N 258.
- ⁸⁴ *Остальцева А. Ф. Указ. дисс., т. II, с. 722; Фей С. Происхождение мировой войны, т. 1. М.—Л., 1934, с. 383—384.*
- ⁸⁵ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 12.
- ⁸⁶ Там же, л. 13.
- ⁸⁷ Там же, л. 14.
- ⁸⁸ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 12.
- ⁸⁹ В. Д., vol. IV, № 261.
- ⁹⁰ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 17.
- ⁹¹ В. Д., vol. IV, № 256, приложение.
- ⁹² АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 22—24.
- ⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 41, т. II, л. 318—319; ф. Канцелярия, 1907 г., д. 31, л. 529—533, 535—538; д. 32, л. 78—79, 205, 249—252; ф. Персидский стол, д. 4138, л. 3—4.
- ⁹⁴ АВПР, ф. Персидский стол, д. 4142, л. 19—20.
- ⁹⁵ АВПР, ф. Политархив, 1907 г., д. 1025, л. 143; ф. Канцелярия, 1907 г., д. 32, л. 257—263; д. 34, л. 69—71.
- ⁹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 31, л. 530—531.
- ⁹⁷ Там же, 1906 г., д. 42, л. 51.
- ⁹⁸ Там же, 1907 г., д. 191, л. 5.
- ⁹⁹ *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1874—1914, Bd. 22. Berlin, 1925, № 7383, 80—81, примечание 3 (далее — Г. Р.)*
- ¹⁰⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 42, л. 208—209.
- ¹⁰¹ Там же, л. 253, всеподданнейший доклад Извольского от 6 ноября 1907.
- ¹⁰² «Красный архив», 1935, т. LXX—LXX; ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, т. 5, д. 6926, л. 87.
- ¹⁰³ *Римский-Корсаков М. Эскизный проект воссоздания флота. Секретно, с. 1.— В кн.: Работы офицеров морского генерального штаба, т. 1, 1905—1907. СПб, 1907 (Центральная военно-морская библиотека в Ленинграде).*
- ¹⁰⁴ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 29.
- ¹⁰⁵ В. Д., vol. IV, N 268, р. 290.
- ¹⁰⁶ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 29.
- ¹⁰⁷ В. Д., vol. IV, N 268, р. 290.
- ¹⁰⁸ АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 30; В. Д., vol. IV, N 268, р. 290.
- ¹⁰⁹ В. Д., vol. IV, № 275, приложение; АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 32—33.

- ¹¹⁰ В. D., vol. IV, № 275, приложение; АВПР, ф. Секретный архив, д. 456/475, л. 48.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² *Harold Nicolson*. Die Verschwörung der Diplomaten. Aus sir Arthur Nicolson's Leben 1849—1928. Frankfurt am Main, 1931, S. 256—257.
- ¹¹³ «Красный архив», 1935, т. 2—3, с. 28; АВПР, ф. Среднеазиатский стол Б, 1905—1908 гг., д. 232-б, л. 49.
- ¹¹⁴ «Слово», 1907, 2 марта; «Новое время», 1907, 3 апреля.
- ¹¹⁵ *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958, с. 450.
- ¹¹⁶ Дневник А. С. Суворина. М.—Пг., 1923, с. 376.
- ¹¹⁷ «Красный архив», 1940, т. 6, с. 44—45.
- ¹¹⁸ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 712/771, л. 123; ф. Канцелярия, 1907 г., д. 42, л. 214.
- ¹¹⁹ Там же. Как следует из приведенного доклада Изольского, вопрос о проливах в Свинемюнде был затронут им мимоходом и не подвергался специальному обсуждению. Поэтому нам представляется несколько неточным и слишком категоричным утверждение Г. Л. Бондаревского, что в Свинемюнде «Извольский пытался реализовать свою договоренность с Греем». А «Ответ Бюлова не был отрицательным» (*Бондаревский Г. Л.* Указ. дисс., ч. III, с. 1603). Фактически Бюлов уклонился от обсуждения вопроса.
- ¹²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 42, л. 260.
- ¹²¹ Там же, л. 261.
- ¹²² Письмо Маршала фон Биберштейна Бюлову от 14 декабря 1907 г.—*Г. Р.*, Bd. 22, N 7385, S. 84.
- ¹²³ *Conrad von Hötzendorf*. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918. Bd. 1, Wien — Berlin, 1921, S. 528—530. *Виноградов К. В.* Боснийский кризис 1908—1909 гг.— пролог первой мировой войны. Л., 1964, с. 61—62.
- ¹²⁴ *Г. Р.*, Bd. 22, № 7383, S. 81. См. подробнее: *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг. М., 1972, с. 139—143.
- ¹²⁵ Дневник А. С. Суворина, с. 376.
- ¹²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 42, л. 268.
- ¹²⁷ «Русь», 1907, 14 сентября; «Биржевые ведомости», 1907, 13 сентября.
- ¹²⁸ *Тэйлор А. Дж. П.* Указ. соч., с. 450. Такой же точки зрения придерживается Р. Черчилль (*Churchill R. P.* The Anglo-Russian Convention of 1907. Chicago, 1939, p. 157). Диаметрально противоположной оценки английской позиции в вопросе об изменении режима проливов во время англо-русских переговоров 1907 г. придерживается Г. Л. Бондаревский. Он считает, что в 1907 г. «британская дипломатия взяла на себя весьма определенные обязательства в отношении пересмотра режима проливов после введения в действие англо-русского соглашения 1907 г. Изменение же английской позиции в отношении режима проливов осенью 1908 г. являлось ... следствием изменившейся обстановки на Ближнем Востоке, а отнюдь не результатом старой политики» (указ. дисс., ч. III, с. 1602).

ТОВАРНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КУБАНИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В. Н. Ратушняк

Одной из актуальных проблем советской исторической науки является вопрос о характере аграрной эволюции и степени развития капитализма в сельском хозяйстве дореволюционной России, как в центре страны, так и на окраинах, к числу которых относилась и Кубанская область, в эпоху монополистического капитализма превратившаяся в один из наиболее развитых районов торгового земледелия. Анализ особенностей и уровня развития товарного производства в сельском хозяйстве Кубани представляет несомненный интерес.

Методологической основой изучения названной проблемы являются труды классиков марксизма-ленинизма. Особенно большое значение для рассматриваемой темы имеют «Капитал» К. Маркса и работы В. И. Ленина по аграрному вопросу.

Известно, что К. Маркс не только всесторонне изучил товарное хозяйство, действие закона стоимости, особенности товара рабочей силы и т. п., но и дал исторический анализ развития товарного производства, превращения его из простого в капиталистическое, т. е. в такое, когда товарное производство становится «господствующим типом производства»¹.

Глубокий анализ ключевых проблем теории товарного производства содержится в трудах В. И. Ленина. Наибольшее значение для рассматриваемой темы имеют такие работы В. И. Ленина, как «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др.

Советскими историками проделана значительная работа по изучению земледельческого капитализма на Кубани, однако в плане товарно-капиталистического производства эта проблема почти не исследовалась. Предпринимались лишь отдельные попытки подсчета товарных излишков хлеба на Кубани. Для 1892—1894 гг. такую работу проделал П. А. Шацкий. Однако он ограничил свою задачу лишь учетом тех товарных излишков, которые вывозились

из Кубанской области «по железной дороге через порты Черного и Азовского морей»². Данные о полной товарной продукции им в расчет не брались. Для предвоенного пятилетия 1909—1913 гг. расчет товарности зерна, но только по трем культурам (пшенице, ячменю и овсу), был произведен Н. Д. Кондратьевым³.

Полнее изучены объективные истоки и социально-экономические предпосылки товарно-капиталистического производства на Кубани (сельскохозяйственное освоение области, эволюция частновладельческого и наделно-общинного землевладения и землепользования, материально-производственная база сельского хозяйства)⁴, поэтому эти вопросы, немаловажные для понимания проблемы в целом, в представленной работе специально не рассматриваются.

Основными источниками для данной статьи послужили материалы, изданные Центральным статистическим комитетом и Кубанским областным статистическим комитетом, а также сведения, извлеченные автором из центральных и местных архивов.

Товарный рынок Кубани сформировался и активно функционировал в результате широко развивавшихся экономических контактов с общероссийской хозяйственной системой и мировым рынком. «Развитие промышленности в центральной России,— писал В. И. Ленин,— и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого»⁵.

Специализируясь на производстве сельскохозяйственных продуктов, главным образом зерновых, товаризация которых на Кубани исторически приобрела экспортный характер, Кубанская область получала основной ассортимент промышленных товаров, в первую очередь сельскохозяйственные машины и орудия из центральных районов России, Северного Причерноморья и из-за границы. Русский капитализм втягивал Кубань не только в общую систему формировавшегося капиталистического рынка России, но и в мировое товарное обращение. Непосредственным отражением этого процесса являлось расширение внутреннего рынка Кубани, развитие местного товарообмена и экспортной торговли. Последняя была определяющим фактором в товарном производстве области, но это вовсе не означало, что внутреннее товарное потребление, например, того же зерна, оставалось на Кубани неизменным. Совсем напротив, крестьянское освоение района, социально-экономическое размежевание кубанской станицы, увеличение доли городского населения и интенсивный рост обрабатывающей сельскохозяйственной сырье промышленности — все это генерировало товарное обращение в области, вовлекало все большее число казачье-крестьянских хозяйств в товарно-денежные капиталистические отношения.

А так как рынок являлся своеобразным барометром эволюции товарного производства, то изучение условий, характера и особенностей реализации товарной продукции Кубанской области представляет особый интерес. Поэтому анализ товарного рынка Кубани целесообразно начать с рассмотрения общих данных его развития, а затем уже непосредственно перейти к рассмотрению внутреннего рынка Кубани, его связи с российским и мировым рынками. Для выполнения первой задачи обратимся к материалам торговых оборотов Кубани как наиболее интересному показателю темпов роста товарного рынка в изучаемый период.

По официальным данным среднегодовой объем товарооборота Кубанской области в 1893—1897 гг. составлял 50 млн. руб. К 1909—1913 гг. он возрос до 200 млн. руб., достигнув в 1913 г. весьма внушительной суммы — 268,7 млн. (в эти суммы не вошли данные о ввозе и вывозе товаров через морские порты) ⁶. Таковы абсолютные цифры. Однако в их возрастании немалую роль сыграли естественный прирост и миграция населения. Если же мы произведем раскладку товарных оборотов на душу населения, то получим следующие сведения. В 1893—1897 гг. в среднем на одного человека в области приходилось торговых оборотов на сумму в 27 руб., в 1909—1913 гг. — уже по 68 руб, а в 1913 г. — 86 руб. Таким образом, за период с 1893—1897 гг. по 1909—1913 гг. торговые обороты Кубани в расчете на одного человека увеличились в 2,5 раза.

Увеличилась и торговая прослойка кубанского населения. В 1896 г. лиц, получивших разрешение на торговлю, насчитывалось в Кубанской области 8104, а в 1913 г. — уже 19 293 человека. Интересно отметить, что особенно быстро возрастала торговая прослойка среди казаков. Так, в 1896 г. казаки-торговцы составляли 0,09% от общего числа душ войскового сословия, а в 1913 г. — уже 0,66%. В то же время у всех других сословий, включая и купцов, торговая прослойка увеличилась не столь значительно: с 0,43 до 0,97% ⁷. Товарное производство все более втягивало казачество в товарно-денежные отношения, разрушало его патриархальный уклад и сословную замкнутость.

Обратимся к рассмотрению внутреннего сельскохозяйственного рынка Кубанской области.

Реализация основной массы товарной сельскохозяйственной продукции на Кубани происходила как на постоянно действующих базарах, так и на временных ярмарках. По мере развития путей сообщения и товарно-денежных отношений кратковременные и эпизодические формы торговых связей становились все более устойчивыми и постоянными. Это проявлялось прежде всего в расширении стационарной торговой сети и ее оборотов. Даже продажа скота, перегон которого на ярмарки был менее затруднителен, чем доставка зерновых продуктов, постепенно перемещалась

Таблица 1

Развитие ярмарочной торговли в Кубанской области *

Год	Число населенных пунктов с ярмарками	% к общему числу населенных пунктов	Число ярмарок	Общее число дней их работы	Среднее число дней на одну ярмарку
1890	30	6,5	64	660	10,3
1912	120	26,0	189	1310	6,9

* ЦГВИА СССР, ф. 4, оп. 94, л. 183, л. 1—10; ГАКК, ф. 418, оп. 1, л. 1829, л. 21—27; ф. 460, оп. 2, л. 23, л. 1—24.

на стационарные рынки. Так, уже в 1900 г. на базарах Кубани было продано скота на 3,6 млн. руб., что на 0,5 млн. руб. оказалось больше, чем на ярмарках. К 1907 г. этот разрыв увеличился еще сильнее: на базарах было продано на 7,3 млн. руб., а на ярмарках — лишь на 4,4 млн. руб.⁸

Однако при относительном уменьшении роли ярмарок во внутреннем товарообороте Кубани их значение в торговой жизни области не только не ослабевало, но, наоборот, возрастало. Подтверждением этого могут служить следующие данные об эволюции ярмарочной торговли в Кубанской области (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, ярмарки в 1912 г. были менее продолжительны, чем в 1890 г., но зато количество их значительно увеличилось. Ярмарочная торговля становилась более гибкой, приспособлялась к ускоряющемуся ритму экономической жизни, охватывала все более широкий круг кубанских товаропроизводителей.

Наряду с ярмарками реализация сельскохозяйственных продуктов, особенно зерновых, в широких масштабах осуществлялась прямо на местах, где с развитием товарного производства увеличивалось количество хлебных торговых точек, зерновых ссыпок и складов. Так, в 1911 г., по официальным данным, в Кубанской области насчитывалось постоянных коммерческих заведений, торгующих мукой, 87, торгующих зерном — 460 и хлебных ссыпок — 33⁹. Цифры эти явно неполны, так как только в одном Ейском отделе хлебных ссыпок было 64¹⁰. Стремясь извлечь как можно больше прибыли, хлеботорговцы и скупщики организовывали закупки хлеба непосредственно в местах производства. Податный инспектор Баталишинского отдела (уезда) по этому поводу писал осенью 1894 г.: «Местные хлеботорговцы скупают хлеб лишь по низким ценам от нуждающихся жителей»¹¹, т. е. прежде всего от тех производителей, которые сами не могли доставить свой хлеб

на рынок. Скупленный хлеб большей частью отправлялся за пределы области. Однако на Кубани были и такие районы, главным образом в горных местностях Майкопского и Баталпашинского отделов, где своего хлеба не хватало даже в урожайные годы. Так, в 10 селениях Карачая, по данным специального обследования, ежегодно не хватало на пропитание и обсеменение полей до 0,5 млн. пуд. зерна¹². Недостаток собственного хлеба ощущался также в ряде казачьих станиц области¹³. В отдельные климатически неблагоприятные годы (например, в 1897, 1899, 1900, 1911 гг.) нехватка зерна в предгорьях Кубани достигала внушительной цифры 2 и более млн. пуд. и компенсировалась прежде всего за счет товарнозернового производства степных отделов¹⁴. Этим обстоятельством опять-таки пользовались хлеботорговцы, скупщики и спекулянты. Они закупали большими партиями хлебные продукты, а затем перепродавали их втридорога бедноте предгорных селений. О широкой деятельности перекупщиков хлеба можно прочесть в различных документах станичных правлений: приговорах, постановлениях, письмах¹⁵. Так, сбор станицы Зеленчукской, жалующься атаману отдела на спекулянтов, сообщал, что хлеб в станице «почти не производится, а закупается у лиц, которые привозят его из хлебоборных районов. Население обычно, не имея средств, покупает его по 1—2 пуда, а зажиточные — больше, для перепродажи, который затем и перепродают односельчанам по завышенной цене»¹⁶. Неразвитость товарного производства вообще и зернового в частности в указанных районах Кубани способствовала беспредельному господству там кулаков-мироедов и спекулянтов.

Помимо предгорных районов немалое количество реализуемой в области товарной сельскохозяйственной продукции направлялось в города и такие крупные торговые селения, как Армавир, Славянская, Тихорецкая. По подсчетам Н. Д. Кондратьева, только кубанскими городами в предвоенное пятилетие (1909—1913 гг.) в среднем ежегодно потреблялось пшеницы, ячменя и овса (без технического потребления сельскохозяйственного сырья) 5842 тыс. пуд.¹⁷

Разумеется, не вся поступавшая в крупные торговые пункты сельскохозяйственная продукция оседала в них и прилегающих к ним районах. Напротив, большая ее часть распределялась затем по внутренним районам России или отправлялась за границу. Сложившиеся на аграрно-капиталистической основе кубанские города и крупные торговые поселения являлись основными координирующими центрами внешних и внутренних связей Кубани, центрами промышленной обработки сельскохозяйственного сырья и бурно развивавшихся товарно-денежных отношений¹⁸.

Особенно велико было значение в торговой жизни области г. Екатеринодара. Находившийся в самом центре Кубанской области, на перекрестке важнейших железнодорожных и водных арте-

рий, Екатеринодар являлся не только крупнейшим потребителем сельскохозяйственной продукции (перед мировой войной в Екатеринодаре проживало свыше 100 тыс. жителей и имелось большое количество мукомольных и маслобойных предприятий), но и тем товарно-распределительным центром Кубани, который подобно гигантскому магниту стягивал к себе товарные излишки сельскохозяйственного производства со всех сторон обширного края. Зерно, подсолнечное семя, табак, скот и прочие товары — все это стекалось в Екатеринодар на всех возможных видах транспорта. Так, грузооборот речной пристани в Екатеринодаре перед первой мировой войной составлял одних только зерновых продуктов от 3,4 до 4,9 млн. пуд. в год, городской железнодорожной станции — свыше 7 млн. пуд.¹⁹ Плюс к этому на екатеринодарский хлебный рынок ежегодно прибывало до 350 тыс. подвод, подвозивших по 14 и более млн. пуд. хлеба и семечек²⁰.

Интересное описание екатеринодарского хлебного рынка оставил один из его постоянных наблюдателей. Он, в частности, писал, что «в разгар хлебного сезона (с половины июля и до октября) бывают такие случаи, что не говоря уже о мелких хлеботорговцах, но и у более крупных не достает денег рассчитывать с привозителями за купленные у них зерновые продукты и поэтому некоторым продавцам приходится по дню, нередко и по два дня, ожидать получения расчета за проданный товар»²¹.

Зерновой товар, несомненно, превалировал в областном центре Кубани, но Екатеринодар был известен также и как довольно крупный рынок продуктов животноводства. Ежегодно на его скотобойнях обрабатывалось свыше 100 тыс. голов крупного и мелкого скота, выделялось более 300 тыс. штук кож и овчин, 20—35 тыс. пуд. шерсти, десятки тысяч пудов мяса и сала. Помимо собственной выработки на екатеринодарский рынок доставлялось в год только гужевым способом до 400 тыс. штук кож и овчин²². Значительное количество продуктов животноводства подвозилось в Екатеринодар по железной дороге и по р. Кубани. Сюда же стекалась продукция табачных и виноградных плантаций, садоводства и огородничества²³.

Большую роль в реализации сельскохозяйственных продуктов Кубани играли промышленные предприятия, большинство которых выросло на базе местного сельскохозяйственного производства. Рост обрабатывающей промышленности в Кубанской области увеличивал товарные поставки сельскохозяйственного сырья на кубанские заводы и фабрики, производство которых, как это видно из табл. 2 за рассматриваемое время значительно возросло.

Приведенные материалы показывают, что объем производства обрабатывающей сельскохозяйственное сырье промышленности (главным образом кустарной) возрос на Кубани за указанное время более чем в 5 раз, хотя общее число предприятий сократилось

Т а б л и ц а 2

*Обрабатывающая промышленность Кубанской области в 1890 и 1913 гг. **

Предприятия	1890 г.		1913 г.	
	число	объем производства в тыс. руб.	число	объем производства в тыс. руб.
Винокуренные и пивоваренные	20	3623,7 **	51	2 458,8
Табачные	4	340,2	5	529,1
По обработке продуктов животноводства	445	396,5	448	475,1
Маслобойные	339	93,5	553	16 478,2
Мукомольные	3917	1633,0	2619	13 607,1
Итого	4775	6086,9	3676	33 548,3

* Составлена по данным: ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 58, д. 72, л. 7—8; Отчет начальника Кубанской области за 1913 г. Екатеринодар, 1914.

** По сведениям «Кубанской справочной книжки 1891 г.» (с. 146), объем производства винокуренных и пивоваренных предприятий составлял 2044,6 тыс. руб.

почти на 25%. Рост сельскохозяйственного производства явился одной из немаловажных причин концентрации обрабатывающей промышленности в Кубанской области. Особенно заметные сдвиги в этом направлении произошли в мукомольном и маслобойном производстве. Так, если в 1903 г. на Кубани была всего 31 мельница I—V разрядов с ежегодным размолотом зерна свыше 250 тыс. пуд. каждая, то уже в 1908 г. их было 81²⁴. И среди них такие мукомольные гиганты, как мельница А. М. Ерошова в г. Екатеринодаре, обрабатывавшая до 1900 тыс. пуд. зерна в год, мельницы: Я. Ф. Николенко в Лабинском отделе (1400 тыс. пуд.), И. А. Баранова в Баталпашинском отделе (1015 тыс. пуд.) и др.²⁵ Перед первой мировой войной только на учтенных мельницах в Кубанской области перерабатывалось свыше 20 млн. пуд. зерна, главным образом местной пшеницы²⁶.

Свыше 1 млн. пуд. кукурузы потребляли ежегодно винокуренные предприятия Кубани, однако большая ее часть (до 90%) доставлялась из Терской области. Зато ячмень для производства спирта и пива полностью закупался на месте — до 0,5 млн. пуд. в год²⁷.

В отличие от указанных отраслей производства, потреблявших незначительную часть товарной сельскохозяйственной продукции области, маслобойная промышленность Кубани закупала подавляющее количество валового сбора подсолнечного семени. Это особенно стало заметно тогда, когда наряду с массой заведений кустарного типа с середины 90-х годов XIX в. на Кубани стали возни-

кать более крупные маслособойные предприятия с суточным производством масла в 200—800 и более пуд. В первом десятилетии XX в. концентрация маслособойной промышленности (наряду с созданием новых небольших маслособоев) продолжалась²⁸.

Учесть потребление товарной продукции всеми маслособойными предприятиями области не представляется возможным. Однако в нашем распоряжении имеются данные о покупке подсолнечного семени основными его потребителями — 12 крупнейшими маслособойными заводами Кубани. По нашим подсчетам, эти заводы в 1911—1917 гг. ежегодно закупали от кубанских товаропроизводителей до 11 млн. пуд. подсолнечного семени, из которых по 4—5 млн. пуд. в год закупалось тремя екатеринодарскими маслоса заводами²⁹. Это означало, что только крупными заводами области ежегодно потреблялось от 60 до 80% валового сбора подсолнечных семян Кубанской области.

В противоположность маслособойной промышленности табачное фабричное производство в Кубанской области развивалось не столь успешно. В начале XX в. на местных табачных фабриках перерабатывалось от 12 до 22 тыс. пуд. табачного сырья в год, что составляло 2—4% от всего валового сбора табака в области³⁰. Около 1—3 тыс. пуд. табака, несмотря на запрет, реализовывалось на местных базарах, и по 2—3 тыс. пуд. махорки продавалось частновладельческим экономиям для мойки овец³¹. Вся остальная товарная продукция табачного сельскохозяйственного производства предназначалась для вывоза за пределы области. Однако с начала XX в. в сельскохозяйственном производстве Кубани стал все более ощущаться кризис сбыта табачного сырья. Это нашло отражение прежде всего в быстром росте нереализованной на рынках страны местной табачной продукции. Так, в 1901 г. она составила 40 тыс. пуд., через пять лет — уже 1725 тыс. пуд., а в 1911 г. на оптовых складах Кубани скопилось 2585 тыс. пуд. табака урожая прежних лет³². Подобное положение вещей сложилось не случайно и было вызвано рядом причин. Первая, по словам старшего инструктора по табаководству Главного управления землеустройства и земледелия З. Чубкова, заключалась в создании «правительством монополии фабрикантов и складчиков» (введенный в 1882 г. табачный устав запрещал табаководам непосредственную продажу табачного сырья на рынках — оно должно было обязательно пройти через фабрику. — В. Р.), вторая — в многочисленном роде скупщиков, которым доставалась «львиная доля прибыли от табаководства»³³. Остальные причины были изложены в докладной записке Екатеринодарского биржевого комитета, направленной в 1913 г. в различные правительственные органы³⁴. Суть их сводилась к следующему: 1) непропорциональное увеличение акциза на отдельные сорта табака, 2) конкуренция успешно развивающегося табаководства Черноморского побережья Кавказа, 3) рост арендной платы

за землю на Кубани (табак разводился главным образом на арендованной земле), 4) сокращение производства на табачных фабриках России, 5) отсутствие хорошо налаженного кредита, 6) ухудшение природных и товарных качеств поставляемого на рынок кубанского табака³⁵.

Все причины, породившие кризис кубанского табаководства, были взаимосвязаны, и одна нередко порождала и углубляла другую. Вот, например, как объяснял причину ухудшения качества кубанского табака представитель Азовско-Донского коммерческого банка П. Л. Кранцфельд: «Год от года кубанские табачки все более и более теряют в природных своих качествах. Причиной этого является истощенность почвы под табачными плантациями. Переходить же на новые, крепкие целинные земли плантаторы не могут, ибо почти все они разорены и обнищали»³⁶. Дороговизна и краткосрочность земельной аренды, засилие скупщиков, конкуренция и пр.— все это вынуждало товаропроизводителей и торговцев идти на всякие ухищрения, чтобы сбыть свой товар как можно выгоднее и быстрее. Огневая сушка заменила солнечную. Качество табака ухудшилось, зато он быстрее стал подготавливаться к сбыту. Сортировка и тюковка табачного сырья нередко проводились вне всяких правил: сорта перемешивались, обкладка тюков низкими сортами табака достигала 50 и даже 60% от общего его количества вместо положенных 15—25%³⁷. Это затрудняло фабричную обработку табака, сокращало число покупателей табачного сырья. Кризис кубанского табаководства в первую очередь отражался на экономически нестабильном положении мелких табаководов, усиливал их зависимость от владельцев земли, оптовых складов, от фабрикантов и скупщиков.

Помимо указанных сельскохозяйственных продуктов на внутренний кубанский рынок поступало значительное количество скота, продуктов животноводства и подсобных отраслей сельского хозяйства. Так, в 1908 г. на ярмарках и базарах Кубанской области было продано 86 279 лошадей, 137 051 голова крупного рогатого скота и 112 854 головы мелкого скота — всего на сумму 11 779 619 руб.³⁸

Не менее чем на 1 млн. руб. в год реализовалось на местном рынке овощей, винограда, продуктов бахчеводства и садоводства. Причем из года в год их поставки на городские и сельские базары возрастали³⁹. Однако доминирующим товаром на внутреннем рынке Кубани вплоть до 1917 г. оставался хлеб. По самым приблизительным расчетам, внедеревенский оборот товарного хлеба колебался на внутреннем рынке Кубани в изучаемый период от 22 до 30 млн. пуд. в год (включая и закупки товарных мельниц).

Но помимо внедеревенского товарооборота существовал еще, как известно, и внутридеревенский, который возрастал по мере усиления социально-экономического размежевания кубанской ста-

ницы. Учет всего внутридеревенского товарооборота невозможен, так как в дореволюционной статистике более или менее надежных сведений об этом нет. Однако без представления о масштабах товарообмена непосредственно между потребителями и товаропроизводителями внутри деревни трудно достаточно объективно судить о степени развития товарно-денежных отношений в Кубанской области. Отчасти восполнить этот пробел могут данные о количестве той товарной продукции, которой необходимо было закупать сельской бедноте Кубани для своего потребления. Поэтому сделаем приблизительные расчеты закупки хлеба беспосевными и малопосевными крестьянами Кубанской области для начала XX в.

По многочисленным источникам, среднее потребление человека в год составляло в области 18—20 пуд.⁴⁰ Однако, как показывают данные бюджетных обследований, беднота везде потребляла хлеба меньше средней нормы⁴¹. Меньше указанной нормы (18—20 пуд.) она потребляла и на Кубани. По данным подворного обследования семи станиц Майкопского отдела, сельская беднота без посева потребляла в среднем по 15 пуд. хлеба на душу⁴². Это было на 1—2 пуда больше потребления крестьян Европейской России. Последнее обстоятельство можно объяснить, во-первых, тем, что на Кубани чистый (за вычетом семян) сбор зерновых был выше, чем в центре страны, во-вторых, тем, что средние цены на рожь и пшеницу были ниже, чем в Европейской России.

Товарное потребление хозяйств с посевной площадью до 2 дес. каждое и по 2—3 дес. составляло в среднем по Кубанской области для первых по 10 пуд. на одного человека, для вторых — по 5 пуд. При этом мы исходили из расчета средней урожайности на Кубани в 60 пуд.⁴³, среднего состава семьи в шесть человек⁴⁴, а так как у бедноты состав семьи был, как правило, меньше средней нормы, следовательно, — 5 человек; среднего высева на 1 дес. 9 пуд.⁴⁵ и фуражной потребности в 50 пуд. на одно хозяйство⁴⁶, исходя из того факта, что почти все хозяева с посевами до 2 дес. не имели рабочих лошадей, а из хозяев с 2—3 дес. имела лошадей лишь половина⁴⁷.

Эти расчеты подтверждаются также данными подворного и бюджетного обследования 10 станиц Майкопского отдела⁴⁸. Однако, как следует из данных обследования, хозяйства этих станиц закупали больше растительной пищи, чем показано в вышеприведенных расчетах. Так, хозяйства с 2—3 дес. закупали в год до 50—52% всей употребляемой ими растительной пищи. Но, во-первых, как показывают материалы бюджетов, сюда входил не только хлеб, а также и продукты огородничества, бахчеводства и т. п. и, во-вторых, станицы предгорий отличались от большинства станиц Кубани меньшей рентабельностью своих зерновых хозяйств. Отсюда недостаток собственного хлеба в этих станицах и подвоз его туда из степных районов, о чем указывалось

выше. Поэтому разницу между средними размерами закупок указанной категории хозяйств и закупками их в этих станицах можно не принимать в расчет и полностью отнести в сумму реализуемой в предгорьях завозной товарной продукции.

Хозяйства с 4—5 дес. нередко также вынуждены были прибегать к услугам товарного рынка, продавая некоторые излишки своей продукции в урожайные годы и покупая недостающую для пропитания продукцию в климатически неблагоприятные периоды. Иными словами, в рассматриваемое время даже хозяйства натурально-потребительского типа участвовали в той или иной степени в товарообмене, но так как чистая товарность их была либо незначительной, либо совсем отсутствовала, мы и не берем ее во внимание.

Теперь, обратившись к наиболее надежному источнику по расслоению кубанской станицы — поземельной переписи 1917 г.⁴⁹, определим, что внутридеревенская товарная продукция на Кубани, потребляемая беспосевными и малопосевными хозяйствами, составляла 15 566 тыс. пуд., из которых 9 399 тыс. пуд. закупалось иногородним населением области и 6 167 тыс. пуд. — коренными жителями. Однако указанной цифрой далеко не исчерпывалась потребляемая на местах товарная продукция Кубани, так как в нее не вошли, во-первых, закупки хлеба приходящими на Кубань сельскохозяйственными рабочими и, во-вторых, неземледельческим населением станиц (ремесленниками, торговцами и т. п.). С учетом указанных категорий населения⁵⁰ сумма внутридеревенской товарной продукции составит около 20 млн. пуд.

Значительный объем реализуемой в области сельскохозяйственной продукции свидетельствовал о высоком уровне развития товарного производства в сельском хозяйстве дореволюционной Кубани.

*

Развитие капитализма вширь в конце XIX — начале XX в. обуславливало не только интенсивный рост товарного обращения и формирование местных внутренних рынков в таких районах, как Кубань, но и способствовало расширению торгово-хозяйственных связей этих районов с Европейской Россией и другими регионами страны. История экономических связей Кубанской области, товарная продукция которой во все возрастающем объеме поступала на общероссийский рынок, дает достаточно подтверждений этому. Уже в 90-х годах XIX в. из кубанских портов (без Новороссийска) ежегодно отходило в другие российские порты до 2 тыс. каботажных судов. В начале XX в. их число возросло более чем вдвое⁵¹. Еще в большей степени возросли железнодорожные перевозки⁵².

Основными видами товаров, направляемых на внутренние рынки были продукты сельскохозяйственного производства: зерно, мука, табак, подсолнечное масло, жмыхи, живой скот, птица, продукты животноводства и т. п. По объему кубанская сельскохозяйственная продукция, вывозимая непосредственно внутрь страны, была значительно меньше той, которая шла за границу, но зато ассортимент ее был несколько разнообразнее. Один перечень наименований этой продукции занял бы не один лист⁵³. Однако, как и в экспортной торговле, в грузовом потоке товаров, шедших из Кубанской области в другие губернии России, первое место занимали продукты зерновых хозяйств, на долю которых в различные годы приходилось от 70 до 90% всех грузов⁵⁴. Ежегодно из морских портов азовско-черноморского побережья Кубани на внутренний рынок России отправлялось в среднем по 10—12 млн. пуд. хлеба⁵⁵. Еще больше его вывозилось по железнодорожным магистралям. Только в Ростов-на-Дону с железнодорожных станций Кубанской области ежегодно отправлялось от 14 до 18 млн. пуд. хлеба⁵⁶. Конечно, не все хлебные продукты, приходившие в Ростов, реализовывались на местном рынке. Напротив, большая их часть шла за границу, но некоторая часть зерна, очевидно, закупалась на месте, в первую очередь ростовскими мельницами — крупнейшими в России. География вывоза сельскохозяйственной продукции с кубанского рынка говорит о тесных экономических связях области с другими районами России. Так, в 1913 г., по официальным данным, основной товарной продукции кубанского земледелия — пшеницы — было вывезено по железным дорогам в Баку — 1278 тыс. пуд., во Владикавказ — 360 тыс., в Таганрог — 169 тыс., в Царицын — 42 тыс., в Москву — 31 тыс., и по несколько тысяч пудов — в Варшаву, Киев, Харьков, Кременчуг и другие города. В немалом объеме вывозился на внутренний рынок страны и ячмень⁵⁷.

Значительное количество зерна поставлялось из Кубанской области в соседние малоплодородные губернии Черноморского побережья и Закавказья⁵⁸. Только одной Черноморской губернии ежегодно не хватало на прокорм и обсеменение полей до 800 тыс. пуд. зерна⁵⁹, большая часть которого поставлялась в губернию из Кубанской области.

С 1908 г. закупки так называемых серых хлебов и ячменя стало производить на Кубани Кавказское интендантское управление. С этой целью в таких известных товарно-зерновых пунктах Кубани, как хутор Романовский, станции Казанская и Архангельская были открыты казенные хлебные ссылки, где у местного населения скупались рожь, просо и ячмень. Первые опыты закупки кубанского зерна для нужд армии дали неплохие результаты. «Крестьяне, — по данным окружного интенданта, — охотно продают в казну свои продукты, получая за проданное

зерно все деньги сразу, тогда как от местных хлеботорговцев крестьяне получают деньги частями в два — три срока, что крайне для них обременительно»⁶⁰. Действительно, в большинстве случаев свои продукты привозили на ссыпки мелкие и средние товаропроизводители. Однако интендантству пришлось столкнуться на Кубани с рядом трудностей и прежде всего с «конкуренцией со стороны хлеботорговцев, с которыми крестьяне связаны долголетними сделками и находятся от них в экономической зависимости, получая задатки и запродавая передко хлеб еще на корню», в то же время более зажиточные крестьяне не спешили продавать свой хлеб «в ожидании повышения цен на него с наступлением весны»⁶¹.

Несмотря на это, уже в первые «пробные» годы на Кубани было закуплено около 150 тыс. пуд. ржи, 104,5 тыс. пуд. ячменя и 50 тыс. пуд. проса. Купленное зерно направлялось в военные магазины Батуми, Пятигорска, Ставрополя, Грозного, Кутаиси и в другие пункты расквартирования Кавказской армии⁶².

Заслуженной известностью в различных районах России пользовалась кубанская пшеничная мука⁶³, с увеличением спроса на которую возрастал и ее вывоз за пределы области. Так, если в 1895 г. с территории Кубани было вывезено около 2 млн. пуд. пшеничной муки, то к 1913 г. вывоз ее возрос почти вчетверо, достигнув 7 813 тыс. пуд.⁶⁴ До 40% этого вывоза шло непосредственно на внутренний рынок империи. К 1913 г. Кубанская область поставляла муку в 45 губерний и областей России. Распределение этого продукта по станциям назначения показывает, что в 1913 г. по железным дорогам во внутренние районы России было вывезено 3041 тыс. пуд. кубанской муки. Но, как известно, мука вывозилась не только по железным дорогам. Определенное ее количество доставлялось в соседние с Кубанью губернии гужем, учесть которое не представляется возможным, а также каботажем. Судя по отрывочным сведениям, каботажными судами накануне войны вывозилось в русские порты до 200 тыс. пуд. кубанской муки⁶⁵.

Вторым по значению (после хлеба) товарным продуктом, вывозимым из Кубанской области, был табак, ежегодный вывоз которого на внутренние рынки страны колебался в начале XX в. от 400 до 800 тыс. пуд.

В отличие от зернового производства, кубанское табаководство в основном было связано не с заграничным, а с российским рынком. В этом нетрудно убедиться, сопоставив размеры валового сбора табака и его вывоза из области в другие губернии (табл. 3).

Как показывает таблица, кубанское торговое табаководство было теснейшим образом связано с внутрироссийским рынком, на склады и фабрики которого оно поставляло большую часть

Т а б л и ц а 3

*Валовой сбор кубанского табака (в тыс. пуд.) и его вывоз во внутренние губернии России **

Годы	Среднегодовой сбор кубанского табака	Среднегодовой вывоз табака из области	% отношение вывоза к сбору
1900—1904	764	548	71,7
1905—1909	913	607	66,4
1910—1913	669	587	87,8

* ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 3, д. 5007, л. 7; там же, ф. 616, оп. 1, д. 750, л. 30; ГАКК, ф. 487, оп. 1, д. 10, л. 59—61; Кубань и Черноморское побережье, Екатеринодар, 1914, с. 83 (данные по валовому сбору табака уточнены по работе: *Отрыганьев А. Л. Табаководство в Кубанском крае, Екатеринодар-Армавир, 1919*).

своей товарной продукции. О роли кубанского табаководства в табачно-промышленном производстве России говорит, например, тот факт, что перед первой мировой войной из всего перерабатываемого на русских фабриках табака высших сортов в количестве до 1,6 млн. пуд. свыше 300 тыс. пуд. (около 20%) приходилось на табачное сырье Кубани⁶⁶. Потребителями кубанского табака были такие крупнейшие фабрики России, как А. Н. Богданова, А. Н. Шапошникова, фирмы «Лаферм» в Петербурге, «Габай» и «Дукат» в Москве, табачные предприятия Асмолова и Кушнарева в Ростове-на-Дону⁶⁷. Однако этими фабриками не исчерпывались торговые связи кубанского табаководства — его сырье направлялось в начале XX в. более чем в 30 губерний страны⁶⁸.

Из других продуктов кубанского земледелия, которые в значительном количестве поставлялись в губернии России, следует отметить прежде всего подсолнечное семя и продукты его обработки (масло и макуху), а также овощи и фрукты. Но если подсолнечник и масло вывозились главным образом в близлежащие губернии (Таврическую, Черноморскую, Ставропольскую, Область Войска Донского), то фрукты и особенно овощи в большом количестве шли в Петербург, Москву и центральные губернии⁶⁹. Помимо продукции местного земледелия на внутренний рынок страны, несмотря на некоторое относительное (в расчете на 100 душ населения) сокращение поголовья скота, из Кубанской области поставлялись значительные партии крупного рогатого скота, овец, свиней, лошадей и продукты животноводства. Имеющиеся в нашем распоряжении данные дают возможность показать эволюцию и размеры среднегодовых товарных поставок скота и основных продуктов животноводства из Кубанской области

Т а б л и ц а 4

Среднегодовой прогон скота из Кубанской области в другие губернии России в 1900—1913 гг. (голов) *

Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Телята	Овцы	Свиньи
1900—1904	3 734	97 105	4 732	267 251	6 418
1905—1909	2 597	110 126	7 195	198 895	22 658
1910—1913	2 969	153 973	8 903	257 224 (овец и коз)	37 957

* ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 1626, л. 165; Отчеты начальника Кубанской области за 1900—1913 гг. Екатеринодар, 1901—1914.

Т а б л и ц а 5

*Среднегодовой вывоз продуктов животноводства из Кубанской области в другие губернии России в 1900—1913 гг. **

Годы	Кожі кон- ские и рога- того скота	Овчины	Шерсть	Конский волос и щетина	Сало и солонина	Мясо
	тыс. шт.		тыс. пуд.			
1900—1904	89	412	47	7	30	6
1905—1909	119	366	17	8	70	61
1910—1913	204	340	245	11	23	7

* Источники см. в табл. 4.

на рынки страны (табл. 4). Статистика выхода товарной продукции кубанского животноводства на внутренний рынок страны в основном отражала те структурные изменения, которые происходили в этой отрасли сельского хозяйства Кубани в процессе ее эволюции. Так, уменьшение поголовья овец приводило к сокращению их вывоза из Кубанской области, а интенсивное развитие свиноводства стимулировало поставки свиней на внутренний рынок страны, вывоз которых за пределы области увеличился за указанное время почти в 6 раз. Следует отметить, что скотоводство Кубани в большей степени, чем зерновое производство, ориентировалось на местный российский рынок. Причем с годами эта ориентация постепенно усиливалась. Последнее можно наблюдать и по данным железнодорожных переездов⁷⁰ и по статистике каботажного вывоза скота и продуктов животноводства из кубанских портов⁷¹. Рынками сбыта для Кубанской области

Т а б л и ц а 6

*Взаимосвязь хлебных цен Екатеринодара, Новороссийска и общероссийского рынка в 1890—1913 гг. (коэффициенты корреляции)**

Вид зерна	Екатеринодар — общероссийский рынок		Новороссийск — общероссийский рынок	
	1890—1900 гг.	1901—1913 гг.	1890—1900 гг.	1901—1913 гг.
Пшеница	0,85	0,80	0,80	0,87
Рожь	0,77	0,93	0,92	0,96
Ячмень	0,70	0,85	0,76	0,87
Овес	0,46	0,85	0,96	0,94

* Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1890—1899 гг. СПб., 1900; то же за 1900—1903 гг. СПб., 1906; то же за 1904—1914 гг. Пг., 1916; *Собрание А. С. Екатеринодарский хлебный рынок и вывоз хлеба из Кубанской области...* — «Кубанский сборник», Екатеринодар, 1899, т. V, с. 44; Отчеты начальника Кубанской области за 1899—1913 гг. Екатеринодар, 1900—1914. (Подсчет наш — В.Р.).

являлись в первую очередь Москва и Петербург (до 30% всего вывоза), а также Варшава, Вильно, Баку, Ростов-на-Дону и другие города России.

В изучаемый период Кубанская область во все возрастающем объеме поставляла на всероссийский рынок значительный ассортимент своей сельскохозяйственной продукции. Развитие экономических связей между внутренним рынком страны и товарным рынком Кубани, основой которого, несмотря на рост других специализированных отраслей сельскохозяйственного производства, продолжало оставаться зерновое хозяйство, находило отражение не только в расширяющемся товарообмене, но и в относительно синхронном движении и колебаниях хлебных цен в Европейской России, Кубанской области (Екатеринодаре) и Новороссийске. Коэффициенты корреляции (табл. 6) также подтвердили тесную взаимосвязь между общероссийскими и местными ценами в конце XIX — начале XX в.

Все рассмотренные показатели говорят о том, что в конце XIX — начале XX в. товарный рынок Кубани уже являлся составной органической частью общероссийского рынка.

Развитие товарного производства, по словам К. Маркса, «существенным образом связано с расширением рынка, с созданием мирового рынка и, следовательно, с внешней торговлей»⁷².

Для Кубанской области, которая несомненно по степени специализации в начале XX в. стояла на первом месте среди других зерновых районов России, экспортная торговля хлебом имела особое значение. Хлебный экспорт Кубани как результат внутрirosсийского и мирового разделения труда возник и развивался благодаря расширению торговых посевов, росту товарно-зернового производства в области. В свою очередь внешняя торговля Кубани оказывала сильное влияние на рост ее товарного потенциала, способствовала сближению рыночной конъюнктуры области с рыночной конъюнктурой тогдашнего капиталистического мира. Показателем этого могут служить прежде всего сведения об эволюции и тесноте зависимости хлебных цен в Кубанской области (Екатеринодаре), Новороссийске и на мировом рынке. Анализ движения цен на основные виды зерновых продуктов за 1890—1913 гг. в целом отражает довольно синхронные колебания их в центре Кубани, главном порту Предкавказья и на зарубежных рынках. Коэффициенты корреляции подтверждают высокую степень взаимозависимости этих цен (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

*Взаимосвязь хлебных цен Екатеринодара, Новороссийска и мирового рынка в 1890—1913 гг. (коэффициенты корреляции)**

Вид зерна	Екатеринодар — мировой рынок		Новороссийск — мировой рынок	
	1890—1900 гг.	1901—1913 гг.	1890—1900 гг.	1901—1913 гг.
Пшеница	0,85	0,78	0,91	0,94
Рожь	0,89	0,89	0,98	0,85
Ячмень	0,95	0,96	0,97	0,97
Овес	0,36	0,85	0,84	0,94

* Источники см. в табл. 6.

Как видно из таблиц 6 и 7, для периода 1890—1900 гг. слабую взаимозависимость показали цены на овес на екатеринодарском, с одной стороны, и всероссийском и мировом рынках, с другой стороны (коэффициенты корреляции 46 и 36). Это объясняется, по-видимому, низкой товарностью кубанского овса, резкими колебаниями урожаев и цен этой культуры в Кубанской области в указанное время. С ростом производства и товарного потенциала овса на Кубани в 1901—1913 гг. происходило сближение местных цен на этот важный кормовой продукт с мировыми и всероссийскими.

Обратимся непосредственно к анализу кубанского экспорта конца XIX — начала XX в. Успешное развитие его было в немалой степени связано с ростом железнодорожного транспорта в области и высоким качеством кубанского хлеба. Степные дороги Кубани в передкие периоды распутиц были совершенно непригодны для гужевых перевозок, и только железнодорожный транспорт сделал возможным бесперебойную доставку зерна к морским портам. Подтверждением сказанного могут служить следующие данные. До проведения новороссийской ветки Владикавказской железной дороги в 1888 г. из Новороссийска в среднем ежегодно экспортировалось по 3,3 млн. пуд. четырех главных хлебов (пшеницы, ржи, ячменя и овса) и кукурузы. С 1890 г. Новороссийский порт увеличил вывоз зерна почти в 7 раз⁷³. Другой пример — с Ейском. Как только осенью 1910 г. по линии Ейск — Сосыка было открыто временное товарное движение, к Ейскому порту для вывоза за границу было доставлено 14 млн. пуд. хлеба, или вдвое больше подвоза предыдущих лет⁷⁴.

О высоких природных качествах кубанского зерна говорить много не приходится — это общеизвестно. Южнорусское зерно, по определению крупнейших специалистов начала XX в., считалось «лучшим на мировом рынке», а среди южнорусских хлебов особой популярностью пользовалось зерно кубанских производителей⁷⁵. С ростом товарного производства и спроса на кубанское зерно возростал и экспорт последнего с территории Кубанской области. Об этом можно судить по данным вывоза зерна за границу из Новороссийска и пяти азовско-черноморских портов Кубани. Так, с 1890 г. по 1913 г. экспорт хлеба из указанных портов возрос более чем в 2,5 раза с 36,2 до 99,3 млн. пуд. (см. Приложение 2). Однако в отличие от кубанских портов Новороссийск стягивал к себе хлебные грузы не только с территории Кубанской области, но и с других губерний Предкавказья и даже Поволжья. Для нас же важно определить размеры хлебного экспорта именно Кубанской области. Это можно сделать по данным железнодорожных перевозок, которые в конце XIX — начале XX в. абсолютно преобладали над всеми остальными видами подвоза.

В 1911 г. в Новороссийск из Кубанской области было доставлено по железной дороге 42,4 млн. пуд. хлеба, или 57,5% всего подвоза хлеба в порт, в 1912 г. — 31,9 млн. пуд. (59,7%), в 1913 г. — 42,4 млн. пуд. (62,1%)⁷⁶. Но кубанский хлеб имел выход на мировой рынок не только через Новороссийск и кубанские порты, но и через Ростов. Так, в 1911 г. в Ростов-на-Дону, не считая транзитного зерна, из Кубанской области было подвезено 14 млн. пуд. хлеба, в 1912 г. — 17,7 млн. пуд., в 1913 г. — 17,9 млн. пуд.⁷⁷ Основная часть доставленного в Ростов зерна шла за границу. Нельзя полностью игнорировать и гужевой подвоз зерна в Ростов и Новороссийск. С учетом всего этого можно определить

размер кубанского зернового экспорта для предвоенного пятилетия в 56—60 млн. пуд. в год. Это означало, что вывоз зерна из Кубанской области на мировой рынок возрос по сравнению с началом 90-х годов прошлого столетия более чем в 2 раза. По количеству экспортируемого зерна перед первой мировой войной Кубанская область вышла на второе место в России, уступая только Херсонской губернии, вывозившей на мировой рынок до 65 млн. пуд. зерна в год⁷⁸. Интересен и тот факт, что Кубань, чей валовой сбор зерна в начале XX в. составлял 4% от всероссийского сбора хлебов (см. Приложение 1), вывозила на мировой рынок до 8% от всего хлебного экспорта России⁷⁹. Причем вывоз из области таких высокотоварных культур, как пшеница и ячмень составлял почти десятую часть всего их вывоза из страны, а экспорт так называемых серых хлебов (рожь, просо и др.) — только 3%⁸⁰. Действительно, в рассматриваемое время до 80—90% зернового экспорта Кубани составляли пшеница и ячмень. На зарубежные рынки отправлялось значительное количество (по 5—12 млн. пуд.) кукурузы. Доля остальных хлебных продуктов в общем экспорте Кубани не превышала 5—8%⁸¹.

Хлеб из Кубанской области шел в основном в страны Европы. По количеству импортируемого из области зерна и муки на первом месте стояла Германия, ежегодно вывозившая из Новоросска от 17 до 23 млн. пуд. хлеба, затем Голландия, Дания и Италия, вывозившие по 8—12 млн. пуд. зерна каждая, за ними следовали Бельгия, Франция, Англия и Греция, чей ежегодный импорт кубанского хлеба колебался от 3 до 7 млн. пуд. Остальные страны (Испания, Швеция, Норвегия и др.) вместе взятые закупали в Новороссийске не более 3 млн. пуд. в год⁸². В 1911 г. крупнейшая на Кубани мукомольная фирма И. Дицмана сделала попытку наладить торговые отношения с Ближним Востоком. Однако попытка эта не нашла последователей. Осуществлявшее перевозку муки известное пароходное общество РОПИТ перегружало в Одессе хлебные продукты, пришедшие из Новороссийска, на другие суда, а затем уже отправляло в Александрию, что весьма сильно удорожало фрахт и делало невыгодным экспорт кубанской муки на Ближний Восток⁸³. Но сам факт стремления кубанских предпринимателей и купцов расширить географию торговых связей Кубани говорил об их поисках наиболее выгодных рынков сбыта. Растущее зерновое производство подталкивало их к этому.

Помимо хлеба из Кубанской области на экспорт в значительных размерах вывозились льняное и подсолнечное семя, табак, отходы зернового и подсолнечного производства: отруби, семенные выжимки, жмых, макуха и пр. В середине 90-х годов XIX в. только один Новороссийск ежегодно вывозил за границу по 7—9 млн. пуд. льняного семени. Однако в начале XX в. в связи с сокращением посевов льна этот вывоз сократился до 200—800 тыс. пуд. в год⁸⁴.

Более чем по 7 млн. пуд. в год вывозилось из Кубанской области жмыха, что составляло 98% всего его производства на Кубани⁸⁵. По 500—700 тыс. пуд. в год экспортировалось из Кубанской области подсолнечного семени и по 700—900 тыс. пуд. отрубей и выжимок⁸⁶.

Значительно увеличился вывоз за рубеж кубанской макухи. Так, если в первое пятилетие XX в. из морских портов Кубани и Новороссийска ее вывозилось по 4—6 млн. пуд. в год, то во втором пятилетии — уже 5—7 млн. пуд., а в предвоенное время — по 9—11 млн. пуд.⁸⁷

Резко возрос в начале XX в. и экспорт кубанского табака. Если в 90-х годах XIX в. табак из Кубанской области почти не вывозился за границу, то с начала XX в. его все больше и больше отправлялось на зарубежные рынки. А в 1909—1911 гг. из области экспортировалось в среднем по 200 тыс. пуд. табачного сырья в год, что составляло третью часть всего его экспорта из России.

Кубань являлась также крупным поставщиком за границу поташа (техническое название углекислого калия), который добывался из пепла стеблей и корзинок подсолнечника и применялся при производстве стекла, жидкого мыла и пр. По своему качеству кубанский поташ значительно превосходил поташ других губерний России и находил гарантированный сбыт у заграничных покупателей под именем «кавказского поташа». В среднем за год из Кубанской области экспортировалось в 1900—1904 гг. — 155 тыс. пуд., в 1905—1909 гг. — 330 тыс. пуд., в 1910—1913 гг. — 336 тыс. пуд. поташа⁸⁸.

Немалое значение в экспорте товаров за границу еще в 90-х годах XIX в. имел вывоз скота и продуктов животноводства Кубани. Так, по официальным данным в 1896 г. из Кубанской области было экспортировано: 107 868 голов крупного рогатого скота, 343 347 голов мелкого скота, главным образом овец, 351 403 пуд. овечьей шерсти, 314 421 овчин, 80 826 кож, 50 441 пуд. солонины, 6 541 мясная туша⁸⁹. В 1900-х годах экспорт скота постепенно сокращался в связи с падением роли скотоводства на Кубани. Зато увеличился вывоз продуктов птицеводства, особенно яиц. В Тихорецкой и других станциях Кубани московские фирмы в начале XX в. открыли свои заготовительные конторы по скупке яиц, которые через Москву вывозились за границу. Перед войной в летние месяцы из Кубанской области ежедневно отправлялось в Москву для экспорта по 3—4 вагона яиц⁹⁰. Наконец, за границу, главным образом в Малую Азию, ежегодно из Кубани отправлялись небольшие партии, в несколько тысяч пудов, овощей и фруктов⁹¹.

Интересным представляется вопрос об организации экспортной торговли в крае. Командные позиции в ней находились в руках крупного торгового капитала в лице русских и иностранных экспортных фирм.

Последние превалировали главным образом на зерновом рынке. Наибольшие закупки хлеба производили на Кубани фирмы Луи Дрейфус и К^о, А. С. Вальяно, П. и Ф. Сифнео, братья Дюмортье. О масштабах их деятельности можно судить, например, по данным Новороссийской таможни. Так, в 1901 г. из 36 млн. пуд. хлеба, вывезенного за границу, 12,8 млн. пуд. приходилось на акционерное общество Л. Дрейфус и К^о, 1,4 млн. пуд. — на фирму А. С. Вальяно, 1,6 млн. пуд. — на две другие компании⁹². Масса всевозможных посредников являлась многоступенчатым связующим звеном между экспортирующими фирмами и производителями. Здесь были и хлебные торговцы, и лавочники, которых немало было в любом селении, и специальные комиссионеры, и скупщики, разъезжавшие по области с целью закупки хлеба и табака, и, наконец, всевозможные мелкие посредники («шибай», «кулачники», «самовозы» и др.), скупавшие сельскохозяйственные продукты за деньги и по поручениям более крупных представителей торговли. Распространение ложных слухов о ценах на хлеб, скупка зерна на корню, обвешивание, засорение зерновых продуктов и пр. — на какие только ухищрения не шли эти скупщики, чтобы увеличить свои прибыли! И чем интенсивней шел товарообмен, тем гуще был рой торговых посредников, тем шире и изощреннее практиковались все эти приемы. Не случайно по засоренности зерна Кубанская область стояла на одном из первых мест среди хлебопроизводящих районов России⁹³. Страдал же от всего этого в первую очередь производитель. По подсчетам Н. А. Карышева, деятельность торговых посредников на Кубани обходилась казакам и крестьянам в несколько миллионов рублей ежегодно. «Местный производитель хлеба, — писал он, — платит армии хлеботорговых агентов особого рода арендную плату в среднем около 2,7 руб. с пахотной десятины»⁹⁴.

Однако переплатою посредникам далеко не исчерпывались факторы, понижавшие доходность местных хозяйств. Необорудованность и несовершенство кубанских портов, из-за чего транспортируемый пуд зерна обходился на 6—10 коп. дороже⁹⁵, дорогостоящие фрахты (по 5—13 коп. на пуд)⁹⁶, отсутствие необходимой торговой классификации зерна и т. п. — все это опять-таки перекладывалось экспортерами и торговцами на плечи сельских производителей. Особенно тяжело ощущали все это на себе мелкие крестьяне, участие которых в поставках зерна для русского экспорта Ф. Энгельс в свое время прямо связывал с их голоданием⁹⁷.

В конце XIX — начале XX в. все большую роль в экспортной торговле Кубани начинали играть банки. Первоначально их деятельность сводилась исключительно к кредитованию внешней торговли и учету векселей по хлебоэкспортным операциям. О размахе подобных операций можно судить, например, по деятельности Екатеринодарского отделения Азовско-Донского коммерческого

банка. Это отделение было открыто в 1889 г., и в первый же год его общие обороты составили 68,8 млн. руб., через три года — уже 128,7 млн. руб., т. е. возросли почти вдвое⁹⁹.

Стремясь как можно шире организовать размеры ссудных операций под залог дубликатов и железнодорожных накладных, и в нарушение устава, банки стали практиковать выдачу ссуд в размере 90—100 % и свыше 100 % рыночной стоимости товара. Это вносило ажиотаж в торговые сделки, нередко приводивший к невыполнению подписанных контрактов и банкротству торговых фирм, как это случилось, например, в 1911 г. с новороссийскими вывозным и комиссионно-экспортным товариществами⁹⁹. Но банки не ограничивались только кредитно-ссудными операциями и постепенно переходили к экспортно-торговой деятельности. Особенно активную деятельность по вывозу зерна за границу развил Русский для внешней торговли банк, ежегодно вывозивший в начале XX в. от 5 до 11 млн. пуд. хлеба из Новороссийска и кубанских портов.

Большие партии кубанского хлеба отправляли на экспорт также Русско-Азиатский и Азовско-Донской коммерческий банки, Петербургский международный и Волжско-Камский коммерческий банки и другие крупные акционерные банки России¹⁰⁰.

Активно участвовало в экспортной торговле хлебом и такое монополистическое объединение, как акционерное общество Владикавказской железной дороги, вывозившее за границу только через Новороссийск свыше 1 млн. пуд. хлеба ежегодно¹⁰¹.

Хлебоэкспортная деятельность Владикавказской железной дороги, а позже и других частных дорог, как и деятельность банков, вносила определенные элементы технической организации в сферу внешней торговли области, но не могла изменить отсталые формы низовой торговли, где беззащитно распоряжались судьбой производителей многочисленные скупщики и торговцы.

*

Как было показано, поступление товаров кубанского сельского хозяйства на рынок (местный, общероссийский и мировой) в конце XIX — начале XX в. достигло значительных размеров. Однако известно, что сама по себе товаризация сельскохозяйственного производства еще не означает его капитализации. Лишь когда товарное производство становится «всеобщей формой производства» и «сам труд оказывается товаром», лишь тогда это товарное производство превращается в капиталистическое¹⁰². Эту же мысль Маркса об основных признаках высшей ступени развития товарного производства подчеркивал в своих работах В. И. Ленин¹⁰³.

На Кубани в рассматриваемое время в растущих масштабах товарную форму принимала не только продукция сельскохозяйственного производства, но и рабочая сила. Этому способствовали,

помимо роста сельского и городского населения, промышленности, внутреннего рынка и хлебного экспорта, также концентрация производства и социально-экономическое расслоение кубанской станицы, централизация капитала, новые формы организации торговли, деятельность банков, развивавшаяся система кредита, строительство элеваторов. Указанные факторы не только генерировали рост капиталистического производства в сельском хозяйстве области, но и в свою очередь развивались под его воздействием. Сказанное прежде всего относится к концентрации производства и социально-экономическому размежеванию кубанской станицы.

Концентрация производства особенно быстро проходила в таких отраслях «специально-торгового земледелия»¹⁰⁴ как, например, табаководство. К 1916 г. в руках 236 предпринимателей было сосредоточено почти в 3 раза больше табачных посевов, чем у 2412 мелких табаководов¹⁰⁵. В значительной степени концентрация производства наблюдалась и в других отраслях сельского хозяйства области, знаменуя углубление социально-экономической поляризации кубанской станицы. По данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., из 411 486 зарегистрированных хозяйств 138 423 хозяйства, или 33,6%, были беспосевными. Из 273 063 сеющих хозяйств 18 316 (6,7%) хозяйств с посевами свыше 25 дес. каждое имели посевной площади значительно больше, чем 114 334 (41,8%) хозяйства с посевами, не превышавшими 5 дес. на двор. Концентрация посевов и перераспределение земельных площадей в пользу зажиточной верхушки кубанской станицы происходили главным образом за счет купли и аренды земли.

В силу местных условий (незначительный фонд частного землевладения, неотчуждаемость казачьих общинных земель и пр.) особое значение на Кубани приобрела аренда. О ее роли в процессе концентрации посевов можно судить по следующим данным той же переписи. Две трети иногородних хозяйств Кубани и почти третья часть казачьих арендовали в 1917 г. 1,37 млн. дес. земли, из которых почти четвертая часть приходилась на долю 1% сельских хозяев — самых богатых жителей кубанской станицы.

Резкий контраст мы наблюдаем в распределении сельскохозяйственного инвентаря и тяглового скота. 42% хозяев не имели своих сельскохозяйственных орудий, 43,5% были без рабочего скота. В то же время 11,1% зажиточных хозяев, имевших свыше пяти лошадей каждый, сосредоточили в своих руках 36,8% областного поголовья лошадей¹⁰⁶. Мощная концентрация производства и социально-экономическое расслоение сельского населения способствовали росту товарности сельского хозяйства Кубани, а «чем более торговым становится земледелие, тем развитее капиталистическая его организация»¹⁰⁷. Под последним В. И. Ленин имел в виду прежде всего усиление роли наемного труда в сельскохозяйственном производстве.

На Кубани в предвоенное время (1909—1913 гг.) только на табачных плантациях, по данным различных источников, работало до 60 тыс. наемных рабочих¹⁰⁸. Еще больше их трудилось в зерновых хозяйствах области. Процесс классового расслоения делал неизбежным рост такого капиталистического товара, как рабочая сила. Если первая всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала 34 753 (11,7%) хозяйства, выделявшего 56 451 батрака обоего пола, то сельскохозяйственная перепись 1917 г. насчитала таких хозяйств 90 527 (22,0%), а количество батраков — 139 606 душ обоего пола¹⁰⁹. Кроме постоянных наемных рабочих зажиточные слои кубанской станицы обслуживала еще огромная армия поденных и срочных местных и припых рабочих. Так, по имеющимся данным, к июлю 1902 г. в Кубанскую область на полевые работы прибыло 89 872 сезонных рабочих¹¹⁰. Если учесть, что приход рабочих на заработки, как об этом свидетельствуют материалы Тихорецкого регистрационного пункта¹¹¹, продолжался, хотя и в меньших размерах, и в остальные месяцы года, то число наемных рабочих, приходивших ежегодно в область, можно считать значительно больше указанного. С ростом армии наемных рабочих в сельском хозяйстве области возрастала и концентрация наемной рабочей силы в хозяйствах сельской буржуазии. Особенно знаменателен был тот факт, свойственный развивающемуся капитализму, что в хозяйствах зажиточной верхушки росло применение труда батраков. Если с 1897 по 1917 г. процент хозяйств, применявших труд постоянных наемных рабочих, вырос незначительно, то использование наемной рабочей силы батраков и срочных рабочих в расчете на одно хозяйство увеличилось в Кубанской области за 20 лет почти вдвое (с 1,8 до 3,4—3,5)¹¹².

Утверждение капиталистических отношений в кубанском земледелии в свою очередь стимулировало централизацию капитала как в сельскохозяйственном производстве, так и в сфере обработки сельскохозяйственных продуктов. Пожалуй, нагляднее всего это проявлялось в численном и экономическом росте торговых домов, паевых товариществ и акционерных обществ. Интересно, что немалое количество из них функционировало и расширяло свою деятельность не только за счет покупаемого в области сельскохозяйственного сырья, но и на базе собственного сельскохозяйственного производства. Так, возникшее в 1913 г. акционерное общество Анапского виноделия с основным капиталом в 600 тыс. руб. имело винокуренный завод и собственные виноградные плантации. Товарищество на паях Кубанского свеклосахарного и рафинадного завода, которое возглавлял наместник царя на Кавказе граф И. И. Воронцов-Дашков, помимо завода эксплуатировало еще и земельные участки (собственный и арендованный), на которых засеивалась сахарная свекла¹¹³.

На базе сельскохозяйственного производства в конце XIX — на-

чале XX в. на Кубани развивались и расширяли свою деятельность такие крупнокапиталистические хозяйства аграрно-промышленного типа, как известное имение барона В. Р. Штейнгеля и экономия выходца из тавричан-овцеводов Ф. Николенко. Эволюция этих хозяйств показательна для уяснения процесса концентрации и централизации производства и капитала.

В 80-х годах XIX в. в купленном имении Р. В. Штейнгеля-отца стержневым звеном хозяйства было скотоводство, главным образом овцеводство. На арендованной земле (9,4 тыс. дес.) выгуливалось свыше 42 тыс. овец, 940 голов крупного рогатого скота и свыше 400 лошадей. Большая часть собственного участка в 9043 дес. находилась под залежью. Однако скотоводство вытеснялось земледелием, и предприимчивый барон, одним из первых понявший выгоды зернового производства в новых экономических условиях, стал энергично реорганизовывать структуру своего хозяйства. Посевная площадь имения стала быстро расширяться, а вместе с ней укрупнялась и его материально-производственная база, включавшая к концу XIX в. около 500 сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий. В имении начинают строиться объекты промышленного типа: кирпичный завод, мастерская, большой винокуренный завод и зерновой элеватор на 10 тыс. пуд. В 1895 г. начинает работу крупный ректификационный завод с годовым производством спирта 5 млн. градусов. От продажи спирта и водки в первые же годы существования завода в кассу барона потекли огромные барыши. Поэтому в 1899 г. он начинает строительство еще более крупного ректификационного завода — на 40 млн. градусов в год. С постройкой нового завода собственных запасов кукурузы стало в имении не хватать, и оно стало закупать ее на стороне. Производство же пшеницы как наиболее выгодное земледельческое занятие в имении не сокращалось¹¹⁴.

В конце 90-х годов после пятилетних опытов посева сахарной свеклы и постройки свеклосахарного предприятия В. Р. Штейнгель-сын организовал «Товарищество Кавказского свеклосахарного и рафинадного завода» с основным капиталом в 900 тыс. руб. (по 1 тыс. руб. на пай) и передал этому «Товариществу» 200 дес. земли под посевы сахарной свеклы. В это время имущество барона уже оценивалось в 6 млн. руб.¹¹⁵

В 1908 г., стремясь расширить и упрочить прибыльное винокуренное производство, Штейнгель создал акционерное общество «Хуторок» с основным капиталом в 5 млн. руб., разделенных на 20 тыс. акций по 250 руб. При этом контрольный пакет акций, а следовательно, и основную часть прибыли он резервировал за собой¹¹⁶.

Начавшаяся война принесла барону новую доходную статью предпринимательства — производство галет для армии. Заключив договор с Главным интендантским управлением о поставке

300 тыс. пуд. галет в год на сумму 1,2 млн. руб., Штейнгель приступил в 1916 г. к строительству галетной фабрики и мельницы с суточным перемолом зерна 2400 пуд. Все производство галет планировалось за счет собственной пшеницы, для чего ею было засеяно в имении около 3 тыс. дес. земли. Летом 1916 г. галеты из имения стали поступать в интендантские магазины¹¹⁷.

В отличие от дворянина-помещика В. Р. Штейнгеля купец Ф. А. Николенко и его сын Я. Ф. Николенко относились к представителям «чумазых лендлордов». Начав свою деятельность как овцеводы, они закупили на Кубани тысячи десятин земли, которую стали отдавать в аренду местным крестьянам, засеивать зерном, подсолнечником и другими культурами. Сельскохозяйственное сырье своих экономий они не только продавали, но и перерабатывали на принадлежавших им мельнице и маслобойном заводе. В 1906 г. Ф. А. и Я. Ф. Николенко вместе с зажиточным мещанином П. М. Корневым создают акционерное общество с основным капиталом в 850 тыс. руб. С каждым годом доходы общества возрастали и в 1914 г. уже превысили сумму 3 млн. руб.¹¹⁸

Наряду с указанными акционерными обществами возглавляемыми миллионерами Штейнгелем и Николенко, на Кубани в рассматриваемое время функционировало немало и других акционерных компаний, связанных с сельскохозяйственным производством и выросших на его основе, среди которых были такие крупные организации, как «Общество Аведовских маслобойных заводов» с основным капиталом в 1,2 млн. руб.¹¹⁹; общество кавказских маслобойных заводов «Брунан» (название общества было образовано из двух слов — братья Унановы — его учредители) с основным капиталом в 600 тыс. руб.¹²⁰; «Акционерное общество Екатеринодарского парового маслобойного завода», принадлежавшее ранее барону Л. В. Штейнгелю и К^о, с основным капиталом в 500 тыс. руб.¹²¹, по другим данным — в 250 тыс. руб.¹²²; «Акционерное общество Северокавказского сахарного завода» с основным капиталом в 400 тыс. руб.¹²³ и др.

Помимо обществ, осуществлявших свою деятельность главным образом на базе местного производства, на Кубани проводили свои операции и торговые компании вроде «Русского общества вывозной торговли», экспортировавшего в год до 8 млн. пуд. хлеба из Новороссийска и около 1,5 млн. пуд. из Ейского и других портов Кубанской области¹²⁴.

Образование и деятельность акционерных компаний на Кубани знаменовали новый более высокий этап в капиталистическом развитии края, когда «массы капитала, соединенные в очень короткий срок процессом централизации, воспроизводятся и увеличиваются так же, как другие капиталы, но только быстрее, и тем самым в свою очередь становятся мощными рычагами общественного накопления»¹²⁵.

Дальнейшая централизация капитала в форме акционерных компаний способствовала появлению на Кубани монополистических объединений. Для большинства из них сельское хозяйство области являлось той отправной точкой, от которой начиналось движение к концентрации производства и централизации капитала. Так, открывшее свои действия в 1910 г. Акционерное общество кавказских химических заводов (4800 акций по 250 руб. каждая) наладило массовое производство своей основной продукции — поташа только благодаря широко распространившейся в этот период на Кубани культуре подсолнечника. В общество вошло 12 крупнейших заводов Кубанской области¹²⁶. О намерениях его создателей еще до открытия общества писала газета «Голос Москвы»: «С целью борьбы на иностранных рынках против успешной конкуренции Соединенных Штатов кавказские производители поташа и других химических товаров, как нам сообщают, объединяют свои отдельные предприятия в одно, организуя для этого акционерное общество... Новый синдикат открывает свои действия в непродолжительном времени»¹²⁷.

Однако, как следует из отчетов этого общества, оно стремилось утвердить свою монополию на изготовление некоторых видов химической продукции не только на иностранных рынках, но и в России. Об этом говорит активизация общества по реализации своей продукции в России и за границей, а также стремление контрагентов расширить свое производство на юге страны. В 1916 г. общее собрание акционеров вынесло решение о строительстве новых химических заводов, для чего общество обратилось в Министерство торговли и промышленности с просьбой разрешить ему увеличить основной капитал компании до 2 млн. руб.¹²⁸

С 1914 г. в Екатеринодаре стало развиваться свою деятельность «Петроградское экспортно-торговое акционерное общество» — сбытовая организация начавшего действовать в России табачного треста «Раппи табакко компани лимитид». Общество стремилось сосредоточить в своих руках торгово-комиссионные операции по покупке и сбыту табака в Кубанской области и других районах России.

К 1917 г. общество по сути дела монополизировало сбыт табака из Кубанской области. В отдельные месяцы из Екатеринодара и Майкопа в центр страны отправлялось по железной дороге по 115 вагонов табачного сырья, из которых 113 принадлежало «Петроградскому экспортно-торговому акционерному обществу»¹²⁹.

Интересна эволюция акционерного общества южных маслобойных и химических заводов «Саломас»¹³⁰. Возникнув в 1913 г. с основным капиталом в 5 млн. руб., общество, несмотря на сильное противодействие некоторых местных маслозаводчиков, объединило ряд крупнейших торговых домов и маслобойных заводов Кубани. В 1914 г. в объединение вошли представители акционерного общества Аведовских маслобойных заводов. Вскоре акционерами

«Саломаса» стали такие крупнейшие представители русской буржуазии, как известные петроградские заводчики А. А. и Г. А. Жуковы (10 тыс. акций) и глава Волжского акционерного общества маслособойных и химических заводов «Саломин» И. Е. Паенсон (7,5 тыс. акций)¹³¹.

В 1916 г. произошло объединение «Саломаса» и «Салолина». Образовавшийся трест возглавили братья Жуковы и кокандские предприниматели Вадьяевы. В 1917 г. «Саломас» — уже в составе концерна Путилова — Стахеева — Батолина¹³². Дела «Саломаса» идут настолько успешно, что к 1917 г. общество увеличивает свой основной капитал вдвое, т. е. доводит его до 10 млн. руб., а в сентябре того же года выносит решение об увеличении основного капитала общества с 10 млн. руб. до 20 млн. руб. путем выпуска дополнительно 100 тыс. акций по 100 руб. каждая¹³³.

Этот рост капитала не был случаен. Монопольные цены, установленные хозяевами «Саломаса» на кубанском рынке, приносили последним баснословные прибыли. Так, в 1914 г. цена саломаса составляла 6,5—7 руб. за пуд., в 1915 — 13 руб., в 1916 — поднялась до 28,5 руб. за пуд. Вместе с ростом цен на этот искусственный продукт росли и доходы акционеров. В 1915 г. их дивиденд составлял 40%, или 40 руб. на сторублевую акцию, в 1916 г. — уже 70 руб.¹³⁴

Крупнейшими монополистами на Кубани были железнодорожные компании, и в первую очередь акционерное общество Владикавказской железной дороги. Последняя немало сделала как для развития торгового земледелия в крае, так и для ограбления местных товаропроизводителей. Посредничество в хлебной торговле и исключительный тариф приносили владельцам Владикавказской железной дороги огромные дивиденды — до 74% на акцию¹³⁵.

Таким образом, монополистический капитал неумолимо вторгался на Кубань, где широко развитое товарное сельскохозяйственное производство предоставляло в его распоряжение благодатную сырьевую базу, на почве которой монополии расширяли сферу своей деятельности и получали огромные прибыли. Другая сторона медали состояла в том, что монополистический капитал сам стимулировал рост товарного производства на Кубани, во-первых, тем, что подстегивал расширение посевов наиболее конъюнктурных культур хлеба, табака, подсолнечника, сахарной свеклы и, во-вторых, тем, что, усиливая расслоение сельского населения, делал сельскохозяйственное производство Кубани все более товарным.

По мере роста объема товарной продукции кубанского сельского хозяйства расширялись и торгово-финансовые операции коммерческих банков. Доступные в первую очередь крупным предпринимателям и спекулянтам банки предоставляли для них коммерческий кредит, субсидировали местные кооперативные общества, осуществляли выгодные залоговые и торговые операции¹³⁶.

Как уже говорилось, в начале XX в. акционерные банки наряду с финансированием торговли все чаще стали переходить к непосредственному участию в реализации товарной сельскохозяйственной продукции¹³⁷.

Тесно связанные экономическими узами с частными железнодорожными компаниями, нередко имея акции этих дорог, коммерческие банки стремились извлечь наибольшие выгоды от этого сотрудничества. Ярким примером такого симбиоза являлась деятельность доморощенного Северокавказского банка и Армавир-Туапсинской железной дороги. Указанный банк, в больших масштабах занимавшийся экспортом зерна, договаривался с правлением дороги о том, чтобы последняя подавала вагоны для зерна только ему, всячески препятствуя транспортировке хлеба другими грузоотправителями. В результате, как сообщала в 1913 г. газета «Кубанский край», банк стал «хозяином всего хлебного рынка». Товаропроизводители и хлеботорговцы вынуждены были продавать банку свое зерно по очень низким ценам. Попытки же местных кредитных товариществ бороться с банком путем выдачи населению ссуд под залог зерна оказались безуспешными. Желавших получить ссуды и выждать более выгодную конъюнктуру рынка было много, а кредит, открытый Госбанком для этих товариществ, был незначительным и вскоре был исчерпан¹³⁸.

Не меньшую активность банки проявляли и в табачном производстве Кубани. Так, перед 1917 г. из 135 табачных (оптовых и запасных) складов Кубани более $\frac{2}{3}$ принадлежало акционерным банкам¹³⁹. Ежегодно банки реализовывали сотни тысяч пудов кубанского табака на внутреннем рынке страны.

Банки, энергично внедрявшиеся в начале XX в. в хозяйственно-экономическую сферу Кубанской области, выполняли двойственную роль: с одной стороны, способствовали дальнейшей капитализации местного сельскохозяйственного производства, перерастая «из скромной роли посредников в всемогущих монополистов»¹⁴⁰, с другой стороны, не только не ослабили торгово-ростовщическую деятельность многочисленных скупщиков и рантье, но отчасти даже усилили ее своими кредитами, авансами под сельскохозяйственную продукцию и сотрудничеством в торговых и финансовых операциях.

Мелкотоварное производство и полунатуральное хозяйство значительной части кубанских крестьян являлись той благоприятной экономической средой, на почве которой вырастал и сохранял свои prerogatives торгово-ростовщический капитал.

Как реакция на его засилье и в связи с развитием товарного производства на Кубани, особенно с начала XX в., стала разрастаться сеть учреждений мелкого кредита. К 1914 г. в области функционировало 87 ссудо-сберегательных касс, основной капитал которых складывался из паевых взносов участников, и 162

кредитных товариществ, основной капитал которых состоял главным образом из сумм, взятых в долг в Государственном банке¹⁴¹.

Кредитные учреждения выдавали ссуды, выполняли посреднические операции при сбыте сельскохозяйственных продуктов, покупке для своих членов сельскохозяйственных машин и т. п. Но услугами их пользовались в первую очередь зажиточные слои кубанских селений. Наглядным подтверждением этого может служить деятельность крупнейшего в области Кубанского общества взаимного кредита табаководов. На 1 января 1912 г. из 1437 его членов 527, или 36,6%, были лица, бравшие ссуды от 1 тыс. до 5 тыс. руб. каждый. Общая сумма использованного ими кредита составляла 913 650 руб., или 69,4%, всех кредитных средств общества¹⁴².

Мелкие табаководы по-прежнему были вынуждены брать займы у ростовщиков под непомерно высокие проценты.

И все же развитие более совершенных форм кредита (мелкого и крупного) в кубанской станице, хотя и медленно, но неуклонно подрывало устой ростовщичества и других низших форм капитала, ибо развитие кредитного дела, по словам К. Маркса, означало «не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства»¹⁴³.

Рост товарного производства на Кубани вызвал к жизни и появление таких типичных форм организации капиталистической торговли, как товарные биржи. Первая такая биржа появилась в 1904 г. в г. Новороссийске¹⁴⁴, затем были открыты биржи в самой Кубанской области: в Екатеринодаре (1909 г.)¹⁴⁵, Армавире (1910 г.)¹⁴⁶, а 2 июля 1911 г. царь подписал ходатайство об открытии товарной биржи в Ейске¹⁴⁷.

Биржи следили за «настроением» хлебного рынка, сообщали своим клиентам сведения о ценах, разбирали в экспортных и арбитражных комиссиях недоразумения и споры между покупателями и продавцами, издавали статистические сведения о посевах, урожае и пр. Постепенно полномочия их расширялись: портовые биржи стали контролировать экспортируемые за границу зерновые грузы, а при Екатеринодарском биржевом комитете было создано «Справочное бюро о кредитоспособности», которое должно было выдавать достоверные сведения об имущественном положении отдельных лиц и фирм¹⁴⁸.

Деятельность бирж способствовала некоторой унификации местной торговли, но существенно повлиять на оптовую торговлю Кубани она не могла, во-первых, потому что сама организация их деятельности была еще недостаточно развитой и совершенной и, во-вторых, потому что действовавшие на Кубани крупные русские и иностранные фирмы пока еще предпочитали обходиться без биржевого посредничества.

Другим следствием роста товарно-капиталистического производства на Кубани являлось начавшееся в начале XX в. интенсивное строительство зерновых элеваторов. К 1910 г. только Владикавказская железная дорога имела на Кубани в своем распоряжении семь станционных элеваторов вместимостью до 1 млн. пуд. зерна¹⁴⁹. Той же дорогой в Новороссийске, получавшем зерно прежде всего из Кубанской области, был сооружен самый большой в России хлебный элеватор на 3 млн. пуд. зернового хлеба. Из года в год его пропускная способность увеличивалась¹⁵⁰. В начале XX в. уже многие станичные общества находили для себя необходимым создание элеваторов, сооружение которых брали на себя местные кредитные учреждения с помощью ссуд Государственного банка¹⁵¹. «Элеваторы, — писал В. И. Ленин, — дают могущественный толчок товарному производству хлеба»¹⁵². Появление их на Кубани говорило о дальнейшем совершенствовании и развитии капиталистической системы хозяйства в экономике этого крупного торгово-зернового района России. Быстро растущий товарный потенциал кубанского сельскохозяйственного производства был необходимым условием и в то же время генетическим результатом этого развития.

*

В конце XIX — начале XX в. на Кубани в результате общественного разделения труда, специализации земледелия сложился район развитого товарно-капиталистического производства. Слабость крепостнических традиций и дворянско-помещичьего землевладения, основного источника консервативных форм землепользования и хозяйствования, тесная экономическая связь Кубани с общероссийской хозяйственной системой и мировым рынком, наконец, благоприятные природно-географические и экономические факторы — все это обусловило мощное развитие производительных сил Кубани, высокий уровень товаризации ее сельскохозяйственного производства, интенсивный рост внутреннего рынка, быстрое созревание капиталистических отношений. Наиболее рельефно это проявилось в увеличении товарной массы сельскохозяйственной продукции, социально-экономическом расслоении сельского населения, стимулирующем расширенное потребление такого капиталистического товара, как рабочая сила, концентрации производства и централизации капитала, росте элеваторной сети, развитии капиталистических форм торговли и кредита.

Вместе с тем, в товарном производстве Кубани еще были живучи и «допотопные» виды капитала и эксплуатации товаропроизводителей (ростовщичество, скупщики и пр.), что усиливало контраст между незрелыми и развитыми формами аграрного капитализма. Это накладывало определенный негативный отпечаток на

эволюцию кубанского сельского хозяйства, но не могло существенно затормозить его развитие. Капиталистический способ производства к началу XX в. уже прочно занимал господствующее положение в аграрном строе Кубани.

- ¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 40.
- ² Шацкий П. А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. (историческое исследование).— В сб.: Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. Ставрополь, 1970, с. 216.
- ³ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922.
- ⁴ Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма вширь).— «История СССР», 1959, № 6; он же. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период.— В сб.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 (далее — ЕАИВЕ). М., 1961; Шацкий П. А. Указ. соч.; Соколов А. А. Особенности землевладения и землепользования на Кубани как один из факторов формирования специализации сельского хозяйства.— В сб.: Географические проблемы населения и хозяйства Северо-Западного Кавказа. Краснодар, 1974; Ратушняк В. Н. Земельный фонд Кубанской области и его распределение в период капитализма.— ЕАИВЕ, 1971. Вильнюс, 1974; он же. Материально-производственная база земледельческих хозяйств Кубанской области в конце XIX — начале XX в.— В сб.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, т. VIII. М., 1974; он же. Частное землевладение Кубанской области во второй половине XIX — начале XX в.— «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук», 1975, № 1.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 253.
- ⁶ «Кубанский календарь на 1898 г.». Екатеринодар, 1898, с. 92; Отчеты начальника Кубанской области за 1909—1913 гг. Екатеринодар, 1910—1914; Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. Баку, 1914 (далее — Весь Кавказ), с. 36.
- ⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1, д. 48498, л. 33, 127 об.; Отчет начальника Кубанской области за 1913 г. Екатеринодар, 1914.
- ⁸ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 449, оп. 2, д. 763, л. 103.
- ⁹ Весь Кавказ, с. 36—213 (подсчет наш.— В. Р.).
- ¹⁰ ГАКК, ф. 449, оп. 2, д. 1826, л. 168—260 (подсчет наш.— В. Р.).
- ¹¹ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 10, д. 215, л. 133.
- ¹² Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения Карачаевского народа Кубанской области... Владикавказ, 1908, с. 28.
- ¹³ ГАКК, ф. 449, оп. 2, д. 2007, л. 8, 9, 43.
- ¹⁴ Отчеты начальника Кубанской области за 1897, 1899, 1900, 1911 гг. Екатеринодар, 1898, 1900, 1901, 1912; Македонов Л. В. Хозяйственное положение района станиц Баракаевской, Каменноостовской и Севастопольской Кубанской области.— В кн.: Кубанский сборник, т. IX. Екатеринодар, 1902, с. 34—36.
- ¹⁵ ГАКК, ф. 449, оп. 2, д. 2007, л. 8—9, 17, 19, 26, 30—31.
- ¹⁶ Там же, л. 43.
- ¹⁷ Кондратьев Н. Д. Указ. соч., с. 218—219, 222—223.
- ¹⁸ Подробно этот вопрос рассмотрен в канд. дисс.: Куприянова Л. В.

- Развитие капиталистического города на Северном Кавказе и Владикавказская железная дорога 1861—1900 гг. М., 1972.
- ¹⁹ ГАКК, ф. 1547, оп. 1, д. 70, л. 192; *Бензин Б. М.* Отчет о деятельности агрономического поезда Владикавказской железной дороги в 1915 г. Ростов-на-Дону, 1915, с. 44—46.
 - ²⁰ ГАКК, ф. 575, оп. 1, д. 15, л. 78.
 - ²¹ ГАКК, ф. 1547, оп. 1, д. 109, л. 2.
 - ²² ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 8 (Доклад екатеринодарского городского ветеринарного врача И. И. Воскресенского), л. 29—30, 60.
 - ²³ ГАКК, ф. 575, оп. 1, д. 3, л. 48; ф. 599, оп. 1, д. 15, л. 11—13; Статистические данные по прибытию и отправлению всех грузов на станции «Екатеринодар» в 1908 г. Екатеринодар, 1910, с. 25—45.
 - ²⁴ *Рихтер Д. И.* Проект разделения России на районы товарного мукомолья. СПб., 1908, с. 8; *Лященко П. И.* Мукомольная промышленность России и иностранные потребительные рынки. СПб., 1910, с. 104.
 - ²⁵ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Изд. Д. П. Кандауров и сын. Пг., 1914.
 - ²⁶ *Лященко П. И.* Указ. соч., с. 104; Б—р. Мукомольное дело на Северном Кавказе. СПб., 1909. Оттиск из «Торгово-промышленной газеты».
 - ²⁷ ЦГИА СССР, ф. 575, оп. 3, д. 5007, л. 3—5, 191; ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 129, л. 331—332.
 - ²⁸ *Протопопов А. П.* (ред.). Масличные растения, маслобоянная и поташная промышленность в Кубанском крае. Екатеринодар, 1920, с. 123—127.
 - ²⁹ ГАКК, ф. 575, оп. 1, д. 15, л. 79; ф. 599, оп. 1, д. 221, л. 1—39.
 - ³⁰ ЦГИА СССР, ф. 575, оп. 3, д. 5007, л. 7; ГАКК, ф. 487, оп. 1, д. 10, л. 103—104; Кубань и Черноморское побережье. Справочная книга. Екатеринодар, 1914, с. 85.
 - ³¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 1640, л. 697—698; ф. 487, оп. 1, д. 10, л. 100.
 - ³² ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 1, д. 750, л. 30.
 - ³³ ЦГА Груз.ССР, ф. 243, оп. 7, д. 370, л. 156.
 - ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 241, л. 15.
 - ³⁵ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 81, д. 65, л. 1—2.
 - ³⁶ ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 1, д. 750, л. 8.
 - ³⁷ Там же, л. 5.
 - ³⁸ Отчет начальника Кубанской области за 1908 г. Екатеринодар, 1909.
 - ³⁹ Отчеты начальника Кубанской области за 1898—1913 гг. Екатеринодар, 1899—1914.
 - ⁴⁰ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 58, д. 1, л. 35; ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 9, д. 207, л. 9 об.; ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 4, л. 4; ф. Р—411, оп. 2, д. 224, л. 12.
 - ⁴¹ Экспортные возможности России. Под ред. Громана В. Г. М., 1922, с. 9—10; *Клепиков С. А.* Питание русского крестьянства, ч. 1. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920; Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения, вып. 1. Нормы продовольствия сельского населения России по данным бюджетных обследований. Коллектив авторов под ред. А. В. Чайнова. М., 1916.
 - ⁴² *Македонов Л. В.* Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области.— В кн.: Кубанский сборник, т. X. Екатеринодар, 1903, с. 79—80.
 - ⁴³ Свод урожайных сведений за годы 1883—1915 (материалы ЦСК по урожаям на падежных землях). М., 1928, с. 73—75.
 - ⁴⁴ ГАКК, ф. Р—411, оп. 1, д. 342, л. 36.
 - ⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 9, д. 207, л. 9 об.; ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 4, л. 4; Свод урожайных сведений..., с. 73—75.
 - ⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 370, л. 22 об.
 - ⁴⁷ ГАКК, ф. Р—411, оп. 1, д. 342, л. 44 об.
 - ⁴⁸ *Македонов Л. В.* Хозяйственное положение района станиц Баракаевской, Каменноостской и Севастопольской Кубанской обла-

- сти.— В кн.: Кубанский сборник, т. IX. Екатеринодар, 1902; *он же*. Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станций Кубанской области.
- ⁴⁹ ГАРК, ф. Р—411, оп. 1, д. 342, л. 36; *Гольденкул И.* Земельные отношения на Кубани. Ростов-на-Дону — Краснодар, 1924, с. 20—21.
- ⁵⁰ ЦГА Груз. ССР, ф. 242, оп. 1, д. 295, л. 118; д. 365, л. 101; д. 518, л. 87—97, 113—120, 133—137, 207; ГАРК, ф. 454, оп. 2, д. 2983, л. 83—92; Отчеты начальника Кубанской области за 1913—1915 гг. Екатеринодар, 1914—1916.
- ⁵¹ *Собриевский А. С.* Екатеринодарский хлебный рынок и вывоз хлеба из Кубанской области в связи с движением грузов, колебанием хлебных цен и поступлением сборов торговых и акцизных.— В кн.: Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899, с. 38—39.
- ⁵² Отчеты правления общества Владикавказской железной дороги за 1900, 1913 гг. СПб., 1901, 1914.
- ⁵³ Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916.
- ⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 4; ГАРК, ф. 575, оп. 1, д. 15, л. 70, 75; Кубанская справочная книжка 1894 года. Екатеринодар, 1894, с. 5, 19; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... Пг., 1916.
- ⁵⁵ Кубанская справочная книжка 1894 года, с. 5; *Весь Кавказ*, с. 36, 372—373.
- ⁵⁶ Записка об экономическом значении и грузообороте железнодорожных линий: Туапсе — Новороссийск — Анапа — Керчь, Туапсе — Абинская (Крымская), Туапсе — Екатеринодар и Туапсе — Энем, ч. II. Пг., 1915, с. 58—59.
- ⁵⁷ Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам..., с. 133—141.
- ⁵⁸ ГАРК, ф. 449, оп. 3, д. 2074, л. 22—39, 65; оп. 4, д. 676, л. 1—16.
- ⁵⁹ ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 92, д. 309, л. 17, 18.
- ⁶⁰ ЦГВИА СССР, ф. 449, оп. 3, д. 1153, л. 52 об.
- ⁶¹ Там же, л. 6 об.
- ⁶² Там же, л. 7 об., 37.
- ⁶³ *Б — Р.* Мукомольное дело на Северном Кавказе.
- ⁶⁴ *Собриевский А. С.* К вопросу об упадке экономического благосостояния кубанского казачества. Екатеринодар, 1912, с. 7, 9 (подсчет наш.— В. Р.); Отчет начальника Кубанской области за 1913 г. Екатеринодар, 1914.
- ⁶⁵ ГАРК, ф. 449, оп. 2, д. 995, л. 13—14; ф. 575, оп. 1, д. 15, л. 70, 75; ф. 599, оп. 1, д. 129, л. 96, 184; Записка об экономическом значении и грузообороте железнодорожных линий... Пг., 1915, с. 31.
- ⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 575, оп. 3, д. 5007, л. 66—67; *Любименко В. Н.* Табак. Пг., 1922, с. 25.
- ⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 228, л. 4—5; ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 48 498, л. 122—123.
- ⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 575, оп. 3, д. 5007, л. 66—67; ГАРК, ф. 487, оп. 1, д. 10, л. 56—61.
- ⁶⁹ *Анатин А. С.* Записка об экономическом положении Кубанской области... Тифлис, 1913, с. 81.
- ⁷⁰ Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... Пг., 1916, с. 87—103.
- ⁷¹ ГАРК, ф. 449, оп. 2, д. 995, л. 13—14, 25—26; ф. 575, оп. 1, д. 15, л. 70—75.
- ⁷² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 468.
- ⁷³ *Золотов В. А.* Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60—90-е годы XIX века. Ростов-на-Дону, 1966, с. 191.
- ⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 263, л. 34—35; ГАРК, ф. 449, оп. 2, д. 995, л. 13—15.
- ⁷⁵ ГАРК, ф. 599, оп. 1, д. 145, л. 8; Экспортные возможности юго-востока России. Ростов-на-Дону, 1923, с. 20—21.

- ⁷⁶ Записка об экономическом значении и грузообороте железнодорожных линий..., ч. II. Пг., 1915, с. 58—59; *Бензин В. М.* Указ. соч., с. 47.
- ⁷⁷ Записка об экономическом значении и грузообороте железнодорожных линий..., ч. II, с. 58—59; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... Пг., 1916, с. 129—147.
- ⁷⁸ *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч., с. 22.
- ⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 2, д. 44, л. 1.
- ⁸⁰ Там же, ф. 23, оп. 9, д. 181, л. 73—74; ф. 32, оп. 2, д. 44, л. 1; *Бензин В. М.* Указ. соч., с. 65.
- ⁸¹ Ежегодники России за 1904—1914 гг. СПб., 1905—1915.
- ⁸² Владикавказская железная дорога в Новороссийске. Новороссийск, 1913, с. 9; Статистика грузооборота сельскохозяйственных грузов Новороссийского порта в 1914 г. Новороссийск, 1915, с. 5.
- ⁸³ ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 129, л. 79.
- ⁸⁴ Там же, ф. Р — 411, оп. 2, д. 172, л. 53; *Бензин В. М.* Указ. соч., с. 66.
- ⁸⁵ Экспортные возможности юго-востока России, с. 29.
- ⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 835, л. 23—24; ГАКК, ф. Р — 411, оп. 2, д. 172, л. 53; ф. 449, оп. 2, д. 995, л. 14, 25; оп. 8, д. 12, л. 2; Отчет о деятельности Новороссийского торгового порта и управления порта за 1909 г. Новороссийск, 1910, с. 19; Владикавказская железная дорога в Новороссийске, 1913, с. 9.
- ⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 835, л. 23—34; ф. 1276, оп. 8, д. 263, л. 48; ГАКК, ф. 575, оп. 1, д. 15, л. 71, 74; ф. Р — 411, оп. 2, д. 172, л. 53; ф. 449, оп. 2, д. 995, л. 25; Отчет о деятельности Новороссийского торгового порта..., с. 19; Владикавказская железная дорога в Новороссийске, 1913, с. 9.
- ⁸⁸ Экспортные возможности юго-востока России, с. 63—66; *Ива-сюк И.* Кубань. Прага, 1925, с. 49.
- ⁸⁹ Кубанский календарь на 1898 г. Екатеринодар, 1898, с. 86—87.
- ⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 632, л. 15.
- ⁹¹ Там же, д. 835, л. 23—24.
- ⁹² Там же, оп. 25, д. 19, л. 26.
- ⁹³ *Бензин В. М.* Указ. соч., с. 50—51, 60, 67—70, 98.
- ⁹⁴ *Карышев Н. А.* Приемы хлебо-торговли в Северном Кавказе. Земледельческие орудия и при-шлые рабочие в Северном Кавка-зе.— «Русское богатство», 1895, № 3, с. 20.
- ⁹⁵ ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 15, л. 15.
- ⁹⁶ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 9, д. 637, л. 196—199; ф. 1276, оп. 8, д. 263, л. 25.
- ⁹⁷ См. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 540.
- ⁹⁸ *Собриевский А. С.* 1896 год в тор-говой жизни города Екатерино-дара (статистические сведения).— В кн.: Кубанский сборник, т. IV. Екатеринодар, 1898, с. 9.
- ⁹⁹ ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 38, л. 13—15.
- ¹⁰⁰ ГАКК, ф. 792, оп. 1, д. 11, л. 40—41; Отчет о деятельности Ново-российского торгового порта и уп-равления порта за 1909 г. Ново-российск, 1910; Статистика сель-скохозяйственных грузов Ново-российского порта в 1914. Ново-российск, 1915.
- ¹⁰¹ Портовые устройства общества Владикавказской железной доро-ги и обзор коммерческой деятель-ности дороги в Новороссийске. СПб., 1896, с. 34.
- ¹⁰² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 133.
- ¹⁰³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 581; т. 27, с. 359.
- ¹⁰⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 299.
- ¹⁰⁵ *Отрыганьев А. Л.* Табаководство в Кубанском крае. Статистиче-ский обзор. Екатеринодар — Ар-мавир, 1919, с. 38—39.
- ¹⁰⁶ ГАКК, ф. Р — 411, оп. 1, д. 342, л. 36, 38, 39, 42, 44, 45; *Гольден-тул И.* Земельные отношения на Кубани. Ростов-на-Дону — Крас-нодар 1924, с. 20—21.
- ¹⁰⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 299.

- ¹⁰⁸ ГАКК, ф. 449, оп. 6, д. 5а, л. 91; *Отриганыев А. Л.* Указ. соч., с. 18; *Шаховской Н. В.* Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903, с. 288.
- ¹⁰⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., т. 65. Кубанская область. СПб., 1905, с. 4—5; Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Под ред. *Македонова Л. В.* Екатеринбург, 1906, с. 552; ГАКК, ф. Р—411, оп. 1, д. 342, л. 36, 39. (Пересчет данных наш.—В. Р.)
- ¹¹⁰ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 2983, л. 83—92. (Подсчет наш.—В. Р.)
- ¹¹¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 242, оп. 1, д. 518, л. 97.
- ¹¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., т. 65. Кубанская область, с. 4—5; Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Под ред. *Л. В. Македонова*, с. 551—552; ГАКК, ф. Р—411, оп. 1, д. 342, л. 36, 39, 45 об. (Подсчет наш.—В. Р.)
- ¹¹³ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 12, д. 1528, л. 3, 5, 44; оп. 28, д. 1059, л. 7—30.
- ¹¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 574, оп. 1, д. 1415, л. 4—5; ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 129, л. 332; *Котов П. Н.* Описание кубанского имения «Хуторок» барона В. Р. Штейнгеля. 1900 г. М., 1900, с. 37—38, 46, 50—51, 138, 140, 142—148.
- ¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 4, д. 4309, л. 1—7.
- ¹¹⁶ Там же, ф. 23, оп. 12, д. 419, л. 3—4, 6.
- ¹¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 449, оп. 4, д. 490, л. 10, 29, 55.
- ¹¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 12, д. 175, л. 21, 24, 44, 52, 71.
- ¹¹⁹ Там же, ф. 1263, оп. 2, д. 5769, л. 611.
- ¹²⁰ Там же, ф. 23, оп. 12, д. 1315, л. 31.
- ¹²¹ Там же, оп. 29, д. 2502, л. 9, 26.
- ¹²² ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 65, д. 156, л. 18 об.
- ¹²³ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 13, д. 18, л. 2.
- ¹²⁴ Там же, оп. 24, д. 301, л. 97—99, 117; оп. 25, д. 19, л. 26; ГАКК, ф. 701, оп. 1, д. 57, л. 1—3.
- ¹²⁵ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 642.
- ¹²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 107, л. 164—165 об.; д. 109, л. 43—44.
- ¹²⁷ «Голос Москвы», 1909, 23 сентября.
- ¹²⁸ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 12, д. 340, л. 162, 168, 196—197.
- ¹²⁹ Там же, оп. 16, д. 228, л. 4—5, 62—63, 73 об.
- ¹³⁰ Саломас — твердый жир, получаемый путем обработки водородом жидких растительных масел. Применяется в производстве маргарина, мыла, свеч и т. п.
- ¹³¹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 14, д. 742, л. 105—107, 124—125, 136, 224.
- ¹³² *Китанина Т. М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914—1917 гг. (Концерны Путилова — Стахеева — Батолина). Л., 1969, с. 91, 95.
- ¹³³ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 14, д. 742, л. 4, 9, 11.
- ¹³⁴ *Китанина Т. М.* Указ. соч., с. 94.
- ¹³⁵ ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 37, л. 26.
- ¹³⁶ Там же, д. 145, л. 47.
- ¹³⁷ Там же, д. 1, л. 35.
- ¹³⁸ Там же, д. 146, л. 166.
- ¹³⁹ Там же, ф. 487, оп. 1, д. 10, л. 142—153. (Подсчет наш.—В. Р.)
- ¹⁴⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 326.
- ¹⁴¹ ГАКК, ф. Р—411, оп. 2, д. 298, л. 126—135; ф. 599, оп. 1, д. 8, л. 91—94.
- ¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 583, оп. 2, д. 2061, л. 29 об. (Подсчет наш.—В. Р.)
- ¹⁴³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 149.
- ¹⁴⁴ ПСЗ, III, т. 24. СПб., 1907, № 24, 286.
- ¹⁴⁵ Там же, т. 29. СПб., 1912, № 32 378.
- ¹⁴⁶ Там же, т. 30. СПб., 1913, № 32 999.
- ¹⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 158, л. 280.
- ¹⁴⁸ ГАКК, ф. 599, оп. 1, д. 1, л. 61—62, 78.
- ¹⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 9, д. 207, л. 45.
- ¹⁵⁰ Там же, д. 207, л. 297; д. 237, л. 171—172.
- ¹⁵¹ ГАКК, ф. 449, оп. 4, д. 379, л. 1—161.
- ¹⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 265—266.

Приложение 1

Динамика и структура валовых сборов зерна на Кубани в конце XIX — начале XX в. (в тыс. пуд.) *

Годы	Пшеница			Рожь	Ячмень	Овес
	озимая	яровая	итого			
1890	23 341,4	5 916,1	29 257,5	2493,8	9 855,0	4 185,9
1901—1905	58 011,0	28 666,1	86 677,1	9973,6	32 695,4	7 549,6
1906—1910	72 824,5	33 874,1	106 698,6	9814,8	44 659,8	11 694,7
1911—1915	74 936,3	41 704,5	116 640,8	6701,0	57 017,5	13 261,4
1913	108 395,4	54 620,3	163 015,7	9061,0	69 398,4	14 748,0

Годы	Кукуруза	Просо	Прочие хлеба	Итого	В %	В %
1890	424,7	1308,8	637,5	48 163	100,0	—
1901—1905	3056,9	3920,5	432,6	144 305,7	—	100,0
1906—1910	4364,6	3284,6	258,8	180 775,9	—	125,3
1911—1915	7463,9	1982,9	231,2	203 298,7	—	140,8
1913	8548,2	1850,2	228,0	266 849,5	554,0	—

Доля Кубанской области в общероссийском сборе зерна (в %)

Годы	Пшеница			Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Просо	Прочие хлеба	Итого
	озимая	яровая	итого							
1901—1905	16,9	4,4	8,7	0,7	7,5	0,9	4,3	3,1	0,6	3,8
1911—1915	16,7	4,6	8,6	0,5	8,9	1,5	5,5	1,4	0,3	4,3

* Таблица составлена по данным: ЦГВИА СССР, ф. 330, оп. 58, д. 1, л. 35; д. 72, л. 1—2; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. СПб., 1907—1914. (За 1901—1915 гг. взяты средние годовые данные по пятилетиям. — В.Р.)

Приложение 2

*Среднегодовой вывоз хлебных продуктов и семян за границу из портов
Кубанской области и Новороссийска (в тыс. пуд.)**

Годы	Новорос- сийск	Ейск	Темрюк	Ахтари (Ахтарск)	Тамань	Анапа	Итого
1890—1894	25 563	8 149	1042	563	538	378	36 233
1895—1899	32 466	7 061	2818	759 **	452 **	329 **	43 885
1900—1904	52 723	8 311	3870	4295	439	416	70 054
1905—1909	48 170	7 211	6807	7110	461	287	70 046
1910—1913	65 974	15 630	8018	9214	315	219	99 380

* Таблица составлена по данным ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 835, л. 23—24; ф. 1152, оп. 1, д. 96, л. 3; ф. 1276, оп. 8, д. 283, л. 34—35; ГАКК, ф. 449, оп. 2, д. 995, л. 13—14, 25; оп. 8, д. 12, л. 2; ф. 575, оп. 1, д. 15, л. 71—76; ф. 599, оп. 1, д. 4, л. 3; ф. 701, оп. 1, д. 69, л. 8; д. 264, л. 1—3; ф. 1547, оп. 1, д. 7, л. 15—16; д. 70, л. 175; *Собрание А. С. Екатеринодарский хлебный рынок и вывоз хлеба из Кубанской области...* — В кн.: Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899, с. 38—39; Ежегодник России. 1904—1913 гг. СПб., 1905—1914; *Бензин В. М.* Отчет о деятельности агрономического поезда Владикавказской железной дороги в 1915 г. Ростов-на-Дону, 1915, с. 47.

** Данных за 1893—1899 гг. не имеется, поэтому среднегодовой вывоз взят для трехлетия 1895—1897 гг.

ПРАВДА «ЗЕМЛИ» И «ЦАРСТВА» ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА

А. И. Клибанов

В истории русской общественной мысли периода развитого феодализма идейное наследие И. С. Пересветова составляет одну из самых содержательных и ярких страниц. Об этом, в частности, свидетельствует богатство историографической традиции, посвященной изучению литературного творчества И. С. Пересветова. Автор фундаментального исследования «И. С. Пересветов и его современники», опубликованного в 1958 г., А. А. Зимин насчитывает 243 работы, появившиеся с 1821 по 1958 г., в которых содержатся те или иные характеристики сочинений Пересветова. Эти работы отражают как поступательный ход научного исследования сочинений Пересветова, так и разнообразие подходов и точек зрения исследователей. Мы ставим задачу — выяснить, что представляет собой общественно-политический идеал Пересветова, иными словами — его суждения и представления о наиболее совершенном образце гражданского и политического устройства России. Исходя из сочинений Пересветова, а также его современников — Федора Карпова, Максима Грека, мы пользуемся как эквивалентами современных понятий «гражданское» и «политическое» устройство понятиями в первом случае «земля», а во втором — «царство». Указанное значение понятий «земля» и «царство» дается в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. «Земля» — это страна, народ, мир. «Цесарьствовати» означает властвовать, управлять, господствовать. Управлять кем, чем? Властвовать, господствовать над кем, над чем? Над «землею», страной, народом¹! Отсюда название статьи «Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова». Но почему «Правда»? Потому, что в обиходе общественного сознания всего феодального периода «Правда» служила эквивалентом нашему понятию «идеал». «Правдой» называлась верховная регулятивная идея для всех форм и проявлений общественной жизни, всей жизнедеятельности людей.

Само собой разумеется, что в условиях антагонистического общества, в данном случае феодального, понятие «Правда» одно-

значным не было. Свою Правду имел класс зависимых производителей, свою «Правду» — господствующий класс феодалов. Сквозь всю древнерусскую публицистику, литературу, фольклор проходит антитеза «Правда» — «Кривда» как форма осознания основного классового antagonизма. Народный идеал Правды в Древней Руси был антифеодальным. Он полнее всего выражен в так называемой отреченной, в частности апокрифической, литературе, например в «Беседе трех святителей», «Голубиной (Глубинной) книге», «Вопросах Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Слове о Адаме», «Прении господне с дьяволом», «Как Христос плугом орал», «Хождение апостолов Петра, Андрея, Матвея, Руфа, Александра», «Что Пров-царь другом Христа назвал» и многих других. Один из лучших знатоков апокрифической литературы А. И. Яцимирский превосходно сказал об ее создателях и читателях: «Наивная мудрость, неистребимая пытливость безвестных «сынов персти», их святое дерзание проникнуть в тайны *Правды*, самим познать, *как надо жить, чтобы всем было хорошо*, и научить этому других — этой стороной письменность былых веков всегда будет манить и звать к себе посвятивших свои силы изучению древности»². Если попытаться сформулировать самое главное, что характеризует народный идеал Правды в Древней Руси, то это — идеал свободного труда на свободной земле. Правда в том, что земля есть «божья» земля, т. е. всеобщее достояние тружеников, и что порабощение человеком человека есть дело дьявола. Это дьявол в лице порабощателей вынуждает людей («божиих людей»), у которых отторгнута земля (и это, в свою очередь, дело дьявола), дать на себя рукописание. Идеал Правды, естественно, перерастал в мечту о справедливом общественном устройстве, каковое представлялось в одних случаях в образах «земного рая», а в других — в образах социальных порядков, как бы переходных к «царству божью на земле». Это были социальные утопии эсхатолого-хилиастического ряда, известные в средние века, отчасти и в новое время в странах Европы и Азии. Наступлению «царства божьего на земле» или его прообраза в виде справедливого социального строя, согласно эсхатолого-хилиастическим представлениям, предшествовала вселенского масштаба катастрофа, в которой погибали все силы зла, все, кто воплощал временно, но не бесконечно, торжествовавшую на земле Кривду. Тем более контрастным выступало «царство божие на земле», оно же царство Правды.

Характерными примерами подобных социальных утопий являлись в древнерусской письменности упоминавшееся уже сочинение Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской, а также Откровение Мефодия Патарского и Житие Андрея Юродивого. Показательно, что царство социальной Правды, каким оно рисуется в Житии Андрея Юродивого, возглавляется царем «от

нищеты». Царь «от нищеты» устроит счастливый строй Труда и Мира в ожидании роковой для Кривды во всех ее формах и проявлениях кончины. В рамках антитезы «Правда» — «Кривда» осмыслили современную им социальную действительность и представители общественной мысли господствующего класса, если только они не выступали в роли прямых апологетов духовного и светского феодальных сословий. Обращение к этой антитезе само собой являлось свидетельством признания несовершенства существующего строя общественных отношений и влекло к поискам путей усовершенствования форм общественного устройства. В первой половине XVI в. ярким и эрудированным социальным мыслителем, сформулировавшим свое понятие о Правде социальной и политической, был Федор Карпов. В послании митрополиту Даниилу Карпов высказал суждение о формах государственного устройства, способных в наибольшей степени удовлетворить как интересы общегосударственные, так и интересы социальных групп, составляющих общество. Правда выступает у Карпова в качестве центрального социально-этического понятия. В его идеале — Государство Правды. Среди литературных источников, которыми воспользовался Карпов для своих теоретических рассуждений, первое место принадлежит сочинениям Аристотеля — «Никомаховой этике» и «Политике»³.

Можно проследить преемственные связи между идейными направлениями Федора Карпова и Ивана Пересветова. По словам А. А. Зимина, еще Карпов сумел «показать необходимость построения государства, основываясь на «правде», «законе» и «милости». Между тем в сочинениях Пересветова мы уже находим развернутую картину «идеального государства» — царства Магмета-султана, который ввел в своем государстве «правду» и издал «справедливые законы»⁴. Едва ли Карпов и стремился дать развернутую, следовательно, конкретизированную и детальную картину «идеального государства». Его больше интересовали общие принципы государственного устройства, чем составные части и связи их в государственном механизме. Во-первых, как замечает А. А. Зимин, «в 20—30-х годах XVI в. не стоял еще так остро вопрос о государственных преобразованиях, как он встал после периода боярского правления и московского восстания 1547 г.». Во-вторых, Карпов был мыслителем другой культурной формации и с ярко выраженным индивидуальным обликом. Гуманистический образ мысли свойствен (в неодинаковой мере) и тому и другому, но в идейном наследии Карпова явственнее запечатлены черты возрожденческой культуры.

В творчестве Пересветова, как ни долго он жил за границей, прослеживаются глубинные связи с русской, как будет показано, и русской народной культурой. Конечно, публицист, чутко прислушивавшийся и живо отзывавшийся на действительность, не

остался равнодушным к виденному, слышанному, пережитому в годы своих заграничных странствий. Его ссылки на волошского воеводу, на латинских и греческих «дохтуров» — не только литературный прием, но и сознательное обращение к чужому, но общепользовному опыту. Было бы противоречием духу пересветовских сочинений вменять их автору в вину национальную замкнутость или исключительность. Как и Максим Грек, печаловавший о судьбе приезжих иностранцев, Пересветов с прямой обидой пишет: «Нас государь, приезжих людей, не любят»⁵. У Пересветова свое отношение к культуре «латынской» и «турской», западной и восточной; в той и другой он обращается к «философской мудрости», к «Правде», достоянием каких бы языков она ни являлась. Это был смелый выход публициста за ревниво оберегаемые господствующей церковью, особенно иосифлянской, идейно-культурные границы. Но и новаторство публициста опиралось на русскую же традицию, идейную и литературную. Она представлена не одними еретиками предшествующего века. Афанасий Никитин возносит молитву о русской земле, перечисляя в ней знакомые ему страны (заметим, те же самые, что и потом Пересветов), а именно: греческую, волошскую, турецкую; для каждой находит слова одобрения, но молится о русской земле: «На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость»⁶.

Обращение к терминологии, которой пользуется Афанасий Никитин в своем сочинении, убеждает во взаимосвязанности понятий «Правды» и (напишем с заглавной буквы) «Справедливости». Мы не погрешим против истины, объединив эти понятия — «Правда-Справедливость», но, исходя из сочинения Афанасия Никитина (и комплекса сочинений Пересветова), правомерно будет и размежевать эти понятия. Справедливость — один из дериватов Правды. Последняя — всеобъемлющий идеал: Правда божья! Справедливость — регулятивная социально-этическая норма, представляющая Правду во всей сфере земных (мирских) отношений людей. Мысль Пересветова сосредоточена, как и у Афанасия Никитина, на том, чтобы устроилась Русская земля и чтобы в ней восторжествовала справедливость. Продолжение передовой традиции. И когда публицист вкладывает своему идеальному герою слова: «Братия, все есмь дети Адамовы...»⁷, то лишь дает Магмету-султану повторить русского летописца: «*все есмя едино Адамово племя, вси едины братна, и дяди, и сродници, и сестры и тетки, вси един род есмя, и вернии и не вернии*»⁸. Но, конечно, в обществе наличествовали и противоположные традиции. Пересветов сделал выбор, а сделав его, продвинул и обновил традицию. Как именно, показал еще В. Ф. Ржига, в частности, на примере переработки Пересветовым Повести о Царьграде. Симво-

лический образ Повести — борьба между орлом и змием при основании Царьграда — раскрывался автором Повести как знамение борьбы между христианством и исламом, предвещавшим временную победу последнего над первым, но затем окончательную победу первого над последним. Ржига о пересветовской редакции Повести пишет: «В тенденциозной же переделке этого отрывка философы дают иное толкование, в котором противопоставляют не христианство и басурманство, а совершенно в духе Пересветова правду и неправду»⁹. Вот как толкуют знамение «философы» у Пересветова: «Ино мудрыя философи рекоша: Орел есть знамение веры христианския, змей же есть гордость и лукавство и ненависть, друг друга ненавидят, яко змеи, возсият, да не возмогут сердца своего обратить друг другу на добродетель. А орел есть храбрость и правда и друголюбъство сердечное; змий же есть знамя от дьявола, ненавистника роду христианского; а орел есть знамя от бога царя небесного. Знаменуется первое: ненавидя роду христианского и веры христианския, дьявол всеет в них гордость, и неправду..., а орел есть знамя: господь бог хранит веру христианскую, и даст им наказание от неверных, и потом милость свою великую даст им, и всеет в сердца их правду и друголюбство, — они же христиана познают, что *правду бог любит, и сильнее всего правда*»¹⁰. Да, повесть переведена в совершенно иной идейный план, хотя и не совсем новый. Что бог правду любит, а не веру как таковую, мы уже читаем, например, в Повестях отца Пафнутия (последняя треть XV в.). Еще определенной мотив этот звучал в проповеди новгородско-псковских еретиков того же времени. Мы отметили и то, что антитеза Правда — Кривда, за которой антитеза Христос — Антихрист (или дьявол), находилась в центре народного идеала Правды, имевшего прямое антифеодалное звучание. Новым (в рамках пересветовской переделки Повести о Царьграде) является не само по себе переключение ее в новый идейный план, а высокий уровень обобщения и чеканная формулировка идеи. Нам стоит задержаться на отмеченном перекрестке «нового» со «старым», что небесперспективно для исследования родниковых начал творческого наследия Пересветова. С каким «старым» встретилось «новое», чтобы оперевшись на него, продолжать собственный путь? Нам, конечно, вспомнилась апокрифическая Беседа трех святителей, представившая в образах животного мира (в том числе и в образе орла) не столкновение между христианством и басурманством, а между Правдой и Кривдой, временное торжество Кривды и отлет Правды на небо, чтобы однажды вновь спуститься на землю для своего конечного торжества. Эти ее образы и сюжет мы обнаруживаем в пересветовской переделке Повести о Царьграде. Исследователями (В. Ф. Ржига, Л. Н. Пушкарев, А. А. Зимин) давно отмечено знакомство Пересветова с апокрифическими сказаниями об Адаме,

давшем на себя рукописание дьяволу. Этот апокрифический мотив отражен в сочинениях Пересветова и им плодотворно разработан. А. А. Зимин в критическом обзоре сочинений Ю. А. Яворского «К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в.» (1908) отмечает, что, по мнению последнего: «Мысль об идеальном правителе якобы внушена Пересветову утопией об Иоанне Пресвитере...»¹¹ Вслед за А. А. Зиминим и мы не убеждены в правильности предположения, сделанного Яворским, не имея, однако, оснований исключить возможность знакомства Пересветова и с этой «утопией», популярной в древнерусской письменности. Нас не оставляет безучастным другое, а именно, что мысль Яворского в поисках источников, послуживших Пересветову, обратилась к сочинениям, содержащим утопические мотивы¹². И поскольку Яворский направил поиск в таком направлении, непонятно, зачем было ему высказывать предположение о влиянии на взгляды Пересветова утопии Иоанна Пресвитера, когда в сочинениях Пересветова имеются две прямые ссылки на Мефодия Патарского¹³, в слове которого нашла место утопия более яркая, чем в Послании Пресвитера Иоанна. Пересветов знал по этому апокрифу о царе Михаиле, который «начнет давати людям богатство всякое, и обогатеют вси людие. Тогда не будет ни татя, ни разбойника, ни резоймца, ни клеветника, ни завистника, ни чародея, ни скомороха: предстанет бо тогда всякое дело и будет радость и веселие и тишина великая»¹⁴. Что в этой утопии могло привлечь сочувственное внимание Пересветова и что противоречило его взглядам и идеалам — из сочинений Пересветова выясняется совершенно определенно. Нас же сейчас интересуют идейные истоки пересветовского наследия, конечно, не сводимые к одним литературным источникам, так или иначе в нем отразившимся. Как и наших предшественников, исследовавших сочинения Пересветова, нас также привлекает мотив о Книгах, проходящий через его сочинения. Значение высочайшего авторитета, приданного им Пересветовым, — факт очевидный и бесспорный. О чем этот факт говорит исследователю? Об уважении Пересветова к мудрости, запечатленной в Книгах? Разумеется! Но что в данном случае значит «уважение»? Доверие разуму как источнику знаний и признание его способности постигать явления окружающего мира? «Веря в великую силу человеческого слова, — пишет А. А. Зимин, — Пересветов составляет свои «книжки», рассчитывая, что они произведут должное впечатление на Ивана Грозного, побудят его осуществить намечаемые публицистом реформы»¹⁵. Но для конкретно-исторической характеристики Пересветова как деятеля общественной мысли имеет значение и вопрос: во что облекалась идейная направленность его сочинений?

Старшему современнику Пересветова — Карпову нельзя отказать в столь же высоком уважении к Книге и глубокой вере в силу

слова. Послание к Даниилу об этом говорит недвусмысленно. И все же понятия о книгах этих двух мыслителей и публицистов хотя и родственны, однако отмечены печатью разных культур. Да и книги, к авторитету которых апеллировали как Пересветов, так и Карпов,— разные.

Много вопросов ставят перед исследователем книги Пересветова. Что они собой представляли? Каков был источник их? Состав? И в чем состояла их функция? Это — взаимосвязанные вопросы, и мы начнем с последнего.

Бог покарал Царьград и отдал его во власть иноверного и неверного Магмета-султана. Иноверец воцарился над городом со всеми его жителями, включая и патриарха, со всеми его строениями, включая церкви и самую первопрестольную Софию. Все же власть иноверного царя не абсолютна. Она ограничена и в пространстве и во времени. Мертвый город достался в обладание Магмет-султану, мертвы его люди, изменившие вере-правде, мертвы храмы. Но то, что составляло силу и славу Царьграда, *правда* веры и *вера* в правду, этого бог Магмет-султану не выдал. Как и в апокрифических сказаниях об Адаме, дьявол мог отобрать землю у человека и самого человека обязать рукописанием, но правду не мог отобрать, и она ушла в небо, не переставая светить земле — нетленная скрижаль Правды, небесная Книга Правды, она — же Голубиная книга русского духовного стиха. Что Правда в кризисных для рода человеческого условиях уходит в небо, это мы хорошо знаем по многим переводным и оригинальным сочинениям, имевшимся в древнерусской письменности. А вот как это происходит, мы узнаем по пересветовской переделке Повести о Царьграде. Еще у царьградских врат идут тяжелые бои с войсками Магмет-султана, еще священный город не осквернен вражеским присутствием — самое важное событие свершится в свой подобающий час. И вот как: «Нощи убо против пятка осветися весь град, видев же стражие градския течаху видети бывшее чудо, чааху бо: турки зажгоша град; и возкричаша велиим гласом, и собрашася многия люди. Видев же у великия церкви Премудрости божии у верха из окон пламень огненный великий изшедши и окружившу всю шею церковную на долгий час, и собрався пламень во едино место преминися, и бысть яко свет неизреченный, и абие взяты на небо... Свету же оному до небес достигшу, отверзошася двери небесныя, и прият свет, и паки затворишася небеса». Патриарх толкует Константину знамение: «Свет неизреченный... в сию ночь отидоша на небо. И сие знаменует, яко милости божии и щедроты его отъидоша от нас, грех ради наших...»¹⁶ Есть у Пересветова и еще одно уточнение: «свет неизреченный» — это «святой дух». Пересветов пишет: «Во второй же день, егда услышаша людие отшествие святого духа...»¹⁷ Святой дух, хотя он и дух, все же не вполне бесплотен. Он сродни

одной из четырех стихий вселенной — стихии огня. Он объективизирован и опредмечен, потому и не просто уходит в небо, а требует и от неба такой же предметности: «Отверзошася двери небесныя, и, прият свет, и паки затворишася». Пока что мысль Пересветова работает в сфере старых, дополним, «отреченных» представлений. Итак, Магмет-султану досталась в обладание «тьма», определяемая так по своей противоположности — «неизреченному свету», испешшему на небо. Но «тьме» бог оставил возможность просветиться, и в этой возможности — еще одно ограничение власти Магмет-султана. Об этом читаем у Пересветова, и — что в данном случае существенно — читаем об этом в его Сказании о книгах. Патриарху говорит «глас с небеси»: «Естьли бы яз на вас на то напустил, яко на Содом и Гомор, вечный гнев свой огонь и потоп, и на вас я напустил на поучение агарян, ино-племенник турков, а не навеки, любячи вас»¹⁸. В чем состоит конкретно возможность «просвещения»? В книгах, оставленных патриарху, после огневидного отшествия «духа». Их бог не отнял. Потому-то, когда Магмет-султан на них произвел покушение, а патриарх «сердечностью» молитвы о Книгах убедил бога в своей искренности, молитва была услышана. Любопытно, бог не снизошел до того, чтобы беседовать с Магметом-султаном на одних основаниях с патриархом — «небесным голосом». Он сновидением приходит к султану, да так, что «напустил на него трясение про книги христианские»¹⁹. Книги, на которые возложена богом функция выведения из тьмы и возвращения покаранных людей к вере в Правду и следованию законам ее, — «христианские книги». Не книги Аристотеля и Овидия, служившие Карпову, не книги «внешней» мудрости, а его, бога, небесные книги. Священное писание? Не только. В пересветовском Сказании о книгах патриарх Анастасий беседует с богом примерно так же, как апокрифический Иоанн беседовал с господом на горе Фаворской. Кстати, Иоанну, как и пересветовскому Анастасию, дано было беседовать лишь с «гласом от небеси»²⁰. Мы представляем Книги, о которых идет речь у Пересветова, в общих рамках соответствующего текста из Вопросов Иоанна Богослова господу на горе Фаворской: «И слышаша глас глаголющъ: послушай, праведный Иоанне, спа книги яз се видиши, писано ес еже на небеси и на земли, и в преисподних — и всякому дыханию небесному и земному правда и кривда»²¹. Книги всеобъемлющи. Но они не «человеческое слово». Здесь мы вспомним каноническое Евангелие: «В начале бе слово, и слово бе у бога, и бог бе слово» (Иоанн, I, 1). И вот только теперь, оборонившись божественным Логосом, как своим знаменитым «гусарским щитом», Пересветов утвердился в собственном идейном направлении. Оно обнаружится не в представлении об источнике книг, ни об их функциях, — то и другое «небесны». Оно обнаружится в составе Книг, еще освященных старыми представ-

лениями, которые придадут этим книгам наивысшую санкцию. В круге старых представлений есть и сектор, отмежеванный «отреченными» книгами с их упором на борьбу между Правдой и Кривдой и социальным заземлением этих отвлеченных понятий. Здесь было от чего оттолкнуться русскому публицисту, вступившему на поприще социально-идейной борьбы. В небесные книги осторожно, но уверенно он впишет свою земную страницу. В лей мы найдем и идеи, близкие тем, которые развивал и отстаивал Карпов. Да и «светская мудрость», которой с великим усердием «прилежал» Карпов, не обойдена Пересветовым — это убедительно показано в монографии А. А. Зимина. Мы не ставим под сомнение связей Пересветова с традицией «светской мудрости». Речь у нас идет об объеме, характере и форме связей. Пример двух выдающихся, весьма разных, в немалом и схожих, публицистов показывает, что в России, как и на Западе, становление гуманистической мысли происходило не на одном пути «возрождения» античных авторитетов, но и на пути творческого освоения культурного наследия родного прошлого.

Обращение Пересветова к наследию отечественной культуры прослеживается явно, чего о Карпове сказать нельзя. Это не объясняется простым различием их литературных пристрастий. Здесь существенный показатель для понимания образа мыслей публицистов. Сочинения Пересветова, как было показано А. А. Зиминим и рядом других исследователей, в значительной степени — светские. Он не прибегает к авторитетам православной патристики, немногочисленны и случаи обращения публициста к библейским текстам. Между тем церковные писатели, современные Пересветову (да и гораздо более поздние), и «шагу ступить» не смели без ссылок на православные авторитеты. И не только церковные писатели. Достаточно припомнить послания Ивана IV и Курбского. Но игнорирование авторитетов не составляет само по себе отказа от авторитарно-средневекового мышления. Такое преодолевается до конца лишь утверждением человека — творца, созидателя материальных и духовных ценностей. И здесь связи Пересветова с традиционной культурой указывают на сравнительную незавершенность его гуманистического самоопределения. Материала, способного непосредственно послужить утверждению индивидуального «самоценного» человека, в народной культуре не было. Напротив, народная культура отвергала обособление. Примат коллектива над индивидом — ее характернейшая черта. Но умение «рубить правду», остросоциальное осмысление выдвигаемых проблем, постановка их на почву жизненной практики, трезвость зоркого ума — всем этим Пересветов во многом обязан традициям народной культуры.

Пересветов как публицист середины XVI в. — один из наиболее характерных представителей передовой общественной мысли

своего времени. Его выдающиеся современники — Федор Карпов, Ермолай-Еразм, Феодосий Косой были более цельными и последовательными выразителями той или иной тенденции глубоко противоречивой картины общественного развития. Эпоха была переломной, и ее сложность в публицистике Пересветова отразилась полнее, чем у других публицистов. Совершенно прав А. А. Зимин, сказавший о Пересветове: «В его проектах преобразования социально-политического строя России слышался голос переломного времени»²².

Итак, время переломное. Что же «переламывало» оно? «Принято думать,— пишет Л. В. Черепнин,— что XVI столетие тоже относится еще ко времени развитого феодализма. Лишь в XVII в. можно уловить зачатки капитализма, и это дает право говорить, что именно тогда начался позднефеодальный период». Все же сложная историческая действительность XVI в. предвещала, и не одной мыслью своих наиболее чутких идеологов, но явлениями социально-экономического развития, наступление периода позднего феодализма. Все еще «в рамках развитого феодализма,— продолжает Л. В. Черепнин,— XVI век занимает особое место»²³. Это «особое место» потому и «особое», что одними особенностями развитого феодализма оно не исчерпывается. «Особому месту» XVI века соответствовала и сложность социальной роли дворянства как одной из движущих сил общественного развития этого времени.

Политическая дееспособность дворянства обуславливалась в этой «особой» обстановке и выходом за собственную сословно-классовую ограниченность и учетом в большей или меньшей степени всей противоречивой действительности. Это и сообщило публицистике Пересветова ее противоречивость, начиная с разнохарактерности идейных традиций, влиявших на нее. Однако публицистика Пересветова не эклектична.

В центре внимания Пересветова — соотношение между Правдой и Верой. Его *idea gratissima*. Область Веры, отражавшая в идеологическом плане всю совокупность социально-идейных ценностей феодального класса, все больше переставала быть «ничейной полосой». Она становилась ареной острой борьбы. Если Вера, как она понималась, толковалась, внушалась и защищалась церковью, являлась священной санкцией системы феодального господства и подчинения, то Правда, противопоставляемая ей, припимала форму религиозного свободомыслия, не всегда доходившего до открытого ерetzизма, но неминуемо к нему тяготевшего. Какова была Вера, обличенная Пересветовым в его сочинениях? Формально-обрядовая, лицемерная! Принимающие монашеский обет люди совмещали его с гордостью и братоненавистничеством; придя в церковь, они отбивали поклоны, исчерпывая в них веру. Это была вера, равнодушная к страданиям человека: «образы» «святые» и

«чюдотворныя» забрызганы слезами и кровью «мира сего, рода христианскаго». Обличения Пересветова имеют в виду всю церковь и всю ее иерархию, вплоть до патриарха, но в центре мишени — монашество, причем Пересветов заявляет себя сторонником общежительного монашества как осуществляющего на деле образ жизни, заповеданный Христом: «А приняли естя... братолюбства общего моего жития: брату брата любити аки сам себя». Так сказал, по Пересветову, «глас с небеси... от бога». И тот же «глас» вторично обращается к общежительной теме: «А ныне поучение мое святое напишите да розошлите по общим моим по настоящему общаго жития... да братолюбство было бы всегда промежу вас...»²⁴ Общее житие и братолюбство привлекали Пересветова в качестве идеальной нормы отношений, которой, однако, он не придавал всеобщего и обязательного значения, разве лишь значение примера, подаваемого монашеством прочему «христианскому роду». Пересветов не разделял отношения своих современников-еретиков к институту церкви и монашества, не отвергал самих по себе икон, святых, мощей и т. д. и т. п., в чем еретики усматривали идолопоклонство. Но и для него иконы, забрызганные слезами и кровью, — не иконы; храмы, в которых кланяются, «как трава по ветру», — не храмы; святыни православия, чуждого страданиям народа, — не святыни. «Глас с небеси» со всей прямо-той разъяснил патриарху, что такая церковь и такая вера ему не нужны, им осуждены и что от церквей, образов, почитаемых угодников он «всю есми свою святыню к себе на небо взял». Надолго? Сроки не определены, может быть и *ad Kalendas Graecas*: «Доколе будет мое святое милосердие опять во Иерусалиме и во Цареграде»²⁵. Итак, не в принципе, а *de facto* иконы — кумиры, а храмы — капища, как это проповедовал современник Пересветова Феодосий Косой, а до него новгородские, псковские, московские, тверские еретики. Бог глух к такой церкви, но чуток к страдающему человечеству: «Да та же неповинная кровь и слезы столпом ко господу богу на небо с великою жалобою шла»²⁶. «Столпу» слез и крови бог равно отворяет небо, как и огненному столпу своей святыни, испедшему от земли. Оставшиеся церковь и вера — бездушны, тем самым мертвы. Ничего иного не утверждали еретики второй половины XV — начала XVI в., как и их преемники в середине века Матвей Башкин и Феодосий Косой. Но еретическая критика шла дальше, утверждая, что авторитарная, охолоп-ливающая, внешне-обрядовая вера и не может быть иной, как верой бездушной и мертвой, что она и не заключала в себе святыни и ни при каких условиях не может сделаться верой живой. Грань, отделяющая Пересветова от еретиков, в том, что для них святыней является внутренний мир самого человека. Позиция Пересветова в этом кардинальном вопросе не закрывала выходы и в область еретических понятий о вере. Всецело на сторону инди-

видуалистической концепции — реформационной концепции веры — он, однако, не перешел. Другой мир идейных ценностей оставался для него значимым — он сполна выразился в его представлении об отшествии святого духа от православной церкви и веры во время осады турками Царьграда. Ушла Правда, с ней и святой дух. Это представление близко народному варианту христианства, каковой и был христианством земной правды: земля божья, труд благословен участием в нем Христа и апостолов, порабощение — дело дьявола. Вряд ли эти бесхитростные представления устраивали Пересветова. Знал он много больше, чем простые люди, толковавшие Евангелие на свой крестьянский лад, больше понимал, дальше видел, да и в виду имел не их интересы, а свои, дворянские. Но и за вычетом всего этого оставалось традиционное мировоззрение, для которого характерна внеположная вера в существование вне человека особого мира, самодовлеющего и совершенного, при этом и не совсем дематериализованного. Мир этот дематериализуют полностью, делают духовным еретики, но при этом он и перестает быть внеположным, экстерриториальным и становится достоянием человека как его собственный внутренний мир. Пересветов возвысит человека, но и с традиционными представлениями вполне не расстанется.

С этими предварительными замечаниями мы перейдем к рассмотрению социальных идей Пересветова.

Для критики состояния порабощенности он использует апокриф о рукописании Адама: «Коли Адама господь бог выгнал из рая, а он заповедь божию преступил, и тогда дьявол его искусил, и запись на него взял. И Адам было веки погинул, и господь милосердие свое учинил волною страстию своею и Адама извел из ада и запись изодрал». Здесь Пересветов выводит свободу, милостиво дарованную Христом, за рамки каких-либо локальных и временных ограничений. Но текст этот переходит сразу в следующий: «Един бог над всем светом, то есть которые записывают в работу веки, прелщают, и дьяволу угрожают, и которые прелщаются для светлых ризы да веки записываются в работу, те оба погибают веки»²⁷.

Подчеркнутая универсальность дара свободы по отношению к следующему за этим выводом представляется неуместной: дар свободы отнесен к одной категории зависимости — холопству. Для категориально-ограниченной свободы, пожалуй, неуместно было не только акцентировать внимание на универсальности ее дара, но и вообще привлекать апокриф об адамовом рукописании — он с трудом поддается обуженному прочтению. Правда, в лице холопов представлен был наиболее социально активный слой населения. По вполне убедительному выводу А. А. Зимина, «невыносимые условия жизни приводили к тому, что именно холопы становились в авангарде всех крупнейших социальных битв в стра-

не»²⁸. Хотел ли Пересветов дать выход «авангардной» силе па поприще деятельности? Предпочитал ли удовлетворить интересы холопов, дабы лишить их роли авангарда «крупнейших социальных битв»? Рассуждение Пересветова оставляет впечатление недоговоренности. Содержится оно в его Большой челобитной. То же впечатление не покидает нас при чтении Сказания о Магмет-султани. Мы имеем в виду следующее рассуждение Пересветова: «Фараон царь был поработил израилтян, и бог на него разгневался своим святым неутолимым гневом, да потопил его Черным морем». Это слова Магмета-султана, обращенные к своим вельможам. Они служат аргументации трех распоряжений Магмета. Первое: «Во всем царстве дал волно служити у вельмож своих, кому ни буди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопити, а служити им добро волно». Второе: «Да велел пред себя книги принести полные и докладные да велел их огнем пожещи». Третье: «А полоняником учинил урок, доколе кому робить, в седьм лет выробится, и в силах девять лет»²⁹. К этой теме Пересветов обращается и в Большой челобитной: «А того греки забыли, яко знамение господь бог показал над Фараоном, царем египетским, — морем потопил его да и вельмож его для того, что был он израилтян поработил»³⁰. Мировоззрение Пересветова знает одну Правду, но его литературное творчество варьирует Правду в зависимости от того, имеется ли в виду «исторический прецедент», каковым выступает Магмет-султан, или реальный адресат — царь Иван IV. Рассуждение о божьей каре, свершившейся над фараоном, в Большой челобитной носит общий характер, в Сказании о Магмет-султани оно раскрыто и конкретизировано. Пересветов показывает себя автором осторожным и осмотрительным, опасаясь быть «пойманным на слове». Его адресату предоставляется возможность выбора между широкими и далеко идущими решениями острых социальных проблем и их ограниченными решениями. Можно выбрать между универсальными решениями, напрашивающимися из апокрифа об адамовом рукописании, и их ограниченным вариантом. Между опытом решения «фараоновой проблемы» Магмет-султаном и общеморальной, мало к чему обязывающей формулировкой той же проблемы в Большой челобитной. Пересветов умел и не договаривать Правду. Не договаривал он ее и в рассуждении Магмета-султана, когда тот на основании «христианских книг» и стремясь избежать судьбы фараона (тоже на основании «христианских книг») определил сроки освобождения «полоняников». Надо думать, Пересветов и сам заглядывал в «христианские книги», по крайней мере в те их тексты, которыми аргументировал свои взгляды. Он не мог не знать, что освобождению после шести лет работы (на седьмой год) подлежали, согласно «христианским книгам», не полоняники: пророк Иеремия, обращаясь к господствующим верхам Израиля, говорил: «Як

ся скончает 7 лет да пустиши брата своего жидовина, еже продан ес в тебе. Да ти делает шесть лет и да отпустиши и свобод»³¹. Знал это Пересветов, как и то, что слово «полоняник» употреблялось в русском языке неоднозначно. «Полоняником» назывался и порабощенный, и узник, а не только военнопленный. Многозначность слова устраивала Пересветова. Как и другие публицисты феодального периода, он укрывался божественным Логосом — щитом, который дала эпоха, но маневрировал идеологическими «щитами» из собственного изделия.

Мы придаем важное значение другому: мотив фараонова ига, как и связанное с ним обращение к социальному законодательству Ветхого завета (освобождение от зависимости в так называемые «юбилейные годы»), пущен был в оборот западноевропейскими еретическими движениями и на всем протяжении времени по XVII в. включительно применялся в качестве орудия антифеодальной борьбы. В середине XVII в. левеллеры декларировали «властям Англии и всем властям в мире»: «тот, кто в древности освободил Израиль от фараона и до сих пор обладает тем же могуществом, ему мы доверяем и ему мы служим...»³² Так было и в России. Текст из Иеремии, приведенный выше, мы цитировали по сборнику библейских пророчеств, переписанному еретиком начала XV в. Иваном Черным, и именно этот текст выделен им среди других. Избавление от фараонова ига как оправдание борьбы против рабства фигурирует в беседе последователей еретика середины XVI в. Феодосия Косого с Зиновием Отенским. Этот же мотив использует в XVIII в. соратник Пугачева Иван Грязнов. Мысль Пересветова снова заходила в зону крамольных идей времени. Его сдержанность и осторожность — знак того, что он сознавал их взрывоопасность, но «взрыва», конечно, он не хотел. У Пересветова была позитивная социально-политическая программа, его проекты преобразований охватывали многие сферы государственной жизни. Однако же программа эта не исчерпывает понятия Правды, о которой им сказано: «Правды сильнее в божественном его (бога.— А. К.) писании ист»³³. И не только в «божественном писании», но и во всей вселенной: «Истинная правда Христос есть, сияет на все небесныя высоты и на земныя широты и на преисподняя глубины...»³⁴ Нас, естественно, интересуют «земныя широты» Правды, как преимущественно интересовали они самого Пересветова. К этим «широтам» относятся такие общественные проблемы, на которые публицист внимание обратил, но места в предлагаемых преобразованиях не отвел. Не нашел для них решений или, что вероятнее, не позволил себе о них писать. Из этих проблем самая существенная — трудовые отношения. Проблемы этой касается Пересветов в связи с рассуждениями о милостыне. Сам по себе мотив милостыни, раздаваемой «от праведного труда», представлял собой общее место мно-

гих переводных и некоторых оригинальных сочинений, представленных в древнерусской письменности. В них более всего осуждалась милостыня, раздаваемая от богатств, накопленных ростовничеством. С этого начал свое рассуждение о милости и Пересветов: «Подобает от *праведного труда* творити милостыню, а не от лихоимства»³⁵. Но только ли лихоимство названо неправедным трудом? Мысль о праведном труде Пересветов развивает так: «Аще имаши от своего труда сеи богатство, от него же хочещи принести дар богови, но смотри, егда немощным нужда сотворил еси или под собою нужда облиховал еси»³⁶. Пересветов различает богатство, составленное насильственным присвоением чужого труда («немощным нужда сотворил еси или под собою нужда облиховал еси»). В данном контексте «облиховать» значит «лишить» — одно из распространенных в древнерусском языке значений слова).

Примечательно, что это рассуждение Пересветова не имеет конкретного социального адреса, обращено не к вельможам только, как прочие его обличающие тексты. Приведенное обличение продолжается словами: «Аще ли властель еси, не насилуй, не лихоимствуй, но егда приключиться власть, покажи правая»³⁷. Под «властелем» скорее всего имеется в виду представитель местной администрации, но, возможно, шире, лицо, имеющее частное владение, — и в таком значении применялось в древнерусской письменности это слово. Мысль о Правде труда как труда собственными и свободными руками не покидала Пересветова, и значение ей он придавал принципиальное. В Большой челобитной читаем: «Держитесь заповеди божия, уживайте лица своего поту. Аки отцу нашему первому бог приказал Адаму, создавши его, и дав ему землю и помощь его, и велел делати землю, в поте ясти хлеб, и Адам заповедь божью исполнил. И нам такоже годится во всем послушати бога и правдою сердечною радость ему воздати»³⁸. Текст о рукописании, насильственно взятом дьяволом у Адама, находится на обороте того же листа, что и вышеприведенный. Он продолжает логическое развитие «адамовой» темы. Сначала прославлен Адам как труженик, земледелец. Таким он поставлен Пересветовым в качестве достойного и требующего подражания образца. Потом следует история о порабощении дьяволом Адама. Порабощение превращает благословенный труд в проклятие. Так к характеристике «образца» добавляется в высшей степени существенная черта: Адам — труженик свободный.

Пересветов был только верен образцу, когда самого Магметасултана обязал добывать средства к жизни трудом собственных рук: «Что сам зделает, да пошлет продати, да на то себе велит ясти купити. А рек тако: «Исполняю заповедь божью. Господь приказал отцу нашего Адаму первому поту чела своего уживати»»³⁹. А вот когда Пересветов свел протест против присвоения

чужого труда к тому, что «которые записывают в работу вовеки, прелщают, и дияволу угождают, и которые прелщаются для светлых ризы да вовеки записывают в работу, те оба погибают вовеки»⁴⁰, он был непоследователен. Или может быть близок к подлинным мыслям Пересветова был все же Б. Д. Греков, полагавший, что публицист под рабством понимал «все виды неволи»⁴¹. Попытаемся определить, каковы были понятия публициста о человеке. Вопрос важный не только по очевидному общему значению, но и по его прямому отношению к объему понятия о социальной свободе. Каковы были возможности толкования социальной свободы, заключенные в общей концепции человека, если она имела у Пересветова? Такая постановка вопроса обоснована не только логически. Время, когда жил Пересветов, поставило вопрос о человеке не только перед западноевропейской общественной мыслью. В борьбе с авторитарной церковной идеологией русские передовые мыслители обосновывали понимание человека как «самоценного», как независимой, суверенной личности. В средневековом мире, построенном на отношениях личной зависимости, утверждение индивидуальности человека взывало к его социальному освобождению. Этот вопрос стал актуальным, и вокруг него происходила острая борьба в русской общественной мысли уже в конце XV в. Новгородско-московские еретики, преданные в 1504 г. инквизиционному костру, были поборниками идеи свободного человека, которую они формулировали на языке религиозно-реформационных понятий.

Позволяло ли Пересветову его понимание человека вывести протест против порабощения на наивысшую орбиту или в точке, зафиксированной осуждением «прикабаливания» и «пыхолопления», — апогей социального свободомыслия Пересветова?

Мы начинаем с сопоставления сочинений Пересветова с Повестью о Дракуле. И вот почему. Общей целью проекта реформ Пересветова являлось утверждение сильной централизованной власти, способной, опираясь на дворянство, обеспечить оптимальные внутренние и внешние условия для блага земли и царства. В пределах и во имя этой задачи Пересветов санкционировал «грозу» царской власти. Среди предшественников Пересветова по идее царской «грозы» автор Повести о Дракуле. Исследователь Повести Я. С. Лурье датирует ее 1482—1484 гг., а наиболее вероятным автором ее русского варианта считает видного политического деятеля и знаменитого еретического идеолога времени Ивана III — Федора Васильевича Курицына. Государственная «гроза» в Повести о Дракуле раскрывается как необходимое, достаточное и единственное условие осуществления справедливости; тем самым оправданы, какими бы ни были они тираническими, средства достижения цели. Как и другие авторы, писавшие о Повести, Я. С. Лурье видит в сочинениях Пересветова сходные с ее основ-

ной идеей мотивы. И действительно, идейные переключки между автором Повести и Пересветовым существуют, и для понимания идеологических позиций автора Повести «плодотворно», как пишет Я. С. Лурье, ее сопоставление с сочинениями Пересветова⁴². Плодотворно такое сопоставление и в целях выяснения идеологических позиций Пересветова. Именно наличие моментов сходства в идеях того и другого авторов делает особенно выразительными их отличия. Не исключаем мы и возможного полемического отклика Пересветова на Повесть о Дракуле. Сопоставим тексты Повести о Дракуле и Большой челобитной Пересветова, составляющие в том и другом произведениях их идейный фокус:

Повесть о Дракуле

«И толико ненавиди во своей земли зла, яко хто учинит кое зло татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никак не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, иль просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и толико грозен бысь»⁴³.

Большая челобитная

«Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татба, разбой, обида, всему царству оскужение великое; всем бога гневят, дьяволу угодяют»⁴⁴.

У автора Повести о Дракуле насилие обусловлено существованием «зла». У автора Большой челобитной «зло» обусловлено существованием насилия.

Единственное человеческое чувство, которым наделены люди в царстве Дракулы, — чувство страха, да и страх животный. У Пересветова люди, в меру их человеческого достоинства, — бесстрашны. Ибо порабощенный человек тем, по Пересветову, и характеризуется, что он «срама не боится», а чести себе не добывает⁴⁵. Люди дракулова царства «срама» не боялись; это царство, в котором не знают самого понятия «срам».

Соответственно и суд Дракулы «кулачный». Он не улучшает нравы подданных, а казнит их тела. Дракула практикует одни телесные наказания, потому что для него люди — тела.

Здесь приведем текст из Пересветова, сюжетно наиболее близкий Повести о Дракуле. Речь идет о казни Магмет-султаном судей-взяточников: «И царь им в том вины не учинил, только их велел живых одирати. Да рек тако: «Естьли оне обростут опять телом, ино им вина та отдаться». А кожи их велел проделати, и бумагою велел набити, и написати велел на кожах их: «Без таковыя грозы не мочно в царство правды ввести»»⁴⁶. Насколько мы знаем, это единственная в литературе попытка опровергнуть старую русскую пословицу: «К коже совести не пришьешь».

Все же суд не дракуловский. Казнь взяточников — не правило судебной практики в государстве Магмет-султана, а исключение,

тем и подтверждающее правило, что субъект права (судьи) на-чисто лишен нравственного сознания: закон обкрадывает сам страж закона. В государстве Магмет-султана «дракуловские» казни существуют, но им подлежат не все и любые случаи «зла», а лишь те, когда виновный неисправим или когда этого требует состав преступления. Есть «дракуловские» казни, но нет «дракуловского» суда.

На том, что сопоставленные выше тексты — свидетельство прямой полемики Пересветова с его предшественником, автором Повести о Дракуле, конечно, мы не настаиваем. Но факт идейной оппозиции налицо.

Повесть о Дракуле — превосходная точка отсчета. Она «контрастная среда», делающая наглядным глубокий пересмотр взглядов на человека, происходивший в русской общественной мысли. Начат все же он был не Пересветовым, даже не Карповым. Ближайшим предшественником Карпова следует назвать Федора Курицына. Вот кто открыл в «теле» человека одушевленного и такого человека сделал идеалом. «Душа самовластна», — провозгласил Курицын в Лаодикийском послании. Эта мысль разработана и углублена в Написании о грамоте — памятнике, автором которого с большим вероятием может быть назван Федор Курицын. Как же быть в таком случае с атрибуцией Федору Курицыну Повести о Дракуле? Мы не видим в таком случае иной возможности, как согласиться с предположением Л. В. Череннина, что высшие московские правительственные круги дали прямое задание Курицыну написать Повесть⁴⁷. В этом Иван III действительно был заинтересован. Однако атрибуция Курицыну Повести о Дракуле остается для нас под вопросом.

Итак, для Пересветова человек — не «тело». Свобода человека как соответствующее ему и достойное его состояние у Пересветова сомнений не вызывала. Он, однако, тверже в отрицательном определении свободы, чем в положительном, т. е. тверже в осуждении несвободы, порабощенности. Речь идет, напоминаем, не о взглядах Пересветова на положение тех или иных социальных групп и их месте в «земле» и «царстве», а об его позиции в идейном споре времени вокруг проблемы свободного внутреннего и внешне человека. Позиция эта, хотя и не столь далеко, как у Курицына и Карпова, все же была продвинута Пересветовым в глубь проблемы. Как далеко — попытаемся определить.

В сочинениях Пересветова отведено особое место «сердцу». Трудно перечислить, сколько раз упоминает он «сердце» по ходу своих суждений. Патриарх Анастасий, моля бога, плачет «сердечными слезами»⁴⁸. Царьградские святители в лучшую пору существования Царьграда «сердечными слезами своими бога на помощь призывали» и даже «сердцем бога видели»⁴⁹. «Небесный голос» обращается к патриарху: «Да если бы не разлил ныне

сердечных слез...»⁵⁰ Магмет-султан «до скончания веку своего бога в сердца держал...»⁵¹. Своим пашам и сеитам Магмет-султан внушает: «Правда и чистота, братия, се бо сердечная радость богу»⁵². Литовские «мудрые философы» предсказывают, что в русском царстве «христиане познают, что правда богу любя и сердечная радость»⁵³. Правда и самому богу «сердечная радость»⁵⁴. С надеждой обращается Пересветов к царю: «Правду во царстве своем введешь и богу сердечную радость воздашь»⁵⁵. Понятия о правде и сердце у Пересветова сближены, связаны, неразделимы. Сердце и есть Правда, стучащая в груди человека, потому и Правда осердечена: слезы и кровь «христианского рода», столпом уходящие в небо, вопия о Правде. Сердце, в понятиях Пересветова, не «тело» сердца, аместилище жизненных сил, и в Правде их средоточие: она — сердце сердца. И что наиболее существенно: сердце — движущая сила поведения и деятельности человека. Мы имеем в виду понятие Пересветова о «возращении сердца», неоднократно им повторяемое. Магмет-султан «возрастил сердце войску своему». Он поощряет своих воинов «на возвращение сердца, чтобы каждой и впредь себе чести добывал и имени славного». Петр, воевода волошский, рекомендует «сердца возвращати» воинам и т. д.⁵⁶

И, например, когда Пересветов характеризует несвободу, порабощение, тем самым неправду, он определяет виновников этого как людей с окаменелыми сердцами: «А израильтяны умножились и угордели, и бога забыли, и погинули в неволю и в разсечение, нет им царства волного, и не познали сына божия Христа, царя небесного, сердце их окаменело з гордости»⁵⁷. «Сердце» для Пересветова не образ, не метафора, а понятие, нравственно-поведенческая категория, и она — «сердце» пересветовских представлений о человеке. Но термином «самовластие» Пересветов не пользуется и, думаем, не случайно. Понятия о сердце «каменном» и в противоположность этому — «живом» Пересветов, вероятнее всего, позаимствовал из «христианских книг», которые он прочел как книги Правды. Заимствование не снижает самостоятельности мысли Пересветова, поскольку имеет место творческое осмысление заимствуемого. Не снижает, а повышает это заимствование в значении явления общественной мысли и то, что Пересветов в данном случае не первооткрыватель. Ему предшествовал другой читатель «христианских книг», как и он, искавший в них Правду, — Иван Черный, один из виднейших еретиков, участник свободомыслящего кружка Федора Курицына. Перепиывая библейские книги, Иван Черный размечал с помощью глосс, сделанных на полях, тексты, в которых находил опору своим убеждениям, аргументы в их пользу. В книге пророчеств Иезекииля Иван Черный ставит помету «удобно» (что означает «ладно», «гоже», «кстати», «впору») против текста: «И дам им сердце оно и духи

новъ дамъ имъ и истрѣгну каменое сердце от плѣтии ихъ и дамъ сердце плѣтию»⁵⁸. И снова пишет свое «удобно», найдя в той же книге пророчеств текст: «...и от всех кумирь ваших очищу вас, и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ дами вам и отвергну сердце каменное от плѣти вашей и дамъ вамъ сердца плѣтено и дух мой дамъ в вы»⁵⁹.

Так что уже в идейном обиходе Ивана Черного находились понятия о «новом сердце» и противоположном ему «сердце каменном». Опять мы встречаемся с мыслью Пересветова вблизи «опасной» идейной зоны.

Эти понятия, обогащенные, переработанные и все же узнаваемые, встречаются нам и за далекими от русского XVI в. рубежами пространства и времени. Они — принадлежность мировой гуманистической мысли. Мы встречаем их, например, у Шекспира. Первые слова, произнесенные у тела погибшего Гамлета: «Разбилось сердце редкостное». Это говорит Горацио, друг, лучше всех понимавший Гамлета. И о сердце Гамлета говорит не случайно. Сам же Гамлет когда-то сказал о себе Горацио: «С тех пор как для меня законом стало сердце...» «Закон сердца» — драгоценное достояние гуманизма. Кто следует ему, тот, по словам Гамлета, «не рожек под пальцами судьбы, чтоб петь, смотря какой откроют клапан». О таком человеке Гамлет говорит: «Дай его сюда, я в сердце заключу его... нет, даже в сердце сердца»⁶⁰. Мы обратились к Шекспиру не за аналогией, а за исторической перспективой понятия, которое у Пересветова находим в зачатке, ибо «возрастание» сердца, о котором писал Пересветов, до того, чтобы стать суверенным законом, не доросло. Оно ограничено у Пересветова тем, что стимулируется извне царской милостью — вознаграждением, почестями и, как «осердеченно» выражается Пересветов, «приветом добрым». Оно также ограничено тем, что непосредственно отнесено к «воинникам».

Оно более всего ограничено тем, что принимаемая, носимая в сердце и отстаиваемая Правда не понималась Пересветовым как творимая самим человеком. Это Правда, подлежащая человеку; человеческая, она все-таки дана свыше — написана в Небесной книге. Сердце свободно, но свобода не утверждена в понятии самовласти, а потому и остается недовершенной. Человек ценен, но не самоценен. Понятия суверенитета человека у Пересветова еще нет, тогда как еретическая мысль уже в конце XV — начале XVI в. (Ляодикийское послание, Написание о грамоте) подошла к этому понятию вплотную. Суть пересветовской мысли и ее нереализованные потенции глубоко оценил неизвестный автор Сказания о Петре, воеводе волошском. Это выясняется из предлагаемого сопоставления:

*Большая челобитная
Пересветова*

«... и господь бог милосердие свое учинил волюю страстию своею святою и Адама извел из ада и запись изодрал. Един бог пад всем светом, то есть которые записывают в работу вовеки, прелщают, и дияволу угождают, и которые прелщаются для светлых ризы да вовеки записываются в работу, те оба погибают вовеки»⁶¹.

*Сказание о Петре
волоском воеводе*

«Господь милосерд надо всею вселенной и искупил нас кровию своею от работы вражия мы же приемлем создание владычне, такова же человека, в работу и записываем их своими во вски, а те от бедностей и от обид в работу придаются и прелщаются на ризное украшение; и те оба, приемлющий и дающийся, душею и телом перед богом погибают во веки, занеже бог сотворил человека самовластна и самому о себе повеле быть владыкою, а не рабом»⁶².

Между сопоставляемыми текстами временная дистанция в 70—80 лет. Второму из них предшествовала Крестьянская война 1606—1607 гг. под руководством беглого холопа — Ивана Болотникова. И по составу, социальному и национальному, и по лозунгам, и по размаху, по своему историческому значению — первая Крестьянская война значительно превосходила народные движения 1547 г., предшествовавшие публицистическому выступлению Пересветова. На этом же отрезке времени наблюдается повышенный интерес в русском обществе к идеям и науке Возрождения. Возникает жанр демократической сатиры. В большинстве литературных жанров обнаруживается стремление к индивидуализации персонажей. Ведутся философские споры, в частности, и вокруг проблемы самовластия человека — об этом дискутировали в 1627 г. московские богословы с Лаврентием Зизанием. Незадолго до этого диспута князь И. А. Хворостинин отрицал действительность молитв и веру в воскрешение мертвых. В промежутке между 1624 и 1633 гг. появляется обширное сочинение «На иконоборцы и на вся злая ереси». Таким образом, неизвестный автор Сказания о Петре волоском воеводе мог обратиться к весьма широкому кругу источников для обоснования дорогих ему идей. Он, вероятно, их и не обходил. Но тем более показательно, что выбор свой он остановил на сочинении почтенной к тому времени давности — на Большой челобитной Пересветова. Идею суверенитета человека он не заимствовал из сочинений Пересветова, а вывел из его идейного содержания. Он провозгласил человека самовластным и раскрыл понятие: быть самовластным, значит быть самому себе владыкой, а не рабом. Да, самовластный человек автора Сказания «не рожок под пальцами судьбы, чтоб петь, смотря какой откроют клапан»!

Все изложенное позволяет судить о пересветовском понимании свободы не как статическом. Перед нами определившаяся в утверждении ценности человека мысль публициста на пороге откры-

тия ею самоценности человека. Но надстройка, воздвигнутая на этом основании — преобразовательные проекты, — предусматривает свободу частичную, распространенную на одну категорию зависимого населения — холопов. Здесь (и не только здесь) противоречие. Конкретная картина реформ выпадает как бы из не для нее предназначенной широкой рамы.

В самом деле, когда авторы Откровения Мефодия Патарского или автор Жития Андрея Юродивого рисуют апокалиптическую картину общественных бедствий — картину мировой катастрофы, она оправдана: тотальное бедствие предвещает тотальную перемену, а именно — эру «новой земли» и «нового неба». Прелюдия новой эры, царство Михаила в одном случае, «царя от нищеты» — в другом, достойна «будущего»: цари обновляют лицо земли. Реформы царей из пересветовских сочинений — Магмет-султана и Ивана IV — так же далеки от реформ этих апокрифических царей, как близки параметры катастроф, обрамляющих равно сочинения Пересветова и названные апокрифы. Ибо Повесть об основании и взятии Царьграда, а она и обрамляет Сказание о Магмет-султани и Челобитные, написана пером, напоминающем об Апокалипсисе. Неужели катастрофа, поглотившая христианское царство Константина, вызвана только бесчинием вельмож, умалением воинов и наличием института холопства?! А о размерах бедствия красноречиво говорит у Пересветова «глас неба», сошедший патриарху Анастасию: большее бедствие — это уже участь испепеленных гневом Божиим Содомы и Гоморры. Нет, весь строй константинова царства поражен Кривдой и, соответственно, Правда должна восторжествовать во всем объеме, охватить все здание государственного и гражданского устройства Магмет-султана, а за ним и царя Ивана, все здание, а не отдельные его этажи. «Вакуум» естественно заполняется, если проекты реформ рассматривать как передний план картины. На нем злободневные для дворянства проблемы времени. Дальние планы картины туманны, но широки.

В своих общих очертаниях они (не выходя за круг содержания сочинений Пересветова) представляются нам такими: власть в государстве монополизирована царем, руководствующимся в своей деятельности Правдой. Сохраняется и упрочивается институт воинов — стражей Правды, уподобляющихся небесному воинству, окружающему царя небесного. Все виды неволи упраздняются. Создаются органы общегосударственного управления: военный, судебный, финансовый. Первый представлен воинскими, соответственно организованными, вооруженными и по заслугам оплачиваемыми и поощряемыми. Второй — специальными лицами, отличающимися мудростью, справедливостью, личным доверием царя, им и избранными. Третий — уполномоченными царя, собирающими налоги в центре и на местах, из чего составляется каз-

на государства. Расходная часть бюджета идет на удовлетворение исключительно общегосударственных нужд. Царь — верховный казначей казны, принадлежащей «земле» и «царству». Вооруженная опора царя Правды — воинники — от несения судебных и налоговых функций устранены. Видимо, так лучше для Правды. Все население трудовое и труд его «праведный», т. е. производимый собственными руками, чему служит примером сам царь. На страже Правды стоят, впрочем, не одни воинники. При царе существуют государственные контролеры, ревизирующие действия судей и сборщиков налогов. Сословно-классовое разделение остается: с одной стороны воинники (и вельможи: их привилегии и функции явно урезаны, но неясны), с другой — трудовое население, несущее преимущественно общегосударственные тяготы, однако, посылные, поскольку «неправедные» прибыли исключены. Собственность условная. Земля принадлежит дарю, который распоряжается ей, следуя Правде. В условия общегосударственного контроля поставлена и деятельность купечества: размеры цен установлены царем, и любые злоупотребления в области торговли пресекаются. Деятельность церкви не простирается на область государственных дел. Внешнеобрядовый элемент культа умерен, а исповедуемая вера должна удовлетворять условию, что выше Правды в божественном писании ничего нет. Такая вера распространена на сердце верующего, на внутренний мир его. Именно на этом направлении духовенство обслуживает религиозные потребности верующих, чем и оправдывает свое назначение. Наиболее последовательные верующие, а именно те из них, кои посвящают себя целиком служению Вере-Правде, объединяются в общежительные монастыри и подают всему населению царства пример братолюбия.

Такова идеальная (по оси гуманистических воззрений Пересветова) проекция социальных реформ, предложенных замечательным публицистом. В ней снимается диспропорция между катастрофой, постигшей «неправедное» греческое царство, и «правдой» конкретных общественно-политических предложений Пересветова.

Масштаб, назначенный Пересветовым своим предложениям, — быть (не больше, не меньше!) «образцом жития света сего»⁶³ — оправдывается лишь в социально-утопическом аспекте. «Образец жития света сего» — это и есть Правда «земли» и «царства»⁶⁴, которой Пересветов отдал и силу ума и жар сердца.

¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893, стлб. 972—976; т. 3. СПб., 1903, стлб. 1460—1465.

² Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южно-

славянской и русской письменности, вып. 1. Пг., 1921, с. III. (Здесь и далее курсив мой. — А. К.)

³ Клибанов А. И. «Правда» Федора Карпова. — в кн.: Общество и го-

- сударство феодальной России. М., 1975, с. 141—150.
- ⁴ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники*. М., 1958, с. 415.
 - ⁵ *Сочинения И. Пересветова*. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, с. 164 (далее — *Сочинения Пересветова*).
 - ⁶ *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. М.—Л., 1948, с. 25 (перевод на с. 68).
 - ⁷ *Сочинения Пересветова*, с. 159.
 - ⁸ Полное собрание русских летописей, т. IX. СПб., 1897, с. 8.
 - ⁹ *Ржиги В. Ф. И. С. Пересветов — публицист XVI века*. М., 1908, с. 10.
 - ¹⁰ *Сочинения Пересветова*, с. 185.
 - ¹¹ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники*, с. 272.
 - ¹² Д. С. Лихачеву принадлежит сопоставление челобитных Пересветова даже с «Утопией» Томаса Мора, что приводит исследователя к выводу о большей радикальности некоторых взглядов Пересветова по сравнению с великим английским утопистом (вопрос о рабстве), притом предложения Пересветова «гораздо менее детализированы, чем предложения Томаса Мора» (*Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков*. Л., 1973, с. 128).
 - ¹³ *Сочинения Пересветова*, с. 134, 147.
 - ¹⁴ Слово Мефодия Патарского. — В кн.: *Памятники отреченной русской литературы*, т. II. М., 1863, с. 250.
 - ¹⁵ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его сочинения*. — В кн.: *Сочинения Пересветова*, с. 25.
 - ¹⁶ *Сочинения Пересветова*, с. 137.
 - ¹⁷ Там же, с. 138.
 - ¹⁸ Там же, с. 148.
 - ¹⁹ Там же.
 - ²⁰ *Вопросы Иоанна Богослова господу на горе Фаворской*. — В кн.: *Памятники отреченной русской литературы*, т. II, с. 182.
 - ²¹ Там же, с. 183.
 - ²² *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники*, с. 455.
 - ²³ *Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.* — В кн.: *Новосельцев А. Л., Пашуто В. П., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма*. М., 1972, с. 251.
 - ²⁴ *Сочинения Пересветова*, с. 150.
 - ²⁵ Там же, с. 149.
 - ²⁶ Там же, с. 151.
 - ²⁷ Там же, с. 181.
 - ²⁸ *Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.)*. М., 1973, с. 375.
 - ²⁹ *Сочинения Пересветова*, с. 157.
 - ³⁰ Там же, с. 182.
 - ³¹ Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, рукопись 1.3. Книга пророчеств Ветхого Завета (конца XV в.), л. 188—188 об.
 - ³² *Уинстенли Дж. Избранные памфлеты*. М.—Л., 1950, с. 81.
 - ³³ *Сочинения Пересветова*, с. 177.
 - ³⁴ Там же, с. 176. Отметим текстуальную близость «Вопросам Иоанна Богослова...»
 - ³⁵ Там же, с. 168.
 - ³⁶ Там же, с. 169.
 - ³⁷ Там же.
 - ³⁸ Там же, с. 180—181.
 - ³⁹ Там же, с. 151.
 - ⁴⁰ Там же, с. 181.
 - ⁴¹ *Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века*, т. II. М., 1954, с. 221.
 - ⁴² *Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье*. М.—Л., 1964, с. 57.
 - ⁴³ Там же, с. 118.
 - ⁴⁴ *Сочинения Пересветова*, с. 181.
 - ⁴⁵ Там же, с. 157.
 - ⁴⁶ Там же, с. 153.
 - ⁴⁷ *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв.*, ч. 2. М.—Л., 1951, с. 310—312.
 - ⁴⁸ *Сочинения Пересветова*, с. 148.
 - ⁴⁹ Там же, с. 149.
 - ⁵⁰ Там же, с. 150.
 - ⁵¹ Там же, с. 155.
 - ⁵² Там же, с. 169.
 - ⁵³ Там же, с. 165.
 - ⁵⁴ Там же, с. 177.
 - ⁵⁵ Там же, с. 172.
 - ⁵⁶ Там же, с. 156, 158, 159, 175 и др.
 - ⁵⁷ Там же, с. 182.
 - ⁵⁸ *Клибанов А. И. Пермские глоссы*. См. *Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала*

XVI века. М.—Л., 1955, с. 297.

⁵⁹ Там же, с. 299.

⁶⁰ Цитируем «Гамлета» по переводу Б. Л. Пастернака (*Шекспир В. Трагедии, сонеты. М., 1968*). Ср. «Сердце есть то, что есть я, и не только в это мгновение, но я вообще, мой характер. В этом случае под формой чувства в качестве всеобщего подразумеваются принципы моего бытия, устойчивый тип моего поведения» (*Гегель. Философия религии в двух томах, т. 1. М., 1976, с. 307*). Гуманистические мотивы сочинений Пересветова привлекли внимание и современного итальянского историка А. Данти. Он отозвался обширной статьей на монографию А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники». А. Данти отдал должное и богатству фактического материала, привлеченного А. А. Зиминим, и тщательности источниковедческого анализа, и обоснованности основных выводов, к которым приходит А. А. Зимин в характеристике Пересветова как публициста. А. Данти, во всяком случае, не исключает возможности говорить о Пересветове как о «гуманисте» или же о «своего рода гуманисте», и в устах итальянского историка, разумеется, это звучит весомо. Отметим, что статья А. Данти является одной из наиболее со-

держательных работ современных представителей западноевропейской исторической науки о Пересветове, чуждой предвзятостей, написанной в духе подлинного уважения к истории русской общественной мысли и культуры. Однако в исследовании А. Данти вкралось недоразумение, а именно утверждение, якобы по мнению А. А. Зимина Пересветов являлся еретиком. В действительности, ни А. А. Зимин, ни другие советские исследователи, обращавшиеся к изучению творческого наследия Пересветова, не шли дальше указаний на отдельные точки сближения между идеями Пересветова и современного ему еретика Семена Башкина. Не вступая в обсуждение параллелей между идеями Пересветова, а с другой стороны Маккиавелли, Бодена, Фрич-Моджевского (это вызывает сомнения у А. Данти), отметим, что итальянский коллега называет И. С. Пересветова «одной из самых важных и интересных личностей в истории русской культуры» (*Danti A. Ivan Peresvetov: osservazioni e proposte, Ricerche Slavistiche, vol. XII. Roma, 1964, p. 3—84*).

⁶¹ Сочинения Пересветова, с. 181.

⁶² Там же, с. 347.

⁶³ Там же, с. 151.

⁶⁴ Там же, с. 154.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВЕЛИКАЯ БИТВА ПОД МОСКВОЙ

(К историографии проблемы)

А. М. Самсонов

Битва под Москвой, вписавшая одну из ярких страниц в летопись Великой Отечественной войны, в главном своем содержании изучена и описана советскими историками. Ее события во многом объективно оцениваются и в прогрессивной зарубежной литературе Запада. Вместе с тем несомненно, что еще многие поколения историков будут обращаться к событиям этой битвы, выявляя новые факты, углубляя понимание ее важнейших аспектов.

Неослабный интерес к Московской битве обуславливается той выдающейся ролью, которую она сыграла в ходе Великой Отечественной и второй мировой войн, ее огромным стратегическим, военно-политическим и международным значением. Ход и исход Московской битвы оказали воздействие на всю освободительную борьбу народов против фашистских агрессоров. Именно здесь — на полях Подмосковья — зимой 1941/42 г. начался коренной поворот во второй мировой войне.

Полностью понять всю глубину исторического значения Московской битвы невозможно без учета крайне сложной обстановки первых месяцев войны. Битва на подступах к советской столице разворачивалась в то время, когда еще не знала поражений военная мощь германского фашизма — главной ударной силой международной империалистической реакции. За рубежами СССР многим людям фашизм и порожденный им «новый порядок» казались неодолимыми. Эти представления поддерживались геббельсовской пропагандой: печать, радио и другие средства идеологического воздействия на массы распространяли миф о «непобедимости» немецко-фашистского оружия, гипнотизируя волю тех, кто потерял способность реалистически оценивать события.

Историческая действительность, к счастью для человечества, оказалась иной, чем ее представляли претенденты на мировое господство, а также необъективные или малодушные наблюдатели мировой трагедии. Зато не ошиблись все те, а их было значительно больше, кто с самого начала второй мировой войны, особенно после нападения гитлеровской Германии на СССР, сопротивлялся

деспотизму фашизма и твердо верил в то, что первая в мире социалистическая держава выйдет победителем в смертельном поединке с империалистическим агрессором и придет на помощь угнетенным народам. Что касается советских людей, то даже в самое тяжелое время борьбы они были убеждены в победном исходе освободительной войны против фашизма. «Советскому народу пришлось в первый период войны испить горькую чашу поражений и неудач. Но никогда советских людей не оставляла твердая вера в победу»¹.

Боевые действия на подступах к Москве проходили в условиях, когда противник обладал значительным превосходством в живой силе и технике. В группе армий «Центр» под командованием гитлеровского фельдмаршала фон Бока к концу сентября 1941 г. имелось 74,5 дивизии, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных. В их составе было 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков. Наступающие немецко-фашистские войска поддерживали 1390 самолетов. Гитлер и его генералы не сомневались в том, что им удастся захватить Москву и уничтожить ее население. Главное командование сухопутных войск вермахта (ОКХ) 12 октября 1941 г. указывало командованию группы армий «Центр»: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником... Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно»².

Противостоящие группе армий «Центр» три советских фронта (Западный, Резервный и Брянский) насчитывали в своем составе около 1250 тыс. человек, 990 танков, 7600 орудий и минометов, 677 самолетов (с учетом резервных авиагрупп). Таким образом, враг превосходил советские войска в живой силе в 1,4 раза, артиллерии — в 1,8, танках — в 1,7, самолетах — в 2 раза. Это численное превосходство было еще более внушительным на направлениях, где сосредоточились ударные группировки гитлеровцев.

30 сентября командование группы армий «Центр» приступило к осуществлению операции «Тайфун» (наступление на Москву). В начале октября на западном направлении сложилась очень тяжелая обстановка для защитников столицы. Прорвав фронт обороны советских войска и развивая наступление по сходящимся направлениям, противник окружил значительную часть соединений Западного, Резервного и Брянского фронтов. По решению Государственного Комитета Обороны новый главный рубеж обороны создавался от Волоколамска до Калуги, на Можайской линии обороны. 10 октября войска Западного и Резервного фронтов были объединены в один Западный, командующим которым был назначен генерал армии Г. К. Жуков. На непосредственных подступах к столице также создавалась линия обороны. Для защиты Москвы с северо-запада 17 октября был образован Калининский фронт.

Под руководством ЦК партии, ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования принимались меры по укреплению обороны столицы. С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. На защиту Москвы поднялись не только москвичи, но и весь народ. Сопротивление на подступах к городу возрастало. К концу октября гитлеровское командование было вынуждено временно приостановить наступление. Последовавшая после этого двухнедельная пауза означала, что октябрьское наступление немецко-фашистских войск на Москву потерпело провал. Не достигло цели и ноябрьское наступление противника.

Измотав врага в оборонительных сражениях, войска Красной Армии в начале декабря перешли в контрнаступление, переросшее затем в общее наступление Советских Вооруженных Сил. Немецко-фашистской группе армий «Центр» был нанесен сокрушительный удар. Наибольшие потери понесли танковые соединения, главная ударная сила противника. Вражеские войска были отброшены на западном направлении советско-германского фронта на 150—400 км.

Что же сорвало замыслы фашистских главарей и гитлеровского генералитета — захватить Москву и завершить «молниеносную войну» против СССР в 1941 г.? Было ли это «чудом» или закономерным итогом борьбы?

На эти и другие вопросы по-разному отвечают историки-марксисты и те реакционные авторы Запада, которые к новейшей истории подходят главным образом с позиций антисоветизма. Историография Московской битвы стала одной из граней идеологической борьбы. Рассмотрим некоторые ее принципиальные вопросы.

ИЗУЧЕНИЕ СОБЫТИЙ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

Подлинная история антифашистской освободительной войны 1941—1945 гг. разрабатывается на основе марксистско-ленинской методологии. Советские историки в своих работах анализируют причины и условия вовлечения нашей страны во вторую мировую войну, освещают ход борьбы, раскрывают закономерности ее развития и конечных результатов. В советской исторической литературе всесторонне показывается, как Коммунистическая партия, следуя ленинским заветам, мобилизовала все силы и ресурсы страны на борьбу с врагом. «...раз дело дошло до войны,— говорил В. И. Ленин,— то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»³.

Летопись Московской битвы начинала создаваться уже в военное время. Ее события отражались в решениях ЦК партии, Государственного Комитета Обороны, Ставки ВГК, в приказах и вы-

ступлениях Верховного Главнокомандующего, народного комиссара обороны И. В. Сталина ⁴. В трудные, но героические дни, недели и месяцы, когда на подступах к столице шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками, в газетах и журналах публиковались многочисленные корреспонденции, в том числе идущие непосредственно с фронта, рассказывающие о героизме воинов, о выполнении указаний и призыва партии по мобилизации сил на борьбу с врагом, на подготовку его разгрома.

В дивизионных, фронтовых, центральных и других газетах освещался ход вооруженной борьбы на подступах к Москве, на других участках советско-германского фронта. «Публикации военных корреспондентов не только популяризировали героев, воспевали воинскую доблесть и массовый героизм защитников Родины. Они также по крупницам суммировали и обобщали в возможных для того времени пределах первый опыт, что представляло особую ценность именно в начале войны, когда наши войска его только еще приобретали» ⁵. Особенно много такого материала (журналистских очерков и репортажей) печаталось на страницах газет «Правда», «Известия», «Красная звезда» ⁶.

Ход боев, операций и сражений первого периода Великой Отечественной войны освещался и журналистами. Статьи на эту тему печатались в «Историческом журнале», в журнале «Военная мысль» и др. ⁷

Краткие военно-исторические очерки о важнейших событиях на фронтах публиковались в виде брошюр отдельными центральными издательствами. В них содержалось систематическое описание и анализ Московской битвы, как отдельных ее аспектов, так и в целом ⁸. Несмотря на ограничения, вытекавшие из требований сохранения военной тайны, а также недостатки, обусловленные культом личности, позитивное значение этих изданий несомненно. Это были первые шаги в создании историографии Московской битвы, в объективном анализе и оценке ее событий.

Изучение боевого опыта войск, а также другие вопросы развития советского военного искусства, исследование стратегии, оперативного искусства и тактики противника проводилось, главным образом, по закрытым каналам. Интенсивная работа в этой области велась в военных академиях, Генеральном штабе, штабах родов войск и служб ⁹. Специальные бюллетени выпускались Главным политическим управлением.

В 1943 г. коллектив сотрудников военно-исторического отдела Генерального штаба подготовил работу, исследующую вопросы организации разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Этот трехтомный труд издан под редакцией Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова ¹⁰.

В первое послевоенное десятилетие уровень исследований Московской битвы, как и других событий Великой Отечественной вой-

ны, становится выше. Опыт войны изучался с более широким использованием документов. К военно-исторической проблематике усиливалось внимание не только военных, но и гражданских историков.

Материалы о Московской битве публиковались как в общих трудах по истории войны, так и в отдельных работах ¹¹.росло число публикаций, показывающих роль в битве за столицу отдельных видов вооруженных сил и родов войск ¹².

Однако вышедшие издания при всем их положительном значении не обеспечивали всестороннего раскрытия исторического содержания битвы под Москвой. В этом сказывались и общие недостатки историографии того времени. При анализе отдельных событий и явлений в литературе сохранялись проявления субъективизма, трудности войны полностью не показывались, для глубоких обобщений не хватало документальной основы ¹³.

Второй качественно новый период в изучении истории войны наступил после XX съезда КПСС. Активизация исследований по военно-исторической тематике сопровождалась усилением процесса накопления и описания исторических фактов, и, что было особенно важно, это происходило на расширенной источниковедческой базе.

Повысился и уровень теоретических обобщений. В результате появился ряд ценных в научном отношении военно-исторических трудов, где освещались и события Московской битвы ¹⁴.

В работах, специально посвященных Московской битве, круг исследуемых вопросов приобретал более многосторонний характер. Внимание авторов направлялось на изучение как вооруженной борьбы, так и участия в защите столицы ее жителей, всей советской страны ¹⁵. В издаваемых книгах глубже освещалась руководящая роль партии, ее Центрального Комитета, военно-организаторская деятельность партийной организации столицы.

Расширялась география исследовательской работы. На местах возрастало число изданий по военно-патриотической тематике ¹⁶. Публиковались документы и материалы. Так, сборник «Битва за Тулу» содержал интересные данные о героической обороне этого бастиона на подступах к Москве, на левом фланге Западного фронта ¹⁷. В книге были опубликованы постановления Тульского городского комитета обороны, обкома ВКП(б) и облисполкома, другие документы, а также воспоминания участников обороны города.

Таким образом, в советской историографии Великой Отечественной войны создавались труды, свидетельствующие о заметных достижениях военных и гражданских историков ¹⁸. Возрастали объем и научная ценность используемого документального материала. Опровергались антинаучные версии реакционных западных историков, искажающие многие важные события войны.

В периодической печати, и прежде всего в «Военно-историческом журнале», печатались материалы, обогащавшие военно-историческую науку. Примером этого может служить статья Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, посвященная анализу развития советского военного искусства в битве под Москвой¹⁹.

Определенным достижением нового периода историографии Московской битвы, показателем ее исследовательского уровня в 50-х — начале 60-х годов явилась коллективная монография «Великая битва под Москвой»²⁰. Важнейшие события борьбы с фашистскими агрессорами на подступах к советской столице рассматриваются в ней комплексно, в органической слитности действий войск и тыла, рельефно выявляя морально-политическое единство всех советских людей, сплоченных и направляемых к победе Коммунистической партией. Объективно раскрываются в книге неудачные для нашей страны начало и первые месяцы войны; приграничные сражения и дальнейшие действия войск Красной Армии на главных направлениях советско-германского фронта, их вынужденный отход в глубь страны. При этом авторы показывают непобежденность Советских Вооруженных Сил, силу их контрударов, последовательное изматывание врага и уделяют особое внимание Смоленскому сражению, оценке его роли для битвы за столицу.

Оборонительные операции на подступах к Москве, контрнаступление и общее наступление Красной Армии зимой 1941/42 г. освещаются в тесной взаимосвязи с деятельностью трудящихся столицы и всей страны, с партизанской борьбой в тылу вражеской группы армий «Центр».

В книге дан анализ причин временных неудач Красной Армии и полнее, чем в предыдущих изданиях, освещается решающая роль партии и народа в достижении перелома в борьбе с фашистскими агрессорами. Все это отражало общие позитивные процессы в советской историографии.

Несмотря на научно-популярную форму изложения и относительную краткость, рассматриваемая работа носит исследовательский характер. Авторы, учитывая ранее опубликованные материалы, вместе с тем основываются на документальных источниках: Архива МО СССР, ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Партийного архива Института истории партии МГК и МК КПСС, Архива Моссовета, ЦГАОР СССР, отдела рукописных фондов Института истории АН СССР.

Дальнейший этап углубленного изучения Московской битвы открывался выходом в свет второго тома шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.»²¹ и изданием коллективного труда «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»²². Качественно новой их особенностью в развитии историографии явились богатство и обширность использу-

емых документальных источников, а также углубленный анализ событий.

Во втором томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» героическая оборона Москвы всесторонне раскрывается на основе исторического материала, во многом впервые вводимого в научный оборот. В книге ярко отражены возникшая тогда грозная опасность для Москвы и всей страны, исключительная напряженность и накал борьбы, самоотверженность и мужество защитников столицы. Впервые в литературе с такой полнотой освещается деятельность ЦК партии, Государственного Комитета Обороны, Ставки Верховного Главнокомандования по руководству обороной столицы. Вместе с тем авторы показывают всенародный характер борьбы СССР против фашистских агрессоров, массовый героизм советских людей на фронте и в тылу.

В томе говорится об историческом значении борьбы за советскую столицу. «Битва под Москвой явилась главным событием первого периода Великой Отечественной войны. По размаху и продолжительности боевых действий она не имела до этого равных себе в истории второй мировой войны»²³. Четко определены этапы Московской битвы: оборонительный (30 сентября — 5 декабря 1941 г.) и наступательный, включающий контрнаступление и общее наступление Красной Армии на западном (московском) направлении (6 декабря 1941 — 20 апреля 1942 г.)²⁴.

Обстоятельно рассмотрены в томе подготовка и осуществление контрнаступления Красной Армии, завершившиеся разгромом немецко-фашистских войск под Москвой. Сформулирована и общая оценка достигнутой победы. «После пятимесячной обороны и отхода Красная Армия вырвала у врага инициативу наступательных действий и заставила его перейти к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Тем самым было положено начало решающему повороту в ходе войны в пользу Советского Союза»²⁵. В отдельной главе рассматривается общее наступление Красной Армии в зимнюю кампанию 1941/42 г., анализируются его военно-политические итоги.

Книга «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», изданная под редакцией Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, является оперативно-стратегическим исследованием Московской битвы. В ней содержится описание хода вооруженной борьбы, анализируется развитие советского военного искусства. Книга имеет три части. Первая из них посвящена оборонительному периоду. Здесь, в частности, показывается, что враг имел на западном направлении значительное превосходство в живой силе и технике. Наличие у противника крупных танковых соединений, действовавших на узких участках, позволило ему прорвать советскую оборону и развить прорыв в глубину с высокими темпами. Все это произошло, несмотря на мужественное сопротивление

войск Западного фронта, а также воинов других фронтов, и прежде всего Юго-Западного и Брянского.

Большое внимание в названной работе уделено огромному вкладу в оборону столицы москвичей, сформировавших 12 дивизий народного ополчения.

Вторая часть книги посвящена контрнаступлению. Особый интерес имеет раздел, анализирующий положение сторон на западном направлении к 6 декабря 1941 г. Общее преобладание в силах и средствах к началу контрнаступления оставалось на стороне противника, что опровергает позднейшие домыслы многих западногерманских и других буржуазных фальсификаторов. После войны бывший гитлеровский генерал Типпельскирх, например, утверждал, что «русское превосходство было 20-кратным»²⁶. Говоря о невыгодном для советской стороны соотношении сил, авторы книги вместе с тем отмечают факторы, благоприятствовавшие успеху контрнаступления: моральную подавленность войск противника, проигравшего наступательное сражение, растянутость их тылов, выгодную для советской стороны конфигурацию линии фронта, улучшение авиационного прикрытия, наличие свежих резервов. Ход контрнаступления показан подробно вплоть до действий отдельных соединений и частей.

В третьей части рассматриваются вопросы общего наступления советских войск на западном направлении. Отдельные главы освещают действия партизан, значение битвы под Москвой. Анализируются в книге и причины, в силу которых не удалось завершить намеченные Ставкой ВГК наступательные операции: большие потери советских войск, трудности со снабжением, плохие дороги, недостаток автотранспорта, неукomплектованность стрелковых дивизий, отсутствие крупных танковых соединений и др.

Этот труд не лишен и недостатков. Главным из них было неоправданное сужение хронологических рамок событий. Считая, что битва под Москвой началась в ноябре 1941 г., авторы и редактор исключили из ее общего комплекса оборонительные операции в октябре того же года и наступательные действия советских войск в феврале — марте 1942 г.²⁷

Попытка обосновать новые хронологические рамки битвы не могла способствовать всестороннему раскрытию ее исторического содержания. Сражение на дальних подступах к Москве началось 30 сентября — 2 октября 1941 г. ударами двух немецких группировок по советским войскам, оборонявшим подступы к столице на северо-западе, западе и юго-западе. Первый этап наступления противника хотя и приблизил гитлеровцев к столице, но не принес им ожидаемой победы. Затем наступил перерыв в активных боевых действиях, после чего наступление немецко-фашистских войск возобновилось. Вот эту оперативную паузу авторы и сочли границей между двумя стратегическими операциями. В книге содержится

краткий обзор октябрьских боев, но они оцениваются лишь как вступление к Московской битве.

Несмотря на отмеченные недостатки, этот фундаментальный и ценный труд сразу же получил высокую оценку²⁸. В свете современных исторических знаний в нем имеются и некоторые устаревшие данные, однако основное его содержание сохраняет свое неоспоримое положительное значение.

В историографии Великой Отечественной войны возросло внимание к свидетельствам противника и особенно к документам гитлеровского верховного командования. Такая тенденция, естественная для исследовательской работы, вела к расширению круга используемых материалов, а в итоге способствовала более глубокому изучению проблемы и усилению аргументации в идейно-политической борьбе против фальсификаторов истории второй мировой войны.

Трудно поэтому переоценить значение публикации фашистских документов и материалов, осуществляемых «Военно-историческим журналом». В дальнейшем эта работа была продолжена историком В. И. Дашичевым, подготовившим издание научно комментированного сборника документов и материалов «Совершенно секретно! Только для командования!», а затем и монографическую публикацию «Банкротство стратегии германского фашизма»²⁹.

Расширение фронта научных исследований и наличие благоприятных для этого условий стимулировали создание новых военно-исторических трудов. Ряд из них предназначался как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей. В этих книгах, а также в вышедших изданиях по истории Москвы в главном отражена и героическая эпопея битвы на подступах к советской столице³⁰.

О событиях Московской битвы продолжали выпускаться и научно-популярные очерки, небольшие исследования по отдельным аспектам ее истории³¹, сборники документов и материалов³².

Много ценных данных о Московской битве содержится в книгах по истории московских предприятий³³.

Изучение Московской битвы развивается в единстве с теми явлениями общественно-политической жизни страны, которые свидетельствуют о неразрывности героических традиций прошлого и исторических свершений настоящего.

8 мая 1965 г. в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне Указом Президиума Верховного Совета СССР Москве было присвоено почетное звание «Город-Герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». На сессии Московского городского Совета депутатов трудящихся, проходившей 19 мая, А. Н. Косыгин от имени Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета и Советского правительства горячо поздравил трудящихся столицы, весь

советский народ с этой высокой наградой Родины. «Чествуя нашу славную Москву, — говорил А. Н. Косыгин, — мы чествуем советский народ. В суровые военные годы Москва олицетворяла всю нашу страну, поднявшуюся на священную войну с фашизмом»³⁴.

Раскрытие роли столицы в завоевании победы над противником составляет одну из ответственных задач историков. Москва и Подмосковье являлись важным источником обеспечения фронта резервами, вооружением, обмундированием. Известно, что за первые пять месяцев войны в действующую армию ушло 100 тыс. коммунистов из партийной организации столицы, а 170 тыс. москвичей в 1941 г. вступили в различные добровольческие формирования.

Со второй половины 60-х годов и в 70-е годы происходит дальнейшее накопление конкретно-исторических знаний о Московской битве и углубление их анализа. Разнообразнее становились и типы издаваемых книг. Так, в коллективном труде «Беспримерный подвиг» опубликованы 40 докладов и сообщений, сделанных на научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой³⁵. Проблема в этой книге освещена комплексно, что определялось самим составом авторов. Среди них — Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, И. С. Конев, В. Д. Соколовский, А. И. Еременко и другие прославленные полководцы и военачальники, а также партийные, советские, комсомольские и научные работники, бывшие партизаны. В книге показана героическая борьба защитников столицы: боевые действия войск, деятельность партии по мобилизации сил народа, многосторонняя помощь фронту, оказываемая трудящимися Москвы и всей страны.

Важным источником по истории Великой Отечественной войны являются военно-мемуарные труды³⁶. Несмотря на специфичность этого жанра литературы, его общественная и научная ценность велика. О событиях Московской битвы исключительно интересные, во многом ценные для истории данные и глубокие суждения содержатся в мемуарах Маршала Советского Союза Г. К. Жукова³⁷.

Назначенный Ставкой ВГК 10 октября 1941 г. командующим Западным фронтом Г. К. Жуков сыграл большую роль в решении войсками фронта исторической миссии — защиты столицы. Обстановка была крайне опасной и сложной. В своих воспоминаниях Г. К. Жуков показывает деятельность Ставки Верховного Главнокомандования, осуществлявшейся под непосредственным руководством ЦК партии и его Политбюро, Государственного Комитета Обороны и СНК СССР.

С глубоким чувством говорит он о героизме защитников столицы, особо подчеркивая подвиг войск 19-й и 20-й армий и группы генерала И. В. Болдина Западного фронта, 24-й и 32-й армий Резервного фронта, окруженных противником западнее и юго-западнее

Вязьмы. «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки»³⁸. Отметим, что сам Г. К. Жуков в более ранней своей публикации, характеризуя обстановку на фронте к исходу 7 октября 1941 г., писал, что в это время «все пути на Москву, по существу, были открыты...»³⁹. Эта формула использовалась и в исторических трудах. В окончательном тексте мемуаров, как первого, так и второго изданий, эти слова опущены автором⁴⁰.

В мемуарах Г. К. Жукова восстановлена суровая и полная драматизма картина боев за столицу. Критикуя буржуазных фальсификаторов истории, пытающихся объяснить поражение немецких войск под Москвой лишь ошибками Гитлера и неблагоприятными погодными условиями, Г. К. Жуков как активный участник великой битвы с полным основанием говорит: «Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина»⁴¹.

К такой же категории наиболее значительных военных мемуаров, отличающихся крупной масштабностью рисуемых событий и глубиной проникновения в них, относятся и воспоминания Маршала Советского Союза А. М. Василевского⁴². В его книге о Московской битве сказано предельно сжато, но с той точностью анализа и яркостью изображения, которые доступны лишь непосредственному участнику событий, глубоко их пережившему. Его объективный, по-научному строгий анализ дает полное представление о сложности обстановки, в которой разворачивалась битва на подступах к столице. Интересны содержащиеся в книге сведения о деятельности Государственного Комитета Обороны, Ставки, Генерального штаба. Для истории они тем более неоценимы, если учесть, что автор воспоминаний в рассматриваемое время возглавлял оперативную группу Генштаба, составлявшую рабочий аппарат Ставки ВГК.

Маршал А. М. Василевский, обобщая описываемые им события истории, пишет: «Особо хочется подчеркнуть тот факт, что в период Московской битвы поднялось наше военное искусство. Нельзя не отметить огромного значения, которое имело своевременное накопление и целеустремленное использование советским командованием стратегических резервов. Надо прямо сказать, что, несмотря на тяжелую, порой критическую обстановку в дни героической обороны Москвы, Ставка Верховного Главнокомандования про-

явила большую выдержку и волю, сохранив выдвинутые в район Москвы стратегические резервы для перехода Красной Армии в решительное контрнаступление. Опыт Московской битвы в использовании резервов весьма поучителен»⁴³. Автор повествует о массовом героизме воинов, сплоченности всех советских людей вокруг Коммунистической партии, росте боевого мастерства Красной Армии и ее командных кадров.

Мемуары заняли прочное место в послевоенной советской историографии. О Московской битве, как и других событиях войны, рассказали многие ее участники: бывшие командующие и члены военных советов фронтов и армий, другие лица фронтового и армейского звеньев, командиры и политработники соединений, частей, партизанских, ополченческих формирований, партийные, советские и комсомольские работники, руководители оборонных предприятий и др.

Большой интерес представляют сборники воспоминаний, в которых комплексно рассматриваются события битвы⁴⁴. В книге «Битва за Москву» выступают 33 автора. Среди них Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Г. К. Жуков, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Голиков, бывший командующий 1-й гвардейской танковой бригадой маршал бронетанковых войск М. Е. Катухов, бывший командующий Московским военным округом генерал-полковник в отставке П. А. Артемьев, маршал артиллерии В. И. Казаков, генералы армии А. П. Белобородов, Д. Д. Лелюшенко, И. А. Плиев, генерал-полковники Д. А. Журавлев, Л. М. Сандалов, И. М. Чистяков, бывший председатель Моссовета депутатов трудящихся В. П. Пронин, секретари МК ВКП(б) Б. Н. Черноусов и А. Ф. Сокирко, первый секретарь МК и МГК ВЛКСМ А. М. Пегов, военный комиссар Дзержинского района Москвы М. Н. Сбитнев и др. В аннотации к книге говорится, что она адресована массовому читателю. Следует добавить, что статьи сборника представляют собой ценный источник.

В большом ряду и других мемуарных книг также много ценного сказано о битве под Москвой⁴⁵. Конечно, не все эти книги равнозначны по охвату исторических фактов и их анализу, по своему значению для науки. Некоторые воспоминания не свободны от отдельных ошибок, субъективных оценок и других недостатков. Но слабые стороны отмечаются принципиальной критикой и в дальнейшем исправляются. В целом же воспоминания активных участников Великой Отечественной войны составляют неотъемлемую часть в методологически едином творческом процессе формирования советской военно-исторической литературы.

Одним из решающих факторов завоевания победы в войне против гитлеровской Германии была мобилизующая и руководящая деятельность Коммунистической партии, неразрывность ее связей

с массами. Эта тема присутствует во всех работах по истории минувшей войны. Наиболее концентрированно раскрывается она в историко-партийных трудах⁴⁶, публикациях документов⁴⁷.

Ведутся исследования и издаются книги, освещающие различные стороны деятельности тыла⁴⁸. В научно-популярных изданиях показывается массовый героизм советских людей⁴⁹, исследуются вопросы партизанской борьбы⁵⁰.

Среди работ, специально посвященных Московской битве, отметим монографию Д. З. Муриева, выпущенную двумя изданиями⁵¹. Книга носит характер исторического очерка, в котором на сравнительно большом историческом материале рассматривается вооруженная борьба на подступах к столице, описывается героизм ее защитников, показывается твердость и мудрость руководства борьбой со стороны Ставки ВГК и ЦК партии, выявляется роль московской партийной организации в мобилизации масс на отпор врагу. Автор удачно сочетает научно-популярную форму изложения с исследованием событий битвы, привлекая новые архивные данные и в то же время учитывая уже существующую историческую литературу. В небольшой по объему, но весьма содержательной работе В. А. Марамзина анализируется советское военное искусство, раскрываются особенности оборонительных и наступательных операций наших войск в Московской битве⁵². В интересной книге А. Г. Федорова исследуется боевая деятельность советской авиации в Московской битве⁵³. Предвоенному положению СССР и всему периоду краха гитлеровского блицкрига, включая поражение вермахта под Москвой, посвящена насыщенная историческими фактами монография В. А. Анфилова⁵⁴.

Весомым положительным вкладом в научное исследование Московской битвы явились посвященные ей главы четвертого тома «Истории второй мировой войны»⁵⁵. Подводя итог предшествующим исследованиям и углубляя их на основе новых документальных материалов, авторы тома показывают место и роль Московской битвы в едином комплексе мировой борьбы с фашизмом. Насыщенность изложения яркими и убедительными фактами, методология их осмысления, четкие обобщения и выводы дают яркое представление о том, как завоевывалась победа под Москвой. По ряду вопросов существенно уточнены данные о соотношении сил противоборствующих сторон на московском направлении⁵⁶. Глубже и документированнее, чем раньше, анализируется обстановка на фронте перед наступлением гитлеровцев на Москву⁵⁷. Ярко показано положение столицы как прифронтового города. По решению ГКО из Москвы были эвакуированы часть партийных и правительственных учреждений, весь дипломатический корпус. «Политбюро ЦК партии, Государственный Комитет Оборона, Ставка и оперативная группа работников Генерального штаба по-прежнему находились в Москве. Отсюда осуществлялось руководство всей страной

и боевыми действиями на фронтах, здесь решались главные вопросы руководства войной. Этот факт имел важное значение в укреплении моральных сил защитников столицы»⁵⁸. Авторы и редколлегия тома ярко и на высоком исследовательском уровне раскрывают главное содержание битвы под Москвой. Они показывают грандиозность ее масштабов, драматизм борьбы, превосходство советского военного искусства, великую организующую и руководящую роль Коммунистической партии в мобилизации сил и ресурсов страны на завоевание победы над врагом, массовый героизм защитников столицы, осуществление стратегического наступления Советских Вооруженных Сил зимой 1941/42 гг., разгром немецко-фашистских войск под Москвой.

На современном этапе историографии Великой Отечественной войны продолжает углубляться анализ военно-политического и международного значения Московской битвы. Назрела необходимость и монографических исследований этой темы, и, надо полагать, они появятся. Трудно переоценить также важность общей оценки битвы. Главное ее содержание получило мировую известность и в целом объективное признание уже в ходе событий. Однако формула оценки не оставалась неизменной. Великие события прошлого с течением времени не меркнут в памяти человечества, а воспринимаются еще глубже. Большое видится на расстоянии.

Вслед за политическими и военными деятелями разгром вермахта под Москвой историки стали рассматривать как решающее событие первого года Великой Отечественной войны и как большую стратегическую победу Красной Армии. Вместе с тем в литературе справедливо подчеркивалось, что это было первым крупным поражением Германии во второй мировой войне. Переход советских войск от стратегической обороны к контрнаступлению и общему наступлению оценивался как перелом в войне⁵⁹.

В дальнейшем победа советского народа в битве под Москвой получила определение как «начало коренного поворота в ходе войны»⁶⁰. Такая оценка, подчеркивающая историческое значение и уточняющая подлинное место битвы в Великой Отечественной и второй мировой войнах, применяется и в исследовательских трудах⁶¹.

Одним из итогов изучения Московской битвы является научное обоснование важного урока истории: гитлеровская стратегия «молниеносной войны» против Советского Союза уже с самого начала была обречена на провал, а в битве за советскую столицу завершился крах фашистского блицкрига. Неопровержимо доказано и то, что советско-германский фронт в период 1941—1945 гг. играл главную и решающую роль во второй мировой войне.

С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИКОВ ЗАПАДА

Московская битва, как и другие события на советско-германском фронте, в годы второй мировой войны воспринималась народами стран антигитлеровской коалиции с чувствами искренней солидарности, восхищения стойкостью и мужеством советских людей. Победу под Москвой приветствовали руководящие государственные и политические деятели США, Англии, других стран, все прогрессивные люди планеты.

После окончания войны в буржуазной литературе Запада оказалось немало историков и мемуаристов, которые объективно оценивали значение победы Красной Армии и поражения вермахта под Москвой, рассматривая их как поворотный пункт во второй мировой войне. Однако в период «холодной войны» в буржуазных странах преобладающей стала тенденция искаженного освещения событий. Это выразилось в стремлении принизить вклад Советского Союза в разгром блока фашистских государств, умалить значение побед Красной Армии в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском, в Белорусской операции и др.

На вооружение буржуазной историографии были взяты измышления гитлеровской пропаганды. В фашистском рейхе еще по свежим следам событий провал наступления вермахта на Москву объяснялся неблагоприятными «зимними условиями». Эта версия исходила от руководящих фашистских кругов. Германское верховное командование в директиве № 39 от 8 декабря 1941 г. заявило: «Преждевременное наступление холодной зимы на Восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне»⁶². Такое объяснение причин катастрофы на все лады распространялось в Германии и союзных с ней странах, но было тотчас же разоблачено в СССР. В сообщении Советского Информбюро 11 декабря 1941 г. говорилось, что наступление гитлеровских войск прервала не суровая зима, морозы и снегопады («настоящей зимы еще не было», — отмечалось там), а просчеты фашистов в их планах. «Бьет сейчас немецко-фашистских захватчиков не «ужасный мороз», но наша доблестная Красная Армия. Морозы же, настоящие русские морозы, еще впереди»⁶³.

После войны ведущую роль в общем хоре реакционных историков, публицистов и военных деятелей, фальсифицирующих историю войны, стали играть прежде всего бывшие гитлеровские генералы. Гейнц Гудериан, например, в своих мемуарах «Воспоминания солдата» считал главной причиной поражения немецких войск под Москвой стратегические просчеты Гитлера⁶⁴. Концепцию о «роковой» роли Гитлера как диктатора Германии усиленно пропагандировали после войны Варлимонт, Манштейн, Типпельскирх и

другие видные участники агрессии. При этом они утверждали, что верхи вермахта всячески сопротивлялись тем решениям «фюрера», которые привели к поражению. Что же имеется при этом в виду? Оказывается, Гитлер допустил ошибку еще перед вторжением вермахта в Советский Союз, приказав в проект директивы «Барбаросса» внести поправку о необходимости после захвата Белоруссии повернуть войска на север для овладения Прибалтикой и Ленинградом. Недооценка московского направления была якобы усугублена уже в ходе вооруженной борьбы летом 1941 г., когда Гитлер повернул часть сил группы армий «Центр» с московского направления на юг. Эти и другие надуманные утверждения направлены к тому, чтобы создать легенду о непогрешимости фашистского генералитета вопреки фактам истории.

Рассматривая подобные фальсификации, следует прежде всего иметь в виду, что ход и исход сражений на советско-германском фронте определялся не одними решениями и мероприятиями немецко-фашистского командования. В попытках найти оправдание своим собственным просчетам бывшие гитлеровские генералы как бы забывают о том, что в реальной действительности их войскам противостояла другая сторона, которая и решила судьбу кампаний и войны в целом. Бессмысленно отрицать также, что планы и решения, относящиеся к ведению войны, принимались в рейхе на основе заключений и разработок генерального штаба сухопутных войск и других оперативных органов немецко-фашистских вооруженных сил. Поэтому не один Гитлер ответствен за стратегические просчеты фашистской Германии и, конечно, за те разрушения и жертвы, которые принесла народам, в том числе и немецкому народу, вторая мировая война. Главными виновниками порожденных войной колоссальных бедствий являлся германский империализм, которому верно служили не только Гитлер с нацистской партией, но и немецко-фашистские генералы.

Рассуждая о причинах поражения гитлеровских войск под Москвой, тайные и явные противники исторической правды скрывают то главное, что с такой огромной силой проявилось в ожесточенной борьбе на подступах к советской столице и в дальнейшем ходе Великой Отечественной войны: несокрушимую крепость социалистического строя, мощь Вооруженных Сил СССР, высокий моральный дух советского народа, его горячую любовь к Родине, великое самопожертвование и массовый героизм. «Во всякой войне,— указывал В. И. Ленин,— победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»⁶⁵.

Домыслы бывших гитлеровских генералов нашли широкое отражение в западной литературе, где много всяких рассуждений о стратегических ошибках Гитлера, об огромных пространствах советской страны, неразвитости ее дорожной сети, о «суровой рус-

ской зиме» с ее сильными морозами. Английский военный писатель Дж. Фуллер, например, так оценивал обстановку на советско-германском фронте к концу 1941 г.: «С точки зрения стратегии кампании провалилась: русские армии, хотя и серьезно потрепанные, не были уничтожены, Москва — не занята, дорога на Архангельск — не перерезана, не был взят Ленинград, а до кавказских источников нефти было все еще далеко. Тем не менее русским был нанесен страшный удар, и, если бы не наступившая неожиданно ранняя зима, они, возможно, потеряли бы Москву. На 6 декабря шансы на победу или поражение были равны у той и другой стороны» ⁶⁶.

Лиддел Гарт, другой известный английский военный писатель, также далек от истины, рассуждая о причинах поражения немецко-фашистских войск под Москвой. «Запоздавшее наступление на Москву, — пишет он, — проводилось тремя полевыми армиями и тремя танковыми группами, одна из которых (танковая группа Гудериана) была реорганизована в танковую армию. Наступление возобновилось 2 октября 1941 г. в форме охватывающего маневра. В районе Вязьмы немцы окружили и захватили 600 тыс. русских. К тому времени, когда операция под Вязьмой закончилась, наступила зима, и немцы не смогли развить успех, так как дороги, ведущие к Москве, покрылись непролазной грязью» ⁶⁷.

Несколько подробнее этот тезис Лиддел Гарт развивает в другой своей книге ⁶⁸. Один из главных факторов провала наступления вермахта в России он видит в неправильной оценке гитлеровским командованием резервов России. Следующая крупная ошибка Гитлера и немецкого высшего командования, по мнению Лиддел Гарта, заключалась в том, что весь август они «потеряли на споры, в каком направлении должно развиваться наступление» ⁶⁹. Неправоммерно выдвигаются такие причины, как неблагоприятные природные условия. «На размытых грунтовых дорогах России колесный транспорт останавливался, хотя танки и могли двигаться дальше. Если бы бронетанковые войска были обеспечены гусеничными транспортными средствами, они смогли бы, несмотря на распутицу, достичь жизненно важных центров России к осени» ⁷⁰.

Американский генерал Омар Брэдли в своих мемуарах так объясняет провал гитлеровского наступления на Москву: «У ворот Москвы, когда германские армии, казалось, должны были восторжествовать, суровая русская зима неожиданно парализовала германскую военную машину... В тщательно разработанных планах войны в России не были должным образом учтены сильные холода на ее просторах. Когда Красная Армия прекратила отступление и закопалась в землю, немцы неожиданно оказались в опасном положении на обледенелых пространствах России. К тому же партизаны нападали на уязвимые коммуникации германской армии. В этих условиях немцы начали стратегическое отступление, чтобы продержаться до наступления весны» ⁷¹.

Антинаучность таких толкований очевидна. Географические факторы оказывают, конечно, определенное воздействие на развитие событий на фронте, но в конечном счете не они определяют судьбу сражений и битв.

Неправильно было бы помогать, что все западные авторы придерживаются однозначных оценок Московской битвы. Американский историк А. Терни, например, в своей книге «Катастрофа под Москвой. Кампания фон Бока в 1941—1942 гг.» повторяет старые версии о «роковых ошибках» Гитлера, непролазной грязи на русских дорогах, но он пишет и об упорном сопротивлении советских войск. «Ожесточение, с которым сражались русские, даже когда они были безнадежно окружены, вызывало удивление и даже оцепенение у высшего командования германскими вооруженными силами. Было очевидно, что русские показали гораздо больше упорства, чем французы и англичане в западной кампании. Такое развитие событий послужило причиной того, что Гитлер начал колебаться и быть более осторожным» ⁷².

Высоко оценивает военное искусство и боевое мужество Красной Армии английский историк Д. Джукс, проживающий в Австралии и опубликовавший там книгу «Оборона Москвы» ⁷³. Но эта книга содержит и неверные суждения. Лиддел Гарт в книге «История второй мировой войны» также подчеркивает упорство сопротивления советских войск летом и осенью 1941 г. Объективные оценки важнейших аспектов битвы под Москвой содержатся в исследованиях французских историков А. Мишеля ⁷⁴ и Э. Константины. «Победы, одержанные Красной Армией зимой 1941/42 г., — пишет Э. Константины, — имели огромное международное значение. Успехи зимнего наступления советских войск показали несостоятельность гипотез, распространенных в некоторых кругах США и Великобритании, о слабости социалистического государства... Народы стран Европы и Азии, оккупированных Германией, Италией и Японией, увидели в Советском Союзе реальную силу, способную освободить их от чужеземного гнета» ⁷⁵.

Однако типичны для литературы капиталистических стран не такие высказывания. В лице подавляющего большинства своих представителей буржуазная историография всячески принижает значение борьбы советского народа против фашистских агрессоров. Характерной в этом отношении является работа английского военного историка А. Ситона «Битва за Москву в 1941—1942 гг.» ⁷⁶. Автор, не утруждая себя анализом подлинной исторической ситуации, сложившейся на советско-германском фронте, утверждает, что гитлеровская Германия могла сокрушить в 1941 г. Советский Союз, если бы этому не помешали ошибки стратегического руководства, капризы климата и суровость зимы ⁷⁷.

Реакционные авторы в своих трудах по истории второй мировой войны часто вообще не пишут о Московской битве или ставят ее

в один ряд с незначительными военными событиями конца 1941 — начала 1942 г., происходившими на других театрах. Они отрицают ее выдающееся влияние на развитие всей войны⁷⁸.

Американский историк Х. Болдуин в книге «Проигранные и выигранные битвы. Великие кампании второй мировой войны»⁷⁹ называет 11 решающих сражений, но в их ряд не включает Московскую битву. Зато в перечне «решающих сражений» фигурируют десант на остров Крит, морской бой в заливе Лейте и другие боевые эпизоды локального значения. Примерно такую же необъективность проявляют и Д. Икс, Т. Кармайкл и другие американские историки. Полковник Д. Икс⁸⁰, перечисляя «наиболее известные» танковые сражения второй мировой войны, относит к ним бой за атолл Тарава, на островах Лейте и Минос, но не называет Московскую битву, в которой участвовало до 2,5 тыс. танков. Забывается и то, что в свое время в США справедливо считали ее «крупнейшей противотанковой битвой войны»⁸¹.

В оценках официальной американской историографии поворотным пунктом второй мировой войны было вступление в нее США после нападения японцев на Пирл-Харбор. Распространенной в западной литературе является также версия о том, что действия союзных войск в Северной Африке в 1941—1942 гг. имели большее значение для хода войны, чем битва под Москвой. Английский историк Р. Паркинсон в книге «От Дюнкерка до Аламейна»⁸² ставит в один ряд значение таких событий, как наступление Красной Армии под Москвой и решение гитлеровского генерала Роммеля отвести свои войска от границ Египта⁸³. Все эти сравнения очень далеки от научного анализа исторических событий.

Несомненно, что в буржуазной историографии существует и более реалистический подход к изучению событий на советско-германском фронте, в том числе и битвы под Москвой. Фальсификация истории в пропагандистских целях имеет, оказывается, и обратную сторону. «Такая история, — говорится в «Руководстве по освещению военной истории США», разработанном в Пентагоне, — не может служить поучительным уроком, ее нельзя использовать в целях общего или профессионального обучения. Она приводит к ложным выводам и порождает одно из наиболее опасных явлений профессиональной военной мысли — самообман»⁸⁴.

Определенное и возрастающее влияние на западную литературу оказывают исследования советских и других марксистских историков, труды которых буржуазные авторы вынуждены учитывать.

Стремление к практическому использованию поучительного опыта минувшей войны в условиях современной политики капиталистических государств толкает западных историков к более трезвой оценке причин разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. В этом отношении убедительным примером служит книга западногерманского военного историка майора К. Рейнхардта «По-

ворот под Москвой. Крушение стратегии Гитлера зимой 1941/42 года»⁸⁵. Автор этой книги отвергает пропагандистские утверждения о том, что поражение вермахта было вызвано главным образом неблагоприятными условиями погоды, и отмечает, что Красная Армия с самого начала оказала упорное сопротивление наступающим немецко-фашистским войскам. «Совершенно ясно,— пишет он,— что германская армия на Востоке была остановлена не наступлением морозов, а еще до первой волны холода вследствие того катастрофического положения, в котором она оказалась из-за нарушения снабжения и прежде всего из-за неослабного сопротивления русских войск на фронте всех трех групп армий»⁸⁶. Говорится в книге и о том, как это сопротивление подрывало боевую мощь вермахта. «Контрнаступательные удары русских дивизий вызвали на некоторых участках фронта 2-й танковой и 4-й армий настоящую панику среди солдат. Командование вынуждено было признать, что войска утратили свою обычную выдержку и уверенность в успехе»⁸⁷. Автор признает, что контрнаступление Красной Армии под Москвой внесло еще большую дезорганизацию в ряды вермахта.

В отличие от широко распространенных в буржуазной историографии понятий и оценок Рейнхардт высоко оценивает военное искусство советского командования. Действия войск Красной Армии описываются им преимущественно по советским изданиям о Московской битве. Анализируя причины неудачи вермахта, автор видит их прежде всего в общей неподготовленности третьего рейха к ведению длительной войны. Однако он явно преуменьшает степень готовности фашистской Германии к агрессии против СССР. Объективность в его суждениях отсутствует и тогда, когда речь идет об оценке действий германского военного руководства. Здесь все усилия автора направлены к выгораживанию немецко-фашистского генералитета и переложению вины за поражение рейха на одного Гитлера⁸⁸.

Попытки анализа событий на советско-германском фронте с более реалистических позиций, чем это делалось длительное время по рецептам бывших гитлеровских генералов, отражают наметившуюся в последние годы определенную тенденцию в западных военно-исторических исследованиях. Это тем более примечательно, что подобные издания носят и официальный характер. Так, упомянутая ранее книга Рейнхардта относится к серии трудов о второй мировой войне, выпускаемой для офицерского состава Военно-историческим научно-исследовательским управлением бундесвера ФРГ.

Несмотря на наличие различных течений в буржуазной историографии, а подчас и противоречивых концепций в освещении Московской битвы, эти события в большинстве западных изданий толкуются с антинаучных позиций.

Почему же реакционные западные авторы пытаются увести своих читателей от объективного понимания событий? Почему даже «подновленное» их освещение подчас сохраняет антисоветскую направленность?

Одной из главных причин этого является наличие диалектической связи между историей и современностью. Антифашистская борьба народов после войны отнюдь не стала отвлеченной исторической категорией. В постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» отмечается, что «разгром германского фашизма и японского милитаризма привел к падению реакционных режимов в ряде государств Европы и Азии, создал благоприятную обстановку для борьбы трудящихся за социализм. В результате успешного осуществления революций в ряде европейских и азиатских стран возникла мировая социалистическая система, углубился общий кризис капитализма, ускорилось развитие мирового революционного процесса»⁸⁹.

Нетрудно видеть, что отношение к событиям прошлого неотделимо от восприятия реальностей политического и социального развития человечества на современном этапе истории. Поэтому изучение явлений минувшей войны проходит в условиях ожесточенного идеологического противоборства двух миров: социализма и капитализма. Приверженцы старого мира стремятся доказать, что советское государство могло быть уничтожено в мировом вооруженном конфликте, но этому помешали «роковые ошибки» Гитлера. Произвольно подходя к фактам истории, многие западные авторы отрицают решающее значение СССР в разгроме фашистской Германии, пытаются «дегероизировать» Красную Армию, исказить морально-политический облик советского народа.

Критика буржуазных фальсификаций истории Московской битвы, как и других событий Великой Отечественной и второй мировой войн, составляет одну из важных задач советских историков. При этом они следуют ленинскому указанию «бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»⁹⁰.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

В вооруженном противоборстве на театрах и фронтах войны 1939—1945 гг. борьба на подступах к советской столице сыграла огромную роль. «Битва под Москвой имела поистине историческое значение, оказав решающее влияние на ход Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны»⁹¹. Это же подчеркивается и в других советских изданиях. «Достигнутые успехи коренным образом изменили обстановку на всем советско-германском фронте»⁹².

События Московской битвы стали важным объектом историографии и, как выше уже отмечалось, все самое главное, принципиальное историками-марксистами о них сказано. На основе огромного количества документальных данных и свидетельств непосредственных участников борьбы в исторической литературе восстановлена грандиозная картина битвы, сделаны правильные обобщения и выводы, дана объективная оценка ее важнейшим явлениям. Разоблачены основные направления фальсификации событий реакционной буржуазной историографией.

Перед историками Московской битвы стоят и не решенные еще задачи. Точнее сказать, многое требует дальнейшего углубленного исследования. Основной фигурой битвы являлся народ и его неотъемлемая часть — Красная Армия, которые вели борьбу на полях сражений, на заводах и фабриках, в шахтах и рудниках, на транспорте, строительстве, на колхозных и совхозных полях. В первый период войны миллионы советских людей в неимоверно трудных условиях перемещались и перебазировали материальные ценности из угрожаемых районов на восток страны, под огнем фашистских самолетов строили оборонительные сооружения, оказывали сопротивление оккупантам на захваченной гитлеровцами территории. Массовый народный героизм был одним из основных источников победы, завоеванной СССР в Московской битве, как и во всей Великой Отечественной войне. Выявление и анализ неизвестных фактов народного подвига — одна из ответственных задач исследователей.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи, посвященной вручению городу-герою Туле медали «Золотая Звезда», подчеркнул, что «в конечном счете народ, массы решают коренные вопросы истории, определяют судьбы государств и исходы войн, — эта глубокая мысль верна сегодня, как и всегда. Воскрешая в памяти тяжелые годы войны, мы отдаем должное народу-борцу, народу-победителю, народу, который за три послевоенных десятилетия превратил свою Родину в могучую, процветающую державу»⁹³.

Деятельность советского тыла, как и состояние тыла фашистской Германии, относится к важнейшим проблемам истории рассматриваемых событий. Исследователям еще предстоит изучить многие вопросы, связанные с организацией защиты столицы, включая и ее противовоздушную оборону, вклад в завоевание победы москвичей, московской партийной организации, более полно раскрыть решающую роль Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и Политбюро, Государственного Комитета Обороны, Ставки ВГК в мобилизации сил и ресурсов всей страны на борьбу против агрессора.

История Московской битвы находится в тесной взаимосвязи с общими событиями начального периода Великой Отечественной

войны. Раскрывая закономерности срыва фашистской стратегии «блицкрига», исследователи наряду с факторами героизма и морально-политической стойкости воинов анализируют также советское военное искусство. Этот анализ становится все более глубоким и исторически конкретным при освещении руководства вооруженной борьбой со стороны советского Верховного Главнокомандования, командования фронтов, армий, соединений. В определенном сопоставлении изучается и уровень военного искусства главного командования вермахта, командования гитлеровских войск, действовавших на московском направлении.

Великая победа под Москвой оказала огромное воздействие на сплочение сил антигитлеровской коалиции, на создание условий планомерного наращивания военной мощи ее участников. Эта победа вызвала усиление народно-демократических движений в поработанных фашизмом странах и в странах, находившихся в зависимости от держав «оси».

Выше отмечалось, что поражение вермахта под Москвой в исторической литературе оценивается как начало «коренного поворота» в Великой Отечественной и во всей мировой войне. Можно ли это понимать в том смысле, что зимой 1941/42 г. начался коренной перелом в войне? Не касаясь чисто формального понимания терминов «перелом» и «поворот»⁹⁴, напомним, как нам представляется, главное. Периодизация войны, как и многих других исторических событий, уточняется и модифицируется, если это способствует более полному их раскрытию. При этом следует подчеркнуть, что советские и все прогрессивные исследователи едины в своих концепционных воззрениях на основное историческое содержание и оценку значения Московской битвы.

В познании сущности событий истории существенно помогает метод сравнительного анализа. Так, в отношении Московской битвы, финалом которой была историческая победа Красной Армии, исследователи отмечают и незавершенность ее наступательного периода, поскольку «советскому командованию не удалось полностью осуществить намеченный замысел, чтобы добиться всех поставленных целей в операциях на западном направлении»⁹⁵. Это было результатом прежде всего отсутствия во фронтах достаточных резервов, особенно танковых и механизированных соединений, а также вооружения и боеприпасов. Сказывался и недостаток опыта в организации наступления большого масштаба. Предпринятые зимой 1941/42 г. крупные наступательные операции одновременно на важнейших направлениях привели к распылению усилий. «Когда на заключительном этапе битвы под Москвой сложились благоприятные предпосылки для завершения окружения и разгрома главных сил группы армий «Центр», необходимых резервов в распоряжении Ставки уже не было, и довести операцию до конца не удалось»⁹⁶. Некоторые командующие фронтами и армия-

ми находящиеся у них силы использовали не всегда правильно. что снижало эффективность их боевого применения. Под Сталинградом советские войска осуществили классическое окружение, а затем и полную ликвидацию крупнейшей вражеской группировки в междуречье Дона и Волги. Ставка Верховного Главнокомандования искусно организовала сталинградскую стратегическую наступательную операцию. «Важнейшими предпосылками успеха операции явились правильный выбор направления главного удара, искусное создание группировок для наступления, скрытность и тщательность подготовки операции, правильное использование сил и средств в наступлении, умелые действия войск и командования в ходе сражения». Войска перешли в контрнаступление в то время, когда «противник исчерпал наступательные возможности, но не успел еще создать оборонительную группировку, обеспеченную оперативными резервами»⁹⁷.

Сталинградская операция проходила в существенно других условиях и во многом иначе, чем наступление зимой 1941/42 г. «Если контрнаступление советских войск под Москвой началось в условиях продолжавшегося наступления противника, то под Сталинградом оно развернулось, когда главные силы врага уже перешли к обороне, но не успели прочно закрепиться. В ходе контрнаступления под Москвой советским войскам удалось нанести поражение лишь фланговым группировкам врага. Под Сталинградом сокрушительному разгрому подверглись его главные силы, что сыграло решающую роль в создании условий для развертывания последующих наступательных операций на других участках советско-германского фронта»⁹⁸.

Из сказанного не следует, что битва на подступах к советской столице сыграла меньшую роль, чем битва на Волге. Такая постановка вопроса во всех отношениях была бы неправомерной. Московская битва во многом решила судьбу не только СССР, но и всей мировой цивилизации, когда в сложнейших условиях, после тяжелых пятимесячных оборонительных боев и сражений, Советские Вооруженные Силы осуществили крупное контрнаступление, переросшее затем в общее стратегическое наступление. Инициатива борьбы была вырвана из рук фашистских агрессоров, а войска вермахта перешли к отступлению и стратегической обороне. Это было первое крупное поражение гитлеровской Германии во второй мировой войне. Плац «молниеносной войны» третьего рейха против СССР потерпел окончательный крах.

То обстоятельство, что летом 1942 г. противник вновь перешел в наступление на советско-германском фронте, не умаляет значения победы под Москвой. Военных неудач 1942 г. могло и не быть при определенных условиях, а именно при наличии второго фронта в Европе против фашистской Германии и ее союзников. Ставка ВГК намечала дальнейшее развитие наступления.

«Военно-политическая цель Советского Союза на летне-осенний период 1942 г. была изложена в приказе народного комиссара обороны от 23 февраля 1942 г. Отмечая успехи, достигнутые в борьбе с врагом, рост могущества Советской Армии и уже приобретенный ею боевой опыт, нарком обороны сформулировал главную цель — сокрушить военную мощь немецко-фашистских захватчиков»⁹⁹. Однако международная обстановка и военное положение на фронте сложились так, что начало коренного поворота в ходе войны после зимнего наступления 1941/42 г. не было сразу закреплено и развито. Это потребовало новых сражений и наступило через несколько месяцев. Во втором периоде второй мировой войны (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.) «процессы и явления в политической, экономической и военной областях носили бурный переломный характер и окончательно предопределили дальнейший ход и исход войны в пользу сил демократии и прогресса»¹⁰⁰.

Главная борьба и решающие события второй мировой войны и после Московской битвы происходили на советско-германском фронте. Развертывавшиеся здесь крупнейшие сражения, операции и битвы являлись ведущей составной частью освободительной борьбы народов против фашистских агрессоров. Каждый из этапов и периодов Великой Отечественной войны имел свои особенности, но в их развитии была определенная обусловленность и взаимосвязь. Оценивая стратегическое и военно-политическое значение Московской, Сталинградской, Курской и других битв, устанавливая их общие черты и различия, историк выясняет также закономерности эволюции вооруженной борьбы и определяющие ее разнообразные факторы.

Коренной перелом в минувшей войне являлся длительным по времени и многосторонним процессом, характеризующим качественные изменения не только в вооруженной борьбе на фронте (важнейшим их показателем являлось обладание стратегической инициативой), но и в успехах мобилизации партией народных сил на развитие военной экономики, в создании резервов, совершенствовании организации Вооруженных Сил, накоплении ими опыта войны и пр. Можно ли отнести начало этого процесса к Московской битве? «Разгромом гитлеровцев под Москвой, — пишет Маршал Советского Союза А. М. Василевский, — победоносно завершился первый, наиболее трудный этап борьбы на пути к полной и окончательной победе над фашистской Германией»¹⁰¹. То было начало коренного поворота в ходе всей войны, но он еще не означал бесповоротного изменения вооруженной борьбы в пользу СССР и других стран антигитлеровской коалиции. Сталинградская битва была следующим рубежом на этом пути, когда стратегическая инициатива прочно перешла к Советским Вооруженным Силам. «Победа под Сталинградом внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в Великой Отечественной войне и оказала оп-

ределяющее влияние на дальнейший ход всей второй мировой войны»¹⁰². К наступательному периоду Сталинградской битвы и относится окончательное утверждение начала коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны.

Летом 1943 г. командование гитлеровского вермахта предприняло последнюю попытку вернуть утраченную стратегическую инициативу на советско-германском фронте. Однако в гигантской битве на Курской дуге противник потерпел сокрушительное поражение. Красная Армия развернула наступательные операции, которые продолжались до взятия Берлина и полной капитуляции фашистского рейха. Таким образом, Курская битва завершила коренной перелом в ходе Великой Отечественной и второй мировой войн.

В насыщенную многими событиями историю человечества Московская битва вписала памятную героическую главу. Правдивая летопись ее успешно разрабатывается советскими исследователями.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Статьи и речи, т. 1. М., 1970, с. 123.

² «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. М., 1967, с. 339.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 117.

⁴ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.

⁵ Очерки советской военной историографии. М., 1947, с. 340. См. также Жуков С. И. Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1968.

⁶ Громадин М. Провал налетов фашистской авиации на Москву.— «Правда», 1941, 25 июля; Рокоссовский К., Лобачев А. Не пустим врага к Москве.— «Правда», 1941, 6 ноября; Курганов О. «У враг Москвы.— «Правда», 1941, 14 ноября; Болдин И. Разгром немцев под Тулой.— «Правда», 1941, 13 декабря; Лидов П. Удар конногвардейцев Белова.— «Правда», 1941, 13 декабря; Голубев К. Малоярославская операция.— «Правда», 1942, 4 января; Болтин Е. Два месяца боев за Наро-Фоминск.— «Из-

вестия», 1941, 28 декабря; Болдин И. Калужская операция.— «Известия», 1942, 1 января; Милецкий Я. Ожесточенные бои в Подмосковных районах.— «Красная звезда», 1941, 25 октября; Коломейцев П. Особенности немецкой тактики под Москвой.— «Красная звезда», 1941, 23 ноября; Петренко К. Елецкая операция.— «Красная звезда», 1941, 11 декабря; Сергунов Н. Окружение и разгром частей группы Гудериана.— «Красная звезда», 1941, 25 декабря.

⁷ Альтер Л. Рабочие батальоны советской столицы.— «Исторический журнал», 1942, № 6; Минц И. Поражение немецко-фашистских войск под Москвой.— «Исторический журнал», 1941, № 12; Жуковский И. Средства и пути подвоза в наступлении.— «Исторический журнал», 1942, № 2; Хитров И. Тульская операция.— «Военная мысль», 1942, № 2—3; Коротков И. Калужская операция.— «Военная мысль», 1942, № 6; Пароткин И. Елецкая операция.— «Военная мысль», 1942, № 7.

⁸ Васильев А. Разгром северной ударной группировки немцев под Москвой. М., 1942; Подорожный Н.

- Ликвидация Наро-фоминского прорыва. М., 1942; *Коротков И.* Разгром Южной ударной группировки немцев под Москвой. М., 1943; *Пароткин И., Кравцов В.* Елецкая операция. М., 1943; *Шиловский Е. Е.* Разгром немецких войск под Москвой. Краткий оперативно-стратегический очерк. М., 1943; *Бачелис И.* Битва за Москву. М., 1943; Разгром немцев под Москвой. (Признания врага). М., 1943.
- ⁹ Подробнее см. *Грылев А. Н.* Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.— «Военно-исторический журнал», 1968, № 1, с. 90—93.
- ¹⁰ Разгром немцев под Москвой (Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г.— 31 января 1942 г.). М., 1943.
- ¹¹ *Горб Т. В.* Боях за Каширу. М., 1946; *Каравев Г.* Битва под Москвой. Разгром немецко-фашистских войск зимой 1941/42 г. М.—Л., 1951; *Васильев А.* Великая победа под Москвой. М., 1953; *Воробьев Ф. Д. и Кравцов В. М.* Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1953; Очерки Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1955 и др.
- ¹² *Бор-Раменский Е.* Провал воздушного наступления гитлеровцев на Москву в 1941 г.— «Исторические записки», 1955, т. 51; *Птицын Б.* Советская авиация в битве за Москву.— «Вестник воздушного флота», 1947, № 12; *Хананев А.* Подвиги советских летчиков в боях за Москву.— «Вестник воздушного флота», 1951, № 10; *Таранович В.* В боях под Москвой (артиллерия в боях под Москвой).— «Артиллерийский журнал», 1948, № 11; *Бойков П., Воробьев П.* Советская артиллерия в боях под Москвой.— «Артиллерийский журнал», 1951, № 12; *Лившиц Я. Л.* Первая гвардейская танковая бригада в боях за Москву. М., 1948.
- ¹³ Очерки советской военной историографии, с. 239.
- ¹⁴ Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1956; Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. I. М., 1958; Вторая мировая война 1939—1945. Военно-исторический очерк. М., 1958; Боевой путь Советских Вооруженных Сил. М., 1960; Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1961.
- ¹⁵ *Сурченко А.* Героическая оборона Москвы. 1941. М., 1957; *Самсонов А. М.* Великая битва под Москвой. М., 1958; *Цыганков В. П.* Героическая Москва. М., 1960; *Соловьев В. К.* Под Наро-Фоминском. М., 1960; *И. Д. Климов.* Героическая оборона Тулы. М., 1961; *Сахаров С. Д.* Коммунисты в боях за Москву. М., 1961; Народное ополчение Москвы. М., 1961; Народные мстители. Сб. документов и материалов. М., 1961; см. также обзор: *Малахов М. и Ерохин Н.* Военно-историческая литература о битве под Москвой.— «Военно-исторический журнал», 1961, № 2.
- ¹⁶ *Горелик Я. М., Жучков Б. И. и Салехов Н. И.* Местные документальные сборники о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.— «Исторический архив», 1961, № 4.
- ¹⁷ Битва за Тулу. Сб. материалов и документов. Изд. 3-е. Тула, 1957.
- ¹⁸ *Ашанин В.* Литература о героическом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне.— «Военно-исторический журнал», 1959, № 11; *Карасев А. В.* Краткий обзор литературы по истории Великой Отечественной войны.— «Вопросы истории», 1961, № 6.
- ¹⁹ «Военно-исторический журнал», 1961, № 11, 12.
- ²⁰ Великая битва под Москвой. Краткий исторический очерк. М., 1961.
- ²¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2. М., 1961.
- ²² Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964.

- ²³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 2, с. 208.
- ²⁴ Там же, с. 208—209.
- ²⁵ Там же, с. 296.
- ²⁶ *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956, с. 207.
- ²⁷ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 8—9.
- ²⁸ *Лотоцкий С., Прохтор Д., Миняйло С.* Победа советских войск под Москвой. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 10, с. 91—97.
- ²⁹ *Дашинцев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В двух томах, т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941—1945. М., 1973.
- ³⁰ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1965; изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1968; Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1966; Великая Отечественная война. Краткий научно популярный очерк. Изд. 2-е. М., 1973; История СССР с древнейших времен до наших дней, в 12 томах, т. 10 (СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 1973; История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941—1965. М., 1967; Москва за 50 лет Советской власти. М., 1968; История Москвы. Краткий очерк. Изд. 2-е. М., 1976; СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945. Краткая хроника. Изд. 2-е. М., 1970.
- ³¹ *Терновский Г. В.* Военные моряки в боях за Москву. М., 1968; На страже неба столицы. Краткий очерк истории ордена Ленина Московского округа ПВО. М., 1968; *Кикнадзе М. Г.* В небе столицы. М., 1971; *Алещенко Н. М., Буков К. И., Колесник А. Д., Синицын А. М.* Московское ополчение. М., 1969; *Журавлев Д. А.* Огневой щит Москвы. М., 1972.
- ³² Выстояли и победили. Документы и материалы. М., 1966; Москва — фронту. 1941—1945. М., 1966.
- ³³ Славные традиции. К 100-летию завода «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова. М., 1958; Свет над заставой. М., 1959; Имени Владимира Ильича. М., 1962; История Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М., 1966; Завод и люди. Московский завод электровакуумных приборов. М., 1967; Завод «Динамо» в наши дни. История завода. В 3-х книгах, кн. 3, ч. 1. М., 1973; Первый подшипниковый. История 1-го государственного подшипникового завода. 1932—1972. М., 1973.
- ³⁴ «Известия», 1965, 19 мая.
- ³⁵ Беспримерный подвиг. М., 1968.
- ³⁶ Подробнее о советских военных мемуарах см.: Очерки советской военной историографии, с. 324—361.
- ³⁷ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969; изд. 2-е дополн., т. 1, 2. М., 1974.
- ³⁸ Там же, т. 2, с. 20.
- ³⁹ Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966, с. 2.
- ⁴⁰ Все более развернутую и справедливую оценку ратного подвига окруженных в районе Вязьмы войск дают и авторы исторических исследований. В многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» отмечено, что окруженные войска сковали более чем на неделю главные силы не только 4-й армии, но и 4-й танковой группы гитлеровцев (см. т. 2, с. 245).
- ⁴¹ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. 2, с. 37.
- ⁴² *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973; изд. 2-е, дополн. М., 1975.
- ⁴³ Там же, с. 171—172.
- ⁴⁴ Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966; Битва за Москву. Изд. 3-е, дополн. и доработ. М., 1975.
- ⁴⁵ *Еременко А. И.* В начале войны. М., 1964; *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1968; *Голиков Ф. И.* В Московской битве. М., 1967; *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении, кн. 1. М., 1973; *Штеменко С. М.* Генераль-

- ный штаб в годы войны, кн. 1. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1975; *Лобачев А. А.* Трудными дорогами. М., 1960; *Белов П. А.* За нами Москва. М., 1963; *Белобородов А. П.* Ратный подвиг. М., 1965; *Болдин И. В.* Странички жизни. М., 1965; *Соловьев В. К.* Под Наро-Фоминском. М., 1966; *Буков К. И.* Все мы были солдатами. Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М., 1972; *Лелюшенко Д. Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Изд. 3-е, исправл. и дополн. М., 1975; *Телегин К. Ф.* Не отдали Москвы! Изд. 2-е, дополн. и перераб. М., 1975.
- ⁴⁶ *Петров Ю. П.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. (1918—1961). М., 1964; Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1968; История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах, т. 5, кн. 1. М., 1970; Во главе защиты Советской Родины. Очерк о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1975; *Козлов Н. Д., Зайцев А. Д.* Сражающаяся партия. М., 1975; *Рябов В. С.* Великий подвиг. М., 1975; см. также: КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. Историографический очерк. М., 1973.
- ⁴⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2. М., 1968; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917—1968. М., 1969; Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941—1945). Документы и материалы. М., 1970.
- ⁴⁸ Советский тыл в Великой Отечественной войне, кн. 1. Общие проблемы; кн. 2. Трудовой подвиг народа. М., 1974; *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. М., 1975; *Мигрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1974; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М., 1970; *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945. М., 1976.
- ⁴⁹ Люди бессмертного подвига. (Очерки о дважды, трижды и четырежды Героях Советского Союза), кн. 1—2. Изд. 4-е. М., 1975; Герои огненных лет (очерки о москвичах — Героях Советского Союза), кн. 1. М., 1975; кн. 2. М., 1976; *Колесник А. Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974; *Курсанов Н. А.* По зову Родины (Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны). М., 1974.
- ⁵⁰ Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, вып. 1. М., 1974.
- ⁵¹ *Муриев Д. З.* Провал операции «Тайфун». М., 1966; изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1972.
- ⁵² *Марамзин В. А.* Военное искусство в битве под Москвой. М., 1974.
- ⁵³ *Федоров А. Г.* Авиация в битве под Москвой. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1975.
- ⁵⁴ *Анфилов В. А.* Провал «блицкрига». М., 1974.
- ⁵⁵ История второй мировой войны. 1939—1945. В 12 томах, т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М., 1975.
- ⁵⁶ Ср., например, данные о соотношении сил группы армий «Центр» и противостоявших им войск трех советских фронтов к 1 октября и 5 декабря 1941 г. (История второй мировой войны, т. 4, с. 92—93; 283—284; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, с. 235, 274; Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 115, 130).
- ⁵⁷ История второй мировой войны, т. 4, с. 93—94.
- ⁵⁸ Там же, с. 99.
- ⁵⁹ *Васильев А.* Указ. соч., с. 88; Важ-

- нейшие операции Великой Отечественной войны, с. 105—106; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, с. 296; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 407.
- ⁶⁰ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС, М., 1967, с. 19.
- ⁶¹ История КПСС, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 242; *Муриев Д. З.* Указ. соч., с. 323; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. X, с. 184; *Марамзин В. А.* Указ. соч., с. 90; История второй мировой войны, т. 4, с. 483.
- ⁶² *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 257.
- ⁶³ Сообщения Советского Информбюро, т. 1. М., 1944, с. 407.
- ⁶⁴ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Перевод с нем. М., 1954, с. 188—194 и др.
- ⁶⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.
- ⁶⁶ *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. Перевод с англ. М., 1956, с. 167.
- ⁶⁷ *Лиддел Гарт Б. Х.* Стратегия не прямых действий. Перевод с англ. М., 1957, с. 345.
- ⁶⁸ *Лиддел Гарт* Вторая мировая война. Перевод с англ. М., 1976.
- ⁶⁹ Там же, с. 162.
- ⁷⁰ Там же, с. 163.
- ⁷¹ *Брэдли О.* Записки солдата. Перевод с англ. М., 1957, с. 208.
- ⁷² *Turney A.* Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941—1942. Albuquerque, 1970, p. XIII, 54.
- ⁷³ *Jukes G.* The Defense of Moscow. New York, 1970.
- ⁷⁴ *Michel A.* La seconde guerre mondiale, t. 1. Paris, 1968, p. 230—234.
- ⁷⁵ *Costantini A.* L'Union Soviétique en guerre (1941—1945), t. 1. Paris, 1968, p. 296.
- ⁷⁶ *Seaton A.* The Battle for Moscow 1941—1942. London, 1971.
- ⁷⁷ Там же, с. 289.
- ⁷⁸ Подробнее см. *Ржешевский О. А., Якушевский А. С.* Битва под Москвой в оценке буржуазных историков.— «История СССР», 1975, № 1, с. 198—213.
- ⁷⁹ *Baldwin H.* Battles Lost and Won, Great Campaigns of World War II. New York, 1969.
- ⁸⁰ *Jeks D.* Famous Tank Battles. New York, 1972, p. V.
- ⁸¹ The World at War. A Brief History of World War II. War Department. Washington, 1945, p. 91.
- ⁸² *Parkinson A.* Blood, Toil, Tears and Sweet. The war History from Dunkirk to Alamein based on the War Cabinet Papers of 1940 to 1942. London, 1973.
- ⁸³ Там же, с. 325.
- ⁸⁴ Цит. по: *Ржешевский О. А., Якушевский А. С.* Битва под Москвой в оценке буржуазных историков.— «История СССР», 1975, № 1, с. 209.
- ⁸⁵ *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42. Stuttgart, 1972.
- ⁸⁶ Там же, с. 180—181.
- ⁸⁷ Там же, с. 172.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ «Правда», 1975, 9 февраля.
- ⁹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 269.
- ⁹¹ «История КПСС», т. 5, кн. 1, с. 242.
- ⁹² История второй мировой войны, т. 4, с. 300.
- ⁹³ «Коммунист», 1977, № 2, с. 24.
- ⁹⁴ *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1968, с. 350, 363; Словарь синонимов. Справочное пособие. Л., 1976, с. 364.
- ⁹⁵ История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 313.
- ⁹⁶ Там же, с. 327.
- ⁹⁷ История второй мировой войны 1939—1945, т. 6, с. 87.
- ⁹⁸ Там же, с. 474.
- ⁹⁹ История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 30.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 464.
- ¹⁰¹ *Василевский А. М.* К вопросу о руководстве вооруженной борьбой в Великой Отечественной войне.— В кн.: 9 мая 1945 года. М., 1972, с. 47.
- ¹⁰² История второй мировой войны, т. 4, с. 81; см. также: История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 344—345.

СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА СССР

(Обзор литературы 1959—1976 гг.)

В. Н. Земсков

В марксистско-ленинской науке особое место занимает учение о союзе рабочего класса и крестьянства как составная часть теории социалистической революции и диктатуры пролетариата, строительства социализма и коммунизма. Политически сложившийся еще в годы борьбы за свержение власти помещиков и капиталистов союз рабочего класса и крестьянства был и остается главной силой и опорой Советского государства, основой грандиозных побед и героических свершений трудящихся города и деревни. «Союз рабочих и крестьян, — писал В. И. Ленин, — вот что дала нам Советская власть. Вот в чем ее сила. Вот в чем залог наших успехов и нашей окончательной победы»¹.

Опираясь на силу и мощь этого союза, трудящиеся нашей страны, ведомые ленинской партией, осуществили глубочайшие экономические и социально-политические преобразования. «На всех этапах социалистической революции, в ходе строительства социализма и ныне, когда советский народ строит коммунизм, — говорил Л. И. Брежнев на III Всесоюзном съезде колхозников в ноябре 1969 г., — союз рабочего класса и крестьянства был и остается незыблемой основой нашего строя, залогом новых побед на пути к коммунизму»².

Дальнейшее развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства наблюдается в период развитого социализма³, вывод о построении которого в СССР был впервые сделан в докладе Л. И. Брежнева «Пятьдесят лет великих побед социализма»⁴ в 1967 г. и развит и обобщен в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС в 1971 г.⁵ Хронологически большинство исследователей связывают вступление страны в период развитого социализма с концом 50-х годов⁶.

Развитой социализм характеризуется высоким уровнем развития производительных сил, быстро разворачивающимся научно-техническим прогрессом, совершенствованием общественных отношений, а также глубокими качественными и количественными изменениями основных классов общества. В этот период в небыва-

лых ранее размерах идет процесс становления социальной однородности социалистического общества.

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало,— говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев.— Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы»⁷. Развитой социализм, построенный в СССР, представляет собой высшую ступень социального прогресса, достигнутую ныне человечеством.

Развитое социалистическое общество характеризуется тем, что социализм вполне упрочился и созданы условия для постепенного перерастания его в коммунизм.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», принятых XXV съездом КПСС, указывается на необходимость «исследовать теоретические проблемы развитого социализма»⁸. Закономерен поэтому интерес, проявляемый историками и представителями других общественных наук к различным аспектам истории советского общества на новом этапе⁹, к развитию и укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

Важность этой проблематики усиливается тем значением, какое Коммунистическая партия придает союзу двух дружественных классов. «Дальнейшее укрепление нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства,— говорится в Программе КПСС,— имеет решающее политическое и социально-экономическое значение для строительства коммунизма в СССР»¹⁰.

К концу 50-х годов в результате исторических по своему значению успехов развития колхозного села расширились и упрочились объективные основы союза рабочего класса и крестьянства, значительно сгладились классовые различия между ними. В экономической, политической и духовной жизни еще более утвердилось то общее между классами и социальными группами, что их объединяет и сплачивает в борьбе за построение коммунистического общества.

Конец 50-х—60-е годы — это время реорганизации машинно-тракторных станций и продажи техники колхозам, усиления процессов интенсификации и индустриализации сельскохозяйственного производства, расширения аграрно-промышленной интеграции. В эти годы в развитии производительных сил села наступил период подлинной научно-технической революции. Большие преобразования в технической базе сельского хозяйства вызвали дальнейшее сокращение численности колхозного крестьянства и его удельного веса в населении. В 60-е годы по сравнению с предшествующими периодами крестьянство уже не составляло большинства населения страны, уступив первое место по своей численности рабочему классу.

В конце 50-х и 60-х годах Коммунистическая партия приняла ряд важных решений, направленных на дальнейшее развитие сельского хозяйства ¹¹.

Имевший место в первой половине 60-х годов субъективизм в оценке развития сельского хозяйства стал активно преодолеваться после октябрьского (1964 г.) и мартовского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС. В решениях Пленумов ЦК КПСС, материалах XXIII, XXIV, XXV съездов партии, Тезисах ЦК КПСС о 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 50-летию образования СССР, материалах III Всесоюзного съезда колхозников, в ряде выступлений Л. И. Брежнева сформулированы важнейшие методологические положения, позволяющие глубже анализировать и оценивать важнейшие события в истории советского общества. Эти годы характеризуются особенно активной теоретической деятельностью партии, глубокой разработкой ряда важнейших теоретических проблем, связанных с созданием развитого социалистического общества, коммунистическим строительством, дальнейшим укреплением нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства.

Решение проблемы подъема уровня доходов колхозников, сближения рабочего класса и колхозного крестьянства в области распределения тесно связано с правильным применением принципа материальной заинтересованности в сельском хозяйстве. Слабое использование этого принципа в течение длительного времени не могло не тормозить рост общественного достояния колхозников, а соответственно и доходов самих колхозников. Выступая в 1974 г. в Алма-Ате, Л. И. Брежнев подчеркнул, что историческое значение мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС как раз и состояло в том, что он заложил основу для решения задачи обеспечения материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в повышении производства, в дальнейшем экономическом укреплении колхозов и совхозов ¹².

Решения, принятые мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС (установление твердых планов закупок сельскохозяйственных продуктов на ряд лет, надбавок в размере 50% к основной закупочной цене за сверхплановую продукцию, повышение закупочных цен с учетом особенностей отдельных зон и районов на важнейшие сельскохозяйственные продукты и др.) ¹³, послужили дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства — основы основ Советского государства.

Решения партии и правительства по сельскому хозяйству, принятые после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, опубликованы в сборниках документов «Решения партии и правительства по сельскому хозяйству» ¹⁴.

В 60—70-е годы принципиальная оценка вопросов развития сельского хозяйства, укрепления союза рабочего класса и кре-

стьянства была дана в выступлениях и работах руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. В 1974 г. вышел в свет сборник речей и докладов Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева¹⁵. В этот сборник включены доклады и речи Л. И. Брежнева, посвященные политике партии в деревне, вопросам развития сельского хозяйства. Все материалы сборника характеризуют единый, глубоко научный подход, последовательность в решении возникающих проблем. Выступления Л. И. Брежнева, вошедшие в сборник, дают цельное, развернутое представление об аграрной политике КПСС, о политике партии по дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

Литература по истории союза рабочего класса и крестьянства в рассматриваемый период отчасти уже подвергалась историографическому анализу¹⁶. Однако часть работ рассматривает лишь некоторые вопросы этой большой проблемы, другие ограничены хронологическими рамками конца 50-х — начала 60-х годов. Выделяется статья К. В. Гусева, в которой в концентрированном виде дан краткий анализ историографии проблемы по всем этапам истории советского общества.

Необходимость дальнейшего историографического исследования проблемы союза рабочего класса и крестьянства в период развитого социализма диктуется двумя основными причинами. Во-первых, указанные историографические статьи, вышедшие 5—10 лет назад, естественно, не охватывают новой довольно многочисленной и разнообразной литературы; во-вторых, несмотря на большой вклад исследователей в историографическое рассмотрение проблемы, вполне назрела необходимость комплексного анализа всей имеющейся литературы по тематическому, хронологическому и географическому признакам, что будет способствовать более полному выявлению степени изученности тех или иных аспектов проблемы в соответствии с указанными признаками.

В рамках одной статьи, разумеется, невозможно осветить все аспекты развития историографии этой обширной проблемы. Так, нами опущены вопросы (за исключением вопросов о реорганизации МТС и аграрно-промышленной интеграции) об экономических взаимоотношениях между промышленностью и сельским хозяйством, о роли промышленности в укреплении его материально-технической базы. Основное внимание уделено литературе, посвященной проблеме в целом, шефству рабочего класса над крестьянством, вкладу рабочего класса в развитие сельскохозяйственного производства, процессу преодоления существенных различий между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством.

Выведенная нами литература, посвященная истории союза рабочего класса и крестьянства и различных аспектов этой проблемы на этапе развитого социализма, насчитывает около 2 тыс. наименований, из них 57% — научно-исследовательская, 43% — науч-

но-популярная¹⁷. Наибольшее количество работ (46,8%) посвящено полностью или частично годам семилетки 1959—1965 гг., включая исследования, частично захватывающие середину и вторую половину 50-х годов; годам восьмой пятилетки 1966—1970 гг., включая работы, имеющие хронологические рамки 1966—1975 гг., посвящено 30% работ; всему рассматриваемому периоду 1959—1970 гг. — 14,2%; 9% исследований имеет более широкие хронологические рамки, включая весь советский период. 9% работ посвящено проблеме в целом, 91% — самым разнообразным ее аспектам (шефству города над селом, процессу преодоления существенных различий между городом и деревней, экономическим отношениям между рабочим классом и крестьянством, промышленностью и сельским хозяйством и др.).

Любопытна география разработки проблемы в целом и различных ее аспектов в 1959—1970 гг.: 42% работ (преимущественно экономистов и философов, которые, естественно, рассматривают эту проблему с точки зрения своих наук) написано на общесоюзном материале, который, за редким исключением, взят только из опубликованных постановлений партии и правительства и из центральной печати. Значительно шире источниковая база исследований, написанных на материалах союзных и автономных республик, отдельных регионов и областей¹⁸: шире использованы материалы центральных и местных партийных, государственных и ведомственных архивов, центральной и местной печати, статистические источники и др. На материалах автономных республик, регионов и различных областей РСФСР написано 25,5% исследований, из них ни одной в целом по Российской Федерации. По другим союзным республикам, в отличие от РСФСР, преобладают исследования, написанные на материалах республик в целом: на материалах Узбекской ССР — 7,2%, Украинской ССР — 6,2%, БССР — 4,4%, МССР — 4,3%, Казахской ССР — 3,8%, Киргизской ССР — 1,5%, Азербайджанской ССР — 1,15%, Латвийской ССР — 1,1%, Таджикской ССР — 0,9%, Литовской ССР — 0,6%, Туркменской ССР — 0,5%, Эстонской ССР — 0,5%, Армянской ССР — 0,3%, Грузинской ССР — 0,05%.

Проблема союза рабочего класса и крестьянства затрагивается в обобщающих работах как по истории рабочего класса¹⁹, так и по истории крестьянства²⁰. При этом надо отметить, что в исследованиях, посвященных истории советского крестьянства, различные стороны этого союза исследуются значительно полнее, нежели в работах, посвященных истории советского рабочего класса. Из последних в этом отношении выгодно отличаются две коллективные монографии: «Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.)», написанная коллективом авторов Института истории СССР АН СССР, и «Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма», подготовленная Институтом философии АН СССР.

В первой из них (автор раздела М. И. Ривлин) на большом фактическом материале, взятом из опубликованных документов партии, правительства, ВЦСПС, статистических источников, периодической печати, архивов (ЦА ВЦСПС, Архив «Союзсельхозтехники», текущий архив Министерства сельского хозяйства СССР и др.), освещаются такие вопросы, как основные направления в развитии содружества рабочего класса и крестьянства, материально-техническое обеспечение сельского хозяйства, вклад промышленных рабочих в индустриализацию сельскохозяйственного производства, вклад рабочих химической индустрии в развитие сельского хозяйства, шефская помощь селу и др. Автор убедительно показывает, что в 1959—1965 гг. неуклонно возрастало непосредственное участие рабочего класса в сельскохозяйственном производстве, происходило дальнейшее повышение роли рабочего класса в расширении и укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, все большее влияние оказывали социалистическое государство и рабочий класс на развитие и углубление товарно-денежной формы взаимосвязи между промышленностью и сельским хозяйством²¹.

В монографии «Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма» (автор раздела О. Н. Трубицын) в философском аспекте прослеживается роль рабочего класса в исторических судьбах крестьянства. Автор большое внимание уделяет научно-технической революции в сельском хозяйстве и приходит к выводу, что в перспективе «революционное по своему значению преобразование содержания труда работников села явится выражением такого обобществления производства, которому уже будет тесно в рамках колхозно-кооперативной собственности. Две формы собственности сольются в единую общенародную собственность, окончательно исчезнут классовые различия»²².

Из работ по истории советского крестьянства необходимо, на наш взгляд, выделить монографию «Советское крестьянство»²³, подготовленную коллективом авторов Института истории СССР АН СССР. В ней на основе богатых фактических данных показан сложный путь, пройденный крестьянством за годы Советской власти, большое внимание уделено анализу социально-экономических преобразований в деревне, осуществленных под руководством коммунистической партии, неуклонному укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

Немалый интерес представляют работы, освещающие партийное и государственное руководство сельским хозяйством²⁴, которое является одним из коренных проявлений ведущей роли рабочего класса в союзе двух дружественных классов. Так, отношению партии к крестьянству, руководству им на протяжении всей ее деятельности посвящена статья П. А. Александрова, в которой вопросы теоретической и практической деятельности партии по руковод-

ству крестьянством излагаются в тесной связи с политикой укрепления союза рабочего класса и крестьянства²⁵.

В работе В. И. Куликова²⁶ убедительно показано, какие благоприятные возможности созданы политикой КПСС после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК партии для дальнейшего совершенствования основных сторон и направлений союза двух дружественных классов, каким новым содержанием наполняется сотрудничество классов после XXIII съезда КПСС. По существу автор в сжатом виде и широком плане изложил систему связей между классами в экономической, политической и идеологической областях.

В первой половине 60-х годов был проведен ряд научных сессий, где обсуждались проблемы союза рабочего класса и крестьянства на современном этапе, а затем издано несколько тематических сборников²⁷. Такой обмен мнениями помог выявить спорные, малоизученные вопросы и привлечь к ним внимание историков. Исходя из решений XX, XXI, XXII съездов КПСС, Программы партии, а также практических мероприятий по развитию сельского хозяйства, авторы этих сборников отмечают, что дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства проходит по линии все большего сближения этих классов, ликвидации классовых различий. При этом особо подчеркивается, что различия стираются лишь на основе непрерывного роста производительных сил. Лейтмотивом этих работ является мысль о том, что успехи, которые были достигнуты в стране в целом, сдвиги в развитии сельского хозяйства, способствующие укреплению союза рабочего класса и крестьянства, в конечном счете зависят от правильной политики партии и правительства, от умения партийных, советских и других органов на месте настойчиво, со знанием дела, проводить в жизнь директивы партии и правительства.

Наиболее крупным исследованием по данной проблеме на сегодняшний день надо признать коллективную монографию «Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством», в которой сделана попытка дать краткое изложение истории союза рабочих и крестьян от его зарождения до наших дней, исследуется ленинское наследие по проблеме и анализируется политика партии по претворению в жизнь ленинских идей о союзе рабочего класса и крестьянства за более чем 70-летний период. На основе богатого фактического материала авторы смогли сделать убедительный вывод, что «вся история создания нового, социалистического строя в деревне подтверждает выдающуюся роль рабочего класса... История свидетельствует также о выдающейся роли советского крестьянства как боевого и непоколебимого союзника рабочего класса»²⁸. К сожалению, исследуемому нами периоду в работе уделено сравнительно незначительное место.

Интересна работа Т. И. Богомолова, написанная в виде учеб-

ного пособия по спецкурсу и спецсеминару, содержание которой тоже охватывает более чем 70-летний период. Автор сделал ряд заслуживающих внимания выводов и обобщений. В частности, он пишет, что «по мере успехов коммунистического строительства классы нашего общества существенно меняются по своему экономическому положению, политической активности и духовному облику, углубляются взаимоотношения между ними. Меняется и подход к социалистическим классам, к их содружеству. Например, прекрасным архаизмом звучит ныне утратившее свой прежний смысл слово «смычка». Так называли в 20-х годах практические мероприятия по осуществлению союза рабочих и крестьян, города и деревни. Незачем ныне смыкаться тому, что стало единым политически и экономически»²⁹.

Среди исследований, посвященных проблеме в целом, необходимо отметить работы В. М. Селунской, Т. Л. Левиной, А. К. Курылева, В. Н. Калашникова³⁰, в которых изучается вклад Коммунистической партии в ленинское учение о союзе рабочих и крестьян на новом этапе развития советского общества, делается попытка раскрыть особенности и характерные черты этого союза, его конкретные проявления. Лейтмотивом этих работ является мысль о том, что, воплощая глубочайший демократизм, политическая организация развитого социализма — общенародное государство трудящихся — предоставляет самые широкие возможности для наиболее полного, эффективного проявления силы этого союза в коммунистическом строительстве.

Нельзя не согласиться со словами В. Огорокова о том, что в условиях развитого социализма «усиливающаяся социальная однородность общества, социалистическое интернациональное сознание, единый социалистический образ жизни всего советского народа, восприятие крестьянством и интеллигенцией, всеми нациями и народностями коммунистических целей и идеалов рабочего класса, глубоко народная сущность научно обоснованной политики КПСС, учитывающей интересы всех слоев населения, обогащает союз рабочих и крестьян новым содержанием, поднимает его на качественно новый уровень»³¹.

Из работ, в которых сделана попытка исследовать развитие союза рабочих и крестьян в целом по стране³², следует выделить написанную в теоретическом плане монографию В. М. Алексеевой³³. В ней подчеркивается роль этого союза в процессе строительства коммунизма, делается попытка определить тенденции его дальнейшего развития, приводятся новые факты, мысли, особенно о политических формах союза рабочих и крестьян. Характеризуя эти формы союза рабочих и крестьян, В. М. Алексеева подразделяет их на две основные: государственно-политическую и общественно-политическую. Первая находит выражение в социалистическом государстве, вторая — в общественно-политических органи-

зациях трудящихся. Высшей формой общественно-политической организации рабочего класса, крестьянства и всех трудящихся является Коммунистическая партия, которой принадлежит руководящая роль в системе государственного и политического руководства обществом. Этот вопрос автором рассмотрен довольно подробно и представляет интерес именно в той части, где рассказывается о процессе превращения партии рабочего класса в партию всего народа, о росте влияния партии во всех классах и социальных прослойках нашего общества, о разворачивании внутрипартийной демократии и влиянии ее на союз рабочих и крестьян.

Серьезным историографическим событием является выход в свет исследований, написанных на материалах союзных и автономных республик, отдельных регионов и областей. Из этих исследований необходимо выделить крупные работы Б. П. Ковалевского, Е. Мадис, У. Т. Токмурзина, И. И. Алексеенко, В. П. Медникова, написанные соответственно на материалах Украины, Эстонии, Казахстана, Северного Кавказа и Алтайского края³⁴. На материалах некоторых республик и областей написаны докторские и кандидатские диссертации³⁵.

Однако процесс создания обобщающих работ по данной проблеме на местных материалах далек от своего завершения: нет обобщающих исследований по Литве, Латвии, Грузии, Туркмении, Таджикистану, не говоря уже о большинстве автономных республик и крупных регионов; к тому же далеко не все имеющиеся работы охватывают весь рассматриваемый период. Наиболее крупным пробелом надо признать отсутствие такого исследования в целом по Российской Федерации.

Во всех работах чувствуется стремление показать на фактическом материале, как идеи и решения партии воплощаются в жизнь, раскрыть ведущую роль рабочего класса и ее возрастание в период коммунистического строительства и развитого социалистического общества, обобщить богатый опыт взаимоотношений двух дружественных классов.

Несмотря на определенные специфические черты, присущие каждой из этих работ, подавляющему большинству из них свойственны в общем-то одни и те же достоинства и недостатки. Во всех работах делается попытка показать особенности и важнейшие черты союза рабочего класса и крестьянства на новом этапе развития советского общества, большое внимание уделяется освещению преобразующей силы ленинского учения о союзе рабочих и крестьян, его роли в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма, в совершенствовании общественных отношений, коммунистическом воспитании трудящихся.

Центральное место по степени освещенности занимают вопросы, связанные с раскрытием экономических основ укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Это в первую очередь такие

вопросы: рост трудовой, творческой и общественно-политической активности рабочего класса как важнейшее условие укрепления его союза с крестьянством, вклад индустриальных рабочих в укрепление материально-технической базы, ускорение технического прогресса в сельском хозяйстве, помощь трудящихся города в электрификации села, усиление роли промышленных рабочих в интенсификации колхозного и совхозного производства путем его химизации, мелиорации, ирригации и др., шефская помощь города селу. Важное место занимают и такие вопросы, как всемерное развитие сельского хозяйства и его роль в дальнейшем упрочении рабоче-крестьянского союза, совершенствование экономических отношений между государством и колхозами, улучшение руководства колхозами и укрепление их кадрами, рост трудовой активности колхозного крестьянства и его вклад в укрепление союза с рабочим классом, успехи в развитии колхозного строя и их значение для дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян. Немалое место занимают вопросы преодоления существенных различий между городом и деревней (выравнивание уровня материального благосостояния трудящихся города и села, сближение общеобразовательной и профессиональной подготовки рабочего класса и крестьянства, рост культуры, изменение быта колхозного крестьянства и др.). Что касается политических основ укрепления союза рабочих и крестьян, роли Советов, общественных организаций в упрочении этого союза, то разработанность этих вопросов значительно уступает указанным выше.

Таким образом, очень многие авторы ограничивают союз рабочих и крестьян экономическими отношениями между этими классами, экономической формой, реже касаются его политической формы³⁶. Как правило, выпадают из поля зрения социальная и духовно-идеологическая сферы действия рабоче-крестьянского союза. В. М. Алексеева отмечает, что «союз рабочего класса и крестьянства действует в двух сферах: в области экономических отношений... и в сфере политических отношений»³⁷, хотя из содержания ее же монографии ясно, что рабоче-крестьянский союз не ограничивается только этими двумя сферами. Недостатком надо признать и тот факт, что исследователи часто увлекаются описанием успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, что подчас составляет основу работ, а сама рассматриваемая проблема — союз рабочего класса и крестьянства — их дополнение (это в первую очередь относится к указанным выше работам А. Д. Мамедова и У. Т. Токмурзина).

Кроме исследований, посвященных проблеме в целом, вышло немало работ, в которых подвергаются исследованию отдельные формы и проявления рабоче-крестьянского союза. Этим работам свойственны те же достоинства и недостатки. Важнейшим вкладом этих исследований является подчас более всестороннее рассмотре-

ние какой-нибудь одной стороны взаимоотношений двух дружественных классов. Взятые в совокупности, они вносят значительный вклад не только в освещение отдельных аспектов истории союза рабочих и крестьян, но и проблемы в целом. Очень интересны работы С. Д. Бегияна, В. А. Подкина, И. С. Казюкина, В. И. Кузаковой, В. Н. Калашникова, В. И. Куликова, А. А. Филимонова о роли рабочего класса в развитии сельского хозяйства³⁸, шефстве города над селом³⁹.

Эти работы характеризует наличие большого фактического материала, включающего в себя помимо итоговых данных также яркий иллюстративный материал, стремление сделать практические выводы.

В исследованиях отмечается, что в шефской работе все большее место занимает передача колхозам опыта, форм и методов организации производства на государственных предприятиях. Рабочие и ИТР промышленности несут в село богатый опыт борьбы за повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции, укрепление трудовой дисциплины, организацию социалистического соревнования, так как для современного периода развития союза рабочего класса и крестьянства характерно дальнейшее совершенствование колхозного производства, все более приближающегося к промышленному.

В содержательной статье В. И. Кузаковой анализируются особенности шефского движения в условиях развитого социализма. Автор приходит к выводу, что «на основе экономической реформы партийные организации добились... подлинно массового размаха шефской работы, вовлечения в нее самой широкой общественности..., распространения на область шефской работы долгосрочного перспективного планирования, «шефских пятилеток», что вместе с возрастающей комплексностью помощи города деревне придает этой работе все более систематический характер»⁴⁰.

Вместе с тем в работах по истории шефского движения в этот период еще недостаточно глубоко анализируются исторические традиции шефства и их значение для современности. В них, даже в тех, которые посвящены деятельности КПСС по усилению шефства рабочего класса над крестьянством, не показано, как, применяя ленинские принципы организации шефского движения, партия совершенствовала формы и методы шефской работы, занималась поисками новых форм, как она нацеливала массы на разрыв творческой инициативы.

Во всех работах, касающихся исследуемой проблематики, большую часть занимает освещение роли рабочего класса в укреплении материально-технической базы сельского хозяйства. Такой подход представляется вполне оправданным и закономерным (при этом, конечно, нельзя забывать и о других аспектах роли рабочего класса), потому что, создавая новые машины и оборудование, рабочий

класс способствует развитию производительных сил сельского хозяйства, увеличению производства его продукции; в то же время оснащение сельского хозяйства техникой и широкое ее использование способствует росту производительности труда в колхозах и совхозах. В свете этого закономерен вывод ряда исследователей, например И. И. Виноградова, что «рабочий класс, осуществляя в условиях развитого социалистического общества свою ведущую роль, под руководством КПСС обеспечивает сближение темпов развития промышленного и сельскохозяйственного производства, дальнейший рост производительности труда в сельском хозяйстве, стирание существенных различий между городом и деревней»⁴¹.

Большое значение для исследования проблемы имел выход в свет монографии Н. П. Спектора и В. И. Куликова⁴², в которой на большом фактическом материале раскрывается поистине неоценимый вклад рабочих Москвы в развитие сельского хозяйства за 50 лет Советской власти.

Заслуживает внимания работа Т. А. Дмитренко и В. И. Кузаквой, в которой раскрывается возрастающая роль рабочего класса в укреплении союза рабочих и крестьян. На конкретном материале послевоенного развития колхозной деревни прослеживаются основные направления и формы помощи рабочего класса в укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, в развертывании массово-политической и культурно-просветительной работы на селе⁴³.

Самого пристального внимания заслуживает вопрос о роли и месте Ленинского комсомола в укреплении союза рабочего класса и крестьянства. Статьи А. Е. Бегунова, В. П. Маслина, Л. Г. Немятой⁴⁴, написанные на местных материалах, в основном ограничиваются показом вклада городского комсомола в механизацию сельскохозяйственного производства преимущественно по линии шефства. Как представляется, вопрос о роли комсомола, рабочей молодежи в укреплении союза рабочего класса и крестьянства на этапе развитого социализма нуждается в несравненно более интенсивном освещении. Известно, что на всех этапах социалистического строительства комсомольцы, советская молодежь выступали активными участниками строительства новой жизни. В 60-е годы в связи с громадным расширением масштабов, усложнением задач коммунистического созидания объективно возрастала роль ВЛКСМ как помощника партии в хозяйственном, государственном и культурном строительстве. В документах КПСС, в ее Программе и Уставе, решениях партийных съездов, постановлениях ЦК партии были определены важнейшие задачи комсомола на этапе коммунистического строительства⁴⁵, в том числе и его задачи по дальнейшему развитию сельского хозяйства. Активное участие комсомола, рабочей и студенческой молодежи в укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, снабжении села новой техни-

кой, его электрификации, химизации, мелиорации, ирригации, различные формы шефства комсомола над колхозами и совхозами и т. д. — все это должно найти отражение в исторической литературе, с учетом той высокой оценки, которая была дана деятельности Ленинского комсомола на XXIV, XXV съездах КПСС и в беседе Л. И. Брежнева с руководителями коммунистических союзов молодежи социалистических стран 5 ноября 1976 г.⁴⁶

Практически почти совсем не освещен вклад отдельных отрядов рабочего класса в развитие сельского хозяйства. Статьи, как правило, имеют популярный характер⁴⁷. Интересна статья А. Е. Харитоновой, в которой освещается помощь московских строителей селам области. Автор приходит к выводу, что в 60-е годы появилась «новая форма государственной и шефской помощи рабочего класса крестьянству — помощь в реконструкции современных сел и деревень, в изменении жилищных, культурно-бытовых условий жителей села», которая «теснее связывает интересы города и деревни, укрепляет дружбу и сотрудничество этих двух классов, развивает чувства взаимопомощи»⁴⁸. В статье И. М. Некрасовой показан вклад рабочего класса в электрификацию сельского хозяйства, начиная с 1917 и кончая 1965 г.⁴⁹

В социальной структуре развитого социалистического общества специфическое место занимают работники совхозов. Это обусловлено самим объективным положением этих работников в системе общественного производства. С одной стороны, они связаны с общенародной государственной формой собственности, сближающей их с индустриальными рабочими, а с другой — вместе с колхозным крестьянством трудятся в сельском хозяйстве. Большой интерес в свете этого представляет вопрос, какое место занимает этот отряд рабочего класса в дальнейшем упрочении союза рабочих и крестьян.

Впервые в советской литературе история совхозного строительства за все годы Советской власти освещается в монографии М. Л. Богденко и И. Е. Зеленина. Авторы подчеркивают, что для развитого социалистического общества «характерны быстрый рост сельскохозяйственных рабочих (при общем сокращении сельскохозяйственного населения) и значительные качественные и структурные изменения в их составе»; социальный облик и экономическое положение совхозных рабочих «уже почти идентичны промышленным рабочим»⁵⁰.

Очень интересные социологические исследования в Белоруссии провели в 1971—1973 гг. З. И. Монич, В. Г. Изох и И. В. Прудник⁵¹. Эти исследования показали, что более 20% рабочего класса БССР трудится на селе: это рабочие сельских промышленных предприятий, совхозов и их подсобных хозяйств, рабочие, занятые на предприятиях сферы обслуживания, культуры и просвещения. Каждая из названных групп отличалась условиями и содержанием

труда, профессиональным и демографическим составом, уровнем квалификации и т. д.

Различные аспекты истории аграрного отряда рабочего класса исследуются также в работах Л. П. Кучкиной, Н. С. Тонаевской и др.⁵² Можно согласиться с исследователями, утверждающими, что «социальное развитие рабочих совхозов в целом отражает сложность исторического процесса складывания социальной однородности общества и представляет один из путей развития крестьянства к бесклассовому обществу»⁵³.

Большой интерес представляет вопрос о том, какое влияние на развитие союза рабочих и крестьян оказала проведенная в 1958—1959 гг. реорганизация машинно-тракторных станций, через которые в течение 30 лет осуществлялось материально-техническое оснащение и производственно-техническое обслуживание колхозов.

Необходимость этой реформы была обоснована в постановлении февральского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций»⁵⁴. Между промышленностью и колхозами, рабочим классом и крестьянством установилась непосредственная связь без промежуточного звена, каким были МТС. Реорганизация МТС явилась новым важным элементом в развитии связей между промышленностью и сельским хозяйством, двумя дружественными классами.

Статьи Ф. И. Колодина, Г. К. Ольшевской, З. С. Пуцковой, В. М. Растяпина⁵⁵ и другие вносят вклад в разработку данной проблемы, но они крайне немногочисленны и написаны большей частью на местных материалах. Что же касается общих исследований по истории союза рабочего класса и крестьянства, то в них эта реформа в лучшем случае упоминается в самом схематичном плане⁵⁶.

Необходимо также особо остановиться на рассмотрении качественно нового явления, характерного для этапа развитого социализма, — аграрно-промышленной интеграции. Л. И. Брежнев на III Всесоюзном съезде колхозников отметил, что «аграрно-промышленные объединения, безусловно, имеют большое будущее. Это не только новая организационная форма, но и важное социальное-экономическое явление»⁵⁷. Работ экономического характера на эту тему написано в общем-то немало⁵⁸, но исторических исследований, за исключением, пожалуй, статьи Н. К. Фигуровской, пока нет. Н. К. Фигуровская, анализируя неудачу попыток создания аграрно-индустриальных комбинатов в 20—30-х годах, совершенно справедливо подчеркивает, что только в 60-е годы, в условиях развитого социализма, «когда появились необходимые материально-экономические предпосылки, наука вернулась к идее аграрно-промышленных комбинатов», что в период развитого социализма «сельское хозяйство уже не может успешно развиваться без рас-

ширения и углубления производственных связей с другими отраслями»⁵⁹.

Совершенно справедливо пишет И. И. Бодюл: «Нет сомнений в том, что крупная интеграция, происходящая в сельском хозяйстве на современной стадии зрелых производственных отношений социализма, создаст экономическую основу, на которой сформируются высшие коммунистические отношения, обязательным элементом которых явится полный синтез, органическое слияние земледелия с промышленностью во всей совокупности экономики»⁶⁰. Авторы коллективной монографии «Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма» приходят к выводу, что «социальное значение аграрно-промышленных комплексов... состоит в том, что они не только выражают процесс складывания единой, коммунистической формы собственности, но и процесс превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Более того, их важное социальное значение заключается еще и в том, что при своем дальнейшем развитии они с неизбежностью приведут и к ликвидации социально-экономических различий между городом и деревней»⁶¹.

В свете этого закономерен вывод некоторых исследователей, что значение союза рабочего класса и колхозного крестьянства возрастает и усиливается тем, что сотрудничество и взаимоотношения двух сфер народного хозяйства и связанных с ними классов на современном этапе становятся более интенсивными, тесными и разнообразными⁶².

Прочность союза рабочих и крестьян определяется в конечном счете характером собственности, уровнем развития производительных сил. Однако эту проблему нельзя сводить только к экономике, так как ее подъем не ведет автоматически к упрочению сотрудничества классов и социальных групп. Между рабочим классом и колхозным крестьянством, кроме отличий, определяемых формами собственности, имеется ряд других, связанных с уровнем образования, культуры, условиями жизни и быта. Эти отличия обусловлены не только социально-экономическим положением, но и историей этих классов. Экономическая политика КПСС и Советского государства, направленная на обеспечение материальной основы союза рабочих и крестьян, находится в тесной связи с социальной политикой, предусматривающей выравнивание жизненного уровня трудящихся города и деревни, улучшение их быта, повышение культурно-технического уровня. «Важную задачу мы видим также в том, — говорил Л. И. Брежнев, — чтобы приблизить тружеников села к городским жителям и по уровню благосостояния, и по культурно-бытовому обслуживанию, и по образу и удобствам жизни»⁶³. Для нашей страны, где миллионы людей проживают в селах, — это очень важная и вместе с тем чрезвычайно сложная задача.

Поэтому вполне закономерно, что в историографии немалое место занимает литература о преодолении существенных различий между городом и деревней⁶⁴. Эти работы написаны в ряде случаев на основе проделанных авторами социологических и других обследований. Доминирующее положение в указанных работах занимают вопросы, связанные с преодолением экономических, социальных и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Нельзя не согласиться с Б. П. Ковалевским, который подчеркивает, что только на основе дальнейшего укрепления союза рабочих и колхозников, при повседневной помощи города селу можно успешно осуществить эту историческую по своей значимости и последствиям задачу⁶⁵.

В монографии С. Л. Сенявского в историческом плане проанализированы общие закономерности и основные тенденции изменений в социальной структуре советского общества за 1938—1970 гг., место и роль рабочего класса в социальном прогрессе общества, изменения в численности и составе колхозного крестьянства, интеллигенции, служащих, промкооператоров и других социальных слоев, взаимодействие всех факторов в процессе сближения классов и социальных слоев. Автор подчеркивает, что к началу 70-х годов в СССР был сделан значительный шаг вперед на пути к осуществлению основополагающих принципов коммунизма — ликвидации существенных различий между работниками умственного и физического труда, между городом и деревней⁶⁶.

*

Таким образом, имеющиеся исследования вносят определенный вклад в разработку проблемы союза рабочих и крестьян в условиях развитого социализма. Накопленный конкретно-исторический материал является важной предпосылкой и основой для создания новых исторических исследований по данной проблеме.

Новый этап развития советского общества, новые черты и особенности союза дружественных классов в условиях развитого социализма нуждаются во всестороннем освещении. В первую очередь необходимо исследовать всесторонне роль рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии в дальнейшем укреплении союза рабочего класса с крестьянством. Необходимо глубокий анализ крепнущих всесторонних связей рабочего класса и крестьянства в условиях развитого социалистического общества.

В кардинальной научной разработке нуждаются такие проблемы, как объективные условия и субъективные факторы дальнейшего упрочения союза рабочего класса и крестьянства в условиях развитого социализма, союз рабочего класса и крестьянства СССР и его международное значение, роль и место рабоче-крестьянского союза в становлении и развитии новой исторической общности людей — советского народа.

Необходима глубокая научная разработка таких проблем, как изменение взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством в связи с реорганизацией МТС; изменения численности и состава рабочего класса и крестьянства и влияние этих изменений на их союз; союз рабочего класса и крестьянства и научно-техническая революция; вклад комсомола, рабочей и студенческой молодежи в укрепление союза рабочих и крестьян; вклад индустриальных рабочих в развитие производительных сил деревни; место и роль сельскохозяйственного отряда рабочего класса в укреплении рабоче-крестьянского союза; история создания и развития аграрно-промышленных комплексов и объединений. По-прежнему актуальной остается проблема шефства города над селом.

В 1967 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», в котором указывалось на необходимость более действенной и всесторонней разработки таких крупных проблем, как повышение роли рабочего класса в социалистическом и коммунистическом строительстве, укрепление союза рабочего класса и крестьянства⁶⁷. Выполняя постановление партии, советские историки внесли заметный вклад в научную разработку указанных проблем. В настоящее время, как представляется, назрела необходимость создания обобщающей работы по истории союза рабочих и крестьян в СССР. Необходимость такой работы обуславливается и задачей популяризации в международном масштабе накопленного в СССР уникального по своему богатству опыта сотрудничества двух дружественных классов в деле построения социализма и коммунизма.

По мере дальнейшего усиления внимания историков к исследованию проблемы рабоче-крестьянского союза растет значение ее историографии. Дальнейшее историографическое изучение этой проблемы необходимо прежде всего для развития самого учения о союзе рабочего класса и крестьянства. Непременным условием творческой разработки проблемы является изучение итогов сделанного, определение перспектив, предстоящих задач.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 58

² Брежнев Л. И. Лениным курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 570.

³ Литература, посвященная проблеме союза рабочего класса и крестьянства до периода развитого социалистического общества, т. е. до конца 50-х годов, не является предметом исследования в настоящей статье.

См., например: Погудин В. И. Проблема союза рабочего класса и крестьянства в советской историографии.— «Вопросы истории», 1970, № 7; Селунская В. М. Советская историография борьбы рабочего класса за социалистическую революцию в деревне.— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1 и др.

⁴ 50 лет Великой Октябрьской со-

- циалистической революции. Документы и материалы. М., 1967, с. 157, 164.
- ⁵ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 38.
- ⁶ Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций. М., 1973. Изд. 2-е. М., 1975; *Касьяненко В. И.* КПСС — организатор строительства развитого социализма. М., 1974 и др.
- ⁷ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 87.
- ⁸ Там же, с. 214.
- ⁹ В последние годы вышел ряд работ, связанных с изучением общества развитого социализма (*Берхин И. В.* Создание развитого социалистического общества. М., 1975; *Бутенко А. П.* Историческое место и основные черты развитого социалистического общества. М., 1972; *Игнатовский П. А.* Развитой социализм: общественно-экономическая динамика. М., 1974 и др.). Уже есть историографические подходы к этой проблематике (*Касьяненко В. И.* Развитой социализм: историография и методология проблемы. М., 1976); *Лельчук В. С.* Социально-экономические проблемы развитого социализма. (К историографии вопроса). — В кн.: Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976, и др.
- ¹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969, с. 77.
- ¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 7. М., 1971, с. 316—322; т. 8, М., 1972, с. 129—142, 332—346, 452—468.
- ¹² *Брежнев Л. И.* Великий подвиг партии и народа. М., 1974, с. 15.
- ¹³ КПСС в резолюциях..., т. 8, с. 502—504.
- ¹⁴ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1971 гг.). М., 1971; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.). М., 1975.
- ¹⁵ *Брежнев Л. И.* Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных земель Казахстана. Речи и доклады. М., 1974.
- ¹⁶ *Алексеев И. И.* и *Криводед В. В.* К вопросу об историографии союза рабочего класса и колхозного крестьянства на современном этапе его развития (1953—1967 гг.). — «Научные труды Краснодарского педагогического института», 1967, вып. 93; *Гусев К. В.* Основные этапы истории союза рабочего класса и крестьянства и ее освещение в советской литературе. — В кн.: Рабочий класс и развитие сельского хозяйства СССР. М., 1969; *Харионов М. Я.* Историко-партийная литература о союзе рабочего класса и крестьянства в строительстве коммунизма. — В кн.: КПСС — политический авангард советского народа. М., 1971; *Яковлев П. Г.* Освещение в советской исторической литературе вопросов шествия города над селом в период коммунистического строительства. — В кн.: Партийные организации Сибири в период строительства социализма и коммунизма, вып. 5. Кемерово, 1971, и др.
- ¹⁷ Основными источниками для выявления послужили «Книжная летопись» и «Летопись журнальных статей» за 1959—1976 гг., в которых рассмотрены рубрики: «Научный коммунизм», «Диалектический и исторический материализм», «История КПСС», «История СССР», «Экономика СССР», «Коммунистическое строительство в СССР», «Труд в СССР», «Промышленность», «Сельское хозяйство» и другие библиографические указатели; Рабочий класс и индустриальное развитие СССР в восьмой пятилетке. 1966—1970 гг. М., 1975; История советской деревни (1917—1967). М., 1975, и др.
- ¹⁸ Учитывалась литература, написанная только на русском языке.
- ¹⁹ *Комогоорцев И. И.* Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959—1965 гг.). Новосибирск, 1971; История рабочих Ленинграда (1703—1965), т. 2 (1917—1965). Л., 1972; История рабочего класса Таджикистана (1917—1970), т. 2 (1945—1970). Душанбе,

- 1973; *Азуюнова М. А.* Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма (1959—1973 гг.). Ташкент, 1974; Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974, и др.
- ²⁰ *Игнатовский И. А.* Социально-экономические изменения в советской деревне (1950—1965 гг.). М., 1966; *он же.* Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971; *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, ч. 2. М., 1974; Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975, и др.
- ²¹ Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.). М., 1969, с. 492, 493.
- ²² Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма. М., 1975, с. 225.
- ²³ Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1969). М., 1970; изд. 2-е, дополн. М., 1973.
- ²⁴ *Воробьев Г. И.* Партийное руководство сельским хозяйством на современном этапе.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2; *Голиков В.* КПСС и подъем сельского хозяйства.— «Коммунист», 1971, № 7, и др.
- ²⁵ *Александров П. А.* Партия и крестьянство.— В кн.: Коммунистическая партия — ум, честь и совесть нашей эпохи. М., 1969.
- ²⁶ *Куликов В. И.* Главная сила Советской власти (XXIII съезд КПСС и дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства). М., 1967.
- ²⁷ Укрепление союза рабочего класса и крестьянства в период крутого подъема сельского хозяйства (1953—1958 гг.). М., 1961; Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе. М., 1962; Борьба КПСС за укрепление союза рабочего класса и крестьянства. М., 1963.
- ²⁸ Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., 1969, с. 326.
- ²⁹ *Богомолов Т. И.* Союз рабочего класса и крестьянства в борьбе за социализм и коммунизм в СССР. Омск, 1971, с. 171—172.
- ³⁰ *Селунская В. М.* Учение В. И. Ленина о союзе рабочих и крестьян и его дальнейшее развитие в новой программе КПСС.— «Вестник МГУ, сер. IX. История», 1962, № 1; *Левина Т. Л.* Развитие марксистско-ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства в Программе КПСС и решениях XXIII съезда партии.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 1; *Курьяев А. К.* Союз рабочего класса и крестьянства. (Исторический опыт и перспективы развития).— «Вопросы философии», 1968, № 2; *Калашников В. Н.* Ленинские идеи о союзе рабочего класса с крестьянством в условиях развитого социализма.— В кн.: Ленинский план построения социализма и его осуществление в СССР. Минск, 1975, и др.
- ³¹ *Окорочков В.* Союз рабочих и крестьян в условиях развитого социализма.— «Коммунист», 1974, № 12, с. 25—26.
- ³² *Арутюнян Ю. В.* В союзе едином — Молот и Серп. Союз рабочего класса и крестьянства в условиях развернутого строительства коммунизма. М., 1963; *Воронцов А. Г., Попов И. А.* Деятельность КПСС по дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства. М., 1974; *Дарчиев И. Д.* Упрочение союза рабочего класса с крестьянством в условиях строительства коммунизма. М., 1974, и др.
- ³³ *Алексеева В. М.* Развитие союза рабочих и крестьян в период перехода к коммунизму. JL, 1967.
- ³⁴ *Ковалевский Б. П.* Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма. 1959—1970 гг. (на материалах Украинской ССР). Киев, 1972; *Мадис Е.* Два класса — цель одна. Таллин, 1974; *Токмурзин У. Т.* Незыблемый союз. (О деятельности Компартии Казахстана по дальнейшему укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма).

- ма). Алма-Ата, 1969; *Алексеев И. И.* Великий союз создатель. Деятельность КПСС по укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства в 1953—1970 гг. (На опыте партийных организаций Северного Кавказа). Краснодар, 1971; *Медников В. П.* Союз, закаленный в борьбе и труде. Барнаул, 1973, и др. См., например: *Мамедов А. Д.* Деятельность Коммунистической партии Азербайджана по укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма. 1959—1970 гг. Автореферат докт. дисс. М., 1975; *Халиль Н. Е.* Деятельность КПСС по дальнейшему упрочению союза рабочего класса и колхозного крестьянства в условиях развитого социалистического общества. (На материалах Кабардино-Балкарской АССР 1959—1970 гг.). Автореферат канд. дисс. М., 1974, и др.
- ³⁶ В отличие от большинства исследователей, укрепление политических основ союза рабочего класса с крестьянством в 1959—1970 гг. всесторонне исследуется в монографии В. И. Ковалевского (*Ковалевский Б. П.* Указ. соч., с. 174—244).
- ³⁷ *Алексеева В. М.* Указ. соч., с. 5.
- ³⁸ *Калашников В. Н.* Рабочий класс в борьбе за укрепление материально-технической базы сельского хозяйства (1959—1965 гг.).— «Ученые записки Чувашского педагогического института». Серия общественных наук, 1967, вып. 26; *Куликов В. И.* Советский рабочий класс и развитие производительных сил деревни (1951—1965 гг.).— От Октября к строительству коммунизма. М., 1967; *Филимонов А. А.* Роль рабочего класса Белоруссии в развитии сельского хозяйства на современном этапе.— Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. М., 1975, и др.
- ³⁹ *Бегиян С. Д., Подкин В. А.* Партийные организации Урала — организаторы шефской помощи сельскому хозяйству (1959—1965 гг.).— «Ученые записки Уральского университета», № 50. Серия истории, 1966, вып. 8; *Казюкин И. С.* Осуществление ленинских идей шефства города над деревней партийными организациями Северного Кавказа в 1965—1968 гг.— «Научные труды Кубанского университета», 1970, вып. 136; *Кузакова В. И.* Осуществление ленинских идей шефской помощи города деревне в условиях развитого социализма.— «Вопросы истории КПСС», 1973, № 5, и др.
- ⁴⁰ *Кузакова В. И.* Указ. соч., с. 88.
- ⁴¹ *Виноградов И. И.* Ведущая роль рабочего класса в подъеме сельского хозяйства СССР.— В кн.: Рабочий класс СССР на современном этапе, вып. 2. Л., 1973, с. 129.
- ⁴² *Спектор П. П., Куликов В. И.* Одна цель двух классов. М., 1967.
- ⁴³ *Дмитренко Т., Кузакова В.* Роль рабочего класса в развитии колхозной деревни (1945—1972 гг.). М., 1973.
- ⁴⁴ *Бегунов А. Е.* Комсомол и молодежь города — селу в годы семилетки. (На материалах Куйбышевской области).— «Научные труды Куйбышевского педагогического института», 1972, т. 111; *Маслин В. П.* Роль и участие комсомола в дальнейшем укреплении союза рабочего класса и крестьянства на современном этапе.— В кн.: Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе. М., 1962; *Немятая Л. Г.* Роль комсомола в укреплении союза рабочего класса и крестьянства. (На материалах Одесской, Николаевской и Крымской областей. 1966—1970 гг.).— В кн.: Ленинский кооперативный план — основа социалистического земледелия. Одесса, 1970.
- ⁴⁵ Славный путь Ленинского комсомола, т. 2. М., 1974, с. 369—370.
- ⁴⁶ Материалы XXIV съезда КПСС, с. 79; Материалы XXV съезда КПСС, с. 84—85; «Правда», 1976, 6 ноября.
- ⁴⁷ См., например: *Бутома Б.* Судостроители — селу.— «Агитатор», 1970, № 18 и др.

- ⁴⁸ Харитонова А. Е. Помощь московских строителей селу на современном этапе строительства коммунизма.— В кн.: Рабочий класс и развитие сельского хозяйства СССР. М., 1969, с. 193.
- ⁴⁹ Некрасова И. М. Помощь рабочего класса в электрификации сельского хозяйства.— Кн.: От Октября к строительству коммунизма. М., 1967.
- ⁵⁰ Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917—1975). М., 1976, с. 6, 277.
- ⁵¹ Мониц З. И., Изюм В. Г., Прудник И. В. Рабочий класс в структуре сельского населения. Минск, 1975.
- ⁵² Кучкина Л. П. Сельскохозяйственные рабочие в условиях развитого социализма.— «Вопросы истории», 1974, № 3; Тонаевская Н. С. Профессиональный состав рабочих совхозов Западной Сибири в 1959—1965 гг.— В кн.: Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972, и др.
- ⁵³ Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма, с. 206.
- ⁵⁴ КПСС в резолюциях..., т. 7, с. 316—322.
- ⁵⁵ Колодин Ф. И. Реорганизация МТС и дальнейшее укрепление колхозного строя Казахстана.— В кн.: Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе. М., 1962; Ольшевская Г. К. К истории реорганизации МТС.— В кн.: Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975; Пуцкова З. С. Реорганизация МТС и новые формы организации производственно-технического обслуживания колхозов.— Там же; Растягин В. М. Реорганизация МТС Тамбовской области.— Там же, и др.
- ⁵⁶ Единственным исключением, пожалуй, является работа И. И. Алексеевко, в которой проблема реорганизации МТС и ее влияние на укрепление союза рабочих и крестьян исследуется наравне с другими проблемами (Алексеевко И. И. Указ. соч., с. 60—70).
- ⁵⁷ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 2, с. 502.
- ⁵⁸ Колесов Н. Д., Овчинников В. Н., Тарасов А. Ф. Аграрно-промышленные комплексы. (Социально-экономические аспекты формирования и развития). М., 1973; Негру-Водэ А. С. Аграрно-промышленное кооперирование в СССР. М., 1975, и др.
- ⁵⁹ Фигуровская Н. К. Аграрно-промышленные комбинаты в историческом развитии.— В кн.: Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973, с. 208, 209.
- ⁶⁰ Бодюл И. И. Социально-экономические отношения в деревне на стадии развитого социализма. М., 1974, с. 209.
- ⁶¹ Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма, с. 217.
- ⁶² См., например: Алексеевко И. И. В. И. Ленин о характере связей между городом и деревней и некоторые вопросы развития союза рабочих и крестьян на современном этапе.— «Научные труды Краснодарского педагогического института», 1968, вып. 99, с. 263.
- ⁶³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 2, с. 407.
- ⁶⁴ Бодюл И. И. Экономические и социально-политические проблемы сближения города и деревни. Кипинев, 1972; Беллев М. М. Некоторые проблемы преодоления противоположности и существенных различий между городом и деревней. (На материалах Северного Кавказа). Грозный, 1972; Недорезова Т. И. Сближение уровня жизни сельского и городского населения. М., 1974, и др.
- ⁶⁵ Ковалевский В. П. Указ. соч., с. 246.
- ⁶⁶ Сеняевский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М., 1973, с. 408—409.
- ⁶⁷ КПСС в резолюциях..., т. 9, с. 342—357.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА

(С. Н. Валк о трудах Татищева)

А. И. Юст

В. Н. Татищев — выдающийся русский ученый и крупный государственный деятель первой половины XVIII в. Круг научных вопросов, привлекавших внимание Татищева, был необычайно широк. В России до М. В. Ломоносова трудно назвать другого человека, которого можно было бы сравнить с Татищевым по энциклопедизму ума, многообразию научных интересов. Нельзя представить достаточно полно историю русской науки и Академии наук в XVIII в. без учета вклада, внесенного Татищевым в развитие не только гуманитарных, но и естественных наук — таких, как геология и палеонтология, горное дело и минералогия. Особенно велико значение его трудов в области истории и вспомогательных исторических дисциплин, географии и картографии, философской и экономической мысли, а также права. Татищев открыл для науки такие замечательные памятники, как Русская Правда, Судебник 1550 г., Книга Большого чертежа. Он обнаружил ранее неизвестные летописи и ввел в научный оборот богатейшие летописные материалы.

Главный труд Татищева — многотомная «История Российская» — справедливо рассматривается советскими исследователями М. Н. Тихомировым, С. А. Рыбаковым, Л. В. Черепниним, С. Н. Валком, С. Л. Пештичем и другими как эпоха, новый крупный этап в развитии русской историографии.

В 50–60-х годах было осуществлено академическое издание «Истории Российской» в семи томах и других сочинений Татищева, его переписки с Академией наук. Все эти публикации и главным образом выход в свет впервые в полном объеме татищевского сочинения по истории России послужили мощным толчком к исследованию научного творчества Татищева, его общей исторической концепции, приемов его работы над источниками, достоверности известных, сообщаемых им в своем труде, особенно в тех случаях, когда источники их неизвестны или не обнаружены до настоящего времени. Новое издание «Истории Российской» вообще оживило интерес к личности Татищева, его государственной

деятельности, общественно-политическим, экономическим и философским взглядам.

Советские ученые достигли больших успехов в изучении творчества Татищева. В издание и исследование научного наследия Татищева большой вклад внес С. Н. Валк.

В качестве одного из редакторов Валк руководил работой по подготовке к печати «Истории Российской» Татищева. В исследовательском плане внимание Валка привлекали следующие проблемы: исторические взгляды Татищева и его приемы работы над историческими источниками, изучение «Истории Российской» в дореволюционной и советской историографии, история создания Татищевым своего знаменитого труда и свода законодательных памятников, влияние исторических воззрений Татищева и его трудов на развитие отечественной историографии. Рассмотрение работ С. Н. Валка, посвященных этим вопросам, и составляет задачу настоящей статьи.

Интерес к научному наследию Татищева возник у С. Н. Валка давно. Но вплотную публикацией работ Татищева и их исследованием Валк занялся примерно с середины 50-х годов. С этого времени и вплоть до смерти С. Н. Валка «татищевская тема» была одной из ведущих в его археографической и научно-исследовательской деятельности.

Впервые Валк рассмотрел исторические взгляды Татищева и его критическое отношение к источникам в статье, опубликованной в 1934 г.¹ Автор подробно характеризует схему развития русского исторического процесса, сформулированную Татищевым в «Истории Российской» (т. I, гл. 45), и указывает, что те же взгляды Татищев развивает в своем философско-публицистическом произведении «Разговор о пользе наук и училищ». Валк вскрывает классовую основу, «социальную подоплеку» этой схемы. Как идеолог дворянства, Татищев обрушивается на «бунты» (т. е. антифеодальные выступления народных масс), подрывающие государство, видит в них «мерзость», в которую редко вмешивались дворяне. В России в них участвовали «более подлость, яко Болотников и Боловня холопы, Заруцкой и Разин казаки, а потом стрельцы и чернь, все из самой подлости и невежества»². Взгляды Татищева Валк рассматривает в тесной связи с развитием европейской историографии, что придает статье еще больший познавательный интерес. С точки зрения методологической важно замечание Валка, что историографические направления, господствовавшие в Западной Европе на рубеже XVII и XVIII вв., были теснейшим образом связаны с классовой борьбой, борьбой буржуазии против феодально-самодержавной монархии. Из представителей западной историографии, выражавших интересы просвещенной монархии и «косвенно связанных с русской историографией», Валк называет Лейбница и Пугендорфа. Подвергнув

анализу их труды и методы работы с источниками, Валк пришел к выводу, что ни у того, ни у другого «мы не найдем более или менее развитой системы взглядов на критику источников»³.

В то же время Татищев, по Валку, довольно четко определил основные критерии достоверности источников. На первом месте по достоверности у Татищева стоят сведения, исходящие от участников событий, и прежде всего от тех, кто играл в них руководящую роль. На втором — от современников, на третьем — от историков, которые извлекли данные «из архив, договоров, уставов или учреждений, письменных и подлинных записок, яко же от людей в те времена и делах участных или довольно сведущих». Историк не может, как летописец, полагаться целиком на предание, ибо для него недостаточно одной памяти. Татищев требует от историка «смысла», т. е. критики сведений, содержащихся в источниках⁴.

Особенно подробно Валк останавливается на вопросе о критическом отношении Татищева к летописям. Критика летописей Татищевым шла по двум линиям: он указывал на тенденциозность летописных версий и на фальсификацию этого источника духовенством. Валк приводит примеры критического отношения Татищева к летописным известиям. В частности, Татищев не верит в подлинность летописного текста о десятине, установленной в пользу церкви Владимиром, аргументируя свои сомнения тем, что «слог новой, мною, папами вымышленной», и тем, что «с мудростью не согласно, чтоб от всех доходов государственных десятое на церковь давать и тем содержанию войск и защите и обороне подданных ущерб учинить». Исходя из собственных взглядов на этот вопрос, законодательства и практики петровского времени, Татищев считает, что доходы церкви должны находиться под контролем государства, дабы они не расходовались «на роскошность, пьянство и блуд или великолешие духовных»⁵.

Валк характеризует также критическое отношение Татищева к другим источникам, особенно нерусским. Обличая тенденциозность этих источников, Татищев указывает, что они содержат всякие выдумки и ложь, оскорбительные для русских⁶. В примечаниях к «Истории Российской» Татищев для критики летописных известий использовал античную и современную ему европейскую литературу, а также источники. В качестве одной из заслуг Татищева Валк отмечает использование им в своем труде исторической географии и вспомогательных исторических дисциплин: хронологии, генеалогии, геральдики и др.

Если в указанной работе Валк рассмотрел главным образом татищевскую схему развития русского исторического процесса и его методы работы с источниками, то в другой статье, опубликованной почти четыре десятилетия спустя, он коснулся схемы развития всемирно-исторического процесса, намеченной Татищевым⁷.

Татищев был хорошо знаком с трудами крупнейших представителей рационалистической философии. Книги «преславных философов» Вольфа, Пуфендорфа, Бейля и других имелись в его библиотеке. В духе рационалистической философии, господствовавшей в Европе, Татищев в основу своего историко-философского построения хода всемирной истории положил идею «умопрояснения», т. е. идейное развитие общества. Именно оно является важнейшим критерием для периодизации истории. Татищев различал четыре этапа в истории человечества: дописьменный период, начало второго этапа связано с «обретением письма», т. е. с возникновением письменности, третьего — с появлением христианства, четвертого — с изобретением книгопечатания.

Валк обстоятельно разбирает аргументы Татищева, приводимые им в обоснование этой периодизации. Огромное значение, по Татищеву, имело возникновение письменности. Во-первых, она была основой для достоверности исторического повествования, во-вторых, она сделала возможным появление книг, в которых историческое прошлое «или учения к нашей пользе представлялись». Наконец, вместе с началом письменности возникает законодательство. Подобно многим политическим деятелям и мыслителям того времени Татищев считал, что законы являются «основным средством монархической власти в деле возведения и изменения общественного строя и быта», отмечает Валк⁸.

Книгопечатание открыло простор для распространения наук и развития просвещения. Общий процесс идейного развития охватил и Россию. Так, указывает Татищев, книгопечатание появилось в России при Иване Грозном, т. е. ненамного позже, чем в Европе.

Чрезвычайно важно для понимания сложности и противоречивости мировоззрения Татищева замечание Валка о «невозможности примирить» общетеоретические, философские построения историка с его общественно-политическими взглядами. Эти противоречия проявлялись в том, что, выступая сторонником просвещения народа, Татищев в то же время утверждал неизбежность крепостничества. Нарисованная Татищевым идиллическая картина новой ступени в развитии всемирного умопрояснения, которая наступила после пришествия Христа на землю, находилась в остром противоречии с его отрицательным отношением к роли церкви и в прошлом и в настоящем. Западная церковь, по словам Татищева, преследовала, подвергала проклятию и казни людей «высокого ума и науки», сжигала «многие древние и полезные» книги. Все это препятствовало развитию наук, вело их к упадку. Еще более резко Татищев ополчался против политического властолюбия церкви, ее стремления доказать верховенство духовной власти над государственной.

В работе Валка дана развернутая оценка татищевской схемы мирового развития. Монархическая схема развития русского исто-

рического процесса, отмечает Валк, Татищевым была получена в наследство от прежней науки, новым в ней было только естественно-правовое обоснование. «В то же время схема, определявшая развитие всемирного исторического процесса как процесса прогрессирующего «всемирного умопросвящения» была новым явлением в истории русской политической и исторической мысли»⁹. Новые идеи, развиваемые Татищевым, являлись отражением умственного переворота, а также политических перемен, происшедших в результате преобразований, осуществленных Петром I в первой четверти XVIII в. в России.

В исторической литературе довольно широко распространено мнение о том, что Татищев в «Истории Российской» является «своего рода последним русским летописцем». Еще в упомянутой статье, опубликованной в 1934 г., Валк высказал сомнение в правомерности подобной точки зрения на характер творчества Татищева. Содержание статьи не позволяло Валку подробно развить свое мнение. Спустя много лет, во время издания «Истории Российской», Валк в специальной работе вернулся к этому вопросу¹⁰.

На основе тщательного изучения рукописей «Истории Российской», переписки Татищева с Академией наук и других материалов Валк пришел к выводу, что общие взгляды Татищева на задачи и характер своего труда в процессе его создания не один раз менялись. В итоге мы имеем не одну, а две существенно различные редакции «Истории Российской».

Вначале Татищев хотел написать свой труд на современном ему литературном языке. Изложение в нем должно было вестись не по годам (как в летописях), «а в порядке событий», т. е. так, как в работах современных ему историков. Именно с таким намерением Татищев и приступил к работе над второй частью своей «Истории», охватывающей период с вокняжения Рюрика до татаро-монгольского нашествия (860—1238 гг.). Следы этой работы не сохранились. Однако вскоре он отказался от первоначального плана. Татищев опасался, что если он будет придерживаться принятого им порядка изложения событий, то фактический материал его «Истории» трудно будет проверить по летописям, тем более что они не сосредоточены в государственных хранилищах и библиотеках, а имеются у многих частных лиц. Отсутствие же возможности проверки его труда может вообще подорвать к нему доверие. Поэтому Татищев решил писать свою «Историю» «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся», т. е. следуя летописям.

Совершенно очевидно, что следование строго летописному изложению исключало возможность для Татищева в тексте своей «Истории» подвергать известия летописей критике, проводить сопоставления русской истории с западной и восточной, давать объяснения и оценку событиям. Все это Татищев мог сделать только в примечаниях. Таких примечаний к первой редакции второй

части «Истории» насчитывается 500 и они составляют более пятой части текста.

Давая оценку характеру проделанной Татищевым работы, Валк полагает, что вряд ли было бы правильным считать Татищева даже в первой редакции второй части «Истории Российской» лишь завершителем летописного периода отечественной историографии. Аргументируя свое мнение, он пишет: «Новыми были здесь мотивы следования летописному типу изложения, совершенно новым был и прием ученого комментирования»¹¹.

В 1746 г. Татищев завершил работу над этой частью «Истории», но она его в настоящем виде уже не удовлетворяла, и он считал, что она теперь пригодна только для хранения в архиве или академической библиотеке. Валк выяснил причины, которые побудили Татищева переработать свой труд и написать его на современном ему литературном языке («в настоящее наречие переложить»), т. е. составить новую редакцию. Татищев решил сделать «Историю Российскую» доступной для читателя, ибо древний язык «не всякому может быть вразумителен». Во второй редакции Татищев по-прежнему сохранил погодное изложение событий, но, перелагая на новое наречие текст, он подверг его значительной перделке. Чтобы сделать текст более выразительным, ярким и усилить его эмоциональное воздействие на читателя, Татищев при переработке привлек дополнительные источники: Степенную книгу, хронографы и другие памятники древнерусской литературы.

Принимая решение о составлении новой редакции своего труда, Татищев исходил также из патриотических соображений. Он неоднократно отмечал, что многие книги зарубежных авторов о России содержат грубые ошибки и «лживыми оскорблениями заполнены». Написание оригинальных трудов по истории и географии Татищев считал одним из важнейших средств борьбы с извращениями прошлого России в сочинениях иностранцев. В частности, он полагал, что его «История» нужна не только русскому читателю, «но и всему ученому миру», что в результате ее издания «неприятелей наших, яко польских и других, басни и сущие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся»¹². Но чтобы «Историю Российскую» сделать доступной «ученому миру», ее надо, считал Татищев, перевести на один из европейских языков. Лишь в этом случае она может оказать воздействие на европейскую историческую литературу и общественную мысль. А это, разумеется, легче и удобнее сделать, когда она будет написана на современном литературном языке, а не на древнем наречии.

Как полагает Валк, Татищеву во многом удалось решить поставленную перед собой задачу. В результате переработки вторая часть его труда (третью и четвертую части Татищев переработать не успел) приобрела «новые черты литературного изложения исто-

рического прошлого России». В ней Татищев предстает и как исследователь (в своих многочисленных комментариях) и как поведствователь. «Поэтому, — заключает Валк, — справедливее считать В. Н. Татищева не столько последним представителем отмиравшей древнерусской летописной историографии, сколько первым представителем возникающего нового типа историографического труда»¹³. Делая этот вывод, Валк опирался также и на труды предшественников. В частности, Л. В. Черепнин в курсе русской историографии, опубликованном в 1957 г. (т. е. ранее статьи Валка), давая оценку «Истории Российской», писал: «Это — новый тип исторического произведения, во многом отличающийся как от летописных сводов, так и от книг Грибоедова, Манкиева и др.». Аргументируя это положение, Л. В. Черепнин указывает, что Татищев поставил «своей задачей не только собрать исторические данные, систематизировать имеющийся в его распоряжении летописный и документальный материал, но и по-новому (конечно, с позиций своего класса, в свете мировоззрения своего времени) дать объяснение исторического процесса, подвергнув при этом критическому разбору источники»¹⁴.

Татищев и русская наука в XVIII в. — одна из важнейших проблем в изучении его научного творчества. Валка эта проблема интересовала применительно к развитию русской историографии. Он задумал серию статей (которые, по-видимому, должны были вылиться в монографию), характеризующих отношение к научному наследию Татищева и его вкладу в развитие исторических знаний в России представителей русской историографии XVIII—XIX вв. К сожалению, Валку не удалось завершить полностью свой замысел, но и то, что он успел сделать, представляет несомненный интерес. Я имею в виду его статьи: «Август Людвиг Шлёцер и Василий Никитич Татищев»¹⁵, ««История Российская» В. Н. Татищева в трудах Н. М. Карамзина»¹⁶ и «Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX в.»¹⁷.

Валк отмечает, что Шлёцер был одним из первых читателей «Истории Российской» и первым в печати высоко оценил ее значение для русской историографии, а также научные заслуги автора. По словам Шлёцера, Татищев является «истинным историческим гением», рожденным для истории своей страны, он был «отцом русской истории». «История Российская» Татищева, писал Шлёцер, — это «знаменитое», «многотрудное», созданное «невероятным трудолюбием» сочинение, «славный памятник удивительного прилежания ее автора»¹⁸. Все это не означает, конечно, что у Шлёцера не было критических замечаний относительно татищевского труда. Так, подчеркивая большое значение частей «Истории Российской», основанных на летописях, Шлёцер резко отрицательно отнесся к первой части (дворянский период), подготовленной по нерусским источникам, в которых Татищев (по Шлёцеру) плохо

ориентировался, так как не располагал необходимой филологической подготовкой, не знал, кроме немецкого, других языков и пользовался плохими переводами.

Особенно интересно замечание Валка, что отношение Шлёцера к Татищеву определялось его общественно-политическими взглядами представителя умеренного немецкого просвещения, сторонника Монтескье и Вольтера. Шлёцер был возмущен горестной судьбой татищевского труда, осуждал людей, преследовавших Татищева и обвинявших его в «ереси» и «политическом вольнодумстве»¹⁹.

В русской историографии Н. М. Карамзин известен как один из самых резких критиков «Истории Российской». Он обвинял Татищева во многих грехах, главный из которых состоял в том, что этот историк выдумывал многие события, ссылаясь при этом на якобы вымышленные летописные источники. Предшественниками Карамзина в критическом отношении к труду Татищева были Шлёцер и М. М. Щербатов. Но первый оказал в этом отношении небольшое влияние на автора «Истории государства Российского», главным вдохновителем его критики был Щербатов. Однако Карамзин в своей обличительной критике пошел, по выражению Валка, «гораздо дальше», чем Шлёцер и Щербатов.

Карамзин был бесспорно прав, отмечает Валк, в своих критических замечаниях по поводу неправильного прочтения Татищевым «летописных рукописных текстов и основанных на этих неправильных чтениях выводов». Однако эти ошибки объясняются условиями, в которых приходилось работать Татищеву. Как правило, он имел дело не с подлинниками летописей, а с копиями, которые тогда не было принято сверять с подлинником, да Татищев и не имел возможности это делать (по долгу службы он многие годы находился вне Петербурга), поэтому ошибки переписчиков становились частью его труда. К тому же к этим ошибкам добавились и другие, допущенные при посмертном издании «Истории Российской». Таким образом, в руках критиков Татищева находился текст, дважды подвергнувшийся искажениям, независимо от воли автора.

Валк указывает, что Карамзину легко было критиковать текст «Истории Российской», потому что он располагал не только целой библиотекой опубликованных летописей, но и рукописными материалами хранилищ, которые доставлялись ему на дом. Ничего подобного не было во времена Татищева. Валк подверг критике утверждение Карамзина о невозможности существования летописей, бывших у Татищева. Это утверждение, свидетельствующее о «самонадеянности» Карамзина, опровергается непрерывными находками новых памятников, замечает Валк²⁰.

Суждения Карамзина длительное время пользовались влиянием среди ученых. Известный знаток русского летописания К. Н. Бестужев-Рюмин писал, что «заподозренная в выдумках Карамзиным

История Татищева долго не пользовалась никаким авторитетом» и лишь позднее вновь стали обращаться к труду Татищева²¹.

Споры о татищевском труде, о достоверности «татищевских известий», вспыхнувшие еще в XVIII в., продолжают донныне. Но теперь они, указывает Валк, поставлены на новую почву. Советские историки смотрят на Татищева не как только на «сводчика летописных текстов (что само по себе являлось бы, конечно, тоже сложным делом), а стремятся понять «Историю Российскую» как итог общественно-политических взглядов, а также представлений о задачах и приемах исторического исследования нашего первого ученого-историка»²².

С. Н. Валку принадлежит статья ««История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии»²³. В ней дан обстоятельный обзор и анализ работ советских и зарубежных авторов о Татищеве, вышедших до середины 60-х годов, причем преимущественное внимание Валк уделяет работам, посвященным истории создания Татищевым своего труда, его историческим взглядам, приемам работы над историческими источниками. Особенно подробно он останавливается на трудах А. А. Шахматова, А. И. Андреева, М. Н. Тихомирова и С. Л. Пештича, отмечая их заслуги в изучении научного наследия Татищева и большое значение проделанной ими работы для подготовки нового издания «Истории Российской».

В этой статье Валк, естественно, не мог обойти и дискуссионных вопросов в изучении творчества Татищева. Со свойственной ему деликатностью, но вполне определенно он высказался против существующих в исторической литературе крайних точек зрения в отношении ряда вопросов, связанных с оценкой научного наследия Татищева: ценность и значение «Истории Российской», достоверность так называемых татищевских известий, приемы работы Татищева над источниками в процессе создания первой и второй редакций своего труда и т. д. В частности, Валк выразил свое несогласие с утверждением Пештича, что Татищев «заведомо фальсифицировал исторические источники в угоду своим общественно-политическим взглядам»²⁴. Поддерживая мнение критиков Пештича, Валк писал, «что в нашем распоряжении нет никаких данных, которые позволяли бы утверждать явную недобросовестность Татищева в тех случаях, когда текст известий «Истории Российской» расходится с текстом источника, которым, бесспорно, в данном случае пользовался Татищев». И далее. «В сведениях о самоотверженном и, можно было бы сказать, даже самозабвенном труде Татищева, который с годами, в особенности в болдинском уединении, становился все в большей мере единственным его жизненным утешением, мы нигде не найдем даже малейших намеков, которые позволили бы нам заподозрить подобный мотив в психологии творчества Татищева»²⁵.

В то же время С. Н. Валк не разделяет точки зрения тех исследователей, которые при оценке «Истории Российской» как источника, говоря словами М. Н. Тихомирова, впадают в другую крайность и готовы придавать «значение чуть не каждому известию в работе Татищева»²⁶.

С. Н. Валк впервые опубликовал татищевские списки Русской Правды²⁷. Во введении к этой публикации он проследил основные стадии работы Татищева над подготовкой к печати Русской Правды, проанализировал имеющиеся списки и дал их оценку, раскрыл общие взгляды Татищева на этот важнейший памятник общественных отношений Древней Руси. В других статьях, опубликованных позднее²⁸, Валк отчасти касался этих же вопросов, главным же образом проследил дальнейшую судьбу татищевского свода законов (включавшего, помимо Русской Правды, Судебник 1550 г. и дополнительные указы к нему) и его влияние на последующие издания и изучение Русской Правды.

Как известно, Татищев открыл для исторической науки Русскую Правду, обнаружив ее в 1737 г. в составе Новгородской первой летописи (так называемый Академический список). Еще ранее, в 1734 г., он приобрел Судебник 1550 г. В силу ряда причин он считал неудобным включить тексты этих замечательных памятников в состав своей «Истории Российской» и поэтому задумал издание свода законодательных памятников и других актовых материалов в четырех томах.

Опираясь на работу Г. Л. Гейерманса²⁹ и собственные разыскания и наблюдения, Валк установил, что Татищев трижды принимался за работу над Русской Правдой и, считая ее в известной мере законченной, разрешал каждый раз снимать с нее копии, которые находились в обращении. Вследствие этого исследователи располагают копией первоначального текста без всяких правок (1738 г.), четырьмя копиями первой редакции (январь 1740 г.) и копией второй, окончательной редакции, относящейся к началу 1750 г.³⁰

Первая редакция включала подготовленный Татищевым к печати текст памятника, перевод его на язык XVIII в., комментарии и две вводные статьи: обращение к читателю, содержащее объяснение состава и значения древних законов, и «Дополнение к древним законам», в котором давалась краткая история денежной системы России.

Проанализировав обе редакции, Валк установил, что вторая редакция Русской Правды коренным образом отличается от первой. Татищев изъясил две вводные статьи и заменил их заново написанным «Предъизвещением». Значительной переработке подверглись и примечания. Татищев переработал на основе текста Новгородской летописи и сам текст Русской Правды, используя также и редакцию 1740 г.

Очень ценны наблюдения Валка над татищевским методом подготовки текста Русской Правды к печати. По Валку, Татищев «отнюдь не считал своей задачей совершенно точную передачу текста», а стремился сделать его возможно более понятным. Отсюда известная модернизация текста, замена некоторых непонятных ему слов другими по его разумению, введение в текст небольших объяснительных вставок, пропуски и т. д.

Так, Татищев без всяких оговорок исключил статью Правды Ярославичей о кровавом муже, поскольку считал, что таковая имеется в Правде Ярослава.

В тексте имеются и ошибки, допущенные переписчиком летописи в 1738 г. А так как Татищев при работе имел дело с копией, а не с подлинником, то он и не мог их поправить, а осмысливал и переводил эти ошибочные слова по-своему. Валк приводит ряд примеров подобной правки текста Татищевым. Так, в копии 1738 г. (а в основе всех редакций Татищева лежит именно эта копия) писец вместо «у хлеба» написал «у хлеба». Татищев же переделал это на «у жита». Или писец вместо «а в смерде и в хо[ло]пе» написал «...и в охоте». Татищев, оставив этот текст без изменения, при переводе осмыслил «в охоте» как «и псаря» и т. п.³¹

Таким образом, текст Русской Правды, подготовленный Татищевым к изданию, значительно отличается от подлинного текста памятника. Говоря об особенностях работы Татищева над изданием древнего свода законов, Валк указывает, что к ним нельзя подходить с меркой современных археографических требований критики текста. Приемы работы Татищева над текстом были характерны для той эпохи. Валк ссылается при этом на опыт итальянских гуманистов, издававших классиков греческой и римской литературы, и на Лейбница, который был не только известным философом, но и историком³².

Высоко оценивая проделанную Татищевым работу, Валк отмечает, что он был «первым, кто взглянул на издание Русской Правды как на научную задачу», обнаружив научную прозрачность и глубокое проникновение в сущность издаваемого источника. В частности, это проявилось в том, что текст Русской Правды Татищев разбил на 34 статьи в первой редакции и 35 — во второй (новая статья о тате — из Ростовской летописи). Это деление в значительной мере воспринято современной исторической наукой. Так, 24 деления на статьи первой редакции совпадают с делениями Русской Правды в академическом издании (М. — Л., 1940)³³.

Валк особо останавливается на трудностях, которые возникли перед Татищевым при комментировании Русской Правды. Объяснялось это и новизной дела (Татищев был первым комментатором Правды) и главным образом отсутствием литературы по истории общественного, государственного и правового устройства Древней Руси. В толковании статей Русской Правды Татищев проявил

крайнюю осторожность. Она выразилась не только в подчеркивании предположительного характера своих суждений, но и в указаниях на существование неясных, непонятных для него мест и терминов Русской Правды. Татищев много работал над своими примечаниями — перерабатывал, сокращал, писал их заново, отказываясь от некоторых первоначальных своих толкований. Валк показал это на примере толкования Татищевым статьи о взимании двойного 80-гривенного штрафа за убийство огнищанина (ст. 19 по академическому изданию Правды). При составлении примечаний Татищев использовал различные источники: летописи, законодательные материалы (в том числе и законодательство современной ему эпохи), лингвистические данные и др. В комментариях Татищев высказывает различного рода догадки и предположения, подвергает текст Русской Правды научной критике³⁴.

Заслуживает внимания соображение С. Н. Валка о том, что тщательное изучение татищевских списков представляет двойкий интерес. Во-первых, анализ текста этих списков (основным источником которых является I Новгородская летопись) может быть использован для выяснения «приемов передачи Татищевым текста древних памятников». Наблюдения в этом плане могли бы послужить, как полагает Валк, «некоторым мерилom для установления степени достоверности тех многих и важных татищевских переложений и изложений древних текстов, для которых мы теперь не можем найти соответствия в известных нам памятниках»³⁵. Во-вторых, эти списки важны для выяснения издавна привлекавшего внимание историков вопроса о значении исправлений или дополнений к тексту Новгородской летописи, заимствованных Татищевым из «Ростовского манускрипта». Изложив соображения ряда историков на этот счет, Валк сочувственно цитирует М. Н. Тихомирова, который считает, что варианты к ст. 16 и 25 Русской Правды, приведенные Татищевым из Ростовской летописи, «очень важны, и так как они соответствуют чтением Пространной Правды (которая Татищеву была неизвестна), то поэтому он не мог сочинить эти варианты. Однако, — добавляет Валк, — если этих вариантов не мог позаимствовать из Пространной Правды Татищев, то их вполне мог усвоить сам компилятор «довольно позднего» Ростовского списка»³⁶. Такого же происхождения, полагает Валк, и ст. 32 о тате, убитом во дворе³⁷.

Касаясь общих взглядов Татищева на Русскую Правду, Валк отмечает, что они происходили из его крепостнически-монархической схемы развития русского исторического процесса. Эти взгляды Татищева отражены в вводных статьях и примечаниях, в его немногих высказываниях о ней в «Истории Российской». Они, как полагает Валк, являются свидетельством его борьбы против идеи народовластия, в данном случае против идеи новгородских вольностей и особенно против так называемых «грамот Ярославлих»,

которые новгородцы рассматривали как гарантию своих вольностей³⁸.

В значительной мере общая концепция русского исторического процесса обусловила и толкование Татищевым происхождения Русской Правды. Татищев был первым историком, доказывавшим древнее происхождение Правды. В «Предъизвещении» ко второй редакции он высказал сомнение по поводу сообщения летописи под 1019 г., что Русская Правда (в первой ее части) составлена при Ярославе и дарована им новгородцам. Он утверждал: «многие обстоятельства достаточно уверяют, что сей закон за несколько сот лет до Ярослава сочинен»³⁹. Этот вывод был одной из опор в последующей борьбе против норманизма. Татищев первый в русской историографии выдвинул идею об общеславянских корнях Русской Правды и противопоставил ее норманистским рассуждениям Байера и Миллера, заключает Валк⁴⁰.

Подготовленные к печати Татищевым законы Древней Руси, его взгляды на происхождение и состав Русской Правды, толкования статей и терминов, общая оценка ее значения имели, по определению Валка, «основополагающее значение» для последующей археологии и историографии этого памятника. Рукописи Татищева были использованы при подготовке публикаций и работ о Русской Правде Штрубе де Пирмонтом, С. Я. Румовским, И. Н. Болтиным и др. Штрубе, член Петербургской Академии наук, профессор юриспруденции и политики, автор первой печатной работы о Русской Правде при переводе на французский язык этого памятника, основывался на труде Татищева. Академик С. Я. Румовский, опубликовавший в 1786 г. в первом томе «Продолжения Древней Российской Вивлиофики» Русскую Правду и Судебник 1550 г., почти полностью заимствовал деление на статьи Русской Правды у Татищева, поместил его текст «Предъизвещения» (опустив только окончание). Он целиком использовал примечания из второй редакции Свода законов Татищева, о чем было прямо сказано на титульном листе издания, и тем самым впервые ознакомил научную общественность с татищевским трудом⁴¹.

И. Н. Болтин в своих взглядах на Русскую Правду в основном следовал Татищеву, с которым у него вообще «было много общего». Но при всем том, замечает Валк, Болтину было присуще и собственное, самостоятельное отношение к этому памятнику и к общественным отношениям Руси, отразившимся в нем⁴².

Академическое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева, предпринятое по инициативе акад. М. Н. Тихомирова, вышло в семи томах (М. — Л., 1962—1968). Первый том был подготовлен под редакцией А. И. Андреева и М. Н. Тихомирова. После смерти А. И. Андреева в 1959 г. М. Н. Тихомиров предложил С. Н. Валку продолжить работу по изданию татищевского труда. Опираясь на свой богатейший и разносторонний опыт публикации памятников

и документов по отечественной истории XII–XX вв., Валк и возглавляемый им коллектив научных сотрудников ЛОИИ (М. П. Ирошников, З. Н. Савельева и др.), пользуясь неизменной поддержкой М. Н. Тихомирова, успешно довели до конца издание «Истории Российской».

В новом издании публикуется научно подготовленный текст татищевского труда по истории России в том объеме, в каком он был задуман автором, т. е. с древнейших времен и до 1613 г. Впервые опубликованы (по сравнению с первым изданием 60–80-х годов XVIII в.) первая редакция второй части «Истории» на древнем наречии и другие труды Татищева по истории России XVI–XVII вв., а также подготовленный им к печати свод законодательных памятников, включающий Русскую Правду, Судебник 1550 г. и дополнительные указы к нему. Здесь не место для обстоятельного разбора нового издания «Истории Российской» В. Н. Татищева. Отметим лишь, что оно получило высокую оценку в нашей стране и за рубежом и прочно вошло в научный оборот. Действительно, это издание является одним из достижений советской археографии и показателем высокого уровня ее развития.

Обстоятельные вводные статьи С. Н. Валка к каждому из томов содержат ценные источниковедческие и археографические наблюдения о происхождении, составе, взаимоотношениях рукописей, использованных при подготовке академического издания «Истории Российской». Здесь же дана оценка первого издания татищевского труда. На основе тщательного анализа рукописей, указаний самого автора, его переписки с Академией наук (опубликованной А. И. Андреевым) Валк проследил историю создания Татищевым его выдающегося сочинения, а также свода законодательных памятников Руси.

Итак, в центре внимания С. Н. Валка были важные вопросы изучения научного наследия Татищева. В числе их исторические взгляды Татищева и его концепция русского исторического процесса, приемы его работы над источниками, достоверность «татищевских известий», т. е. вопросы, по которым имеется большая литература. Но Валк занимался разработкой и менее изученных проблем — таких, как татищевская схема развития мирового исторического процесса, основные этапы работы Татищева над сводом древних русских законов и «Истории Российской», оценка в русской и советской исторической науке источниковедческого и историографического значения этого фундаментального труда. В исследовании этих вопросов С. Н. Валк сказал свое слово. Особенно велики его заслуги в подготовке академического издания «Истории Российской» — труда, имевшего, по определению С. Н. Валка, «основополагающее» значение для русской историографии.

- ¹ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в.— «Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 7—8.
- ² Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887, с. 65—66.
- ³ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в., с. 34.
- ⁴ Там же, с. 35—36; см. также Татищев В. Н. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 83.
- ⁵ Татищев В. Н. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 236.
- ⁶ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 81.
- ⁷ Валк С. Н. О «всемирном умопрояснении» В. Н. Татищева.— В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972, с. 169—176.
- ⁸ Там же, с. 173.
- ⁹ Там же, с. 176.
- ¹⁰ Валк С. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы.— В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, с. 66—73.
- ¹¹ Там же, с. 70.
- ¹² Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 81.
- ¹³ Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы, с. 73.
- ¹⁴ Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957, с. 174.
- ¹⁵ Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975, с. 190—199.
- ¹⁶ Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX вв. Л., 1972, с. 177—184.
- ¹⁷ «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960, с. 123—160.
- ¹⁸ Валк С. Н. А. Л. Шлёцер и В. Н. Татищев, с. 195.
- ¹⁹ Там же, с. 197—199.
- ²⁰ Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в трудах Н. М. Карамзина, с. 180—182.
- ²¹ Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики. СПб., 1882, с. 162—163.
- ²² Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в трудах Н. М. Карамзина, с. 184.
- ²³ Статья помещена в кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 5—29.
- ²⁴ Пештчи С. Л. Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, с. 250.
- ²⁵ Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии.— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. VII, с. 26.
- ²⁶ Тихомиров М. Н. Василий Никитич Татищев.— Историк-марксист», 1940, № 6, с. 43.
- ²⁷ Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды.— В кн.: Материалы по истории СССР, т. V. М., 1957, с. 607—657.
- ²⁸ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в.— «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960; он же. О составе рукописей VII тома «Истории Российской».— В кн.: Татищев В. Н. История Российская, с. VII, с. 38—45.
- ²⁹ Гейерманс Г. Л. Татищевские списки Русской Правды.— В кн.: Проблемы источниковедения, т. III. М.—Л., 1940.
- ³⁰ Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды, с. 612—613.
- ³¹ Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды, с. 618—619.
- ³² Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в.— «Археографический ежегодник за 1958 г.», с. 128—129.
- ³³ Там же, с. 129.
- ³⁴ Там же, с. 130.
- ³⁵ Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды, с. 618.
- ³⁶ Там же, с. 620.
- ³⁷ Там же, с. 621.
- ³⁸ Там же, с. 622.
- ³⁹ Татищев В. Н. История Российская, т. VIII. Л., 1968, с. 277.
- ⁴⁰ Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды, с. 624.
- ⁴¹ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в., с. 130—131, 135—140.
- ⁴² Там же, с. 145.

СООБЩЕНИЯ

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В 1917 Г.

В. Я. Лаврычев

Продовольственная политика российской буржуазии в период между Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциями отражала всю остроту классовых противоречий в стране. Изучение отношения капиталистов к закону о хлебной монополии, изданному Временным правительством в первые дни после Февральской революции под давлением трудящихся масс, уяснение позиции крупнейших предпринимательских объединений в продовольственном вопросе помогают лучше понять общую политическую обстановку в России и классовые позиции буржуазии. Поэтому продовольственная политика привлекала пристальное внимание исследователей, изучавших деятельность буржуазных организаций и партий в 1917 г. В конце 20-х годов этот вопрос обстоятельно рассматривался Я. М. Букшином и З. Лозинским¹. Значительное внимание ему уделяет П. В. Волобуев в вышедшей в 1962 г. обширной монографии об экономической политике Временного правительства². В книге освещается продовольственная политика буржуазии после Февральской революции, показана антинародная направленность этой политики, ее нацеленность даже против той, крайне урезанной хлебной монополии, которую ввело Временное правительство. Однако отдельные заключения П. В. Волобуева, с нашей точки зрения, требуют уточнений. Оценивая ряд проектов организации продовольственного дела, подготовленных крупной буржуазией в августе — октябре 1917 г., П. В. Волобуев утверждает, что она выступала против государственного регулирования и стремилась добиться восстановления свободной торговли. «Суть проекта, — пишет он, характеризуя, в частности, проект Центрального Военно-промышленного комитета, — сводилась к восстановлению свободной торговли хлебом и передаче продовольственной организации в центре и на местах непосредственно в руки капиталистов»³. Действительно, капиталисты хотели взять продовольственное дело в центре и на местах непосредственно в свои руки. Но это совсем не означало восстановления свободы торговли.

Заявления о восстановлении «свободной» торговли содержались и в прессе и в официальных документах предпринимательских организаций того времени. Однако в этих случаях речь по существу идет не о восстановлении свободного, нерегулируемого торгового обмена, а о противодействии возможным попыткам государственных органов осуществлять контроль и регулирование если не помимо монополистов и магнатов финансового капитала, то без достаточного учета (с их точки зрения) их интересов.

Надо при этом учитывать и то, что взаимоотношения между государством и монополиями не сразу приобретали приемлемые для капиталистов формы и характер и в более развитых странах. И там магнаты финансового капитала на первых порах с подозрением и недоверием относились к тем или иным государственным акциям по регулированию народного хозяйства. Они на словах выражали серьезное недовольство в связи с ограничениями коммерческой деятельности или ликвидацией «свободной» торговли. Последнее не мешало им в максимальной степени использовать силу и мощь государственного аппарата для увеличения своих прибылей. В России эти опасения имели еще большие основания, ибо до революции царизм, следуя своей традиционной политике, обнаруживал тенденцию к произвольному вмешательству в экономическую жизнь. После же Февральской революции Временное правительство не могло совершенно игнорировать требования народа и революционно-демократических организаций, направленные к ограничению возрастающих appetитов представителей крупного капитала. Все это заставляло российских капиталистов особенно бдительно относиться к мерам по расширению прерогатив государства в сфере экономики. Естественно, что такой подход был особенно ощутим в деле продовольственного снабжения населения. Оно, с одной стороны, являлось животрепещущей проблемой для народа, а с другой, — источником обогащения капиталистов.

Вся экономическая политика Временного правительства с самого начала ее осуществления была крайне противоречивой и утопичной. В конечном итоге она соответствовала интересам господствующих классов. Однако, не имея возможности совершенно пренебрегать требованиями широких народных масс, правительство декларировало ряд ограничительных мер (в том числе и при проведении хлебной монополии), которые в какой-то степени ущемляли отдельные и частные интересы крупного капитала, угрожали ослабить его позиции. В капиталистической стране осуществлять бюрократический государственный контроль, не опираясь в полной мере на крупный капитал, было невозможно. Альтернативой мог быть лишь всеобъемлющий рабочий контроль, являющийся шагом к социалистическим преобразованиям. Временное правительство и поддерживающие его мелкобуржуазные

партии отвергли этот путь. Тем самым они обрекали себя на построение искусственных и эклектичных, бюрократических и нежизнеспособных схем организации государственного контроля.

Попытки при введении хлебной монополии ориентироваться на кооперативы, не способные выполнять такую сложную задачу, в известной степени приводили к ущемлению могущества всесильного торгового аппарата, державшего запасы продовольствия на местах под своим контролем. Показательно при этом, что шумная кампания против правительственной хлебной монополии, проводимая капиталистами и их организациями, на деле не препятствовала торговой буржуазии сотрудничать с продовольственными органами Временного правительства в центре и на местах. Особуполномоченный Министерства продовольствия по заготовке хлеба и фуража В. Н. Башкиров весной 1917 г. признавал, что опытные специалисты хлебного дела из числа торговцев работают в качестве контрагентов под контролем губернских, уездных и волостных продовольственных комитетов⁴. По данным одного из руководителей Московской хлебной биржи Н. Е. Жукова, созданная московскими хлебными торговцами организация «Сапомол» за первые два месяца после революции для нового продовольственного комитета заготовила и перевезла более миллиона пудов хлеба. В целях расширения своих операций в связи с необходимостью обслуживать хлебную монополию Московская хлебная биржа создала более широкую организацию «Продоснабжение»⁵.

Капиталисты не доверяли продовольственным органам, в которых находились представители демократических организаций и которые испытывали постоянное давление со стороны народных масс. Буржуазия стремилась ликвидировать всякую возможность вмешательства в свои «внутренние» дела. Для решения этой задачи она еще располагала достаточно сильными позициями, сохраняя уверенность, что без ее средств, аппарата и связей правительство, боявшееся развития инициативы широких масс трудящихся, не сможет обеспечить продовольственного снабжения населения и армии. Усиливающийся напор буржуазных организаций predetermined дальнейшую капитуляцию эсеро-меньшевистских лидеров перед буржуазией (согласие на передачу продовольственного дела непосредственно в руки предпринимательских организаций, привлечение частных коммерческих банков к финансированию закупочной операции, повышение твердых цен и пр.). Добиваясь расширения своего участия в реализации хлебной монополии, при отрицательном в принципе к ней отношении, капиталисты продолжали осуществлять тактику «троянского ко-ня». Стремясь восстановить и укрепить свои позиции в продовольственном деле, они всячески дискредитировали идею существующей хлебной монополии, представляя ее главным виновником ими же организованного голода⁶.

Продовольственный вопрос приобретал политическое звучание не только потому, что угрозой голода буржуазия пыталась отпугнуть массы от социалистической революции, но и потому, что полное подчинение буржуазии аппарата снабжения продовольствием в центре и на местах означало укрепление ее политических позиций. Борьба, следовательно, идет не за «свободу» торговли, а за руль государственного регулирования снабжения продовольствием — ключевое звено всей экономики России в период войны. В конечном итоге, несмотря на заявления о свободе торговли, все предпринимательские организации как петроградские, так и московские стали добиваться установления еще более антидемократических, реакционных форм государственного контроля и регулирования, осуществление которых с полным основанием можно рассматривать как проявление корниловщины в сфере экономики. При обосновании своих притязаний представители капитала не забывали лишний раз указать на необходимость более широкого использования частного торгового аппарата при сборе хлеба нового урожая. Так, Центральный ВПК в докладной записке министру продовольствия от 4 июля 1917 г. настойчиво доказывал, что «надлежит немедленно рекомендовать продовольственным комитетам в широкой степени пользоваться готовым налаженным торговым аппаратом, привлекая его на коммиссионных началах»⁷. После ликвидации двоевластия Временное правительство поспешило удовлетворить эти домогательства. Уже 27 июля в циркуляре губернским продовольственным комитетам Министерство продовольствия указывало на необходимость и целесообразность привлечения к заготовке продовольствия торгово-промышленных фирм. В циркуляре осуждалась позиция некоторых продовольственных комитетов, уклонявшихся от заготовки хлеба через частный торговый аппарат, указывалось на важность проведения соответствующей разъяснительной работы среди населения⁸. Однако эти полумеры теперь уже не удовлетворяли крупную буржуазию и ее организации. Общие принципы участия предпринимательских организаций в государственном контроле над продовольственным делом рассматривались Всероссийским союзом торговли и промышленности, созданным московскими капиталистами в начале июля 1917 г. Руководители этого союза (П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков и др.) предлагали противопоставить кооперативам организацию крупных предпринимателей, которая должна была осуществлять деловой контроль за торговой деятельностью в центре и на местах. При этом условии, обеспечивающем капиталистам решающие позиции в распределении продуктов и товаров, руководители союза не возражали против контроля государства. П. П. Рябушинский, например, заявлял: «Мы, конечно, ничего не имеем против того, чтобы верховенство контроля было в руках правительства»⁹. Петербургские финансово-промышлен-

ные круги тоже признавали, что «не представляется страшным даже далеко идущее вмешательство в промышленную жизнь», если «власть сумеет стать выше отдельных классовых интересов»¹⁰. Речь в первую очередь шла о противодействии пролетарским требованиям рабочего контроля.

Проекты организации продовольственного дела опирались на эти исходные положения. В принятой 5 августа 1917 г. резолюции II Всероссийского торгово-промышленного съезда о существующей хлебной монополии последняя осуждалась как «мера антигосударственная». Съезд потребовал перейти «на новые пути» организации продовольственного дела в стране¹¹. Капиталисты настаивали на передаче всего продовольственного дела в руки торгово-промышленных союзов, биржевых комитетов, хлебозакупочных кооперативов и крестьянских товариществ и союзов «на принципах полного их равноправия». В действительности, разумеется, ни о каком равноправии не могло быть и речи. Капиталисты опирались на силу денежного мешка, развитые коммерческие связи и давно сложившийся торговый аппарат. Поэтому они допускали чисто внешний и поверхностный контроль правительственных органов и даже общественного самоуправления. Им важно было остаться реальными хозяевами в «своем» деле¹².

Идеи, одобренные съездом, получили развитие на совещании представителей банков, торговцев хлебом и мукой. Здесь уже определялись некоторые детали организации продовольственного дела. Руководство центральными и местными органами по продовольственному делу передавалось представителям торговой буржуазии. Закупка хлеба должна была осуществляться по фиксированным, но гибким районным ценам¹³.

В буржуазной прессе и в публичных выступлениях капиталистов и в это время все еще высказывались сожаления в связи с ограничениями «свободы» торговли. Они прикрывали проведение нового плана организации продовольственного дела, который готовился и проводился закулисно, тайком от народа. В. И. Ленин, характеризуя развал продовольственного дела, писал в первой половине сентября 1917 г.: «Получается топтанье на месте и неудержимый рост развала, приближение катастрофы, ибо по-корниловски, по-гинденбургски, по общему империалистскому образцу ввести военной каторги для рабочих наше правительство не может — слишком еще живы в народе традиции, воспоминания, следы, навыки, учреждения *революции*; а сделать действительно серьезные шаги по пути революционно-демократическому наше правительство не хочет, ибо оно насквозь пропитано и сверху донизу опутано отношениями зависимости от буржуазии, «коалиции» с ней, боязнью затронуть ее фактические привилегии»¹⁴. Разговоры о «свободной» торговле позволяли скрывать готовящееся в недрах канцелярий дальнейшее расширение привилегий

буржуазии. Представителей крупного капитала в их поползновениях не могли не вдохновлять такие акции правительства, как телеграмма министра-председателя А. Ф. Керенского губернским продовольственным комитетам, которой категорически предписывалось к закупке продовольствия «привлечь организации местной торговли, мукомолья и отдельные солидные фирмы наряду с кооперативами»¹⁵.

В сентябре 1917 г. вопрос о существующей хлебной монополии, в связи с явно обнаружившейся тенденцией в правительственных кругах к ее отмене, обсуждался неоднократно. 2 сентября орган Совета съездов промышленности и торговли выступает с передовой статьей, в которой содержалось требование «восстановления» свободной торговли и «воссоздания прежнего торгового аппарата». Однако выдвигаемый журналом план организации продовольственного дела предполагал введение института государственных уполномоченных, опирающихся на «торговый класс», сохранение только что удвоенных твердых цен, корректируемых по районам с учетом местных условий, и реквизицию хлеба¹⁶. 11 сентября 1917 г. совещание хлебных специалистов при продовольственном отделе Центрального ВПК, высказав ряд резких критических замечаний, приняло решение о подготовке записки об основах изменения закона о хлебной монополии. Совещание определило четыре положения, которые следовало положить в основу записки: 1. Во главе продовольственного дела должны стоять «специалисты». 2. Все дело сбора хлеба и распределения должно вестись через торговый аппарат. 3. Допустимость реквизиций в случае отказов от продажи хлеба. 4. Сохранение максимальных цен при закупке хлеба в качестве переходной меры к свободе торговли¹⁷.

22 сентября 1917 г. министр финансов и министр продовольствия на совещании с представителями банков просили последних дать ответ об условиях помощи банков при закупках продовольствия и о желательных изменениях в законе о хлебной монополии и пр. В связи с этим предложением 26 и 28 сентября состоялось совещание представителей частных коммерческих банков по продовольственному вопросу под председательством Я. И. Савича (Международный банк)¹⁸. Разработка вопроса и подготовка ответа были поручены Бюро специалистов по хлебному делу Центрального ВПК. Вскоре Бюро представило проект заявления министрам и предложения по изменению закона о хлебной монополии. Вся заготовка хлеба передавалась в руки союзов хлеботорговцев, закупувших его на условиях нормального договора с уполномоченными Министерства продовольствия, назначаемыми из числа лиц, опытных в хлебном деле и указанных биржевыми комитетами и прочими предпринимательскими организациями. Закупочные цены на местах назначались уполномоченными. Весь

закупленный хлеб поступал в их распоряжение. Он сдавался по заготовительной стоимости с выплатой накладных расходов и комиссионного вознаграждения. При местных уполномоченных и особоуполномоченном, возглавлявшим всю эту организацию, предлагалось создать советы «в составе представителей хлеботорговых организаций и лиц, опытных в хлебной торговле». Советы должны были рассматривать и разрешать все вопросы, связанные с заготовкой хлеба¹⁹. 4 октября эти материалы обсуждались на совещании представителей банков. Особенно ожесточенным нападкам записка подверглась за непоследовательность при устранении твердых цен (А. Л. Рафалович). Раздавались голоса и против создания местных продовольственных органов. Однако записка не подверглась существенным дополнениям и изменениям. Представители банков не хотели, видимо, осложнять обстановку и решили воспользоваться растерянностью в правительственных сферах. На это достаточно откровенно указывал Савич. «Голос этих кругов, — заявлял он, имея в виду воротил банковского капитала, — должен быть выслушан с тем большим вниманием, что в правительственной среде чувствуется растерянность и имеется несомненное желание привлечь к делу заготовки хлеба торговый аппарат и настоять на невмешательстве в его деятельность местных организаций». 9 октября от имени Центрального ВНК, Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, Совета съездов представителей промышленности и торговли записка была вручена министру продовольствия²⁰.

Параллельно с петроградскими банковскими кругами свою позицию в продовольственном деле определяли и конкретизировали московские капиталисты и связанные с ними предпринимательские организации.

Детальной разработкой плана, одобренного II Всероссийским торгово-промышленным съездом, Всероссийский союз торговли и промышленности занялся уже после краха корниловской авантюры. На заседании Совета союза 2 сентября 1917 г. состоялось решение о реорганизации отдела по хлебной торговле. Комиссии, созданной для этой цели, поручалось также обсуждение вопроса «об участии торгово-промышленного класса в деле снабжения населения страны продовольствием»²¹. 10 сентября, вернувшись к рассмотрению этого вопроса, Совет признал, что «настоящее положение грозит стране полным голодом», что «к делу снабжения страны продовольствием необходимо привлечь торговый аппарат». На Совете было высказано мнение, что «торгово-промышленный класс может взять на себя всю ответственность в этом деле лишь при условии, если правительство предоставит ему право закупать хлеб по свободным ценам». Руководители союза признали далее, что «торгово-промышленному классу необходимо приступить к планомерной подготовке к делу распределения продовольствия и

привлечению к этому делу местных торгово-промышленных организаций, организаций мукомолов и др.». В журнале заседания Совета далее указывалось: «Для более полного освещения этого вопроса было признано желательным разработать особый доклад в виде исторического изложения хлебной монополии с точными цифровыми данными»²².

Итогом многочисленных обсуждений была докладная записка, которую Совет Всероссийского союза торговли и промышленности в начале октября 1917 г. направил в Министерство продовольствия и в Экономическое совещание при Временном правительстве. Текст записки для информации был разослан и в местные торгово-промышленные комитеты. В записке излагался план организации продовольственного дела, важнейшие элементы которого совпадали с предложениями петроградских бабковских кругов. Московские капиталисты также добивались упразднения местных продовольственных комитетов и передачи регулирования торговли продовольствием в руки «особых уполномоченных из числа лиц, опытных в хлебном деле», т. е. самих торговцев. Последние должны были организовать заготовку продовольствия по преимуществу через частный торговый аппарат. Уполномоченные назначались Советом главноуполномоченного, опять-таки составленного из «знатоков» хлебной торговли. Всеми операциями по закупке хлеба в стране руководил главноуполномоченный, действующий на правах товарища министра продовольствия. Он также назначался из числа лиц, «опытных в хлебной торговле». Местные уполномоченные должны были поручать закупку продовольствия кооперативам, мукомолам, союзам хлеботорговцев и отдельным торговым фирмам на условиях «нормального договора». Заготовка предполагалась по ценам, устанавливаемым уполномоченным и утверждаемым Министерством продовольствия для того или иного района. Весь закупленный хлеб поступал «в распоряжение правительства по заготовительной стоимости с прибавлением накладных расходов и комиссионного вознаграждения, согласно условиям нормального договора»²³.

Проекты московских и петроградских финансовых групп можно считать идентичными по содержанию документами, ибо расхождения между ними совершенно незначительны. Это объясняется тем, что при подготовке их оба центра обменивались информацией и, видимо, предварительно согласовывали свои позиции. На пленарном заседании отдела по хлебной торговле Всероссийского союза торговли и промышленности 7 октября отмечалось, например, совпадение позиции отдела с позицией Бюро хлебных специалистов при Центральном ВПК. Отдел одобрил общие положения записки петроградских финансистов, «в основу которой легло признание необходимости хлебной правительственной регулировки»²⁴.

Если планы петроградских финансовых кругов совпадали с проектами московских капиталистов, то это не означало, что продовольственный вопрос был близок к решению. И дело здесь совсем не в том, что они могли встретить какое-то противодействие во Временном правительстве. Осуществление их требовало полного единодушия всех буржуазных организаций. Оно, однако, отсутствовало. В продовольственном деле назревала борьба группировок, которая не успела получить развития и завершения, ибо Великая Октябрьская социалистическая революция разрешила продовольственный вопрос на принципиально иной основе.

Что же касается отношения Временного правительства к представленным проектам, то оно достаточно хорошо было известно в заинтересованных организациях. Российские капиталисты были уверены, что оно удовлетворит их домогательства. Еще 24 сентября газеты оповестили о правительственных планах привлечения к продовольственному делу частного торгового аппарата. Даже широкоэшелонные заявления Временного правительства о введении государственного контроля не могли теперь испугать крупную буржуазию²⁵. Не было сомнений и по поводу принципов организации продовольственного дела, хотя чиновники Временного правительства все еще пытались прикрыть свою капитуляцию перед предпринимательскими организациями заявлениями об особой роли кооперативов в заготовке продовольствия. В комиссии Министерства продовольствия по выработке мер, обеспечивающих наиболее интенсивную заготовку продуктов, заседавшей в сентябре 1917 г., никто не ставил под сомнение большого значения кооперативов в этом деле. В конечном же итоге все члены комиссии пришли к единодушному выводу, что «в интересах широкой постановки закупочных операций, где работа кооперативов недостаточна, торговый аппарат должен быть использован полностью»²⁶.

Временное бюро отдела по хлебной торговле Всероссийского союза торговли и промышленности 9 октября 1917 г. признало необходимым приступить к организации хлебных отделов при местных торгово-промышленных комитетах²⁷. На основании этого решения председатель отдела В. Петров 12 октября направил в местные организации циркулярное письмо. В письме выражалась уверенность, что «Временное правительство, согласно своего циркулярного постановления от 28 августа за № 14976, вероятно, удовлетворит это ходатайство и торгово-промышленному классу придется взять на себя крайне трудное и испорченное дело заготовки хлеба». Отдел далее считал необходимым указать, что «торгово-промышленный класс должен действовать организованно, по единому плану», что «местным торгово-промышленным комитетам необходимо организовать хлеботорговые отделы, если таковые отсутствуют, и сообщить хлеботорговому отделу в Москве, какие организации, фирмы и отдельные лица намечены местным комитетом

для привлечения в дело заготовки хлеба». Все эти мероприятия предлагалось «выполнить срочно, дабы в случае удовлетворения нашего ходатайства возможно было бы тот час же приняться за планомерную и продуктивную работу по хлебной заготовке»²⁸.

Таким образом, новый еще более антидемократический проект организации продовольственного снабжения, который намечался и начинал осуществляться перед Великой Октябрьской социалистической революцией, по существу подчинялся задаче организации голода трудящихся масс с целью удушения революционного движения. Экономическая политика Временного правительства (в продовольственном вопросе, в частности) призвана была обеспечить общий политический курс на установление в стране контрреволюционной диктатуры. Сущность позиции крупной буржуазии после ликвидации двоевластия определяется не отказом от государственного регулирования и требованиями «свободы» торговли, а стремлением использовать это регулирование в целях укрепления своего положения, в интересах борьбы против революционного пролетариата.

¹ Букипан Я. М. Военно-хозяйственная политика. М.—Л., 1929; З. Лозинский. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929.

² Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

³ Там же, с. 437.

⁴ «Торгово-промышленная Россия», 1917, № 2, с. 6.

⁵ Там же, с. 3—4.

⁶ Волобуев П. В. Указ. соч., с. 404—444.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 23, л. 213.

⁸ «Известия по продовольственному делу», 1917, № 3 (34), Официальный отдел, с. 34.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 3631, оп. 1, д. 1, л. 18—21.

¹⁰ Фрейдлин Б. Временное правительство и предприниматели.— История пролетариата СССР, сб. 12. М., 1932, с. 68.

¹¹ Волобуев П. В. Указ. соч., с. 411.

¹² «Утро России», 1917, 6 августа.

¹³ Волобуев П. В. Указ. соч., с. 415.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 182.

¹⁵ «Известия по продовольственному делу», 1917, № 3 (34), Официальный отдел, с. 31.

¹⁶ «Промышленность и торговля», № 32—33 (264), 1917, 2 сентября, с. 111—113.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 13251, оп. 7, д. 7, л. 7а—7б.

¹⁸ Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 255, оп. 1, д. 659, л. 41—42.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 13251, оп. 40, д. 140, л. 4—7.

²⁰ Там же, оп. 7, д. 6, л. 12, 17—18, 20—22.

²¹ Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967, с. 259.

²² ГИМ, ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 41, л. 71.

²³ Лаверычев В. Я. Указ. соч., с. 259—260.

²⁴ Там же, с. 260.

²⁵ Фрейдлин Б. Указ. соч., с. 69—70.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 1, д. 55, л. 8—9.

²⁷ Лаверычев В. Я. Указ. соч., с. 260—261.

²⁸ ГИМ, ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 44.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА КАВКАЗ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Д. Исмаил-Заде

В первые пореформенные десятилетия наблюдается приток значительных масс крестьянского населения из различных губерний России на Северный Кавказ. Несколько позже, с конца XIX в., миграционные потоки русского и частично украинского и белорусского населения направились в районы Закавказья, а также Черноморской губернии. Переселенческое движение становится одним из основных каналов формирования и развития среди многонационального населения Кавказа указанных национальных групп, сыгравших значительную роль в хозяйственной, социально-экономической, политической и культурной жизни края.

Вопрос о переселенческом движении, достаточно хорошо изученный в советской историографии в отношении Сибири, Средней Азии и Казахстана¹, применительно к Кавказу является одним из малонисследованных². В связи с отсутствием обобщающих работ по истории переселения на Кавказ наиболее целесообразным представляется освещение одного из аспектов этой проблемы — переселенческой политики царизма на Кавказе в конце XIX — начале XX в.

Хронологически статья охватывает главным образом тот период во внутренней политике царизма, когда взаимосвязь между переселенческим вопросом и аграрным курсом правительства стала очевидной. Как известно, к 80-м годам XIX в. относится формирование переселенческой политики и первые шаги по ее реализации. Будучи по своему содержанию неоднозначной, тем не менее до революции 1905—1907 гг. она отражала в основном дворянско-крепостнические интересы³. Лишь с изданием переселенческого закона 6 июня 1904 г. наступает новый этап в переселенческой политике царизма. Правительство, вынужденное начать пересмотр своей аграрной программы, изменило и свое отношение к переселенчеству.

В свете сказанного более конкретная задача статьи заключается в том, чтобы определить содержание и характер переселенческой политики правительства на Кавказе в конце XIX — начале

XX в. (до закона 6 июня 1904 г.). При этом важно обратить внимание как на ее местную специфику, так и на основные моменты, присущие переселенческой политике правительства в масштабе всей страны.

Как уже отмечалось, колонизация^{3а} территории Кавказа совершалась разновременно.

На более раннем этапе заселялись районы степного Предкавказья⁴. Из всего населения степного Предкавказья, насчитывавшего в 50-х годах XIX в. свыше 740 тыс. человек, линейные и черноморские казаки составляли большинство — 432 тыс., или 58%, затем следовали государственные крестьяне — 172 тыс., или 23%, и, наконец, помещичьи крепостные — около 17 тыс., или 2%; кочевников насчитывалось 88 тыс., или 11%⁵.

Начало переселения в Закавказье относится к 30-м годам XIX в.

В 1830 г. было разрешено переселение сюда раскольников и сектантов⁶. С утверждением этого указа прекращалось переселение их в Новороссийский край, ранее служивший основным местом их ссылки на юге России. Последующими законодательными актами — 1837⁷, 1848⁸ и 1849 гг.⁹ — правительство расширило права раскольников и сектантов и уравнило их с категорией государственных крестьян, переселявшихся из внутренних губерний России¹⁰. Однако численность раскольников и сектантов, как впрочем и всего русского населения в Закавказье, оставалась незначительной.

Согласно данным отчета экспедиции государственных имуществ при Главном управлении Закавказского края за 1854 г., русских переселенцев, расселенных в 56 селениях, насчитывалось 3680 семей. По отношению ко всему местному населению, находившемуся в ведомстве государственных имуществ (194 611 дымов), это составляло 1,9%. Основная масса русского населения состояла из старообрядцев и сектантов — 3524 семьи (50 селений и 297 семей, расселенных в городах)¹¹.

Освоение Западного Кавказа — Черноморского побережья — началось в основном лишь в пореформенное время после завершения военных действий на Кавказе. Создание Черноморского округа и утверждение Положения о его заселении (1866 г.)¹² открывало дорогу для переселения в эту часть территории Кавказа, хотя еще раньше, после заключения Адрианопольского мирного договора (1829 г.), был создан ряд военных крепостей на Черноморской береговой линии¹³.

Таким образом, если переселение в Закавказье было невелико, то Северный Кавказ уже в дореформенный период стал приближаться к тем местностям России (Новороссия, Нижнее Поволжье с Южным Предуральем), которые были охвачены довольно интенсивной иммиграцией. Сибирь, превратившаяся впоследствии в один

из основных районов крестьянского переселения, занимала в этот период незначительное место в общем переселенческом потоке: первые партии государственных крестьян были отправлены туда лишь в начале 50-х годов¹⁴.

Следует также упомянуть о попытках привлечения иностранных колонистов, которые были предприняты правительством для освоения Кавказа с начала присоединения различных его территорий к России. Так, в районы Степного Предкавказья были переселены в незначительном количестве шотландские миссионеры и немецкие колонисты. К концу 40-х годов XIX в. всех иностранных колонистов насчитывалось в Предкавказье 2424 человека, расселенных в колонии Каррас (у горы Бештау), а также в других пяти населенных пунктах Ставропольского и Пятигорского уездов¹⁵.

К 1818 г. относится начало возникновения немецких колоний в Закавказье, главным образом, на территории Тифлисского и Елисаветпольского уездов Тифлисской губернии. Однако численность их также была незначительной: к середине XIX в. насчитывалось 8 немецких колоний (впоследствии была создана еще одна), в количестве 538 семейств (2742 человека)¹⁶.

Иностранная колонизация в Закавказье не получила дальнейшего развития, речь шла о малочисленных партиях, и динамика численности иностранных колонистов определялась главным образом естественным приростом.

По мере усиления русского влияния на Северном Кавказе и оживления экономической жизни Предкавказья начинается переселение сюда армянского населения. По данным на 1804 г., в Кавказской области насчитывалось 6916 армян и грузин, проживавших в городах Кизляре и Моздоке, а также в сельских местностях Кизлярского и Моздокского уездов¹⁷.

Особенно усилилось армянское переселение в связи с успешным завершением русско-персидской (1826—1828 гг.) и русско-турецкой (1828—1829 гг.) войн. Туркманчайский мирный договор 1828 г., окончательно оформивший присоединение Восточной Армении к России, содержал специальную статью (XV), непосредственно касающуюся переселения армян на территорию Нахичеванской и Эриванской областей¹⁸. Появление в договоре этой статьи было обусловлено стремлением армянского населения освободиться из-под иранского ига и воссоединиться с населением Восточной Армении в составе Российского государства. Вскоре после вступления русских войск на территорию Южного Азербайджана к И. Ф. Паскевичу начали обращаться депутаты от армян и греков с просьбой о переселении их в провинции, принадлежащие России¹⁹. Россия с готовностью оказала помощь населению, пожелавшему переселиться в ее пределы. Хорошо известна деятельность А. С. Грибоедова, проявившего много энергии по репатриации ар-

мян вопреки препятствиям, чинимым со стороны иранского правительства и английской миссии²⁰.

Кавказской администрацией были разработаны меры по репатриации христианского (армянского и греческого) населения²¹. В результате русско-иранской войны более 8 тыс. семей²² в количестве свыше 40 тыс. человек переселились из Ирана в Восточную Армению²³. После же русско-турецкой войны в пределы Восточного Закавказья переселилось более 14 тыс. семей армян и частично греков, всего около 90 тыс. человек²⁴.

Завершая общую характеристику переселения на Кавказ в дореформенный период, следует отметить, что по своему характеру для различных районов оно не было однородным.

Для Северного Кавказа была свойственна главным образом военно-казачья колонизация и в меньшей степени — крестьянская. Царское правительство отдавало предпочтение военно-казачьей колонизации. Крестьянскую же иммиграцию правительство сперва старалось всячески регламентировать, хотя уже начиная со второй трети XIX в. поток крестьян-переселенцев (главным образом государственных) в районы Предкавказья постепенно возрастал. Здесь прослеживается известная аналогия с тем, как происходило переселение в Среднюю Азию и Казахстан на первых этапах присоединения их территорий к России (Семиреченская обл.), где военно-казачья колонизация стала сочетаться с крестьянской лишь с конца 60-х годов XIX в.²⁵

Что касается Закавказья, то переселение сюда совершалось медленно и в основном за счет ссылки раскольников и сектантов.

С начала пореформенного периода Кавказ (главным образом, район Предкавказья) становится одним из основных районов переселения крестьян из внутренних губерний России, хотя в русском законодательстве вплоть до 1881 г. не было общих правил, определявших порядок переселения крестьян. Исключение составляло «Положение» 19 февраля, но и оно признавало право на переселение лишь за незначительной частью крестьян, которые не получили надела по реформе 1861 г. В целом же правительство крайне отрицательно относилось к переселению крестьян, сохранив уголовные меры наказания не только за переселение, но и даже за подготовку к нему без разрешения²⁶. Тем не менее после реформы 1861 г. в Кубанскую область устремилось большое количество крестьян, привлекаемых слухами и легендами о неведомой стране²⁷. Быстрому освоению этой области способствовала политика государства, которое было заинтересовано в скорейшем заселении Северного Кавказа в связи с окончанием Кавказской войны. Именно так и была сформулирована цель «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» 10 мая 1862 г.²⁸ Примечательно, что «Положение» открывало путь к заселению области не

только лицам казачьего сословия, хотя им и отдавалось преимущество, но и государственными крестьянами. Общая численность переселенцев из состава Кубанского войска определялась в 12 562 семьи (казачьих и офицерских). Контингент переселенцев из государственных крестьян должен был составить примерно 2 тыс. семейств. Переселение предполагалось осуществить в течение шести лет (§ 6). Ежегодно же по распоряжению Министерства государственных имуществ предусматривалось переселять от 300 до 500 семей государственных крестьян с соблюдением нормы — не менее 2 душ м. п. в каждой семье (§ 34). Кроме того, независимо от Министерства государственных имуществ, командующему войсками Кубанской области разрешалось принимать желающих переселиться как из государственных крестьян, так и из других категорий населения (так называемых «охотников»). Их переселение должно было происходить на следующих условиях: если они изъявят желание поступить с потомством в Кубанское казачье войско, будут иметь не менее 2 душ м. п. на семью и представят паспорта и увольнительные от обществ и местного начальства (§ 39). Что касается земельного обеспечения переселенцев всех категорий, то были установлены разные нормы: от 25 до 50 дес. удобной земли — офицерским семьям и от 5 до 10 дес. — каждой семье урядника, казака и представителя любого другого сословия (§ 67). Однако для переселенцев-охотников частное землевладение было ограничено запретом отчуждать эту землю лицам невоинского сословия впредь до особого распоряжения (§ 72). Но вместе с тем, в законе содержался пункт (§ 106), дававший иностранцам²⁹ возможность поселяться в станицах на правах постоянных (оседлых) жителей. Это означало предоставление казакам права предавать свои усадьбы, которые оставались на местах их прежнего жительства после переселения на передовые линии, лицам не только казачьего сословия. Более того, переход казачьих усадеб в руки иногородних сопровождался для последних рядом поощрительных мер: освобождение от некоторых повинностей, право пользования общим выгоном, дополнительное пользование пастбищами и сенокосными местами и т. д. (§ 109, 111—113). Немалое значение имело предоставление переселенцам единовременно (на обустройство) определенной денежной суммы (107 руб. 14½ коп.), так называемых кормовых денег для государственных крестьян на все время следования их до мест назначения, освобождение от недоимок в местах выхода и т. п. (§ 50, 53). Лица неказачьего сословия, купившие казачьи усадьбы или свободные участки, обязаны были ежегодно вносить так называемую посаженную плату, в связи с чем приобретали право оседлости (§ 106—129).

Таким образом, задачи окончательного присоединения районов Кавказа, охваченных ранее освободительным движением горцев, вынуждали правительство следовать традиционной политике засе-

ления края, отдавая предпочтение лицам казачьего сословия. Вместе с тем в целях скорейшего освоения этих территорий правительство пошло на то, чтобы привлечь к этому и крестьянское население. Частичное ограничение казачьего землевладения в пользу иногородних в совокупности с предоставлением им ряда льгот по существу открывало путь для крестьянской колонизации. Следовательно, Положение от 10 мая 1862 г. было первым законодательным актом, открывшим в пореформенное время Кавказ (правда, пока только один из его районов) для крестьянской колонизации, хотя самовольное переселение крестьян в незначительных масштабах имело место и ранее. Это не могло не сказаться на темпах переселенческого движения в 60-х годах в Кубанскую область. Если в 1861 г. при общей численности населения области в 393 081 человек иногородних числилось лишь 5243 человека, или 1,3%, то в 1869 г. при населении в 468 455 человек количество иногородних возросло до 24 819 человек, что составляло уже 5,2%, т. е. увеличилось ровно в 4 раза ³⁰.

Закон 29 апреля 1868 г. о разрешении лицам невоинского сословия поселяться и приобретать собственность на казачьих землях еще более расширил права иногородних. При этом, хотя земля и продолжала оставаться собственностью войска, городского или станичного общества, за которую иногородние должны были ежегодно вносить посаженную плату, новопоселенцы получили возможность обосновываться более прочно ³¹. По свидетельству Л. М. Мельникова, после издания этого закона «иногородние устремились буквально со всех концов России и наводнили собой край» ³². Основной контингент составляли крестьяне, прибывшие главным образом из близлежащих губерний: Харьковской, Полтавской, Курской и Воронежской.

На территории Предкавказья (Северного Кавказа), по данным Камерального описания 1873 г., процент русского населения по отношению ко всему населению продолжал оставаться наибольшим на Кавказе и был равен 68,6% с преимущественным сосредоточением русских, украинцев и белорусов в Кубанской области и Ставропольской губернии: 86,9% и 77,4%. В Закавказье же и Дагестанской области они составляли всего лишь 2,1% по отношению ко всему населению. При этом наибольшее число их проживало в Тифлисской губернии, составляя 5,5% местного населения. В значительной степени это было обусловлено тем, что в Тифлисе, являвшемся центром кавказского наместничества, был сосредоточен весь административный аппарат и значительно выше был процент русского городского населения. Далее следовали Бакинская (3,4%) и Елисаветпольская (1,5%) губернии. В остальных частях Закавказья процент русского населения был весьма незначителен ³³.

Глубокий кризис крестьянского хозяйства, усиливший тягу крестьян к переселению на свободные казенные земли, привел к

тому, что к началу 80-х годов переселенческий вопрос занял видное место в аграрной политике царизма. Правительство было поставлено перед необходимостью законодательного оформления правил для переселения крестьян («Временные правила» от 10 июля 1881 г. и закон от 13 июля 1889 г.)³⁴. При обсуждении проекта закона 1889 г. было отмечено, что круг его применения ограничивается Европейской частью, Томской и Тобольской губерниями, а также областями: Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской³⁵. Между тем, как заявляло Переселенческое управление, значительные массы крестьян переселялись в пределы Кавказа. Исходя из этого, Государственный совет предложил Министерству внутренних дел совместно с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе выработать правила переселения крестьян из внутренних губерний на казенные земли края³⁶. Однако это предложение встретило возражения со стороны местной администрации (в лице главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А. М. Дондукова-Корсакова). Местные власти ссылались на отсутствие достаточного количества свободных казенных земель³⁷, и рекомендации Государственного совета не были реализованы. В действительности же в основе отказа лежала наметившаяся в начале 80-х годов тенденция к запрещению переселений на земли казаков. Особенное распространение она получила среди сторонников сохранения казачьей замкнутости, интересы которых и выражал А. М. Дондуков-Корсаков. По его инициативе 13 мая 1883 г. был принят законодательный акт (публикация его была отклонена Сенатом, а соглашение произведено посредством административных распоряжений), согласно которому было запрещено дальнейшее переселение лиц невоинского сословия в казачьи станицы Кубанского и Терского войск без согласия станичных обществ³⁸.

Практически же переселение на Кавказ оформлялось следующим образом: Министерство внутренних дел в отдельных случаях по соглашению с Министерством государственных имуществ обращалось в Комитет министров с представлением об устройстве переселенцев на некоторых участках Кавказа в соответствии с законом 1889 г.³⁹ Такое положение сохранялось вплоть до 1897 г. Наибольший поток переселенцев на Кавказ в эти годы хлынул в районы Предкавказья и значительно меньше — в Закавказье. Проникновение в край переселенцев облегчалось строительством сети Владикавказской (с 1875 г.) и Закавказской (главным образом Тифлиско-Бакинской ветки в 1883 г.) железных дорог.

С конца 1867 по январь 1897 г. численность населения Предкавказья увеличилась на 172,4%. Из общего прироста населения в 2 394 900 человек на переселенцев приходилось 1 586 800 человек. За эти 30 лет только в Кубанскую область прибыло 946,4 тыс. человек, а в Ставропольскую губернию — 294,7 тыс. Прирост насе-

ления по этим двум административно-территориальным единицам составлял соответственно 229,4% и 155,8%. Столь же значителен был приток переселенцев в Терскую область: из 486,6 тыс. человек переселенцы составляли 345,7 тыс. Процент прироста населения области с 1867 по 1897 г. выражался также цифрой весьма внушительной⁴⁰.

Начиная с 60-х годов капиталистические отношения стремительно распространяются на Северном Кавказе, остававшегося долгое время для дворянско-крепостнической России, по образному выражению В. В. Покшишевского, «лишь романтическим театром непрекращавшейся «домашней» войны, местом дуэлей и ссылок. Казачья колонизация быстро сменилась широким потоком переселенцев, которые хозяйственно приобщали Предкавказье к пореформенной капиталистической России»⁴¹.

В 80—90-х годах возрастает численность русского населения в Закавказье и Дагестанской области. К сожалению, качественная разнородность данных о русском, украинском и белорусском населении камерального описания 1873 г. и всеобщей переписи 1897 г. затрудняет исчисление динамики численности названных групп переселенцев за указанный отрезок времени. Так, в таблице о народонаселении Кавказа в описании 1873 г. русские даны в графе под общим названием «Славянское население», куда кроме того отнесены поляки и чехи. Украинцы и белорусы не выделяются⁴². Напротив, в переписи 1897 г. в ведомости «Распределение населения по родному языку» в рубрике «русский» содержатся сведения о русских, украинцах и белорусах⁴³.

В соответствии с данными переписи 1897 г. в губерниях и областях Закавказского края и Дагестанской области удельный вес русского населения был наибольшим в Бакинской губернии (8,9%), Карсской области (7,6%) и Тифлисской губернии (7,5%). В остальных районах процент его относительно всего населения был малозначительным. Украинское и белорусское население было крайне малочисленным (например, наибольший удельный вес украинцев был в Карсской области, составляя 1,8%, а белорусов — в Елисаветпольской губернии — 0,3%). Напротив, в Предкавказье, точнее — в Кубанской области и Ставропольской губернии, удельный вес украинского населения был значительно выше: соответственно 47,3% и 36,6% от общей численности населения⁴⁴.

К 1897 г. русское население Черноморской губернии (24 635 человек) составило 42,8% всего населения (57 478 человек)⁴⁵. При этом русское население городов исчислялось 49,5% от всего русского населения. Любопытно соотношение городского русского населения между районами Закавказья и Предкавказья. Если в губерниях и областях Закавказского края и Дагестанской области городское население составляло половину всего русского населения — 52,6% (123 704 человека к 234 744 человекам), то в Пред-

кавказье удельный вес его был незначительным — 13,7% (соответственно 216 079 человек к 1 570 414 человекам). Наибольший удельный вес русского городского населения приходился на Дагестанскую область — 9538 человек, составляя 72,7% от 13 111 человек русских в области. Высоким был удельный вес русского городского населения в Кутаисской — 69,3%, Тифлисской — 62,0% и Бакинской губерниях — 54,4%. В Елисаветпольской губернии и Карсской областях основную часть русского населения составляли сельские жители, на городское население приходилось соответственно 24,6% и 28,6% ⁴⁶. Наименьший процент русское городское население (1775 человек) составляло в Эриванской губернии — 13,4% всего русского населения губернии (13 173 человека).

Таким образом, русское население Предкавказья было преимущественно сельским, а Закавказья — городским. Объяснялось это тем, что территория Предкавказья значительно ранее и интенсивнее подверглась крестьянскому переселению. В Закавказье же среди русского населения преобладали лица некрестьянских сословий, связанные с деятельностью в городах. Здесь были расположены города большого торгово-промышленного и административного значения (Тифлис, Баку и др.). Кроме того, в Закавказье был значителен контингент военных, относящихся к временно пребывающим.

Если сравнить масштабы переселенческого движения из внутренних губерний России на ее окраины — Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию — в пореформенный период, то Кавказ (Предкавказье) следует поставить на первое место. Как уже отмечалось, за 30 лет в период 1867—1897 гг. в Предкавказье прибыло 1586,8 тыс. переселенцев, в то время как за такой же период, правда, хронологически несколько сдвинутый назад — 1861—1894 гг., — на территорию Сибири переселилось около 600 тыс. человек ⁴⁷, т. е. менее чем в 2,5 раза. Что касается Средней Азии, то в связи с тем, что процесс присоединения ее территории был завершен лишь к 1884 г., переселение охватило прежде всего Семиреченскую область; общее число русского населения области с 1867 по 1882 г. в результате казачьей и крестьянской колонизации увеличилось более чем в 2 раза и достигло 63 тыс. человек ⁴⁸.

Неурожаи и голод в Европейской России в 1891—1892 гг., а также прекращение отвода государственных земель для переселенцев в южных и юго-восточных губерниях Европейской части России (циркуляр Министерства внутренних дел от 29 июня 1894 г.) повлекли за собой рост переселений в туркестанские области и главным образом в Сибирь, превращавшуюся в один из основных районов крестьянского переселения ⁴⁹. Однако практика землеотводных работ в Сибири, не соответствующая масштабам переселенческого движения, и ограничительный характер законодательства, усиливали самовольное переселение крестьян в другие

районы страны, в частности на Кавказ. А. А. Кауфман писал: «В течение 80-х годов продолжается не поддающееся даже приблизительному учету переселение в восточные и юго-восточные степи Европейской России, а также в предкавказский район, переполнение которого неустроенными «иногородними» к началу 90-х годов достигает своего апогея»⁵⁰. Переселение в это время принимает преимущественно самовольный характер. Переселение в Сибирь было самовольным на 60—85%, а на Кубань — почти целиком⁵¹.

Самовольное переселение побудило правительство обратить внимание на те земли, которые могли бы принять поток переселенцев. Даже самое поверхностное ознакомление с возможностями Кавказа выявило перенаселение тех территорий Кавказа, которые издавна служили местом переселения (Кубанская область и Ставропольская губерния), где значительное количество крестьян-переселенцев находилось в бедственном положении и, в свою очередь, подлежало земельному устройству. В этой связи 31 марта 1897 г. был издан закон о переселении в Черноморскую губернию крестьян, принадлежащих к коренному русскому населению губерний и областей Европейской России и Кавказа⁵².

Существенной особенностью этого закона следует считать то, что это был первый переселенческий закон, в котором русские переселенцы, иммигрировавшие в разное время на Кавказ, фигурировали в числе того контингента крестьянского населения, который страдал малоземельем и с точки зрения правительства в свою очередь нуждался в переселении. В законе не оговорены специально районы Кавказа, более всего охваченные аграрным перенаселением, но, по-видимому, речь шла в основном о Кубанской области.

Главное же, важнейшие положения закона 1897 г. находились в русле тех правил о переселении, которые были сформулированы законом от 15 апреля 1896 г. для переселяющихся в район Сибирской железной дороги⁵³, а не законодательным актом 1889 г., имевшим более общее значение. Таким образом, закон 1897 г. отразил то направление в переселенческой политике правительства, когда оно на короткое время стало на позиции признания свободы переселений. Это означало, что ограничительный характер, столь присущий закону 1889 г., был в значительно меньшей степени свойствен закон 1897 г. Прежде всего это проявилось в предоставлении крестьянам, желающим переселиться в Черноморскую губернию, более широких возможностей при определении их права на переселение; если по закону 1889 г. оно было регламентировано такой посылкой, как «причины, заслуживающие уважения», и «наличие свободных участков казенной земли» (§ 2)⁵⁴, то по закону 1897 г. необходимы были два следующих условия: а) разрешение на переселение (ничем не оговариваемое); б) по получении разрешения — личное ознакомление или через ходоков с местом будущего водворения (отд. I, § 5). Последнее означало, что

правительство пошло на организацию ходоков (отд. IV). Далее, казенные земельные участки под переселение в Черноморской губернии предоставлялись сразу в бессрочное пользование, в то время как для переселенцев в другие районы они сперва отдавались в арендное пользование, а затем уже — в бессрочное. Известное преимущество имели крестьяне по закону 1897 г. и при получении льгот: начиная от увеличения льготного срока в освобождении от казенных сборов и арендной платы, кончая денежной ссудой и правом перевозки имущества по железной дороге по пониженному железнодорожному тарифу⁵⁵. Закон от 1 мая 1900 г. об устройстве некоторых разрядов переселенцев, водворившихся в Черноморской губернии, распространил действие закона 1897 г. на тех переселенцев, которые, не принадлежа к русскому населению, поселились здесь после Положения 1866 г.⁵⁶

Что касается всего Кавказского края, то по указанию министра внутренних дел И. Л. Горемыкина главноначальствующий гражданской частью на Кавказе Г. С. Голицын в 1897 г. разослал всем губернаторам циркуляр о выявлении свободных казенных земель, а также «излишков» земельных участков местного населения⁵⁷. Одновременно с этим центральными органами правительства был поставлен вопрос о распространении на Кавказский край (за исключением Черноморской губернии) переселенческого закона от 13 июля 1889 г. впредь до издания особых правил. Однако в 1898 г. на этот счет так и не последовало специального распоряжения.

В этих условиях кавказская администрация теперь уже форсировала решение вопроса о предоставлении земель русским переселенцам, исходя из того, что «переселенческое дело на Кавказе составляет неотложную потребность настоящего времени»⁵⁸. Она наметила временные правила, регулирующие переселенческое движение на Кавказ. Основные положения их сводились к следующему: 1) в качестве временной меры предполагалось использовать арендную форму наделения переселенцев, предоставив им казенные земли сроком от 6 до 12 лет, после чего они могли быть оставлены в бессрочное надельное пользование; 2) пригодность сдаваемых в аренду участков определять с учетом прежде всего интересов переселенцев и независимо от земельного положения «туземных поселян», при этом «...весь свободный наличный запас казенной земли, не состоящей в отводе казенных крестьян, должен быть использован... для русской колонизации»; 3) право аренды может быть предоставлено только русским исключительно православного вероисповедания; 4) переселенцам, прибывающим с целью постоянного жительства, предоставить право на пониженный железнодорожный тариф, на ссуду и т. п.⁵⁹ Таким образом, предложенный проект размещения переселенцев на Кавказе представлял собой модификацию закона 1889 г. применительно к условиям края. По этому утвержденное 15 апреля 1899 г. Положение Комитета мини-

стров о разрешении переселений в Ставропольскую губернию и местности Северного Кавказа и Закавказья за исключением Черноморской губернии⁶⁰ по существу повторяло закон 1889 г.

Принятое в виде временной меры, это Положение предусматривало переселение на территорию Кавказа русских крестьян православного вероисповедания соответственно правилам, которые были установлены законом 1889 г. для переселения на казенные земли Европейской России. Размеры поземельной платы за казенные участки не должны были превышать платежей, которые вносились крестьянами — старожилами селений. Следовательно, для большинства территорий Кавказа были выработаны более жесткие основания для переселения, чем это было сделано в отношении Черноморской губернии. Частично это объяснялось истощением земельного фонда в районах Предкавказья. Однако и прежде всего это являлось еще одним свидетельством возврата правительства к прежнему ограничительному курсу в своей переселенческой политике (до издания закона 1896 г.).

Тяжелое положение переселенцев уже самого Кавказского края поставило правительство перед необходимостью немедленного их рассредоточения в менее заселенные районы Кавказа. 22 декабря 1900 г. главноначальствующему гражданской частью на Кавказе было разрешено в виде временной меры переселение постоянно проживающих в крае русских крестьян (православного вероисповедания) на казенные земли как Северного Кавказа и Закавказья, так и Черноморской губернии⁶¹. Более того, в целях скорейшего благоустройства безземельных иногородних крестьян, проживающих на Северном Кавказе и главным образом в Кубанской области, главноначальствующим гражданской частью был разослан всем губернаторам и начальникам областей Кавказского края специальный циркуляр от 19 марта 1901 г.⁶² Разрешение на переселение обуславливалось следующими показателями: 1) самостоятельным ведением земледельческого хозяйства, хотя бы на арендных землях, 2) достаточным количеством рабочих рук в семье переселенца, 3) известной его зажиточностью — имущественный ценз не менее 300 руб.

Инструкции министра земледелия и государственных имуществ от 30 апреля 1899 г.⁶³, а также упомянутый циркуляр главноначальствующего гражданской частью на Кавказе 19 марта 1901 г. конкретизировали правила образования переселенческих участков: площадь, размер наделов, экономический потенциал переселенческой семьи — количество рабочих рук в семье, имущественный ценз и т. д. Однако и центральные правительственные органы и кавказская администрация не ограничивали программу размещения русских переселенцев на Кавказ лишь землеустройством названной части крестьян. Практически деятельность всех ведомств, причастных к переселенческому делу, была направлена на созда-

ние колонизационного фонда для всех потоков переселенческого движения. В связи с широкой переселенческой программой производилось обследование казенных земель Кавказа, из которых наиболее пригодными были признаны земли Черноморской и Бакинской губерний (в последней прежде всего пастбища кочевников) при соответствующем приспособлении к устройству на них крестьян (постройка сети дорог, орошение и т. д.)⁶⁴. Одновременно с этим формировалась система административного управления переселенческим делом на Кавказе. Создаются филантропические организации — Закавказский отдел Общества помощи переселенцам и т. д.

Огромное значение с точки зрения впервые предпринимаемого учета переселенческого движения имело учреждение в 1903—1904 гг. двух переселенческих пунктов на железнодорожных станциях Баладжары (Закавказской железной дороги) и Тихорецкая (Владикавказской железной дороги), основная задача которых заключалась в регистрации переселенцев, проследовавших через эти станции на Кавказ (а также в Среднюю Азию и Казахстан⁶⁵, Сибирь и Дальний Восток) и обратно⁶⁶.

Согласно данным регистрации за 1904 г. через переселенческие пункты на станциях Баладжары и Тихорецкая прошло всего 14 272 человека, из них: на Кавказ — 13 682 человека, в Среднюю Азию и Казахстан — 590 человек. На территории Кавказа переселенческие потоки распределялись следующим образом (человек)⁶⁷:

в Кубанскую обл.	2288	в Бакинскую губ.	3186
» Черноморскую губ.	1837	» Елисаветпольскую	2972
» Терскую обл.	1061	» Тифлисскую	1160
» Ставропольскую губ.	602	» Карсскую обл.	161
» Дагестанскую обл.	391	» Эриванскую губ.	22

Из местностей Кавказа процент миграции населения был наиболее высоким для районов Закавказья, куда в 1904 г. направлялось более половины переселенческого потока — 7893 человека, или 57,6%. При этом самовольные переселенцы, проследовавшие на территорию Закавказья и Дагестанской области, составляли, по сведениям регистрационного пункта ст. Баладжары (до 1 января 1905 г.) 1400 из 7040 человек, или 19,7%. Обратное движение с Кавказа за 1904 г. (15 декабря) составило 6365 человек; из местностей Закавказья и Дагестанской области — 4029 человек⁶⁸.

Таковы в общих чертах масштабы переселенческого движения на Кавказ и те меры, которые принимались правительством в переселенческом вопросе в отношении края в конце XIX — начале XX в. В начале пореформенного периода основное место в политике самодержавия занимали колонизационные задачи (законы:

1862, 1868 гг.), а вопросы переселения крестьян из внутренних губерний имели соподчиненное значение. Начиная с 80-х годов, несмотря на общий ограничительный характер переселенческой политики, правительство было вынуждено открыть клапан для включения переселенческого движения в направлении Кавказа, прежде всего губерний Черноморской и Ставропольской, а также территорий Закавказья (законы 1897, 1899 гг.). В это время переселенческая проблема выступает в качестве генеральной. Переселение становится исключительно крестьянским. Однако политика эта не была одинаковой применительно ко всем местностям Кавказа. Закон 1897 г. о переселении в Черноморскую губернию создавал более благоприятные условия для переселения, нежели законодательный акт 1899 г. Последний, принятый в период, когда правительство после кратковременного отхода вновь вернулось к позициям негативного отношения к переселенческому движению, был построен на основаниях наихудших — переселенческом законе 1889 г. Таким образом, для переселяющихся на территорию Кавказа (кроме Черноморской губернии) действовала бюрократическая система проволочек — оформление разрешения, соответствующий имущественный ценз, предполагающий переселенца среднего достатка, регламентация всех видов помощи (путевые пособия, денежные ссуды и т. д.). Кроме того, переселение на Кавказ разрешалось лицам только русского происхождения и непременно православного вероисповедания. Как отмечал В. И. Ленин, переселенческий фонд на Кавказе «образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев»⁶⁸. Наконец, отличительной чертой правительственной политики конца XIX — начала XX в. следует считать то преимущество, которое отдавалось устройству прежде всего так называемых иногородних крестьян Северного Кавказа⁷⁰.

Следовательно, речь уже шла о перенаселении не только в центре России, но и на окраинах.

Новый курс в переселенческой политике царизма, выразившийся в издании закона 6 июня 1904 г., знаменовал собой признание переселенческого движения, в котором царизм видел выход из аграрного кризиса. В этих условиях правительство стало рассматривать Закавказье как один из районов размещения переселенцев из центральной России и Предкавказья. В 1905—1914 гг. переселение русских крестьян на территорию Кавказа (прежде всего Закавказья) приняло еще более массовый характер.

Вопросы, связанные с изучением всех аспектов взаимосвязи и взаимовлияния переселенцев с местным населением, составляют тему специальной работы. В данном же случае, оценивая в целом значение переселенческого движения на Кавказ в рассматриваемый период, следует отметить позитивное значение возникновения в крае переселенческой деревни. Отныне судьбы российского и

местного крестьянства тесно переплетаются в хозяйственной, социально-экономической и политической сферах, сплачивая беднейшие его слои в единый интернациональный фронт борьбы против самодержавия.

¹ См., например: *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; *Степанын В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; *Тюкавкин Б. Г.* Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906—1910.— «Ученые записки Иркутского гос. пед. ин-та». Благовещенск, 1958, вып. 16; *он же.* Влияние переселения крестьян на развитие капиталистических отношений в Восточной Сибири (1906—1917).— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; *Канода Н. Н.* Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX в.). Ашхабад, 1973; *Фомченко Л. Н.* Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде. Душанбе, 1968; *Вережагин П. Д.* Об объективно прогрессивном значении переселения крестьян в Среднюю Азию и Казахстан.— «Ученые записки Могилевского гос. пед. ин-та». Минск, 1956, вып. 2, и др.

² Исключение составляет район Предкавказья, колонизация которого получила освещение в исследованиях: *Покишишевский В. В.* К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов на Северном Кавказе. (Историко-географический очерк).— «Известия Всесоюзного географического общества», 1948, т. 80, вып. 4, с. 396—408; *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; *Чекменев С. А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск, 1967; *Шацкий А. А.* Сельское хозяйство Предкавказья в

1861—1905 гг.— В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970.

³ Более подробно о периодизации переселенческой политики см. *Симонова М. С.* Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970, с. 424—425.

^{3а} Употребляя термин «колонизация» применительно к Кавказу пореформенной эпохи, необходимо помнить, что речь идет о переселенческом движении, которое сопровождалось заселением и хозяйственным освоением свободных земель края и способствовало стягиванию отдельных его районов в мировое капиталистическое хозяйство. Интересный обмен мнениями по поводу термина «колонизация» состоялся на научной сессии, посвященной вопросам социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья в период феодализма. В частности, Л. В. Черешнин отметил, что, употребляя термин «колонизация», необходимо сопровождать его указанием на социальный и экономический признаки: крестьянская, посадская и пр. (в смысле миграции населения, переселения, освоения страны), поскольку это определяет указываемый на классовый признак, ибо крестьянская колонизация не то, что правительственная, военная или монастырская (История и культура Чувашской АССР. Сб. статей, вып. 3. Чебоксары, 1974, с. 444—446).

⁴ С 1785 г. земли степного Предкавказья входили в состав Кавказской губернии (затем — области), с 1847 г. — в Ставропольскую губернию; с преобразованием в 1860 г. Ставропольской губернии

- и выделением в самостоятельные административные единицы Кубанской и Терской областей часть степного Предкавказья была объединена с горными районами Северного Кавказа, а частью в урезанном виде оставлена в границах Ставропольской губернии (Фадеев А. В. Указ. соч., с. 4).
- ⁵ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 62.
- ⁸ ПСЗ, II, т. 5, отд. 1. СПб., 1831, № 4010.
- ⁷ Там же, т. 14, отд. 2, Приложение. СПб., 1840, № 10 093а.
- ⁸ Там же, т. 23, отд. 2. СПб., 1849, № 22 806.
- ⁹ Там же, т. 24, отд. 2. СПб., 1850, № 23 756.
- ¹⁰ Более подробно об этом см.: Исмаил-Заде Д. Русские поселения в Закавказье.— «Вопросы истории», 1976, № 11.
- ¹¹ Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказа. Под. ред. А. Берже (далее — АКАК), т. X. Тифлис, 1885, док. 82. Эти цифры корректируются данными за предшествующие годы из рапорта кавказского наместника за 1851 г., по которому русских поселенцев, прибывших в Закавказский край из внутренних губерний, насчитывалось 3660 семей, размещенных в 45 селениях (ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 855, л. 108 об.).
- ¹² ПСЗ, II, т. 41, отд. 1. СПб., 1868, № 43 093.
- ¹³ Верецагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья и ее результаты. СПб., 1885, с. 2. В 1832 г. правительство разрешило «желающим людям свободного состояния» и крестьянам селиться на северо-восточном берегу Черного моря и в бухтах Сунджак-Калеской и Геленджикской (ПСЗ, II, т. 7, № 5275).
- ¹⁴ Скляров Л. Ф. Указ. соч., с. 55—56.
- ¹⁵ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 58.
- ¹⁶ АКАК, т. X. Тифлис, 1885, док. 82, с. 105. Данные другого источника — материалов по статистике Закавказского края 1853—1855 гг. — выражаются несколько иной цифрой, однако существенных различий между двумя источниками не наблюдается.— «Кавказский календарь» на 1854—1856 гг. Тифлис, 1853—1855.
- ¹⁷ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 44.
- ¹⁸ Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, с. 214—222.
- ¹⁹ АКАК, т. VII. Тифлис, 1878, док. 561, с. 603.
- ²⁰ См., например, его «Записку о переселении армян из Персии в наши области». — Грибоедов А. С. Соч. в двух томах, т. 2. М., 1971, с. 340—341. Более подробно см. Попова О. И. Грибоедов — дипломат. М., 1964; Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.
- ²¹ Более подробно об этом см. Парсамян В. А. История армянского народа 1801—1900 гг., кн. 1. Ереван, 1972, с. 28—70.
- ²² АКАК, т. VII. Тифлис, 1878, с. III.
- ²³ Глинка С. Описание переселения армян Адербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831, с. 91—92.
- ²⁴ АКАК, т. VII, док. 829, 830, с. 846, 847.
- ²⁵ Тен К. П. Русское население Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в.— «История СССР», 1970, № 4, с. 144.
- ²⁶ Полный свод уголовных законов. Уложение о наказаниях. СПб.— М., 1879, ст. 947, 948.
- ²⁷ Мельников Л. М. Иногородные в Кубанской области.— В кн.: Кубанский сборник, т. VI. Екатеринодар, 1900, с. 75; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 238; см. также описанную К. В. Чистовым легенду об Анапе — с. 309—311.
- ²⁸ ПСЗ, II, т. 27, отд. 1. СПб., 1865, № 38256.
- ²⁹ «Иногородными» в Кубанской области именовали тех, кто не принадлежал к казачьему сословию и проживал на войсковой территории. Иногородные проникали в качестве ремесленников, торгов-

- цев, сельскохозяйственных рабочих и т. д. В 1872 г. этот термин решено было заменить определением «лица невольского сословия». Но старый термин не только не вышел из употребления, но продолжал жить в официальной документации (Мельников Л. М. Указ. соч., с. 77).
- ³⁰ Мельников Л. М. Указ. соч., с. 75. Указанные данные почерпнуты Л. М. Мельниковым из неопубликованного труда члена Кубанского областного статистического комитета В. С. Шамрая, предпринявшего демографическое изучение населения области (там же, с. 78). Что касается статистики переселенческого движения, то систематический учет его на Кавказе стал предприниматься лишь с конца 1903 г. в связи с созданием переселенческих пунктов (см. ниже). До этого времени содержащиеся в различных статистических изданиях сведения отражали, за небольшим исключением, численность всего русского населения и являлись составной частью общей демографической статистики. Качественная неоднородность источников, а также административно-территориальные изменения края чрезвычайно затрудняют определение миграционных потоков переселенцев на протяжении длительных периодов.
- ³¹ ПСЗ, II, т. 43, отд. 1. СПб., 1873, № 45 785.
- ³² Мельников Л. М. Указ. соч., с. 77.
- ³³ Подробно о соотношении русского населения на территории основных районов Кавказа — Северного Кавказа и Закавказья см. Исмаил-Заде. Указ. статья, с. 30.
- ³⁴ См. об этом Брусникин Е. М. Переселенческая политика царизма в конце XIX века. — «Вопросы истории», 1965, № 1, с. 29—31; Симонова М. С. Указ. соч., с. 427—428.
- ³⁵ ПСЗ, III, т. IX. СПб., 1891, № 6198, § 6.
- ³⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 36, л. 78.
- ³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, ж. з. 1899, ж. ст. 382, д. 5387, л. 11.
- ³⁸ Кубанский сборник, т. VI, с. 110; Шацкий П. А. Указ. соч., с. 39.
- ³⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 36, л. 79.
- ⁴⁰ Яцунский В. К. Изменения в размещении населения в Европейской России в 1824—1916 гг. — «История СССР», 1957, № 1, с. 210—213. Состояние источников позволило В. К. Яцунскому определить масштабы миграционных процессов на территории Кавказа для второй половины XIX в. лишь в пределах Предкавказья. В «Статистическом временнике Российской империи» (серия 1, вып. 1. СПб., 1871), материалы которого были использованы В. К. Яцунским в качестве отправных (1867 г.), данные о численности населения, в том числе русского, на территории Закавказья отражали размещение населения накануне административно-территориальных преобразований этого района. В связи с этим пользоваться ими при определении движения русского населения в Закавказье для пореформенного периода крайне затруднительно. Поэтому при определении прироста русского населения в Закавказье использованы исчисления другого, более позднего источника — упоминавшегося уже камерального описания 1873 г.
- ⁴¹ Покишишевский В. В. Указ. соч., с. 407.
- ⁴² Сборник сведений о Кавказе, т. VII, с. I—XXIX.
- ⁴³ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., т. II. СПб., 1905, с. 38—39.
- ⁴⁴ Там же. Подсчитано мной.
- ⁴⁵ Там же, с. 34—35, 54—55. Подсчитано мной.
- ⁴⁶ Подсчитано по ведомости XIII-б. Распределение по родному языку — по городам (там же, с. 74—75).
- ⁴⁷ Симонова М. С. Указ. соч., с. 428.
- ⁴⁸ Ген К. П. Указ. соч., с. 145. Следует также отметить продолжавшееся переселение на территорию

Кавказа армян, особенно усилившиеся к концу XIX в. В пределы Кавказа прибывали также персы, главным образом в Бакинский нефтепромышленный район, и составлявшие на Кавказе, по переписи 1897 г., 0,16% (Общий свод..., т. II с. XIV), а также греки, курды и т. д., численность которых выражалась в цифрах малозначительных.

⁴⁹ *Скляров Л. Ф.* Указ. соч., с. 66—67.

⁵⁰ *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905, с. 31.

⁵¹ Там же, с. 32.

⁵² Сборник узаконений и распоряжений о переселении. Справочные издания переселенческого управления министерства внутренних дел, вып. 8. СПб., 1901, с. 226—234.

⁵³ ПСЗ, III, т. XVI, отд. 1. СПб., 1899, № 12 777.

⁵⁴ Там же, т. IX. СПб., 1891, № 6198.

⁵⁵ Сборник узаконений и распоряжений о переселении, с. 232—233.

⁵⁶ Там же, с. 235—237.

⁵⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 1, л. 1—2 об., 3—3 об. Форсировать выработку правил для переселения на Кавказ заставило и то обстоятельство, что с 1896 г. (по 1905 г.) Средняя Азия считалась официально закрытой для переселения (*Тен К. П.* Указ. соч., с. 148).

⁵⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 13, л. 1.

⁵⁹ Там же, л. 34а (1—4).

⁶⁰ Сборник узаконений и распоряжений о переселении, с. 234—235.

⁶¹ Там же, с. 237.

⁶² Там же, с. 416—420; см. также ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 479, л. 274—275 об.

⁶³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 13, л. 47—47 об.

⁶⁴ Там же, д. 36, л. 78—83 об.; д. 4, л. 45—46 об.

⁶⁵ В ведомостях — Туркестан, куда

отнесены и территории современного Казахстана.

⁶⁶ Помимо учета и наблюдения за передвижением переселенцев по железной дороге, регистрационные пункты должны были обеспечивать их продовольственной и медицинской помощью. На станциях были устроены соответствующие помещения — пакгауз, жилищные строения, кухни и т. п. (ЦГИА Азерб. ССР, ф. 14, оп. 1, д. 5, л. 21 об.— 22, 26, 54).

⁶⁷ Подсчитано на основании сведений ведомостей: «Движение переселенцев на Кавказ и в Туркестан по данным регистрации при станциях Тихорецкая и Баладжары» и «Распределение движения по губерниям» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 242, д. 81, л. 327—328). При подсчете не использовались данные о количестве крестьян, пришедших на арендованные земли и заработки (всего 394 человека). Основной поток переселенцев в Закавказье шел именно через ст. Баладжары. Поэтому мы ограничились материалами регистрации лишь этого переселенческого пункта.

⁶⁸ Подсчитано на основе данных «Ведомостей о движении переселенцев на Кавказ с 1 января 1904 г. по 1 января 1905 года. Итоги по местам водворения» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 242, д. 81, л. 343—344), ведомости «Обратное движение с Кавказа и Туркестана» (там же, л. 327—328 об.), «Баладжары. Обратное движение переселенцев с Кавказа с 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г. Причины возвращения» (там же, л. 415—417).

⁶⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 330.

⁷⁰ См., например, ЦГИА Груз. ССР, ф. 242, д. 278. Справка о положении переселенческого дела на Кавказе за время с 1905 г. по 1 января 1908 года, л. 7—9.

СВИДАНИЕ В БАЛЬМОРАЛЕ И РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 90-Х ГОДОВ XIX В.

В. Н. Пономарев

В настоящей статье рассматривается один из важнейших эпизодов в русско-английских отношениях периода ближневосточного кризиса 90-х годов XIX в.¹ — встреча английского премьера маркиза Солсбери и Николая II в замке Бальмораль, шотландской резиденции королевы Виктории, во время визита русского царя в Англию в конце сентября 1896 г.

Кризис 90-х годов разгорелся в связи с армянскими событиями. В ответ на попытку национального восстания султанское правительство прибегло к жесточайшим репрессиям, организовав резню армян руками фанатиков-мусульман в ряде местностей Малой Азии, а затем и в самом Константинополе. С точки зрения русско-английских отношений ближневосточный кризис 90-х годов примечателен тем, что Англия и Россия поменялись в этот период своими традиционными ролями.

Россия выступила в роли охранителя целостности Османской империи. Англия же пыталась предстать перед миром в облике «защитника» угнетенных армян, выступала за политику давления на султанское правительство с целью заставить его провести реформу в пользу христианских подданных.

Подобная политика России и Англии объясняется теми позициями, которые занимали эти державы в отношении Османской империи в середине 90-х годов. Русское правительство берет курс на сближение с султанской Турцией «едва ли не тотчас же после того, как смолкли выстрелы русско-турецкой войны»². Не помышляя о немедленном захвате проливов, да и не имея такой возможности, царизм был заинтересован в том, чтобы проливы оставались в руках слабой, но дружественной России Турции. Царское правительство предпочитало поддержать султана в качестве сторожа на Босфоре. Опасаясь, что в результате обострения кризиса может наступить крушение Османской империи, а следовательно, станет возможным и переход контроля над столь важными для России проливами в руки «европейского концерта держав», что значительно ухудшило бы перспективу овладения ими в будущем, русское

правительство стремилось, по выражению министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского, «заморозить» весь ближневосточный вопрос. Политика «замораживания» была продиктована также и начинавшейся дальневосточной экспансией царизма.

Одновременно с усилением русского влияния на политику султана позиции Англии в Турции резко пошатнулись. Обострению англо-турецких отношений и переходу султана к ориентации на Россию, а также Францию и Германию в значительной степени способствовал захват Англией Египта в 1882 г. Эта акция сильно подорвала десятилетиями поддерживавшийся английским правительством свой престиж охранителя целостности Османской империи. В середине 90-х годов перед Лондоном в ближневосточном вопросе открывалось два пути, на которые он попеременно и становился. Методом нажима и запугивания англичане то пытаются заставить султана, примирившись с оккупацией Египта, вернуться к ориентации на Англию (средством подобного нажима и явилось вмешательство Англии в армянский вопрос), то выдвигают планы откровенного раздела Турции, изъявляя готовность предоставить другим великим державам части Турецкой империи в обмен на признание Египта английским³.

В середине 90-х годов положение Англии на международной арене было далеко не блестящим. После оккупации Египта ухудшились англо-французские отношения, ибо Франция издавна считала Египет сферой своего влияния. В начале 1896 г. произошло резкое обострение англо-германских отношений в связи с событиями в Южной Африке (набег Джемсона и телеграмма Вильгельма II президенту Трансвааля С. Крюгеру). Постоянные англо-германские трения по колониальным вопросам начинали уже в это время становиться характерной чертой международной политики.

С целью выхода из затруднительного внешнеполитического положения британское правительство решило пойти на попытку сближения с Россией, отношения с которой к середине 90-х годов были натянутыми. В России Англию традиционно считали врагом номер один. Характеризуя русско-английские отношения, товарищ министра иностранных дел Н. П. Шишкин говорил британскому послу в Петербурге О'Конору в сентябре 1896 г., что «где бы Россия ни делала шаг вперед, всюду ей препятствовала Англия и вследствие этого явились убеждения, что Англия является прирожденным врагом»⁴. Несмотря на формальное урегулирование вопроса о границах в Средней Азии (разграничение на Памире 1895 г.), между двумя державами сохранялись острые противоречия на Среднем и Ближнем Востоке. Возник и новый очаг напряженности — Дальний Восток. Однако в связи с новым взрывом национально-освободительного движения в Турции в середине 90-х годов именно Ближний Восток временно выдвинулся на первый план в русско-английских отношениях, и именно здесь английское

правительство искало почву для сближения. В конце 1894 г. либеральное правительство А. Розбери предложило России оккупировать Турецкую Армению в обмен на признание за Англией Египта. Но царское правительство не пошло на это. Консервативный кабинет во главе с лордом Солсбери, сменивший либералов в 1895 г., продолжал в отношении России придерживаться курса своих предшественников. О желательности сближения говорил, в частности, родственник королевы принц Луи Баттенбергский, посетивший царя летом 1896 г. В это же время английский посол в Константинополе Ф. Карри беседовал в том же духе со своим русским коллегой А. И. Нелидовым⁵.

Ни принц Баттенбергский, ни Карри, впрочем, не добились успеха. Премьер Солсбери с сожалением отмечал 31 августа 1896 г., что прошлые поколения англичан воспитывались на идеях вражды к России. С подобной традицией, по мнению Солсбери, следует окончательно порвать. «Во всяком случае должны быть предприняты попытки избежать ненужного обострения отношений с Россией», — подчеркивал он, призывая «уменьшить ту пропасть, которая разделяет нас»⁶.

В конце сентября 1896 г. Солсбери представилась возможность предпринять решающую попытку убедить русское правительство пойти на соглашение с Англией по ближневосточному вопросу. Для этой цели был использован визит Николая II в Англию, который явился частью его большой зарубежной поездки. Царь посетил Вену, встречался с Вильгельмом II, побывал в Дании. Из Копенгагена русская императорская чета морским путем направилась на запад, в сторону туманного Альбиона, и 22 сентября 1896 г. яхта «Штандарт» бросила якорь у берегов Шотландии.

Визит Николая II совпал с моментом, когда ближневосточный кризис был в самом разгаре. В сентябре 1896 г. у всех еще свежи были в памяти события месячной давности, когда армянские националисты, желая ускорить вмешательство великих держав в пользу армян, пошли на дерзкую и безрассудную акцию — захват здания Османского банка в Константинополе. В ответ на это турецкие власти и мусульманское духовенство организовали в столице дикую резню армян. Послы великих держав заявили протест турецкому правительству. Однако реальную помощь армянам оказал лишь русский посол А. И. Нелидов, резко одернувший султанское правительство, после чего резня сразу прекратилась. Тем не менее европейские и армянские банкиры, занимавшие в Константинополе все ключевые экономические позиции, стали призывать к интервенции великих держав во имя спасения своих капиталов от грозящей «анархии».

Первой поспешила откликнуться Англия. Лондон только и ждал подобного момента. С Мальты в направлении проливов двинулась английская эскадра. Немаловажным фактором, оказывав-

шим определенное влияние на политику Солсбери, являлась и про-армянская кампания в самой Англии. В кампанию, начатую представителями армянских революционных комитетов, быстро включились английские политические круги различных оттенков и направлений. На политической арене вновь появился бывший лидер либеральной партии «великий старец» У. Гладстон, выступивший, как и 20 лет тому назад, со страстным обличением турецких зверств. Правительство с разных сторон подвергалось критике за «бездеятельность». Впрочем, подобная критика была во многом ему на руку. «Новое время» в связи с этим отмечало, что «...анти-турецкая кампания в Англии начинает принимать, по-видимому, действительно национальный характер, что вполне гармонирует с планами лондонского кабинета»⁷.

Однако действовать в одиночку Англия не решалась, ибо это было бы связано с большими трудностями и чревато серьезной опасностью вооруженного столкновения прежде всего с Россией. Британский кабинет планировал поэтому осуществить давление на султана в нужном направлении и вмешательство силами всех великих держав. Еще в январе 1896 г. британский поверенный в делах в Петербурге следующим образом излагал русскому правительству точку зрения лорда Солсбери на этот вопрос: «Его лордство убежден опытом последнего времени, что давление лишь со стороны некоторых держав не возымеет действия на советников султана. Его величество в таком случае не предпримет ничего, тогда как, с другой стороны, его величество еще не отклонял советов, сердечно представленных ему всеми державами единогласно»⁸. (Солсбери предлагал в качестве конкретной меры дать послам великих держав в Константинополе инструкции действовать в отношении турецкого правительства согласованно и единым фронтом). «Европейский концерт» был старым излюбленным средством британской дипломатии. Однако в данный момент (летом и осенью 1896 г.) Англия не могла рассчитывать на быстрое согласие следовать за нею даже со стороны своей традиционной союзницы в восточном вопросе Австро-Венгрии. Германия вела двойную игру, стремясь перессорить Россию и Англию, а Франция, заинтересованная в установлении контроля держав над финансами Османской империи, где был очень силен французский капитал, тем не менее все же неохотно шла за Россией, которая решительно противодействовала английской политике в Турции.

Позиция русского правительства была довольно сложной. Оно стремилось не допустить какого-либо вмешательства держав в армянские события. Русский министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский писал послу в Лондоне Е. Е. Стаалу по поводу упоминавшейся выше записки английского поверенного в делах: «Предложения английского министра, такие туманные и неясные, могут быть резюмированы в нескольких словах: это будет путь

в направлении знаменитого кондоминиума... Речь идет именно о прямом вмешательстве во внутренние дела Турции... Одно это соображение будет достаточным для нас, чтобы проявлять осмотрительность в деле согласия на предложения Солсбери»⁹. И сам Николай II решительно высказывался против английских предложений относительно установления в Турции «порядка, гарантированного Европой»¹⁰.

Однако, опасаясь единоличного вмешательства какой-либо из великих держав, в первую очередь Англии, в турецкие дела, русское правительство должно было проводить достаточно гибкую политику, не отказываясь наотрез от сотрудничества с «европейским концертом».

Вполне естественно, что ближневосточный вопрос оказался в центре внимания Николая II и Солсбери во время их встреч в Бальморале.

Любопытно, что солидный орган лондонского Сити — газета «Таймс» старалась внушить английскому общественному мнению, будто визит царя не имеет ничего общего с большой политикой. В передовой статье, специально посвященной этому событию, «Таймс» писала: «Цель визита, и нет нужды повторять это, чисто семейная... Император прибыл не для того, чтобы принимать решения, от которых будут зависеть судьбы империй и народов. Он приехал, чтобы стряхнуть груз забот и тревог со своих плеч на короткий период, во время которого он и его супруга наслаждаются гостеприимством своих английских родственников». Правда, газета делает затем небольшую оговорку о том, что министр иностранных дел посетит Бальмораль в то время, когда царь будет гостем королевы, но тут же спешит заверить читателя в совершенной безобидности этого факта: «Это посещение не будет иметь политического отпечатка. Лорд Солсбери является премьер-министром и министром иностранных дел и именно такое совмещение двух функций обязывает его отдать дань уважения царю»¹¹.

Впрочем, другие английские газеты не разделяли мнения «Таймс», считая, что встречи царя и Солсбери будут носить политический характер. Лондонский корреспондент «Нового времени» сообщал: «Многие английские газеты, особенно либерального лагеря, продолжают возлагать надежды на бальморальские свидания. В «Daily News» напечатана длинная статья, в которой высказывается твердая надежда, что свидания эти увенчаются полным успехом. Лорд Салисбюри (так зачастую писалось по-русски в то время имя британского премьера. — В. П.) ставит теперь на карту всю свою политическую судьбу, он должен убедить Россию в необходимости избавить мир от снедающей его заразы, т. е. турецкого правительства»¹². «Новое время» отмечало, что английская пресса в это время дружно заговорила на тему о соглашении с Россией¹³.

До недавнего времени содержание бесед в Бальморале было известно исследователям лишь по косвенным источникам — таким, как письма королевы Виктории или же донесения русского посла в Лондоне Стаала¹⁴. В 1960 г. английский историк М. Джефферсон опубликовала текст записи бесед, обнаруженный ею в личном архиве маркиза Солсбери¹⁵. Разумеется, мы должны очень осторожно отнестись к этому документу, исходящему от английской стороны, тем более что аналогичной записи бесед русской стороной, очевидно, не существует¹⁶. Однако, как представляется, даже самый критический подход не дает нам оснований заподозрить Солсбери в сколько-нибудь значительном искажении содержания его бесед с русским царем, ибо английский премьер делал свои записи сразу же после переговоров для представления их в качестве отчета членам кабинета (на документе стоит гриф «строго секретно»). Документ читали всего лишь семь человек. Таким образом, отчет Солсбери является главным источником, зафиксировавшим содержание секретных переговоров в замке Бальмораль, которые явились немаловажным эпизодом в русско-английских отношениях середины 90-х годов XIX в.

За столом переговоров встретились весьма представительные политические фигуры двух держав. Силы, однако, были явно не равными.

За месяц до этого скоропостижно скончался сопровождавший царя в его заграничном вояже министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский, ярый англофоб и «дипломат, если не талантливый, то во всяком случае умный и очень блестящий»¹⁷. В Англию Николай II прибыл в сопровождении товарища министра иностранных дел Н. П. Шишкина, который временно управлял министерством. Шишкин не отличался большими дипломатическими способностями и был, по оценке В. М. Хвостова, человеком «без собственной точки зрения и недалеким»¹⁸. Ответственный чиновник министерства и будущий министр иностранных дел России граф В. Н. Ламздорф писал, что у Шишкина была «слабая голова»¹⁹.

Самому Николаю II было в это время 28 лет. Для этого благовоспитанного, но совершенно заурядного молодого человека с кругозором армейского офицера²⁰ выдержать дуэль с политиком такого калибра, как Солсбери, было явно не по плечу. По свидетельству людей из близкого царю окружения, молодой император был совершенно не подготовлен к управлению огромной империей. «Его держали в детской почти до самой последней минуты, он ничем не проявил себя и известен только некоторыми своими слабостями и грехами молодости такого характера, которые не внушают доверия», — так оценивал «багаж», накопленный молодым Николаем к моменту вступления на престол, В. Н. Ламздорф²¹.

В молодом царе причудливо сочетались слабование и упрямст-

во, сознание собственной неопытности в государственных делах и тщеславие, категоричность суждений и отсутствие собственной точки зрения по важным государственным вопросам. Из текста его бесед с Солсбери видно, как в душе Николая все время борются как бы два человека: с одной стороны, впервые выступая в Бальморале в непривычной для него роли вершителя внешней политики, он стремится проявить необходимую осторожность и сознательно уступает своему собеседнику инициативу в разговоре; с другой, — он не может забыть о своем сане самодержца, и это заставляет его, отбросив осторожность, напрямик высказываться по таким вопросам, в которых он был явно не компетентен.

Бесспорно — и это тоже видно из записи бесед — Николай II отчетливо представлял себе некоторые основные концепции, на которых базировалась русская внешняя политика, но вести сложную дипломатическую игру он не мог. Если применить к Николаю II сравнение дипломата с шахматистом, который предвидит развитие игры на много ходов вперед, то можно сказать, что, делая очередной ход, русский царь очень часто даже не представлял себе всех его последствий, сплошь и рядом попадая поэтому в довольно затруднительные положения. Словом, в данном случае Николая II в значительной мере выручал неофициальный характер переговоров, которые шли без протокола и не влекли за собой конкретных немедленных соглашений.

Собеседник русского императора был человеком совершенно иного масштаба. Потомственный аристократ, Роберт Артур Сесиль, третий маркиз Солсбери, был политиком калибра Бисмарка. Ему было в это время 66 лет. Будучи лидером консервативной партии, он в 1895 г. в третий раз встал во главе британского правительства и в четвертый раз возглавил министерство иностранных дел. Солсбери являлся вершителем торийской внешней политики со времени Берлинского конгресса, он был одним из тех, кто лишил Россию львиной доли ее побед в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Солсбери был и одним из главных антагонистов России во время болгарского кризиса 1885—1887 гг.

Обычно с именем Солсбери связывают политику «блестящей изоляции» Англии (для проведения которой он как нельзя более подходил по своим личным качествам: был крайне медлителен и осторожен²²) и расцвет английской тайной дипломатии. Рисуя идеализированный портрет Солсбери, современный английский историк замечает: «Он стоял во главе государства и казался английскому народу воплощением всего наиболее солидного и респектабельного в викторианской Англии»²³. Однако за внешней солидностью и респектабельностью скрывался ловкий и изворотливый защитник интересов британской буржуазии и аристократии. 80—90-е годы XIX в., когда у власти в Англии находилось правительство Солсбери, — это время купных внутренних реформ, мелких

вынужденных уступок рабочему движению и решительного курса на подавление освободительного движения ирландского народа, время бурного роста британской колониальной империи. В конце века завершался раздел мира между империалистическими державами, и Англии принадлежала в этом процессе одна из ведущих ролей. Политика безудержной экспансии на африканском континенте вылилась в одну из первых войн за империалистический передел мира, и «честь» в развязывании позорной войны против бурских республик также принадлежит правительству маркиза Солсбери.

Умный и тонкий дипломат, но беспринципный политик, один из создателей колоссальной колониальной империи и мастер политической демагогии — таков был последний премьер королевы Виктории.

Первая беседа Николая II и Солсбери, в воскресенье 27 сентября, продолжалась полтора часа²⁴. Инициативой в беседе владел Солсбери. Царь «заставил меня начать беседу, и во время нее старался на себя инициативы не брать», — пишет английский премьер²⁵.

Вначале Николай II заявил Солсбери, что стоит за *status quo* в Турции, но вскоре выяснилось, что он имеет в виду лишь территориальное *status quo*, ибо вслед за этим царь по существу согласился с предложением Солсбери относительно смещения с трона столь досадившего англичанам султана Абдул-Гамида II. («Он признал, — записывает Солсбери, — что смещение султана может явиться необходимым шагом») ²⁶.

Солсбери считал далее необходимым дать указания послам всех великих держав в Константинополе о разработке проекта реформ для армянских вилайетов, который султан должен был провести в жизнь. Если султан откажется принять «советы» послов держав, то предполагалось принудить его силой²⁷. И царь счел возможным одобрить этот план, согласившись с тем, против чего еще две недели назад он решительно возражал и что никак не согласовывалось с интересами русского правительства в данном вопросе. Таким образом, начало переговоров было не слишком удачным для Николая II, допустившего сразу два серьезных промаха.

По поводу английских предложений относительно оккупации Россией Турецкой Армении, которые сделало еще правительство Розбери, Николай II высказался совершенно недвусмысленно. По словам Солсбери, он высмеял подобные предложения, ссылаясь на то, что такое предприятие будет стоить России слишком дорого и вместе с тем не поможет турецким армянам в целом, ибо те из них, которые останутся за пределами территории, оккупированной русскими войсками, станут жертвами мести со стороны мусульман.

Затем разговор зашел о других вопросах англо-русских отношений. «Относительно Индии, — пишет Солсбери, — царь высказывал-

ся очень горячо. Он заявил, что очень рад был лично увидеть Индию и это убедило его в абсурдности даже попыток со стороны России овладеть ею... Относительно Персии он заверил меня в своем желании сохранить *status quo*».

Когда собеседники коснулись главного для России аспекта всей ближневосточной проблемы — вопроса о проливах, царь заметно оживился. Речь его стала убедительной и даже образной. Николай II долго говорил о том, что проливы должны перейти в конце концов под русский контроль, ибо «проливы — это дверь в комнату, в которой они живут; и он... должен иметь ключ от этой двери». На всякий случай Солсбери решил позондировать возможность решения проблемы проливов в соответствии с вековым желанием Англии: получить доступ для своих военных кораблей в Черное море. Однако Николай II не попался на уловку маркиза. («Я предложил достичь без особых трудностей открытия проливов для всех наций, но он убежденно сказал, что подобное решение вопроса будет отвергнуто русским общественным мнением») ²⁸.

Развивая далее свою мысль, царь изложил сущность проблемы проливов и ее решения в соответствии с интересами царской России как на данном этапе, так и в перспективе. Отвечая на замечание Солсбери, что осуществление русского контроля над проливами предполагает «исчезновение» (*disappearance*) султана, Николай II заметил, что это верно только отчасти, да и вообще это дело будущего. В настоящее же время он стоит за сохранение *status quo*. Впрочем, добавил Николай II, «можно представить себе и такое положение, когда султан остается на месте, а Россия контролирует проливы... Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на любой стороне проливов, — заключил царь. — Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять ее» ²⁹.

Таким образом, налицо была явная противоречивость и нечеткость позиции молодого царя. Заявляя о необходимости для России контроля над проливами и понимая, что в настоящее время для царской дипломатии выгодно сохранение *status quo* в Турции, он, очевидно, не отдавал себе отчета в том, что своим согласием на предложения Солсбери относительно смещения Абдул-Гамида и рекомендации послам великих держав в Константинополе он противоречит самому себе.

Отвечая Николаю II, Солсбери прибег к демагогии, традиционному методу британской дипломатии. Британский премьер заявил, что необходимо подумать о том, как избежать возможного ущемления интересов таких стран, как Австро-Венгрия, Италия, Франция или, скажем, Румыния, в результате усиления России после решения проблемы проливов в соответствии с пожеланиями последней. Царь отпарировал замечание многоопытного британского премьера тем же оружием, заявив, что, «прося ключи от двери, он

не помышляет о водворении новой морской державы в Средиземноморье».

«Он заверял, — пишет Солсбери далее, — в своей неприязни к самой мысли о войне»³⁰.

Тут же Николай II упомянул о новом, дальневосточном, направлении русской внешней политики, которое все более выдвигалось в конце XIX в. на первый план, подчеркнув, что «он имеет флот в Черном море, который состоит из его самых лучших и современных судов, и как только проливы будут открыты, он пошлет эти суда в Тихий океан и оставит их там». Ободренный заверением Солсбери, что Англия не имеет желания препятствовать развитию русской торговли и промышленности в этом районе, царь заговорил о перспективах дальневосточной политики. («Он сказал, что попытается провести свою железную дорогу через Маньчжурию, но не имеет пока определенного плана относительно пункта, где она выйдет к морю. Он выразил уверенность, что для столкновений между Россией и Англией в этом районе не будет причин»)³¹.

Теперь мы подходим к самому важному месту беседы, когда Солсбери заговорил о возможных уступках Англии России. Сказав, что между Россией и Англией нет никаких других противоречий, кроме как по вопросу о проливах, маркиз произнес затем многозначительную фразу: «Теория о том, что турецкая власть в Константинополе является оплотом нашей Индийской империи, не может более поддерживаться»³². В значительной степени это был отказ от традиционной британской доктрины сохранения в целостности умирающей Османской империи под лозунгом охраны путей, ведущих к Британской Индии, от посягательств других держав. (На деле же подобная политика была направлена на экономическое и политическое закабаление слабой Турции, на превращение ее в послушное орудие британской политики). В одном из писем, в конце августа 1896 г., Солсбери с явным сожалением писал о том, что Англия в течение многих лет следовала принципу сохранения «независимости и целостности Османской империи». Более того, в этом же письме он горестно сетовал на то, что «мы не послушали императора Николая, когда он говорил с сэром Гамильтоном Сеймуром. Насколько приятнее была бы теперь картина на европейском континенте»³³. (Речь идет о беседе Николая I с британским послом в Петербурге Г. Сеймуром в 1853 г., в которой царь предлагал английскому правительству разделить «наследство большого человека», т. е. Турции, таким образом, чтобы России достались проливы, а Англии — Египет).

Во время беседы в замке Бальмораль английский премьер прямо не предлагал Николаю II сделку по формуле «Египет — за проливы». Однако Солсбери вместе с тем заявил, что Англия не будет в одиночку противиться переходу проливов под контроль России при условии, если другие державы будут расположены к этому.

Большой интерес для выяснения истинных намерений Солсбери представляет последняя фраза в отчете английского премьера о первом дне переговоров с русским царем. «Вывод, который можно сделать из беседы, состоит в том, что, если мы дадим ему проливы, то он поможет нам и будет положительно относиться к вопросу о компенсации для нас. Если мы не дадим ему проливов, то он поможет нам только формально в отношении теперешних трудностей», — записал Солсбери³⁴.

В чем же состоит причина отказа английского правительства от традиционной доктрины в отношении Турции? Почему Солсбери заявил Николаю II, что интересы Англии в вопросе о проливах отныне не являются такими насущными, как интересы других держав, и «ограничены на Средиземноморье Мальтой и Египтом»?³⁵ Дело в том, что к концу XIX в. интерес Англии к проливам значительно упал. Английская торговля на Черном море и в Леванте сильно сократилась. Железные дороги в Малой Азии, строительство которых начали англичане, теперь переходили в руки представителей неанглийского капитала. Одновременно шел процесс перемещения экономических интересов Англии с Ближнего Востока в страны Британской империи, Америки и на Дальний Восток. Разумеется, нельзя ни в коем случае представлять себе дело таким образом, будто проливы потеряли для Англии всякую ценность. За ними осталось их важное стратегическое значение. Однако воевать за проливы английское правительство теперь уже не собиралось. К тому же после заключения франко-русского союза английские позиции в этом районе значительно ухудшились и с чисто военной точки зрения. В случае конфликта британскому флоту грозила опасность быть зажатым между русской и французской эскадрами. Именно этим соображением руководствовался первый лорд адмиралтейства Дж. Гошен, когда ответил решительным «нет» на вопрос Солсбери о готовности флота в случае нужды войти в проливы³⁶.

Уже во время второй беседы Солсбери уточнил, на каких условиях он согласен не выступать против претензий России на проливы. «Эти претензии будут встречены с пониманием, если будут предъявлены после исчезновения Турецкой империи. Все остальные державы потребуют удовлетворения, и это может стать частью общего соглашения»³⁷. Солсбери действительно не исключал возможности крушения султанской Турции в ходе кризиса 90-х годов. Выступая в палате лордов в январе 1897 г., он говорил о своем «твердом убеждении» в том, что «не за горами то время, когда Турецкая империя будет обречена»³⁸.

Соглашаясь «отдать» России проливы в условиях, когда нельзя было их удержать, Солсбери мог быть уверен, что даже при условии согласия Англии на такую жертву Россия не сможет практически взять этот «дар». В условиях превращения вопроса о судьбе

проливов в часть общеевропейского соглашения Россия наверняка бы столкнулась с оппозицией других держав, прежде всего Австро-Венгрии. Солсбери, между прочим, говорил царю, что Англия в силу традиций вынуждена поддерживать Австрию по многим вопросам³⁹.

«Новое время» называло предложения передать России проливы сомнительным даром⁴⁰. «Англичане предлагают России, — писало «Новое время», — только выполнить ее назначение, но вовсе не вызываются ей содействовать в этом и, конечно, в расчете, что остальные державы в состоянии будут оказать сопротивление России. Англия же будет пользоваться в то время плодами искусного нейтралитета»⁴¹.

Вторая беседа Солсбери с русским царем вечером 29 сентября 1896 г. началась с того, что Николай II отказался от данного им в первой беседе согласия на смещение с трона Абдул-Гамида. Царь сказал, что в течение последних двух дней он думал над этим вопросом и пришел к выводу, что «низложение султана на данной стадии сопряжено с огромным риском»⁴². Царь аргументировал отказ тем, что хотя в принципе низложение султана возможно и неоднократно имело место в турецкой истории, однако турки не потерпят нового султана, возведенного на трон христианскими державами.

Вероятно, Николай II исправил ошибку, допущенную им в первой беседе, не без помощи русского посла в Англии Стааля, пожалуй, единственного из всех окружавших его в Бальморале лиц, кто мог подать ему дельный совет. Мы узнаем об этом из письма Солсбери королеве, направленного в тот же день⁴³.

Однако британскому премьеру удалось получить вторичное согласие царя на английское предложение дать послам великих держав в Турции рекомендации добиваться от султана проведения реформ, проект которых разработают послы. Кроме того, маркиз сумел убедить Николая II согласиться на посылку кораблей держав в Константинополь в случае угрозы безопасности персоналу иностранных посольств.

Николай II заявил Солсбери, что «не имеет ничего против» того, чтобы Англия «взяла Египет», но вместе с тем дал понять, что Россия не может санкционировать аннексию Англией Египта, ибо «здесь очень значительны интересы Франции»⁴⁴. Однако в действительности «интересы Франции» играли в это время уже далеко не главную роль в египетской политике России. Дело в том, что к середине 90-х годов в связи с расширением дальневосточной экспансии царизма судьба Египта, а точнее говоря, гарантия свободного прохода русских судов через Суэцкий канал, который является ближайшим морским путем на Дальний Восток, уже представляла для России вполне самостоятельный интерес. При этом было очевидно, что добиться подобных гарантий до тех пор, пока англичане будут оставаться в Египте, просто невозможно.

Излагая в свое время царю сущность русско-английских противоречий по данному вопросу, А. Б. Лобанов-Ростовский писал: «С того времени, как интересы России на крайнем Востоке стали развиваться, вопрос о свободном проходе судов через Суэцкий канал в Чермное море приобрел для нас первостепенное значение... Вопрос об эвакуации Египта прямо затрагивает наши интересы»⁴⁵.

В Бальморале Солсбери прямо заявил царю, что не собирается уходить из Египта. «Я сказал ему, что не несу ответственности за наши обязательства в Египте (Египет был оккупирован в 1882 г., когда у власти стояло либеральное правительство Гладстона.— В. П.), но теперь мы там, и я не вижу способа для эвакуации в скором времени. Наш народ так горд успехами нашей цивилизаторской миссии, что не согласится оставить страну до тех пор, пока не найдется такого хедива, на которого можно будет положиться»⁴⁶.

Английские империалисты не только не собирались уходить из Египта, демагогически разглагольствуя о своей «цивилизаторской миссии», но и намеревались приступить к завоеванию Судана. Военную экспедицию в Судан решено было финансировать за счет египетских средств. Английское правительство намеревалось для этой цели испросить из фонда резерва египетского долга сумму в 500 тыс. фунтов. Египетские финансы контролировались международной Кассой египетского долга, в которой была представлена и Россия. Русское правительство решительно выступило против подобной затеи англичан. «Территория Египта не находится под угрозой ни с одной из сторон, мы не видим мотива для того, чтобы использовать резервы этой страны для осуществления военной экспедиции, задуманной английским правительством», — писал А. Б. Лобанов-Ростовский английскому поверенному в делах⁴⁷. При этом русский министр не преминул воспользоваться случаем, чтобы еще раз напомнить английскому правительству, какое решение египетского вопроса может удовлетворить Россию. «По нашему мнению, державам следует изучить в духе согласия и взаимной благосклонности вопрос о том, до каких пор еще необходимо сохранять в Египте исключительное положение»⁴⁸. (В черновике последняя фраза звучит более определенно: «... до каких пор еще необходимо сохранять иностранную оккупацию в Египте»⁴⁹.)

Во время бальморальских встреч Николай II довольно невразумительно высказывался по египетскому вопросу. Однако в свое время его отношение к некоторым аспектам этого вопроса, в частности к намерению Англии использовать финансы Египта для экспедиции в Судан, было выражено весьма определенно. «Отлично!» — написал царь на полях секретной телеграммы Стаалю, в которой А. Б. Лобанов-Ростовский отвечал решительным отказом на просьбу Лондона⁵⁰. На секретной же телеграмме Стаала, в которой посол передавал вопрос Солсбери, окончательным ли являет-

ся отказ царского правительства или же оно еще допускает обмен мнениями, Николай II написал: «Раз мы отказали Англии в ее желании, даже после обмена мыслей с нею мы не можем изменить нашей точки зрения»⁵¹.

В заключение беседы английский премьер, оставаясь верным традициям британской дипломатии, заявил, что все сказанное является его личным мнением и поскольку у него «есть коллеги по кабинету, и правительство ее величества имеет союзников, а также традиции», то царь не должен воспринимать выраженное им мнение как обязательство⁵².

В беседах не прозвучало деклараций о пользе англо-русского сближения. Взяв на себя деловую часть разговора, Солсбери оставил призывы к дружбе на долю королевы. Беседуя с мужем своей внучки ежедневно и не забывая при этом большой политики, королева Виктория настойчиво внушала молодому царю, какие блага принесло бы обоим народам подобное сближение. «Я сказала, — пишет королева в своем дневнике, — что так важно, чтобы Англия и Россия шли вместе, ибо они являются самыми могущественными империями и поэтому — гарантией мира... Я и лорд Солсбери хотим, чтобы мы, Англия и Россия, поняли друг друга и жили в дружбе»⁵³.

Визит царя в Англию закончился 5 октября. Европейская пресса рассуждала о возможных политических последствиях визита. Так, венский официоз «Politische Correspondenz» писал, что «в лондонских дипломатических кругах не исключается предположение, что визит этот может повлиять на ход политики вообще и в особенности на турецкий кризис»⁵⁴.

Однако будущее показало, что переговоры в Бальморале не имели сколько-нибудь значительных практических результатов. В Петербурге царя уговорили пересмотреть те вопросы, по которым он достиг с Солсбери какой-то договоренности (инструкции послам и «меры принуждения» в отношении султана). Солсбери, между прочим, опасался этого с самого начала. «Я не буду удивлен, если его советники... сумеют склонить его к бездействию», — записал маркиз в отчете о беседах с царем⁵⁵. Вообще в первые месяцы после зарубежного вояжа царя русскую внешнюю политику словно лихорадило. Сказывалось отсутствие министра иностранных дел. Царь же бросался из одной крайности в другую, испытывая при этом перекрестное влияние то С. Ю. Витте и В. Н. Ламздорфа, то французского посла в Петербурге Монтебелло, то К. П. Победоносцева⁵⁶.

Он то возвращался к результатам встречи в Бальморале, то к соглашениям, достигнутым в Париже, который посетил после Англии (и где французский министр иностранных дел Г. Аното сумел навязать ему и Н. П. Шишкину курс на установление в Турции столь невыгодного для России порядка, «гарантированного

Европой»); то вдруг соглашался с проектом захвата Верхнего Босфора, выдвинутым русским послом в Константинополе А. И. Нелидовым, — соглашался, чтобы через две недели отвергнуть этот проект⁵⁷.

В дальнейшем при новом министре иностранных дел М. Н. Муравьева с шатаниями в русской внешней политике было покончено, и она вернулась к антианглийскому, в значительной степени, курсу, которым шла при А. Б. Лобанове-Ростовском. Беседы же в замке Бальмораль остались в истории эпизодом, с одной стороны, характерным для периода «безначалия» в русской внешней политике; с другой же стороны, в них отразились все наиболее важные аспекты и сам характер русско-английских отношений периода ближневосточного кризиса 90-х годов XIX в.

¹ В советской исторической литературе вопросы ближневосточного кризиса 90-х годов XIX в. нашли всестороннее освещение в работах В. М. Хвостова. До сих пор не потеряли своего значения его ранние статьи: Ближневосточный кризис 1895—1897 гг. — «Историк-марксист», 1929, т. 13; Проблема захвата Босфора в 90-х годах XIX в. — «Историк-марксист», 1930, т. 20. Наиболее крупной работой в советской историографии данной проблемы является XI глава написанного В. М. Хвостовым II тома фундаментального издания «История дипломатии» (изд. 2-е. М., 1963).

Один из аспектов ближневосточного кризиса — армянская проблема — рассматривается в работах: Арутюнян Г. М. Англия и армянский вопрос в середине 90-х годов XIX в. — «Новая и новейшая история», 1956, № 6; Кургинян Е. А. Армянская проблема в международных отношениях 1870—1896 гг. Докторская дисс. М., 1969; Пейч И. Л. Армянский вопрос и европейские державы в середине 90-х годов XIX в. — «Проблемы истории СССР», вып. IV, исторический факультет МГУ. М., 1974. Значительное место этой проблеме уделено в кн.: Саркисян Е. К. Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней чет-

верти XIX и начале XX в. Ереван, 1972. О политике Англии в турецком вопросе в 1895 г. пишет А. С. Силин в статье: Английский план раздела Турции 1895 г. — «Труды Благовещенского пединститута», 1955, т. 6. Краткий, но емкий анализ англо-русских отношений по восточному вопросу в рассматриваемый нами период дан Н. Н. Болховитиновым (Болховитинов Н. Н. О позиции Солсбери в Восточном вопросе. — В кн.: Проблемы британской истории. М., 1973). Из новейших работ зарубежных авторов, в которых затрагиваются вопросы русско-английских отношений в период ближневосточного кризиса 90-х годов, следует отметить следующие: Grenville J. A. S. Lord Salisbury and foreign policy. London, 1964; Jefferson M. Lord Salisbury and the Eastern questions, 1890—1898. — «The Slavonic and East European Review», vol. XXXIV, N 92. London, 1960; Lowe C. J. Salisbury and the Mediterranean, 1886—1896. London, 1965; Papadopoulos G. England and the Near East, 1896—1898. Thessalonika, 1969.

² Хвостов В. М. Ближневосточный кризис 1895—1897. — «Историк-марксист», 1929, т. 13, с. 22.

³ Хвостов В. М. История дипломатии, т. 2. М., 1963, с. 334—336.

⁴ Papadopoulos G. Указ. соч., с. 90.

- ⁵ *Хвостов В. М.* История дипломатии, т. 2, с. 337—338.
- ⁶ «British Documents on the Origins of the War», vol. VI. London, 1930, p. 780.
- ⁷ «Новое время», 1896, 7 (19) сентября.
- ⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1896 г., д. 113, л. 18 об.
- ⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1896 г., д. 129, л. 104—107. Проект письма Стаалу от 9 (21) января 1896 г.
- ¹⁰ *Хвостов В. М.* История дипломатии, т. 2, с. 338.
- ¹¹ «The Times», 22.IX 1896.
- ¹² «Новое время», 1896, 13 (25) сентября.
- ¹³ «Новое время», 1896, 12 (24) сентября.
- ¹⁴ Наиболее важное из этих донесений — отчет посла Стаала о его беседе с Солсбери 2 октября 1896 г., которую посол назвал «эхом» того, о чем говорилось в Бальморале, — опубликовано Н. Н. Болховитиновым в кн.: Проблемы британской истории. М., 1973, с. 271—273.
- ¹⁵ *Jefferson M.* Lord Salisbury's conversations with the Tsar at Balmoral 27 and 29 September 1896.— «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92. Эта публикация была использована затем в английской и советской литературе. В частности, в СССР первое упоминание о ней содержится во II томе «Истории дипломатии» (изд. 2-е, с. 338).
- ¹⁶ Интересно, что в дневнике Николая II, который последний русский самодержец вел с поразительной аккуратностью, делая записи буквально каждый день, этим беседам посвящены лишь две ничего не значащие фразы: «Имел разговор с Salisbury...», имел еще дополнительный разговор с Salisbury» (записи от 15 и 17 сентября старого стиля.— ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 236, л. 122—123). Находящееся в Архиве внешней политики России досье «Бальмораль» содержит в основном материалы организационно-процедурного характера, касающиеся внешней стороны царского визи-
- та (АВПР, ф. 184. Российское посольство в Лондоне, 1896 г., д. 815). Неудачу поисков записи беседы русской стороной отмечает и Н. Н. Болховитинов в кн.: Проблемы британской истории, М., 1973, с. 267. Возможно, запись беседы русской стороной не велась, поскольку переговоры вел сам царь.
- ¹⁷ *Хвостов В. М.* Ближневосточный кризис 1895—1897.— «Историк-марксист», 1929, т. 13, с. 27.
- ¹⁸ *Хвостов В. М.* История дипломатии, т. 2, с. 339.
- ¹⁹ «Красный архив», 1931, т. 3 (46), с. 27.
- ²⁰ «Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства» (*Butte C. Ю.* Воспоминания, т. 2. М., 1960 с. 6).
- ²¹ «Красный архив», 1931, т. 3 (46), с. 7—8.
- ²² Из работ, в которых имеется характеристика Солсбери, можно указать на следующие: *Cecil G.* Life of Robert marquis of Salisbury..., vol. 1—4. London, 1931—1932; *Kennedy A. L.* Salisbury 1830—1903: Portrait of a statesman. London, 1953.
- ²³ *Grenville J. A. S.* Указ. соч., с. 5.
- ²⁴ The letters of Queen Victoria. Third series, vol. 3. London, 1932, p. 84; «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 216.
- ²⁵ «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 216.
- ²⁶ Там же, с. 217.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, с. 217—218.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, с. 219.
- ³¹ Там же, с. 218—219.
- ³² Там же, с. 220.
- ³³ «British Documents on the Origins of the War», vol. VI. London, 1930, p. 780.
- ³⁴ «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 220.
- ³⁵ Там же, с. 219.
- ³⁶ *Jefferson M.* Lord Salisbury and the Eastern question, 1890—1898.— «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 50, 57;

- Grenville J. A. S.* Указ. соч., с. 51.
- ³⁷ «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 221.
- ³⁸ «Hansard's Parliamentary Debates». IV Series, vol. XIV (50), col. 30. London, 1897.
- ³⁹ «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 219.
- ⁴⁰ «Новое время», 1896, 21 сентября (3 октября).
- ⁴¹ «Новое время», 1896, 20 сентября (2 октября).
- ⁴² «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 221.
- ⁴³ The letters of Queen Victoria, p. 85.
- ⁴⁴ «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 217.
- ⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 692, л. 1—2.
- ⁴⁶ «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 217.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1896 г., л. 113, л. 44 об.
- ⁴⁸ Там же, л. 45.
- ⁴⁹ Там же, л. 49.
- ⁵⁰ Там же, д. 129, л. 111. Секретная телеграмма Лобанова Стаалю от 7 (19) марта 1896 г.
- ⁵¹ Там же, л. 30. Секретная телеграмма Стаалю от 9 (21) марта 1896 г.
- ⁵² «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 221.
- ⁵³ The letters of Queen Victoria, p. 86—87.
- ⁵⁴ Цит. по: «Новое время», 1896, 22 сентября (4 октября).
- ⁵⁵ «The Slavonic and East European Review», 1960, N 92, p. 221.
- ⁵⁶ Хвостов В. М. История дипломатии, т. 2, с. 341—343.
- ⁵⁷ Подробнее об этом см.: Хвостов В. М. Проблема захвата Босфора в 90-х годах XIX в.— «Историк-марксист», 1930, т. 20; он же. Проект захвата Босфора в 1896 г.— «Красный архив», 1931. т. 4—5 (47—48).

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СЕЛА ПАВЛОВА В НАЧАЛЕ XVIII В.

М. Я. Волков

Советские исследователи неоднократно обращались к истории торгово-промышленных сел XVII—XVIII вв., в том числе и Павлова Нижегородского уезда, чтобы определить их место в социально-экономическом развитии России в новый период ее истории. Достижению той же цели призвано способствовать и настоящее сообщение о состоянии промышленности в Павлове по данным книг павловской таможи и кружечного двора 1712 г. и некоторых других источников¹.

В использованном деле 1712 г. содержится 13 книг: таможенных — 5, оброчная с торговли — одна, сбора канцелярских пошлин — 2 и кружечного двора — 5. Сведения о промышленности найдены в 6 книгах: двух таможенных (одна — сбора пошлин с привозных товаров и явленных денег, вторая — сбора пошлин с «с отпуска павловских жителей»), оброчной, двух канцелярских (одна — сбора привальных и отвальных пошлин с речных судов, вторая — сбора с найма извозчиков и речных судов для перевозки товаров) и в «тетради расходной павловского кабака».

В оброчную книгу внесены далеко не все производители села, так как часть их продавала продукцию своего мастерства «в домех». Но в тех случаях, когда они «оброчились», т. е. платили оброк за право торговли, записи книги содержат обычно прямое или косвенное указание на специальность производства².

Следовательно, записи использованных книг не дают сколько-нибудь полного представления о числе в Павлове людей, занятых в промышленности. Однако их изучение позволяет выявить отрасли производства, определить его характер и сделать некоторые наблюдения о социальных группах, которые появились в селе к началу XVIII в.

Село Павлово, или иначе Павлов Перевоз, в XVII — первой половине XVIII в. было вотчиной князей Черкасских. В нем в 1667 г. насчитывался 691 двор крестьян, бобылей и «беломестных» казаков, а в 1677 г. — 677 дворов, т. е. по количеству жилых дворов и, следовательно, по численности населения оно превосходило многие города того же времени. Большая часть жителей села не имела па-

хотной земли и занималась торговлей, промыслами или кормилась работой. С торговлей и промыслами была связана также часть «пашенных» крестьян. В 1677 г. здесь было 90 лавок, 19 лавочных мест, 10 амбаров, 135 полков, 40 полочных мест и две харчевни, всего 276 торговых заведений и мест, т. е. опять-таки больше, чем во многих городах. В Павлове еще в первой половине XVII в. получили развитие многие виды промышленного производства, в том числе — кузнечно-слесарное. Количество кузниц в селе непрерывно увеличивалось. В 1621 г. их было 11, в 1642 г. — 21, в 1667 г. — 34 и в 1677 г. — 38. Близ села находилась пристань, одна из наиболее оживленных в нижнем течении Оки³.

Записи оброчной книги 1712 г. показывают, что из 153 павловцев 73 были торговцами — москотильниками, щепетильниками, сырейщиками (скупщики сырых кож), мясниками и т. п. Остальные были связаны с различными отраслями промышленности.

В отказной книге Павлова 1642 г. названы работники 33 профессий⁴. Изучение книг павловской таможни 1712 г. позволяет выявить только 18—19 профессий. Объясняется это не сокращением числа профессий, а различной полнотой сведений источников. Так, в таможенных книгах не упоминаются портные (в 1642 г. — 45), иконники (в 1642 г. — 18) и плотники (в 1642 г. — 9), хотя они имелись в селе. Это связано с тем, что плотники и портные работали обычно на заказ, а иконники не имели права «оброчиться» для торговли.

Сопоставление данных о промысловых занятиях показывает также, что между 1642 и 1712 гг. в Павлове возникла новая отрасль производства — мыловарение и заметно увеличилась численность крашенинников (в 1642 г. они именуются красильниками). Если в отказной книге 1642 г., сведения которой о занятиях отличаются большой полнотой, названы 4 крашенинника, то в оброчной книге 1712 г. — 13⁵.

В начале XVIII в., как и раньше, в большинство отраслей производства села были заняты только ремесленники и мелкие товаропроизводители, что было связано со спросом на их продукцию.

Продукция всех пищевиков села — калачников, хлебников, пряничников, маслеников и солодовников — продавалась только в Павлове. Больше всего среди них насчитывалось калачников (14 семей). Все они торговали с полков и платили небольшой оброк — до 1 руб., в том числе от 20 до 50 коп. — 10 человек и от 60 коп. до 1 руб. — 4 человека, т. е. были мелкими производителями, сочетавшими промысел с мелкой торговлей⁶.

Таковыми же были промыслы хлебника Ивана Ерофеева, двух маслеников и двух пряничников, упомянутых в оброчной книге. Но так как спрос на пряники был меньшим, чем на калачи, то пряничники вели одновременно мелкую торговлю мылом, которое они приобретали у павловских мыловаров.

Более состоятельными производителями-пищевиками были солодовники братья Василий и Никита Демидовские (они же — Солодовниковы). Возможно, что прежде солодовенный промысел они сочетали с пивоварением, но на 1712 г. В. Демидовский сдал свое пивоваренное заведение («с котлом и со всякою пивоваренною посудой») в аренду «верным» сборщикам, т. е. казне. За аренду он «рядил» по 4 алт. 2 ден. «с вари» и получил всего 3 руб. (с 23 «варь»). Братья продали на кружечный двор 129,5 четв. солоду (в основном — ячного) на 51,5 руб. и хмелю — 16 четв. на 2,7 руб.⁷

Располагая капиталом, хотя еще и незначительным, В. Демидовский начал вкладывать его в «отъезжую» торговлю. Закупив «на торгу порознь» у горшечников и в их домах 7 тыс. горшков «глиняных белых» на 17,5 руб., он отпустил их 4 мая в Казань, где и продал⁸.

Продукция свечников, сыромятников, овчинников, шапочников, серебряников и медников находила сбыт только в Павлове, а изделия рукавичников (рукавицы и голицы) вывозились нерегулярно и в небольшом числе⁹. Все эти специалисты тоже были мелкими производителями. Так, с продажи своих украшений из серебра и меди с полков 5 серебряников и медников платили оброк от 15 до 70 коп. каждый.

Продукция сапожников находила сбыт в основном в Павлове, но имел место и вывоз обуви. Так, в марте 1694 г. павловцы Фаддей Иванов и Григорий Афанасьев продали в Москве 240 пар обуви «козловой», примерно на 28—30 руб., в том числе 200 пар башмаков и 40 пар сапог. В 1712 г. отмечен вывоз из села женских башмаков на 3,5 руб и в 1724—1726 гг. в среднем за год — 118 пар обуви (сапог, башмаков и туфель)¹⁰.

Сапожников по записям оброчной книги выявлено 10 семей¹¹. Все они торговали в лавках, а не с полков. Из них оброк от 30 до 50 коп. платили 4 человека, от 60 коп. до 1 руб. — 3 человека, от 1,3 до 2 руб. — двое и 5 руб. — один, А. Д. Чуфутин. Иначе говоря, имущественные различия среди сапожников были значительнее, чем в остальных рассмотренных подгруппах производителей.

А. Д. Чуфутин был, возможно, еще и скупщиком обуви у сапожников, изготовлявших обувь из его кожи. 26 июля 1712 г. он возвратился с Макарьевской ярмарки и явил в таможене 200 «уресков коневых», купленных за 24 руб. и оцененных (но не проданных) в Павлове в 26 руб. Сырье он скупал и в Павлове. 29 сентября Чуфутин с племянниками «оброчился» торговать в четырех лавках до января 1713 г., т. е. всего на 3 месяца, и уплатил 5 руб. оброка с сапожной и с башмачной продажи, «с самого малого числа и с покупки сырья»¹².

Уплата Чуфутиним оброка в 5 руб. была оправдана в том случае, если его оборот за три месяца составил бы не менее 100 руб. (примерно 8 руб. в неделю), что было возможно при продаже в те-

чение этого срока сотен пар обуви. Такое количество обуви он мог получить путем скупки у сапожников, раздачи им заказов на изготовление обуви или путем найма нескольких работников в свое заведение.

Увеличение между 1642 и 1712 гг. численности крашенинников в Павлове, отмеченное выше, было связано с ростом вывоза крашенин в Нижнее Поволжье. В частности, в 1712 г. у «оброчных сидельцев»-крашенинников села для отпуска в Астрахань были закуплены 874 портища крашенин мерой в 6940 аршин на 133 руб. В 1724—1726 гг. в среднем за год из Павлова отпустили крашенины свыше 6,1 тыс. аршин¹³.

Холста в те же годы отпускалось намного больше. Изучение записей таможенных книг 1712 г. показывает, что весь холст был закуплен в Павлове у «приезжих крестьян», т. е. собственного производства полотна в селе, видимо, не было. Крашенины же у «приезжих крестьян» закупили 125 портищ мерой в 1 тыс. аршин (на 20 руб.), а 874 портища мерой в 6940 аршин, как уже сказано, — у «оброчных сидельцев» Павлова. Иначе говоря, большая часть крашенины, отпущенной из села, — это продукция крашенинников самого Павлова и тех крестьян-крашенинников с. Сосновского Нижегородского уезда, которые «оброчились» торговать в Павлове.

Всего в оброчной книге названо 18 крашенинников, в том числе 13 павловцев и 5 сосновцев. Из них 17 человек уплатили оброк за торговлю с полка и один, павловец Н. А. Мелентьев, — за торговлю из лавки. Сведения о размерах оброка показывают, что все эти крашенинники были мелкими производителями. Оброк от 25 до 50 коп. внесли 11 человек (7 павловцев и 4 сосновца), от 60 коп. до 1 руб. — 5 человек (4 павловца и сосновец) и свыше 1 руб. — двое павловцев: упомянутый Н. А. Мелентьев — 1 руб. 20 коп. и Г. Н. Красильников — 1 руб. 60 коп. Ни один из павловских крашенинников не «отъезжал» со своей крашениной в Астрахань, ее отпустили собственники купеческого капитала.

Положение горшечников было, видимо, таким же, как и крашенинников, но сведений о них меньше, так как они продавали свою продукцию в основном в «домех»¹⁴. Лишь в «тетради расходной» кружечного двора упомянуты Иван горшечник и Иван Матвеев (возможно — это одно лицо). Они продали на кружечный двор глиняной «распивочной посуды» 8 тыс. «плюшек» на 4,6 руб.¹⁵

Помимо этих одного-двух специалистов в селе имелись еще несколько горшечников. Последние, как видно из записей таможенных книг, изготавливали горшки «глиняные белые». Например, крестьянин с. Богородского Нижегородского уезда Д. И. Рязанов купил «в Павлове порознь у горшечников на торгу и в домех их павловской домовой работы» 3 тыс. горшков, уплатив по 4 руб. за тысячу, которые вывез в Саратов. Всего у павловских горшечников для отпуска в Саратов и Казань в 1712 г. было закуплено 20 тыс.

горшков на 59,5 руб.¹⁶ Можно полагать также, что столько же было продано в селе павловцам и крестьянам окрестных сел и деревень.

Итак, мелкое производство было характерно для тех отраслей промышленности Павлова, продукция которых обеспечивала местный спрос. Этот спрос был не одинаковым, что порождало иногда заметные имущественные различия между производителями (выделение солодовников Демидовских, сапожника Чуфутина). Но производство оставалось мелким и обычно сочеталось со столь же мелкой торговлей, которую вели сами производители.

Таким же было и крашенинное производство села. Но так как уже значительная часть продукции этой отрасли отпускалась в Нижнее Поволжье, то в ней выявилось отделение производителя от потребителя. Это отделение можно рассматривать как первое условие, появление которого порождает возможность подчинения красиво-отделочного производства купеческому капиталу.

Рассмотрим теперь имеющиеся сведения о кузнечно-слесарном, мыловаренном, кожевенном и канатно-прядильном производствах Павлова.

Как отмечено выше, состояние кузнечно-слесарного производства в Павлове рассмотрено К. Н. Щепетовым и Е. И. Заозерской. И использованные мною источники позволяют внести лишь отдельные дополнения и уточнения. Следует иметь в виду, что основная часть павловских металлостов — оружейники — была занята в начале XVIII в. выполнением правительственных заказов, поэтому о них нет сведений в таможенных книгах 1712 г.

В литературе было уже отмечено, что железо, т. е. полуфабрикат для кузнечно-слесарного производства, поступало в Павлово из Нижегородского уезда, так как в селе не было домниц¹⁷. Это предположение подтверждают использованные таможенные книги.

Часть уклада, скупив его у «приезжих крестьян», состоятельные торговцы отпускали даже в другие пункты страны. Так, павловец Ф. Л. Вырыпаев (Варыпаев) отправил в Астрахань, помимо иных товаров, «3500 клинцов укладу» на 4,9 руб., купленного в июле 1712 г. на торгу «порознь» именно у таких продавцов. 1 тыс. «клинцов укладу на 40 алт.» купил у них же и отправил в Саратов крестьянин с. Конобеева Шацкого уезда Алексей Лаврентьев¹⁸.

Но в начале XVIII в. в Павлове продавали железо и из более отдаленных мест — из Серпухова, Тулы и, видимо, с Ветлуги¹⁹. В таможенной книге явленным товарам и деньгам 1712 г. имеются записи, во-первых, о покупке упомянутым крестьянином с. Конобеева Алексеем Лаврентьевым в Павлове «у лавочных оброчных сидельцов» 10 связок железа «плитового серпуховского» на 6 руб. и отпуске его в Саратов и, во-вторых, о привозе павловцем П. Н. Далякиным «железа серпуховского» 33 связок, оцененного в 23,1 руб. Железо из Тулы и «тульской работы» поставил серпуховский ку-

пец Н. К. Кисельников. По трем таможенным выписям, всего на 110 руб., он явил его 220 связок и продал «в Павлове врознь кузнецом и оброчным сидельцом» за 147,5 руб.²⁰

В начале XVIII в. отмеченный привоз железа обеспечивал лишь часть потребностей в полуфабрикате. Железо для оружейного производства поставляла казна. Так, павловцы, «замочного дела мастера — ковщики и отдельщики», сообщили, что они «отдывали и заковывали те замки из готового государева железа и уклада и уголье давано им готовое ж»²¹.

В 1642 г. в кузнечно-слесарном производстве села были заняты 55 человек, в том числе 52 кузнеца и 3 ножовщика²². К началу XVIII в. численность этой группы металлистов почти удвоилась. Из дела о переводе в 1706 г. части павловских оружейников на Олонецкие заводы видно, что 33 специалиста были переведены на эти заводы, а более 60 остались в Павлове²³.

Правда, опираясь на эти сведения, К. Н. Щепетов и Е. И. Заозерская полагали, что в Павлове было около сотни одних оружейников²⁴. Но это не совсем точно. Численность последних достигла этой цифры вследствие мобилизации в 1700—1706 гг. в оружейники по распоряжению правительства всех кузнецов села. Сведения об этом содержатся и в указанном деле о переводе павловцев на казенные заводы. Например, замочный молотобоец Григорий Черников сказал, что до перевода он жил у брата и был у него в молотобойцах, «а тот де сам брат и он делают ручные ножницы и пилы зубрят», т. е. они не были оружейниками. Молотобоец Василий Панов до перевода «ковал кузнечную де черную крестьянскую крупную и мелкую поделку, опричь сверла...»²⁵.

Следовательно, до 1706 г. в Павлове насчитывалось всего около 100 специалистов кузнечно-слесарного производства, т. е. оружейников различных специальностей, кузнецов, ножовщиков и т. п. После перевода в 1706 г. части их на Олонецкие казенные заводы в селе осталось немногим более 60 человек, занятых в этом производстве.

Мобилизация в оружейники и тех специалистов, которые до Северной войны не занимались изготовлением оружия, привела к заметному сокращению производства слесарных изделий бытового назначения, что нашло отражение в таможенных и оброчной книгах Павлова 1712 г.

В селе в 1712 г. «железным» товаром «оброчились» торговать всего 6 человек, в том числе 4 павловца и крестьяне с. Ворсмы Нижегородского уезда и с. Погост Муромского уезда. Они уплатили оброк в размере от 24 до 60 коп. Причем из павловцев лишь трое были заняты в кузнечно-слесарном производстве, а один, Г. Д. Ильиних (оброк 60 коп.), продавал «привозной» товар. Он «оброчился» торговать «с привозу кузнечной мелочной продажи». Скудным был и ассортимент их товаров. У «оброчных сидельцев» для отпус-

ка в другие районы были куплены 62 топора дровосечных, 60 «котликов маленьких» и 180 ножей «простых, деревянное черенье» (всего на 19,7 руб.)²⁶.

В 1724—1726 гг., т. е. после окончания Северной войны, из Павлова отпустили изделия кузнечно-слесарного промысла 10 наименований: ножи, ножницы, пряжки, таганы, топоры, замки ружейные и т. п. Причем одних ножей в среднем за год отпущено примерно на 115—120 руб. и 5 сортов: крестьянские, «с череньями костяными и деревянными», с вилками, с ножнами и складные²⁷.

Наиболее развитой отраслью кузнечно-слесарного производства Павлова было оружейное. В этой отрасли не позднее конца XVII в. сложились группы так называемых узких специалистов. Среди 33 павловцев, переведенных в 1706 г. на Олонецкие казенные заводы, были: мастеров замочного дела — 5, «молотовщиков» к ним — 4, ствольных заварщиков — 7, «молотовщиков» к ним — 15, мастеров по изготовлению лож — 2²⁸. В свою очередь мастера замочного дела делились на ковщиков и отдельщиков. В Павлове они «заковывали и отделявали... замки шкодские собою на продажу, и на подряд и... в казну великого государя в Оружейную палату». Ствольные мастера-заварщики заваривали «фузейные салдацкие и пищальные турецкие волнистые стволы на продажу» или в казну. Причем в казну они «отдавали стволы с ложами и с прибором, опричь замков...»²⁹.

Появление групп узких специалистов — показатель далеко зашедшего разделения труда в пределах отрасли и возникновения материально-технических предпосылок для мануфактуры. Развитие же этого явления влечет за собой разложение мелкого производства и возникновение социальных предпосылок для зарождения крупного производства.

Материалы начала XVIII в., привлеченные К. Н. Щепетовым, показывают, что в оружейном производстве Павлова уже обнаруживаются первые следствия развития отрасли в указанном направлении. В начале XVIII в. молотовщики работали у мастеров замочного дела и ствольного дела обычно «из найму», реже — учениками. Работой по найму начал кормиться и заварщик замков Иван Хомутов³⁰. Иначе говоря, среди производителей села, занятых в оружейном производстве, обнаруживаются не только имущественные, но и социальные различия³¹.

Мыловарение было новой для Павлова отраслью промышленности. Впервые мыловары упомянуты в «росписном списке» 1677 г.³² В начале XVIII в. мыловарение было уже развитой отраслью промышленности села. Об этом свидетельствует отчасти отпуск мыла из Павлова в другие районы страны. В 1712 г. его отпустили не менее 1470 косяков и 4,5 пуда, примерно на 670 руб., а в 1724—1726 гг. в среднем за год — 615 косяков простого и 118 пуд. ядра и полуядра³³.

По таможенным книгам 1712 г. можно выявить только тех мыловаров села, которые сами отпускали мыло в различные пункты страны, так как о них сказано, что они отправляли «домашнее свое выварочное мыло». Таких мыловаров в Павлове было три семьи: Ивана Афанасьева Олферова, Ивана Степанова Щипахина и братьев Михаила и Григория Игнатьевых Щипахиных³⁴. Видимо самостоятельным производителем-мыловаром был также И. И. Свешников, который торговал мылом в лавке и платил оброк 2 руб.³⁵

Торговлю в лавках, но в более значительных размерах, вели и Щипахины. Из них И. С. Щипахин уплатил оброк в 4,5 руб. «с москотильного товару... и с мыльного варенья», т. е. мыловарение он сочетал с торговлей москательным товаром, который в Павлове был *привозным* из Архангельска, Москвы или Астрахани. Братья М. И. и Г. И. Щипахины уплатили наивысший оброк, причем только за торговлю «с мыльного варенья, и с продажи и с купли» — в 6 руб.³⁶

Сырьем для изготовления мыла служил животный жир (сало). В Павлово его привозили крестьяне окрестных сел и деревень. Причем в 1712 г. привоз превысил потребности павловских мыловаров и часть сала (200 пуд. на 90 руб.) была отпущена в Вязники³⁷.

В 1712 г. в самом селе павловские мыловары продали для отпуска в другие районы страны 850 косяков и 14 фунтов мыла на 392,1 руб., в том числе братья Щипахины — 114 косяков на 49,4 руб. Продавцы остальных 736 косяков и 14 фунтов на сумму в 342,7 руб. неизвестны. В источнике они названы «лавочными оброчными сидельцами»³⁸. Однако, учитывая размер оброка, уплаченного за право торговли мылом, можно полагать, что большую часть этого количества продали те же братья Щипахины (не менее чем на 70 руб.), И. С. Щипахин и И. И. Свешников (не менее чем на 40 руб.).

В другие города сами мыловары отпустили не менее 620 косяков и 4 пуда мыла: И. А. Олферов в Астрахань — 60 косяков на 30 руб., И. С. Щипахин — 60 косяков на 30 руб. и в Муром — 20 косяков и 4 пуда на 13,6 руб., всего на 43,6 руб. и братья М. И. и Г. И. Щипахины в Серпухов (по 4 выписям) — 360 косяков на 144 руб. и в Астрахань — на судне (не менее 120 косяков, примерно на 60 руб.)³⁹.

Из приведенных данных видно, что самыми крупными мыловарами Павлова начала XVIII в. являлись братья Михаил и Григорий Щипахины. В 1712 г. они продали в Павлове 114 косяков мыла за 49,4 руб., отпустили в Серпухов 360 косяков стоимостью в 144 руб. и в Астрахань на судне И. Г. Базилова — не менее 120 косяков, примерно на 60 руб. Все это мыло, отмечено в источнике, они произвели из сырья, закупленного в том же году у «приезжих» в село крестьян «порознь». Сверх того, как крупнейшие

«лавочные оброчные сидельцы» братья продали мыла в селе еще не менее чем на 70 руб. Следовательно, годовая стоимость продукции их заведения превысила 320 руб., что характерно не для мелкого, а для крупного товарного мыловаренного производства.

Эти же данные позволяют считать, что братья сами занимались обеспечением производства, т. е. приобретением сырья и сбытом готовой продукции, а производством мыла в их заведении были заняты «сторонние» работники, возможно, павловцы.

Объем производства в других мыловаренных заведениях села был меньшим. Среди их владельцев выделялся только И. С. Щипахин. Хотя в его заведении было произведено мыла вряд ли более чем на 100—120 руб., сам он также не участвовал в производстве, так как вел еще торговлю москательными и иными товарами⁴⁰.

Наиболее отчетливо возникновение крупного производства обнаруживается в кожевенной промышленности.

Павлово уже в середине XVII в. было крупным центром кожевенной промышленности России. В 1642 г. здесь были учтены 21 кожевник и 13 сырмятников. Все они являлись самостоятельными мелкими производителями⁴¹. В начале же XVIII в. производство выдубленных кож стало ведущей отраслью промышленности села. Только в Архангельск из Павлова поступало на продажу по 5—6 тыс. юфтовых кож. Юфти отпускали также в Астрахань и в другие города (в 1712 г. — 498 кож на 162 руб.). Помимо юфтовых в селе выделяли ежегодно тысячи козловых и тюленьих кож⁴².

Выделкой выдубленных кож занимались как самостоятельные мелкие производители, так и крестьяне-купцы Павлова. По сравнению с 1642 г. число первых, очевидно, сократилось. Мелкие производители в основном изготавливали козловые кожи разных цветов, которые стоили дешевле, не вывозились в отличие от юфти за границу и не привлекали внимания купцов. Свою продукцию кожевники продавали обувщикам села, а частично отправляли в другие пункты. Так, в феврале — мае 1694 г. павловцы, всего 8 человек, продали в Москве 1748 кож «козлов деланых» разных цветов примерно на 220 руб.⁴³ Часть кожевников продолжала выделять юфти. Из них И. М. Гвоздев купил в апреле 1712 г. «в дело» 100 яловичных сырых кож на 30 руб. Но по неизвестной причине он отказался от их выделки и продал эти сырые кожи за ту же сумму. Судя по затратам на кору «на свой кожевной промысел», И. Я. Кожевников в сезон 1712—1713 гг. выделал не менее 200 кож⁴⁴. Причем не исключено, что кожи принадлежали не ему, а заказчикам, так как в источнике нет записей о покупке Кожевниковым сырых кож.

Купеческих кожевенных заведений в Павлове начала XVIII в. насчитывалось всего три.

Одно из них, крестьянина-купца Ф. Л. Вырыпаева, по разме-

рам и стоимости производства не отличалось от мастерских мелких производителей-кожевников села. Разница состояла лишь в том, что сам Вырыпаев не участвовал в производстве. Он приобрел 200 яловичных кож за 60 руб., необходимые материалы (кора, зола, деготь, квасцы и т. п.) за 20 руб. и «те кожи издал в юфотной товар наемными работниками», затратив на покупку рабочей силы 10 руб. Следовательно, в 1712 г. Вырыпаев вложил в производство 90 руб. Эти 200 юфтовых кож и еще 132 кожи, купленные в Павлове у «оброчных сидельцев» за 30,9 руб., он отпустил в Астрахань⁴⁶.

Остальные два заведения были значительно крупнее и принадлежали известным крестьянам-купцам Павлова Басиловым: одно — братьям Григорию и Василию Дмитриевым Басиловым и второе — Илье Герасимову Басилову. Григорий и Василий Басиловы в 1710 г. продали в Архангельске 571 тюк юфти, т. е. не менее 3426 кож, а в сезон 1711—1712 гг. выделали и отпустили туда же 4291 кожу. В ноябре 1712 г. они же, начиная новый сезон производства, приобрели 1670 кож за 320 руб. И. Г. Басилов в 1710 г. продал в Архангельске 299 тюков юфти, т. е. около 1800 кож, а в сезон 1711—1712 гг. выделал и отпустил туда же 1800 кож в 300 тюках⁴⁶.

Кроме того, Басиловы выделывали в своих заведениях тюлений кожи. В январе 1712 г. явили в Павлове «астраханской покупки» В. Д. Басилов — 12 125 «тюленей» на 606 руб. и И. Г. Басилов — 2400 шкур на 120 руб.⁴⁷ Часть этих шкур они, видимо, продали в Павлове и на Макарьевской ярмарке, но часть — выделали⁴⁸. Так, павловец И. С. Щипахин среди товара, отпущенного в июне 1712 г. в Муром, повез «покупки у павловца Григория Басилова из астраханского привоза: 150 голиц ворванных, цена по 4 руб., итого 6 руб.; 100 ворваней деланных же, десяток по 26 алт. по 4 д., итого 8 руб.»⁴⁹.

Эти данные показывают, что Г. Д. и В. Д. Басиловы и И. Г. Басилов вели производство кож в размерах, не доступных мелким производителям-кожевникам.

В заведениях Басиловых, как и у Ф. Л. Вырыпаева, в производстве были заняты наемные работники. Но, судя даже по неполным сведениям, их было больше и это были работники различных специальностей. Так, И. Г. Басилов в первом полугодии 1712 г. купил больших, средних и «малья» 1302 кожи за 358 руб. и «те все кожи издал на своем кожевном дворе в красный юфотной товар». На выделку ушло квасцов и краски на 23,5 руб., золы, дегтя, «дуба» и овсяной муки на 47,2 руб., т. е. всего материалов на 70,7 руб. Он же уплатил «работникам — замотчику, дуботолку, разделщику и топталю — 30 руб.»⁵⁰. Братья Григорий и Василий Басиловы в то же полугодие приобрели 3102 кожи за 629,7 руб., израсходовали на материалы (зола, деготь, «дуб», краска и т. п.)

202,1 руб. и выделали кожи «на своем кожевном дворе наемными работниками». Среди последних названы дуботолки, топтали и «раздельщики», которым было уплачено за работу 100 руб. На выделку 1670 кож, купленных в ноябре 1712 г., братья израсходовали материалов на 103,8 руб., а «работником — дуботолком и раздельщиком — изшло со всех 50 руб. 6 алт 4 д.»⁵¹.

В источнике нет сведений о численности работников, занятых в производстве на заводах Басиловых. Но, учитывая размеры производства и опираясь на приведенные в литературе данные о купеческих кожевенных заводах в Гороховце, Каргополе и других центрах⁵², можно полагать, что на заводе Басилова их насчитывалось 12—15 человек и на заводе Г. Д. и В. Д. Басиловых — не менее 25 человек. Производство велось с ноября — декабря по июнь, т. е. в течение 7—8 месяцев.

Появление кожевенных заводов этих купцов свидетельствует о возникновении в Павлове более высоких форм организации производства, чем ремесленная, а именно — возникновении капиталистической кооперации с элементами разделения труда внутри этой кооперации. Крупное производство кож, организованное крестьянами-купцами Басиловыми, было капиталистическим по своей природе, так как основывалось на эксплуатации наемного труда.

Еще одной отраслью промышленности Павлова, в которой происходило зарождение капиталистических отношений, было канатно-прядельное производство. Однако проследить за развитием этой отрасли нет возможности из-за отсутствия сведений о ней в источниках XVII — начала XVIII в. Поэтому ограничимся изложением сведений о двух купеческих канатно-прядельных заведениях, которые содержатся в одной из таможенных книг 1712 г. — в книге «отпуска павловских жителей».

Эти заведения принадлежали упомянутым крестьянам-купцам Г. Д. и В. Д. Басиловым и И. Г. Басилову. Они действовали всего в течение 2—2,5 месяцев: в середине февраля купцы произвели закупку сырья (пеньки), а 30 апреля — 4 мая они отпустили готовую продукцию в Астрахань. Однако за этот срок братья Басиловы «изделали» снастей на 216,8 руб. и И. Г. Басилов — на 116 руб., что свидетельствует о довольно крупных размерах производства в эти месяцы⁵³.

Полнее запись о производстве снастей в заведении И. Г. Басилова, так как в ней указаны стоимость сырья и иные расходы. 15 февраля 1712 г. он закупил в Павлове у «приезжих крестьян» две партии пеньки «чистой трепаной», всего 290 пуд. за 72,5 руб., заплатив по 8 алт. 2 ден. за пуд. Вся пенька была обработана «наемными работниками» и из нее вышло: 4 косяка «смольных» и 4 косяка белых («бельных», т. е. из несмоленной пряжи) весом в 100 пуд., 190 бечевков «бельных» весом в 90 пуд. и 202 связки «хрептий ловецких» весом в 100 пуд., всего снастей 290 пуд. «С тех

снастей в расходе на рабочих людей и на смолу на всякой пуд по 5 алт., итого 43 руб. 16 алт. 4 д. И обошелся всякой пуд в деле снастей по 13 алт. по 2 д., итого снастям цены 116 руб.»⁵⁴

Смолы на изготовление 4 «смольных» косяков было израсходовано вряд ли более чем на 50 коп.⁵⁵, а остальные деньги, примерно 43 руб., «изошли» на оплату работников. Это позволяет установить, что во второй половине февраля — апреле 1712 г. в заведении И. Г. Басилова изготовлением снастей были заняты не менее 17—21 работника (считая по 80 коп. — 1 руб. на человека в месяц).

Г. Д. и В. Д. Басиловы в марте и апреле 1712 г. купили три партии пеньки «чистой трепаной», всего 550 пуд.; из нее в течение двух месяцев они изготовили, также «наемными работниками», 12 косяков «смольных» весом в 264 пуда, 16 бечевок «бельных» весом в 86 пуд., 150 бечевок «батманных» и «полубатманных» весом в 50 пуд. и 300 связок «бечевок хрептинных» весом в 150 пуд., всего снастей 550 пуд.⁵⁶

Из двух партий пеньки, весом в 486,5 пуд., братья изготовили снастей на 194,6 руб., и стоимость каждого пуда, сказано в источнике, составила по 13 алт. 2 ден., т. е. как и у И. Г. Басилова, а из третьей партии, весом в 63,5 пуда, — на 22 руб. 5 алт. 5 ден., т. е. по 11 алт. 4 ден. за пуд. Следовательно, первые две партии пеньки братья купили также по 8 алт. 2 ден. за пуд, а изготовление пуда снастей обошлось им по 5 алт. За пеньку третьей партии они заплатили, видимо, меньше 8 алт. 2 ден. за пуд, но на изготовление снастей израсходовали также 5 алт., так как из этой пеньки была изготовлена та же продукция — 4 косяка «смольных» весом в 58,5 пуд. и бечева «бельная» весом в 5 пуд.⁵⁷

Опираясь на эти данные, можно полагать, что братья Г. Д. и В. Д. Басиловы затратили на покупку рабочей силы около 80 руб. и что в их канатно-прядельном заведении в течение двух месяцев в производстве были заняты более 40 работников.

Позднее, в 1724—1726 гг., в среднем за год из Павлова отпустили изделий канатно-прядельного производства 790 пуд., в том числе снастей и бечевок «батманных» и «полубатманных» — 151 пуд, снастей и бечевок «пеньковых смольных» — 105 пуд., «делей» — 517 пуд. и пряжи «пеньковой и неводной» — 17 пуд.⁵⁸ Не исключено, что часть этих снастей была изготовлена в заведениях Басиловых.

Изложенные сведения показывают, что развитие четырех отраслей промышленности Павлова — кузнечно-слесарной, мыловаренной, кожевенной и канатно-прядельной — уже не определялось местными условиями. Продукция оружейного производства поступала в казну, а мыловаренного, кожевенного и канатно-прядельного находила сбыт в различных городах страны и отпускалась за границу (юфть). Эти отрасли были ведущими в селе и определяли его промышленную специализацию. Именно они дава-

ли в стоимостном выражении основную часть промышленной продукции Павлова и в них были заняты самые значительные группы работников.

Характерно, что кузнечно-слесарное, мыловаренное и кожевенное производства определяли промышленную специализацию Павлова и позднее, во второй половине XVIII — начале XIX в.⁵⁹

Изготовление промышленных товаров для столь широкого рынка создало условия для разложения самостоятельного мелкого и возникновения крупного, капиталистического по своей природе, производства. Эти явления прослеживаются в названных отраслях промышленности Павлова начала XVIII в. Наиболее характерны они для кожевенной и канатно-прядельной отраслей, в которых возникли предприятия крестьян-купцов Басиловых.

Использованные источники позволяют также уточнить высказанные в литературе суждения о социальном составе населения Павлова начала XVIII в.⁶⁰ В сословном отношении оно было однородным, так как состояло из частновладельческих крестьян князей Черкасских.

Как и в первой половине XVII в., большую часть населения села составляли самостоятельные мелкие производители и мелкие торговцы. Это определялось, во-первых, тем, что в большинстве отраслей промышленности села, продукция которых находила спрос только в Павлове или преимущественно в нем, единственной формой организации производства была ремесленная форма (калачное, свечное, рукавичное, саножное и другие производства). Во-вторых, в начале XVIII в. самостоятельные мелкие производители количественно преобладали в кузнечно-слесарном и мыловаренном производствах и сохранялись в кожевенном и, возможно, в канатно-прядельном.

Социальное расслоение буржуазного характера обнаруживается в Павлове в первой половине XVII в. В 1642 г. из 220 дворовладельцев села 31 «кормился работой» и 8 — работали «ярыжными» на судах⁶¹. В течение второй половины XVII — начала XVIII в. численность павловцев, занятых в речном транспорте, заметно увеличилась⁶². К началу XVIII в. число наемных рабочих людей пополнилось за счет работников кузнечно-слесарной, мыловаренной и особенно кожевенной и канатно-прядельной отраслей промышленности. В итоге в Павлове сложился очень заметный слой рабочих людей, который состоял как из павловцев, так и из приехавших на время людей.

Вторым показателем углубления социального расслоения населения Павлова было выделение торгово-промышленной верхушки. В начале XVIII в. к ней принадлежали Г. Д. и В. Д. Басиловы, И. Г. Басилов, М. И. и Г. И. Щипахины, Ф. Л. Вырыпаев и некоторые другие крестьяне-купцы⁶³. Из них наиболее крупными капиталистами-купцами были Басиловы.

В изученных источниках крестьяне Басиловы упоминаются в качестве торговцев, которые вели «отъезжую» торговлю, с 80-х годов XVII в. В частности, Дмитрий Иванов Басилов, отец упомянутых братьев Басиловых, в октябре 1681 г. отпустил из Астрахани две партии восточных товаров⁶⁴. В конце 80-х — 90-х годах XVII в. упоминаются Григорий и Мартемьян Басиловы, которые в 1689, 1694 и 1696 гг. покупали, совместно с другими жителями Павлова, крупные партии соли у Пыскорского монастыря (по 20—26 тыс. пуд. на 5,2—6,8 тыс. руб.)⁶⁵. На рубеже XVII—XVIII вв. Басиловы были связаны с купцами Серпухова, в том числе с владельцами «ручных железных заводов». Один из этих купцов, торговый человек гостиной сотни И. И. Сериков, в 1701—1704 гг. был должен Григорию и Федору Басиловым 225 руб. и Мартемьяну Басилову — 410 руб.⁶⁶

В 1710—1712 гг. Г. Д. и В. Д. Басиловы и И. Г. Басилов, помимо организации кожевенного и канатно-прядельного производства, вели крупную торговлю в Архангельске и Астрахани. В Архангельске они продавали только юфть, т. е. продукцию своих предприятий, и покупали краску и квасцы для своих кожевенных заводов и в основном сукна, которые пользовались большим спросом на внутреннем рынке⁶⁷.

В Астрахань Басиловы отправляли снасти, т. е. опять-таки продукцию своих заведений, и товары, приобретенные в Павлове у «лавочных сидельцов» и «приезжих крестьян». Так, И. Г. Басилов в 1712 г. отпустил в Астрахань товаров на 760,5 руб., в том числе снастей — 290 пуд. на 116 руб., купленных у «лавочных сидельцов» мыла — 200 косяков на 100 руб. и крашенин — 69 портищ мерой в 500 аршин на 11,5 руб. и купленных у «приезжих крестьян» холстов — 855 концов мерой 13 250 аршин на 178 руб., а также лыки «канатные», «тесницы» (вытесанные доски), лучины и т. п. Г. Д. и В. Д. Басиловы вывезли товаров на 558,7 руб., в том числе снастей — на 216,8 руб. Среди прочих товаров были: мыло — 320 косяков на 144 руб., холсты — 608 концов мерой 9970 аршин на 111,5 руб., лыки «канатные» — 202 тыс. пучков на 60,6 руб., «тесницы», лен, сукна сермяжные, лапти и т. п.⁶⁸

Закупали они в Астрахани, как показывают источники 20-х годов XVIII в., в основном рыбу, а также тюленьи шкуры и некоторые другие товары. Так, в 1720 г. Г. Д. и В. Д. Басиловы продали на Макарьевской ярмарке рыбы на 2362 руб., а в ноябре 1722 в Нижний Новгород прибыл струг с рыбой Василия Ильина Басилова (сына И. Г. Басилова), который из Астрахани тянули 127 бурлаков⁶⁹.

Эти данные показывают, что основным занятием Басиловых в начале XVIII в. оставалась, видимо, торговля. Но их хозяйства качественно отличны от хозяйств средневекового купечества (например, гостей XV—XVI вв.), так как в них очень заметная роль

принадлежит уже промышленному капиталу, т. е. капиталу, вложенному в кожевенную, канатно-прядельную и транспортную промышленность. Как известно, соединение в купеческом хозяйстве товарно-торгового и промышленного капитала, а нередко еще денежного (ростовщического), есть характерная черта начальной стадии формирования буржуазии.

Таковы основные результаты изучения состояния промышленности с. Павлова в начале XVIII в., которое рассматривалось прежде преимущественно как центр кузнечно-слесарного производства.

¹ ЦГАДА, Таможни, ф. 829, д. 1450. В имеющихся работах о Павлове рассматриваются промыслы и торги крестьян села в первой половине XVII в. и конце XVIII—XIX в. Лишь в работах К. Н. Щепетова и по его материалам Е. И. Заозерской освещено состояние кузнечно-слесарного производства, т. е. одной отрасли, в XVII и начале XVIII в. (*Щепетов К. Н.* Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в.— В сб.: К вопросу о первоначальном накоплении в России. М., 1968, с. 53—72; *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. М., 1970, с. 312—314).

² Например, Федор Слинкин «оброчился» на 20 алт. «с полочного сидения с калачной продажи» и обязался «кроме того (т. е. кроме калачей.— М. В.) за сим оброком ничем безошлинно не торговать, держать на полку калачей на гривну..., а на калачное печенье (курсив мой.— М. В.) пшеницу купить с объявкой и пошлина за крестьян платить» (ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 75 об.).

³ *Щепетов К. Н.* Указ. соч., с. 54—63.

⁴ Там же, с. 57.

⁵ Там же; ЦГАДА, ф. 829, кн. 1450, л. 46—83.

⁶ Калачами торговали также С. Г. Малахеев и его зять, которые уплатили оброк в 1,6 руб. Но

одновременно по договору они продавали «иной харчевой» товар, свиню «мелочное рубленое мясо», скупали и продавали хлеб (ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 58 об.). Скорее всего, они были торговцами, закупавшими для продажи и калачи.

⁷ ЦГАДА, ф. 829, кн. 1450, л. 175, 183, 185 об. Любопытно также, что Демидовский работал в своем пивоваренном заведении в сентябре 1712 г. на казну по найму в качестве пивовара и получил за свою работу 15 алт. (там же, л. 186 об.—187).

⁸ Там же, л. 147 об.

⁹ В 1712 г. отмечен вывоз 650 пар голиц и рукавиц, а в 1724—1726 гг. их вывоза не было (ЦГАДА, ф. 829, кн. 1450, л. 17, 22 об.—23, 148; ф. 397. Комиссия о коммерции, д. 630, л. 52 об.—65 об.). Голицы — рукавицы из выдубленной кожи. В Павлове их изготовляли из выдубленных тюленьих кож.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 22 об.—23; ф. 397, д. 630, л. 52 об.—65 об.; *Сакович С. И.* Из истории торговли и промышленности России конца XVII века.— «Груды Государственного исторического музея», 1956, вып. 30, с. 81, 87.

¹¹ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 46—83. В 1642 г. в Павлове насчитывалось 36 сапожников (*Щепетов К. Н.* Указ. соч., с. 57).

¹² ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 28, 83. Отпуск Чуфутинным на ярмарку каких-либо товаров не отмечен

- в «отпускной» книге, т. е., видимо, он поехал на ярмарку с деньгами. Урезок «коновой» — остаток конской шкуры, из которой перед дублением вырезана часть, пригодная на подошвы. Урезки использовались для изготовления верха обуви.
- ¹³ Там же, л. 27, 142—152; ф. 397, д. 630, л. 52 об. Холст продавался концами, а крашенина — портищами. Конец холста имел различную меру, чаще всего, по данным источника 1712 г., — 15—16 аршин, но иногда и 20 аршин. Для окраски (или набойки) конец холста разрезали на две части (иногда — на три). Полученная и окрашенная часть называлась портищем и имела обычно меру в 7,5—8 аршин.
- ¹⁴ В 1642 г. в Павлове были учтены 42 горшечника и 6 кувшинников (*Щепетов К. Н. Указ. соч.*, с. 57).
- ¹⁵ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 183 об., 184, 187.
- ¹⁶ Там же, л. 24 об., 147 об.
- ¹⁷ *Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XX века. М., 1947, с. 279.
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 22 об.—23, 149 об.
- ¹⁹ В источнике о Ветлуге имеется всего одна запись — о явке в Павлове «ветлужского тонкого железа» и отпуске его в Муром (там же, л. 18 об.).
- ²⁰ Там же, л. 22 об.—23, 24, 26.
- ²¹ *Щепетов К. Н. Указ. соч.*, с. 59.
- ²² Там же, с. 57. В эту же группу специалистов К. Н. Щепетов включил еще и ведерников.
- ²³ Там же, с. 59.
- ²⁴ Там же; *Заозерская Е. И. Указ. соч.*, с. 313.
- ²⁵ *Щепетов К. Н. Указ. соч.*, с. 60, 61.
- ²⁶ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 24, 25 об., 27, 47, 55 об.—56, 63, 79 об.
- ²⁷ Там же, ф. 397, д. 630, л. 52 об., 65.
- ²⁸ *Щепетов К. Н. Указ. соч.*, с. 59.
- ²⁹ Там же, с. 59—60.
- ³⁰ Там же, с. 59—61.
- ³¹ Оценивая все эти факты, К. Н. Щепетов сделал вывод, что оружейное производство в Павлове по своей организации приближалось «к мануфактурному производству децентрализованного типа» (там же, с. 62). Сходные выводы находим у Е. И. Заозерской (*Заозерская Е. И. Указ. соч.*, с. 313—314).
- ³² *Щепетов К. Н. Указ. соч.*, с. 61.
- ³³ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 4, 27, 37 об.—38, 40, 129—154, 276; ф. 397, д. 630, л. 52 об. Косяк мыла — большой брус мыла различного размера и веса. Обычно он имел вес более пуда, но изредка встречались косяки весом в 0,8—0,9 пуда. В XVII — начале XVIII в. косяками продавали так называемое простое мыло (иногда его именовали «платяным»). Более высоко sortным и дорогим было мыло — ядро и полуядро, которое продавали на вес — фунтами и пудами (*Ключевич А. С.* Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Моющие средства, переработка жиров. Казань, 1971).
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 129, 146, 147, 148, 153 об., 154.
- ³⁵ Там же, л. 68 об.
- ³⁶ Там же, л. 77, 82 об.
- ³⁷ Там же, л. 39 об.
- ³⁸ Там же, л. 4, 27, 37 об., 38, 40, 138 об., 142 об.
- ³⁹ Там же, л. 129, 146, 147, 148, 153 об.—154, 276.
- ⁴⁰ В июне 1712 г. И. С. Щипахин, помимо мыла, отпустил в Муром голицы и выделанные тюленьи кожи, которые купил в Павлове (там же, л. 148).
- ⁴¹ *Щепетов К. Н. Указ. соч.*, с. 57; *Волков М. Я.* Ремесленное и мелкотоварное производство юфти в России во второй половине XVI — первой половине XVII в. — «Исторические записки», т. 92, с. 225—227.
- ⁴² ЦГАДА, ф. 829, д. 1450; *Козинцева Р. И.* Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки

- и ее роль в развитии всероссийского рынка.— В сб.: Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.—Л., 1962, с. 124 (таблица).
- ⁴³ Сакович С. И. Указ. соч., с. 28, 48, 63, 87, 88, 103.
- ⁴⁴ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 35, 146 об.
- ⁴⁵ Там же, л. 144, 149 об.—150. Кроме кож, он отпустил товаров на 165,2 руб., в том числе холстов — на 86,4 руб. и крашенины — на 59,6 руб.
- ⁴⁶ Там же, л. 137 об., 140 об., 152 об.—153; Архив ЛОИИ, ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия), оп. 3, д. 145, л. 662, 865—865 об., 1540 об.
- ⁴⁷ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 2 об., 6.
- ⁴⁸ 26 июля 1712 г. Г. Д. Басилов явил 600 шкур тюленьих «из астраханской покупки», которые не были проданы на Макарьевской ярмарке (там же, л. 28 об.).
- ⁴⁹ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 148. Эта запись позволяет предположить, что В. Д. и Г. Д. Басиловы организовали еще и шитье рукавиц из тюленьих кож. Но иных, более определенных сведений об этом их промысле не найдено.
- ⁵⁰ Там же, л. 137—137 об.
- ⁵¹ Там же, л. 137—137 об., 139 об.—140 об., 152 об.—153.
- ⁵² Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII века.— «Вопросы истории», 1949, № 6; Волков М. Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в.— «История СССР», 1966, № 1.
- ⁵³ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 138, 141—142, 145.
- ⁵⁴ Там же, л. 138. В данном случае и в записях о заведении братьев Басиловых вес снастей неточен, так как не учтен вес смолы. «Хрептина» («хрептина ловцакая», «бечевка хрептинная») — прочная бечева, которую использовали для изготовления невода; «хрептина» — верхняя, несущая часть невода.
- ⁵⁵ Например, жители Архангельска Иван и Василий Татауровы в 1710 г. затратили на изготовление 1198 пуд. «смольных» веревок смолы на 11,6 руб., т. е. около 1 коп. на пуд. (Архив ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 146, л. 64—64 об.).
- ⁵⁶ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 141—142, 145.
- ⁵⁷ Там же, л. 145.
- ⁵⁸ ЦГАДА, ф. 397, д. 630, л. 52 об.—65 об.
- ⁵⁹ Любимиров П. Г. Указ. соч., с. 507—508; Ключевич А. С. Указ. соч., с. 211—213, 280—282. Эти и другие исследователи не изучали состояния канатно-прядильного производства. Поэтому его роль в промышленности Павлова второй половины XVIII — начала XIX в. остается неизвестной.
- ⁶⁰ Щепетов К. Н. Указ. соч.
- ⁶¹ Там же, с. 68.
- ⁶² В 1722 г. на судах, прошедших мимо Нижнего Новгорода за 76 дней, т. е. за часть навигации, работало 30 павловцев, из них 29 — на судах своих односельчан (ЦГАДА, ф. 350 — Ландратские книги и ревизские сказки), оп. 3, кн. 2094, л. 41—49; кн. 2095, л. 389—392 об.; кн. 2096, л. 212—213).
- ⁶³ Щинахины были связаны с мыловарением до начала XIX в. В 1802 г. одним из мыловаренных заводов села владел Д. М. Щинахин, который имел оборотного капитала 2,5 тыс. руб. (Ключевич А. С. Указ. соч., с. 280). Ф. Л. Вырыпаев (Варыпаев) был, возможно, предком фабриканта Ф. М. Варыпаева, о котором упоминает В. И. Ленин (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 418, 543).
- ⁶⁴ Архив ЛОИИ, ф. 178 (Астраханская приказная палата), № 8525, 8528.
- ⁶⁵ Щепетов К. Н. Указ. соч., с. 54—55 (сноска).

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), д. 1048, л. 91 об.— 92 об. Степень родства между Григорием, Федором и Мартемьяном Базиловыми неизвестна.

⁶⁷ Там же, ф. 829, д. 1450, л. 3; *Козинцева Р. И.* Указ. соч., с. 158.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 829, д. 1450, л. 138—139, 141—142, 145, 151 об.— 152. Кроме того, В. Д. Башилов в де-

кабре 1712 г. купил в Павлове к отпуску 1713 г. в Астрахань 410 концов холстов мерой 6700 аршин на 67 руб. и 201 тыс. пучков лык «канатных» на 60,3 руб., всего на 127 руб. (Там же, л. 155).

⁶⁹ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 2094, л. 483—496; *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958, с. 149.

Исторические записки

т. 99

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. Д. Евдокимова*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *А. П. Гусева*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, Г. Н. Джисоева*

Сдано в набор 1/VI 1977 г.
Подписано к печати 27/IX 1977 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 27,1.
Тираж 2550 экз. Т-16819. Тип. зак. 2460.
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
33	2 стр.	его	еще
71	1 стр.	1921 г.	1922 г.
125	27 стр.	2900	290
246	14 стр.	силой	силы
271	19 стр. лев. кол.	1947	1974
278	22 стр.	колхозников	колхозов
296	9 стр. лев. кол.	Растямин	Растяпин
297	14 стр.	С. А. Рыбаков	Б. А. Рыбаков

○ Исторические записки, т. 99